

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

(ВЫПУСК 2)

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2008

УДК 001(06)
ББК 72я46

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. *А.Ю. Рыманов*
канд. экон. наук, доц. *Е.В. Драгунова*
канд. филол. наук, доц. *Л.С. Торопова*

Актуальные вопросы современной науки / Сборник научных трудов / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Выпуск 2. – Новосибирск: ЦРНС – Издательство «СИБПРИНТ», 2008. – 362 с.

ISBN 978-5-94301-044-6

В сборнике «Актуальные вопросы современной науки» публикуются результаты исследований магистрантов, аспирантов и молодых и уже состоявшихся ученых по широкому спектру научных направлений. В представленный сборник включены материалы по истории и политологии, педагогике, филологии, менеджменту, экономике, социологии, юриспруденции, биологии, а также техническим и естественным наукам.

Все материалы изложены в авторской редакции.

УДК 001(06)
ББК 72я46

ISBN 978-5-94301-044-6

© Коллектив авторов

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК	6
<i>Борякова Е.Е., Бакова М.А.</i> Некоторые особенности населения мелких млекопитающих лесопарка "Малиновая гряда" в черте г. Нижнего Новгорода	7
РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК	17
<i>Гнятюк С.П., Домасев М.В., Лихачев А.Б., Санжаровская Т.Ю.</i> Анализ свойств и классификация материалов для струйной цифровой печати	18
<i>Гнятюк С.П., Домасев М.В., Костенко Д.М., Трифонов С.А., Шавкун С.Л.</i> Наномодифицированные материалы для цифровой струйной печати	36
РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ	52
<i>Трунов А.А.</i> Аграрный вопрос - основа базового социального конфликта английской революции 1640-1660 гг.	53
<i>Трунов А.А.</i> Религиозные и политические итоги английской Реформации XVI в.	62
<i>Широков А.И.</i> Народы северо-востока России и советское государство	75
РАЗДЕЛ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА.....	90
<i>Нечаева Е.В.</i> Система процесса управления товарным ассортиментом на промышленном предприятии	91
<i>Потапкина М.А.</i> Стандарты управления рисками: способы применения в российской реальности	98
<i>Широкая О.Н.</i> Модели возникновения реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы и показатели оценки эффективности рекламной кампании фирмы	102

РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ 110

Бородулина О.В., Ефремова Н.В. Анализ динамики изменения показателей силовой подготовленности студентов технического ВУЗа..... 111

Каерова Е.В., Матвеева Л.В. Требования к профессиональной компетентности специалиста спортивно-оздоровительного сервиса..... 117

Курдюков Г.И. Контроль по информатическим дисциплинам студентов - будущих учителей информатики 124

Язвинская Т.Н. Социокультурная поддержка иностранных студентов, обучающихся в российском ВУЗе, как условие и механизм реализации образовательной цели..... 133

РАЗДЕЛ 6. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК 143

Воложанина В.Ю. Учет оценки земли при анализе эффективности сельскохозяйственного производства..... 144

РАЗДЕЛ 7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ 152

Абикенова А.М., Абзалова Р.А. Развитие человеческих ресурсов в гендерно ориентированной медико-социальной организации 153

Абикенова А.М. Репрезентация маскулинности в контексте генеалогического порядка казахского традиционного общества..... 161

Алексеева М.С., Осеева Н.А. Молодежь и наркотики: актуальность, состояние, перспективы профилактики наркомании посредством интернет-ресурсов..... 169

Пьянов А.И. Институциональные аспекты исследования семьи..... 178

РАЗДЕЛ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК 190

Сидоркина Н.М. Об исследовании режимов термообработки стали 14X17H2, обеспечивающих стойкость против межкристаллитной коррозии в различных диапазонах твердостей.. 191

Солоненко М.Н. Увеличение пропускной способности пограничного железнодорожного пункта пропуска - станции Наушки в рамках развития грузовых перевозок в международном сообщении 204

<i>Чернышов А.В.</i> Программное обеспечение поддержки программирования блоков бортовой аппаратуры	212
РАЗДЕЛ 9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ	219
<i>Айданова Ю.Ф.</i> Деконструкция советского мифа в постмодернистском тексте	220
<i>Воротникова Ю.С.</i> Жанры в электронном коммуникативном пространстве: новое VS старое	227
<i>Янковская О.В.</i> Проблема автора и ее реализация в прозе С. Пестунова	239
РАЗДЕЛ 10. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	254
<i>Корень К.С.</i> Порядок и формы предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений, городских округов и муниципальных районов в Иркутской области	255
<i>Кох Л.В.</i> Мировой опыт использования Интернет в банковском бизнесе	261
<i>Мелихов В.Ю.</i> Экономические проблемы совершенствования кадрового потенциала высшей школы	270
<i>Носкова Е.Ю.</i> Методики оценки национальных инновационных систем на региональном уровне	279
<i>Рыбченко С.А.</i> Управление портфелем брендов	290
<i>Салахова Э.К., Салихов С-А.С-М.</i> Особенности учета и контроля затрат на качество в строительном производстве	315
<i>Тропникова Т.А.</i> Анализ обеспечения доступности жилья по составу домохозяйств и видам экономической деятельности населения Новосибирской области	327
<i>Шиндина Ю.А.</i> Планирование в условиях административно-командного управления и его современная оценка	337
РАЗДЕЛ 11. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	354
<i>Бикташев Т.М.</i> Правовая природа информации как нематериального блага	355

Раздел первый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ЛЕСОПАРКА «МАЛИНОВАЯ ГРЯДА» В ЧЕРТЕ Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА

© Борякова Е.Е., Бакова М.А.

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Структура населения мелких млекопитающих лесопарка «Малиновая гряда» имеет особенности, характерные для широколиственного леса, с доминированием рыжей полевки по всем исследованным участкам. Рассчитаны значения индексов биоразнообразия по млекопитающим для разных растительных ассоциаций и проведен кластерный анализ. Предполагается наличие нелинейной связи пространственного распределения мелких млекопитающих с растительным покровом. Косвенно оценено влияние экологических факторов на наиболее обильные виды мелких млекопитающих.

Мелкие млекопитающие, являясь важным компонентом естественных экосистем и агроценозов, широко используются в качестве модельных объектов в экологических исследованиях, в том числе и тех, которые затрагивают проблемы антропогенных трансформаций среды. Это многочисленная группа животных, которая, в силу своего положения в трофических цепях экосистем, непосредственно воспринимает давление тех или иных негативных факторов среды на больших территориях и поэтому может использоваться для индикации нарушенности среды.

При всестороннем изучении животно-растительных компонентов города значение имеет исследование самой многочисленной и наиболее приспособленной к урбанизированным условиям группы несинантропных наземных позвоночных – грызунов. Хорошо изученная в природных условиях, эта группа животных может служить удобной моделью для познания путей и средств адаптации грызунов к жизни в условиях городской среды.

Целью нашей работы являлось выявление возможной связи пространственного распределения мелких млекопитающих и характера растительного покрова в условиях лесопарка «Малиновая гряда» в черте г. Нижнего Новгорода.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились в июле-августе в нагорной части г. Нижнего Новгорода. С целью выявления видового состава, численности и био-

топической приуроченности мелких млекопитающих были проведены отловы с использованием стандартных давилок Геро в пределах 7 растительных ассоциаций, объединенных в 2 группы. Типичными ассоциациями из обеих групп являются: липо-дубняк медуницево-снытьевый *Tilieto-Qurcetum pulmonarioso-aegopodiosum* и клено-липняк колокольчиково-снытьевый *Acereto-Tilietum campanuleso (latifoliae)-aegopodiosum* соответственно. Обилие видов травяно-кустарничкового яруса оценивали по шкале Браун-Бланке.

Полевые данные переводились в электронную форму и подвергались обработке средствами программы Excel пакета Microsoft Office 2003 и оригинального программного обеспечения – пакета EcoDat (включающего модуль расчета индексов биоразнообразия) [Боряков и др., 2005].

У отловленных животных по габитусу и строению зубов определяли видовую принадлежность, при вскрытии по состоянию половой системы – пол и возраст. Всего было отловлено 125 зверьков.

Для удобства работы была создана база данных в среде Microsoft Access, куда были занесены данные о мышевидных грызунах (их половая и возрастная структура) по участкам, даты отлова зверьков и характер попадаемости в давилки.

Результаты и их обсуждение

В 2006 году нами было отловлено 3 вида грызунов на первом, 5 – на втором, 5 – на третьем, 3 – на четвертом, 3 – на пятом, 2 – на шестом, 2 – на седьмом участках. Доминантом абсолютно на всех участках является рыжая полевка. На первом участке ее численность составляет 70.37 %, на втором – 70.67 %, на третьем – 66.66 %, на четвертом – 80.00 %, на пятом – 86.66 %, на шестом – 94.12 %, на седьмом – 87.50 %. Как отмечает Дмитриев А. И. с соавторами [1999], рыжая полевка (*Clethrionomys glareolus*) доминирует во всех лесных экосистемах. В пределах одного и того же биотопа размещение рыжей полевки носит мозаичный характер и сильно зависит от особенностей рельефа, состава и сомкнутости древостоя, развития подлеска и травяной растительности, степени захламленности и качества корма [Карасева и др., 1999].

Содоминантами на первом, третьем и шестом участках являются малая лесная мышь – *Apodemus uralensis* (18.52, 19.04 и 5.88 % соответственно), на втором, четвертом и седьмом – обыкновенная полевка *Microtus arvalis* (14.10, 15.00 и 12.50 %), на пятом – *Microtus arvalis* (6.66 %) и *Apodemus uralensis* (6.66 %). Лесная мышь заселяет лесопарки и сады сравнительно равномерно, встречается повсеместно, в том числе и на участках со скудным растительным покровом. Трофически лесная мышь тесно связана с древесными и кустарниковыми видами, семенами и проростками которых она предпочтительно питается. Однако, наиболее значимый фактор, огра-

ничивающий численность и распространение *Apodemus uralensis* и обостряющий недостаток кормовой базы – воздействие со стороны желтогорлой мыши – *Apodemus flavicollis*. При проникновении на урбанизированную территорию лесная мышь в отсутствии желтогорлой мыши занимает оптимальные, часто недоступные для нее в природе биотопы [Флинт, 1977].

На первом участке также были встречены: *Microtus arvalis* (11.11 %); на втором – *Apodemus uralensis* (7.41 %), *Apodemus flavicollis* (3.70 %), полевая мышь *Apodemus agrarius* (3.70 %); на третьем – *Microtus arvalis* (4.76 %), *Apodemus agrarius* (4.76 %), обыкновенная бурозубка *Sorex araneus* (4.86 %); на четвертом – *Apodemus agrarius* (5.00 %).

Количество самок в целом на 2, 3, 4, 6 участках больше, чем количество самцов. На 1, 5, 7 участках ситуация прямо противоположная.

Анализ состояния половой системы самок отловленных зверьков показал, что пики по физиологическому состоянию совпадают у рыжей и обыкновенной полевки, но «находится в противофазе» для полевки и мышей. Там, где наиболее часто встречаются половозрелые особи *Apodemus uralensis*, много неполовозрелых и беременных самок рыжей полевки. В то же время, на участках с высокой численностью половозрелых особей *Clethrionomys glareolus* среди *Microtus arvalis* преобладают неполовозрелые. Возможно, таким образом происходит расхождение во времени видов, занимающих сходные экологические ниши.

Как уже отмечалось выше, наши 7 участков были объединены в две группы. Именно во второй группе (с 5 по 7 участок) наблюдается незначительное количество видов грызунов (уменьшение с трех видов до одного) и низкая численность самок по сравнению с первой группой.

С первого по седьмой участок происходит плавное снижение численности, как в отношении самок, так и самцов.

Полевая мышь на территории лесопарка обнаружена в небольшом количестве. Численность желтогорлой мыши также достаточно низкая. *Apodemus flavicollis* более требовательный к состоянию растительности вид. В пригородных и городских местообитаниях в наших условиях этот вид, вероятно, комфортно существовать не может.

Территориальное размещение мелких млекопитающих показывает тесную их связь с определенными типами местности. Каждое из специфических растительных сообществ населяют популяции или части популяций экологически близких видов, составляющие конкретную группировку животных. Биоценотическая группировка является членом определенного биоценоза, и местообитанием в данном случае служит биотоп [Ивантер, 1975].

Для оценки населения мелких млекопитающих лесопарка «Малиновая Гряды» были применены индексы, характеризующие биологическое раз-

нообразии: видового богатства Маргалефа и Менхиника, выровненности Шеннона, доминирования Симпсона и Бергера-Паркера. Кроме того, рассчитаны коэффициент видового сходства Жаккара, и индексы Чекановского и Серенсена [Песенко, 1982; Мэгарран, 1992].

Индексы Жаккара (K_j) и Серенсена (K_s) для исследованных участков:

$K_j (1,2) = 0.6$	$K_s (1,2) = 0.37$
$K_j (1,3) = 0.6$	$K_s (1,3) = 0.37$
$K_j (1,4) = 0.5$	$K_s (1,4) = 0.33$
$K_j (1,5) = 1.0$	$K_s (1,5) = 0.5$
$K_j (1,6) = 0.66$	$K_s (1,6) = 0.4$
$K_j (1,7) = 0.66$	$K_s (1,7) = 0.4$
$K_j (2,3) = 0.66$	$K_s (2,3) = 0.4$
$K_j (2,4) = 0.6$	$K_s (2,4) = 0.37$
$K_j (2,5) = 0.6$	$K_s (2,5) = 0.37$
$K_j (2,6) = 0.4$	$K_s (2,6) = 0.28$
$K_j (2,7) = 0.4$	$K_s (2,7) = 0.28$
$K_j (3,4) = 0.6$	$K_s (3,4) = 0.37$
$K_j (3,5) = 0.6$	$K_s (3,5) = 0.37$
$K_j (3,7) = 0.4$	$K_s (3,6) = 0.28$
$K_j (4,5) = 0.5$	$K_s (3,7) = 0.28$
$K_j (4,6) = 0.25$	$K_s (4,5) = 0.33$
$K_j (4,7) = 0.66$	$K_s (4,6) = 0.2$
$K_j (5,6) = 0.66$	$K_s (4,7) = 0.4$
$K_j (5,7) = 0.66$	$K_s (5,6) = 0.4$
	$K_s (5,7) = 0.4$

Индекс Чекановского (по всем участкам): 0.096

Индекс Чекановского (для первой группы): 0.210

Индекс Чекановского (для второй группы): 0.225

Меры разнообразия для исследованных участков:

1.	Шеннона ($\log_2$): 1.40
Видовое богатство: 3	Маргалефа: 1.21
Шеннона ($\ln$): 0.84	Менхиника: 0.96
Шеннона ($\log_2$): 1.21	Симпсона ($1/D$): 1.97
Маргалефа: 0.62	Бергера-Паркера: 0.70
Менхиника: 0.60	3.
Симпсона ($1/D$): 2.01	Видовое богатство: 5
Бергера-Паркера: 0.68	Шеннона ($\ln$): 1.05
2.	Шеннона ($\log_2$): 1.51
Видовое богатство: 5	Маргалефа: 1.29
Шеннона ($\ln$): 0.97	Менхиника: 1.07

Симпсона (1/D): 2.29
 Бергера-Паркера: 0.64
 4.
 Видовое богатство: 3
 Шеннона (ln): 0.61
 Шеннона (log2): 0.88
 Маргалефа: 0.67
 Менхиника: 0.67
 Симпсона (1/D): 1.54
 Бергера-Паркера: 0.80
 5.
 Видовое богатство: 3
 Шеннона (ln): 0.49
 Шеннона (log2): 0.70
 Маргалефа: 0.74
 Менхиника: 0.77
 Симпсона (1/D): 1.35

Бергера-Паркера: 0.87
 6.
 Видовое богатство: 2
 Шеннона (ln): 0.41
 Шеннона (log2): 0.59
 Маргалефа: 0.51
 Менхиника: 0.76
 Симпсона (1/D): 1.40
 Бергера-Паркера: 0.86
 7.
 Видовое богатство: 2
 Шеннона (ln): 0.38
 Шеннона (log2): 0.54
 Маргалефа: 0.48
 Менхиника: 0.71
 Симпсона (1/D): 1.33
 Бергера-Паркера: 0.88

По ассоциациям — объединенное

1.
 Видовое богатство: 6
 Шеннона (ln): 0.97
 Шеннона (log2): 1.40
 Маргалефа: 1.10
 Менхиника: 0.62
 Симпсона (1/D): 1.93
 Бергера-Паркера: 0.70

2.
 Видовое богатство: 3
 Шеннона (ln): 0.49
 Шеннона (log2): 0.70
 Маргалефа: 0.59
 Менхиника: 0.55
 Симпсона (1/D): 1.33
 Бергера-Паркера: 0.87

Индексы Маргалефа и Менхиника имеют наиболее высокие значения на 3 и 2 участках, что свидетельствует о наиболее высоком видовом богатстве. На втором участке при более низком видовом разнообразии выше роль доминантного вида. Еще выше показатели доминирования на 5, 6, 7 участках (но из этих трех более разнообразен 5 участок).

Для двух объединенных групп растительных ассоциаций (условно названных как *Tilieto-Qurcetum pulmonarioso-aegopodiosum* и *Acereto-Tilietum campanuleso (latifoliae)-aegopodiosum*) видовое разнообразие максимално в дубо-липняке медуницыево-снытьевом (индекс Шеннона для 1-й группы составляет 0.97, для 2-й – 0.49), тогда как роль доминанта выше в клено-липняке колокольчиково-снытьевом (индекс Бергера-Паркера для 1-й гр. – 0.70, для 2-й – 0.87; индекс Симпсона для 1-й гр. – 1.93, для 2-й – 1.33).

Нами был применен кластерный анализ, по результатам которого построена дендрограмма (рис. 1) (матрица – индексы биоразнообразия животных по участкам и меры сходства; использован метод одиночной связи).

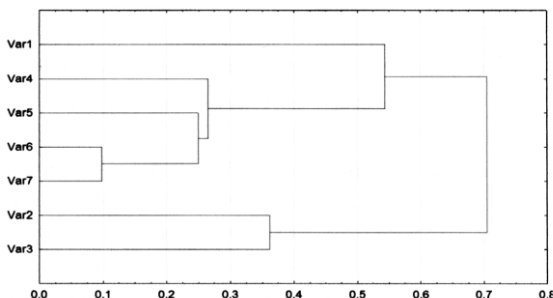

Рис. 1. Дендрограмма, отражающая характер биологического разнообразия мелких млекопитающих для исследованных растительных ассоциаций (Var1–Var7)

Центральными в каждой группе являются две ассоциации: в первой – 2-й и 3-й участки, во второй – 6-й и 7-й. Полученные данные по распределению мелких млекопитающих подтверждает правильность исходного объединения растительных ассоциаций в условные группы. Между этими двумя группами различия более четкие, чем внутри них. Участки 4 и 5 примыкают к участкам 6 и 7. Это может говорить о том, что мы захватили экотонный участок. 4-я ассоциация находится на границе: это еще не опушка, но уже и не типичная лесная ассоциация. Характер этого участка – переходный, что отражает континуальность растительного покрова и опосредованное влияние его на распределение в пространстве мелких млекопитающих.

Всего было обследовано 7 биотопов. Исходной предпосылкой мы ставили то, что различия в растительном покрове должны найти отображение в населении мелких млекопитающих в этих двух группах. Для этого мы пытались установить корреляционные связи мелких млекопитающих с отдельными видами травяно-кустарничкового яруса. Использовался коэффициент Спирмена, работающий на небольших выборках. Достоверной корреляционной зависимости выявить не удалось. Однако это может свидетельствовать лишь о том, что не выявлен характер связи, а не о ее отсутствии. Коэффициенты корреляции и по Спирмену и по Пирсону корректны при оценке линейного характера зависимости [Гланц, 1998]; следовательно, можно предположить, что в нашем случае связь является нелинейной.

Растительность – одна из важнейших составляющих ландшафта, определяющих распределение различных видов и «напряженность» их отно-

шений. Показано, что растительный покров опосредует взаимодействие «хищник-жертва» на примере экто- и эндотермных видов [Porter et al., 2002]. Неоднородность растительного покрова приводит к изменению микроклимата.

Полевки, зараженные вирусом-возбудителем геморрагической лихорадки с почечным синдромом (семейство хантавирусов), встречаются чаще на участках с высоким обилием растительности с преобладанием ежевики в подлеске, и значительно реже – с низким (в «неэпидемические» годы); интактные также приурочены к участкам с густым травяным покровом [Root et al., 1999]. Самцы мышей, заселяющие участки с неоднородным растительным покровом, более мобильны и чаще заражены вирусом, чем самцы, населяющие местообитания с высоким обилием подлеска, но меньшей разнородностью в травяно-кустарничковом ярусе. Таким образом, показано, что характер растительности влияет на распределение грызунов.

При анализе материала была выявлена зависимость населения мелких млекопитающих и их распределения от экологических факторов.

Учитывались следующие экологические параметры: освещенность (L), влажность (F), реакция почвы (R), обогащенность почвы азотом (N), и их влияние на общую численность грызунов и насекомых. Оценка экологических факторов проводилась косвенно методом фитоиндикации по Элленбергу [Ellenberg et al., 1992].

Значения факторов по шкалам Элленберга (L, F, R, N) для 1-й группы (Tilieto-Qurcetum pulmonarioso-aegopodiosum) и 2-й группы (Acereto-Tilietum campanuleso (latifoliae)-aegopodiosum) растительных ассоциаций.

L = 3.67

L = 4.00

F = 5.92

F = 5.71

R = 6.92

R = 6.69

N = 7.00

N = 5.85

Вторая группа ассоциаций имеет более высокие показатели влажности (F), закисленности (R), богатства почвы азотом (N) (которое оказалось значительно выше); тогда как в первой группе большая освещенность (L). Возможно, именно эти факторы и повлияли на размещение грызунов – поскольку в липо-дубняке медуницево-снытьевом и видовое богатство и численность зверьков значительно выше, чем в клено-липняке колокольчиково-снытьевом. Можно предположить, что высокое значение L и низкое F, R, N в первой группе по сравнению со второй и определили такое распределение мелких млекопитающих.

Проведенный регрессионный анализ, позволяющий выявить направленность связи, показал, что лимитирующим фактором при распределении мелких млекопитающих оказывается освещенность. При высокой освещенности численность грызунов невелика. Прослеживается также

связь с реакцией почвы и богатством почвы азотом. Имеется какое-то число особей, которые выходят на крайние значения диапазона этих экологических факторов, следовательно, увеличивая численность популяции (по-видимому, это – молодые расселяющиеся самцы).

Также был проведен факторный анализ, суть которого состоит в выявлении осей максимального варьирования. Взяты значения экологических факторов и численность трех наиболее обильных видов грызунов – *Microtus arvalis* и *Clethrionomys glareolus*, и *Apodemus uralensis* (рис. 2).

Variable	Factor 1	Factor 2
Var1	-0.301658	-0.946192
Var2	0.977959	0.084373
Var3	0.920220	0.383191
Var4	0.775749	0.613316
Var5	0.184806	0.923504
Var6	0.127121	0.985389
Var7	0.911768	0.110575

Рис. 2. Таблица, отражающая результаты факторного анализа
Var1 – L, Var2 – F, Var3 – R, Var4 – N, Var5 – численность
Clethrionomys glareolus, Var6 – численность *Microtus arvalis*, Var7 –
численность *Apodemus uralensis*

Первая из выявленных осей характеризует преимущественно растительность (причем ее корреляция с освещенностью отрицательна, а с характером эдафотопы, т.е. почвенными условиями, положительна). В свою очередь, и вторая переменная тесно коррелирует с численностью доминантов (*Microtus arvalis* и *Clethrionomys glareolus*). Однако, обособленность этих переменных не абсолютна. Вторая переменная тесно, хотя и отрицательно, связана с освещенностью. С другой стороны, факторная нагрузка первой латентной переменной на численность третьего вида (малой лесной мыши) достаточно велика (0.91). Таким образом, полученные результаты показывают наличие определенной связи между экотопом и зоологическим компонентом. Причем эта связь нелинейна. Так, полевки и мыши разнесены по двум группам.

Следовательно, три наиболее обычные вида грызунов расходятся как по микроместообитанию, так и по физиологии. Лесная мышь более тесно связана с условиями обитания и с растительным покровом, чем полевки. На территории города она распространена широко, но ее поселения нестабильны, она не выдерживает антропогенного пресса и периодически исчезает в отдельных пунктах. *Apodemus uralensis* плохо переносит вытаптывание травяного покрова, разреживание нижнего яруса и увеличение количества тропинок. Все это подтверждают полученные нами результаты.

Этим трем наиболее обильным видам в пространстве трудно разойтись, и, возможно, имеются физиологические механизмы, которые снижают напряженность конкуренции. Большинство исследователей отмечают приуроченность малой лесной мыши в городских условиях к лесопаркам, садам и другим древесным зеленым насаждениям [Петров и др., 1980].

Таким образом, совершенно очевидно, что лесная мышь является видом, который способен к жизни в условиях урбанизации, где основным фактором, ограничивающим его распространение, является распределение древесно-кустарниковой растительности внутри города. Наша работа также показывает, что распространение лесной мыши определяется характером растительного покрова. Этот вид в большей степени, чем например, рыжая и обыкновенная полевки, привязан к растительности.

Структура населения мелких млекопитающих лесопарка «Малиновая гряда» имеет особенности, характерные для широколиственного леса, с доминированием рыжей полевки по всем исследованным участкам. Население мелких млекопитающих, по-видимому, связано с растительным покровом. Это сложная опосредованная связь, и можно предположить, что она носит нелинейный характер.

Список литературы:

1. Боряков И. В., Воротников В. П., Борякова Е. Е. Использование информационных технологий для организации фитоценоариев и обработки геоботанических данных // Бот. журн. – 2005. – № 1. – С. 95-104.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. Пер. с англ. – М.: Практика, 1998. – 459 с.
3. Дмитриев А. И., Залозных Д. В., Заморева Ж. А. Мелкие млекопитающие Нижегородской области // Наземные и водные экосистемы. – Н.-Новгород, 1999. – С. 19-28.
4. Ивантер Э. В. Популяционная экология мелких млекопитающих таежного Северо-Запада СССР. – Л.: Наука, 1975. – 245 с.
5. Карасева Е.В., Телицына А. Ю., Самойлов Б. Л. Млекопитающие Москвы в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1999. – 245 с.
6. Мэггаран Э. Экологическое разнообразие и его измерение. – М.: Мир, 1992. – 181 с.
7. Песенко Ю. А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. – Л.: Наука, 1982. – 288 с.
8. Петров В. С., Леонтьева М. Н., Соловьёв Ю. К., Прокопьева Н. Н. К изучению фауны и экологии грызунов большого города // Грызуны: Материалы 5 всесоюзного совещания. – М.: Наука, 1980. – С. 434-435.
9. Флинт В. Е. Пространственная структура популяций мелких млекопитающих. – М.: Наука, 1977. – 183 с.

10. Ellenberg H., Weber H. E., Düll R., Wirth W., Werner W., Paulßen D. Zeigerwerte von Pflanzen in Mitteleuropa. 2nd ed. Scr. Geobot. 1992. Vol. 18: P. 1-258.

11. Porter W., Sabo J., Tracy C. et al. Physiology on a Landscape Scale: Plant-Animal Interactions. [Электронный ресурс]. Integrative and Comparative Biology, 2002. 42(3):431-453; doi:10.1093/icb/42.3.431. Режим доступа: icb.oxfordjournals.org/cgi/content/full/42/3/431.

12. Root J., Calisher C., Beaty B. Relationships of deer mouse movement, vegetative structure, and prevalence of infection with Sin Nombre virus. Journal of Wildlife Diseases, 35(2), 1999. Pp. 311-318.

Раздел второй

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

АНАЛИЗ СВОЙСТВ И КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СТРУЙНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЕЧАТИ

© Гнатыук С.П., Домасев М.В.,

Лихачев А.Б., Санжаровская Т.Ю.

Санкт-Петербургский Государственный университет
кино и телевидения,

Северо-Западный институт печати

Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна, г. Санкт-Петербург

Приведены результаты анализа широкого спектра параметров представительной выборки различных классов материалов для струйной фотографической печати отечественного и зарубежного производства. Предложена совокупность информационных маркеров, которые позволяют с высокой степенью достоверности характеризовать различные типы бумаг. Системный подход к анализу свойств и классификации различных типов носителей может лечь в основу построения реляционной базы данных и модели управления качеством струйной печати, позволяющей осуществлять прогнозирование свойств и обоснованный выбор условий формирования изображения и типа материалов.

Структура современных носителей информации для цифровой струйной печати представляет собой сложную эмерджентную систему последовательно расположенных слоев, каждый из которых обладает определенной совокупностью уникальных свойств, интерэктно влияющих как на свойства окружения, так и на характеристики материала в целом. Декомпозиция подобной системы позволяет вводить в модель управления формированием изображения параметры отдельных ее составляющих, однако на практике столь детальное рассмотрение может стать бесполезным, поскольку качество печати определяется как параметрами печатающего устройства, так и результатом динамического процесса взаимодействия поверхности и объема носителя с окрашенными и неокрашенными компонентами чернил (в свою очередь чернила для струйной фотографической печати также имеют сложный многокомпонентный состав, в который помимо собственно окрашивающей компоненты (пигмент либо водорастворимый краситель), вводится комплекс других химических соединений различного назначения, призванных обеспечить заданные требования со-

храняемости как чернил, так и полученного изображения на поверхности материала).

В результате струйные технологии репродуцирования изображения на проверку оказываются не менее сложными, чем процессы формирования изобразительной информации высокого качества в полиграфии.

Бумаги, используемые для струйной фотографической печати, должны отвечать ряду жестких требований, предъявляемых к ним производителями струйных принтеров: бумага должна обладать хорошей водостойкостью, высокой белизной воспринимающей изображение поверхности, высокой прочностью и выдерживать как условия печати, так и дальнейшей эксплуатации печатного изображения, быть химически рецептивной по отношению к чернилам и их компонентам. Дополнительные слои и добавки, вводимые в бумагу для струйной фотографической печати, не должны приводить к сильному увеличению ее плотности. Чтобы предотвратить растекание чернил по поверхности бумаги, воспринимающий слой бумаги должен свободно пропускать жидкую компоненту чернил в основу либо промежуточный слой, в то время как окрашенная компонента чернил должна максимально полно задерживаться в воспринимающем слое, не уходя при этом в нижние слои бумаги и не проникая в соседние (незапечатанные) области изображения. Процесс абсорбции чернил в слое бумаги должен происходить достаточно быстро, чтобы, с одной стороны, снизить растекание чернил, и, с другой стороны, сохранить достаточно высокой скорость печати и уменьшить время, необходимое для сушки отпечатка [1].

Традиционно параметры оценки физического качества носителей для струйной фотографической печати представлены следующими группами. Это: геометрические; оптические; сорбционные и механические совокупности характеристик (последние в данной работе не рассматриваются). Всевозможные общепринятые методы испытаний материалов на бумажной основе собраны Германским Институтом Стандартизации (DIN), публикуются в информационных проспектах Ассоциации химиков и инженеров по целлюлозе и бумаге, регламентированы международными (ISO) и европейскими (EN) стандартами и постоянно прогрессируют, в частности, в технических соглашениях. Однако, как показала практика, их пригодность для характеристики бумаг для струйной фотографической печати ограничена.

Авторами предложен ряд методов и интегральных критериев, которые, не нарушая общепринятой структуры оценок, позволяют в режиме реального времени прогнозировать печатные свойства материалов. Акцент сделан на описании свойств поверхностного, воспринимающего слоя носителей посредством 26 параметров, количественно описывающих особенности их топологической структуры, адгезионно-адсорбционные свойства

поверхности и объема материалов, их контрастно-резкостные, колориметрические, денситометрические и градационные характеристики.

В последнее время в материаловедении, при необходимости построения математических моделей топологии поверхности изучаемых объектов, стали применяться методы, основанные на использовании теории фракталов. Основной их предпосылкой стало представление о наличии у объектов исследования регулярных структур, инвариантных к преобразованиям масштаба – скейлингу. Однако в большинстве случаев основное свойство регулярных фракталов – самоподобие наблюдалось на ограниченном диапазоне масштабов. Тем не менее, для подобных объектов удавалось находить закономерности, которые связывали фрактальные оценки топологии, или, в более широком смысле, геометрической конфигурации поверхности или объема с их физико-химическими свойствами [2, 3].

Основной характеристикой структуры поверхности или объема материала может выступать фрактальная размерность – D , которая может быть вычислена (метод подсчета клеток) следующим образом [2]:

$$D = \frac{\ln(N(\varepsilon))}{\ln(\varepsilon)} \quad (1)$$

где $N(\varepsilon)$ – минимальное количество объектов с радиусом (стороной) ε , необходимых для покрытия исследуемой структуры, при $\varepsilon \rightarrow 0$.

Однако в большинстве случаев $N(\varepsilon)$ не несет в себе информации об особенностях объекта. Это обстоятельство являлось частой причиной отсутствия корреляций фрактальной размерности с физическими свойствами материалов, что привело к дальнейшему развитию теории фракталов, формированию представлений о мультифрактальной природе исследуемых объектов и разработке математического аппарата мультифрактального формализма [4].

Авторами предпринят переход к мультифрактальному формализму, означающий смещение акцента исследований масштабно-инвариантных свойств материалов в направлении изучения особенностей распределения их физических свойств.

Предпосылкой метода стало предположение о неравномерности распределения свойств по объему или поверхности изучаемой структуры. Мультифрактальная параметризация основана на «помещении» исследуемого объекта с неупорядоченной структурой в евклидово пространство, которое последовательно разбивается на квадратные ячейки характерного размера со стороной, величина которой уменьшается (увеличивается) в выбранной прогрессии, например, $\{128, 64, 32, 16, 8, 4, 2, 1\}$. Каждой ячейке ставится в соответствие мера в виде некоторого положительного

числа, которая характеризует вероятностный вес находящихся в ней элементов, а полученная совокупность (матрица) значений задает глобальную меру на том или ином масштабе дискретизации изображения структуры. Таким образом, по сравнению с «классическим» фрактальным, мультифрактальный подход, предоставляет более широкие возможности при решении задачи параметризации свойств материалов, поскольку вес ячейки всегда зависит от количества содержащихся в ней элементов структуры, тогда как при фрактальном подходе вес ячейки всегда равен 1.

Понятие меры формализует субъективный подход к описанию изучаемых объектов соответственно их природе или функциям. Довольно полезным для задач материаловедения является использование вероятностной меры.

В подавляющем большинстве случаев изучаемые структуры представлены именно в виде плоских изображений, поэтому дальнейшим развитием такого подхода может служить генерация меры по «рельефу» плоского изображения структуры.

Для так или иначе построенной меры P_i находится ее производящая функция [4]:

$$G(q, \tau, l) = \sum_{i=1}^N (P_i)^q / (l_i)^\tau \quad (2)$$

где P_i – мера i -ой ячейки размера $l_i \leq l < L$, такая что $\sum P_i = 1$;

l – характеристический размер ячейки, если размер исследуемого множества принимается равным единице.

Суммирование проводится только по непустым ячейкам с мерой $p_i > 0$; q и τ произвольные вещественные числа: $-\infty < q, \tau \leq \infty$.

В случае сингулярного поведения меры, имеющего место во многих ситуациях:

$$P_i \cong (l_i)^\alpha, \quad l \rightarrow 0 \quad (3)$$

где α – положительное вещественное число.

Было показано [3], что существует единственная функция $\tau(q)$, такая, для которой $G(q, \tau(q), l)$ конечна при $l \rightarrow 0$. При данном q , для $\tau < \tau(q)$ и $\tau > \tau(q)$ функция $G(q, \tau(q), l)$ обращается в бесконечность или нуль соответственно.

Для обобщенной корреляционной функции χ и ее экспоненты τ (иначе называемый показателем массы) имеем:

$$\chi(q) = \sum_{i=1}^N (P_i)^q \sim l^{\tau(q)}, l \rightarrow 0 \quad (4)$$

$$\tau(q) = \lim_{l \rightarrow 0} \ln(\chi(q)) / \ln(l) \quad (5)$$

Таким образом, изучаемой структуре (носителю меры) ставится в соответствие вещественная функция $\tau(q)$, посредством которой можно ввести полезные (статистические) характеристики структуры.

От суммирования по ячейкам в (4) для χ можно перейти к интегралу:

$$\chi(q) = \int d\alpha \cdot \rho(\alpha) \cdot l^{-f(\alpha)} \cdot l^{q\alpha}, \quad (6)$$

где $\rho(\alpha) l^{-f(\alpha)} d\alpha$ – вероятность того, что произвольно выбранная сингулярность α для p_i имеет значение в диапазоне $(\alpha, \alpha + d\alpha)$;

$\rho(\alpha)$ – несингулярная гладкая функция.

Таким образом, исследуемая структура моделируется набором взаимопроникающих множеств сингулярностей α , каждое из которых имеет соответствующую фрактальную размерность $f(\alpha)$, ($f(\alpha)$ – спектр).

В пределе $l \rightarrow 0$ значение интеграла (5) определяется некоторым α , при котором $q\alpha - f(\alpha) = \min$, откуда получается соотношение между функцией $\tau(q)$ и спектром сингулярностей $f(\alpha)$:

$$\tau(q) = q\alpha - f(\alpha) \quad (7)$$

$$\alpha = d\tau / dq \quad (8)$$

$$q = df / d\alpha \quad (9)$$

Из соотношений (5, 7-9), видно, что в силу условия нормировки $\tau(1) = 0$. Это обстоятельство можно выразить в явном виде, положив:

$$\tau(q) = (q-1)D_q \quad (10)$$

где D_q – обобщенные размерности Реньи.

причем $D_0 \geq D_1 \geq D_2$ – являются хаусдорфовой или фрактальной ($q=0$), информационной ($q=1$) и корреляционной ($q=2$) размерностями соответственно (строго говоря, термин «размерность» применим только к D_0 , так как значение $q=0$ снимает различия мер разных ячеек, и мы имеем дело с

конфигурацией носителя «в чистом виде»). Величины «размерностей» D_q определяются как конфигурацией носителя, так и его мерой.

Таким образом, мультифрактальный формализм предоставляет неизмеримо большие возможности за счет использования двух вещественных функций: $f(\alpha)$ – спектра и D_q – спектра (или каких-либо их характеристик), причем D_q автоматически предоставляет в распоряжение исследователя величину фрактальной размерности.

Традиционно для параметризации поверхности материалов используются не все значения мультифрактального спектра, а оценки, которые находятся либо в их центральной области – $q = 0..2$, либо на концах их ветвей для $q > 0$. Как правило, отдельно выделяют следующие показатели [5]:

- $D(0)$ – собственно фрактальная размерность;
- обобщенная размерность $D(1)$ характеризующая информацию, необходимую для определения местоположения точки в произвольно взятой ячейке;
- обобщенная размерность $D(2)$, которая является корреляционной размерностью и определяет зависимость вероятности попадания двух точек в одну произвольно взятую ячейку;
- величина $D(q=\max)$, которая является мерой разнообразия элементов структуры;
- значение $f(q=\max)$, которое позволяет оценить степень однородности структуры.

Таким образом, по отдельным значениям $D(q)$ – спектра можно судить о выраженности микронеровностей, равномерности в их распределении на единице площади материала и связанности образуемых ими объектов. Величина $f(q=\max)$ позволяет делать выводы о степени выраженности морфологических различий у микронеровностей.

Использование мультифрактального формализма наиболее обосновано при исследовании топологии материалов со стохастическим распределением поверхностных свойств.

К данной группе объектов можно отнести широкий спектр носителей для струйных технологий печати.

В качестве априорной информации авторы использовали изображения рабочей поверхности бумаг. Оцениванию подвергалась матрица яркостей, несущая в себе информацию об особенностях рельефа (рис. 1) (как правило, для этого используются полутоновые или бинарные образы [5, 6]).

Для широкого диапазона исследованных материалов были получены мультифрактальные спектры. Мультифрактальные характеристики, полученные на их основе отражают общую тенденцию в изменении геометрических свойств поверхности при переходе от материалов низкого качества к материалам для печати фотографических изображений, таблица 1.

Оказалось, что для выбранного масштаба измерений, носители информации для печати фотографического качества обладают размерностью ($D(0)$), которая совпадает или почти совпадает с топологической размерностью плоскости.

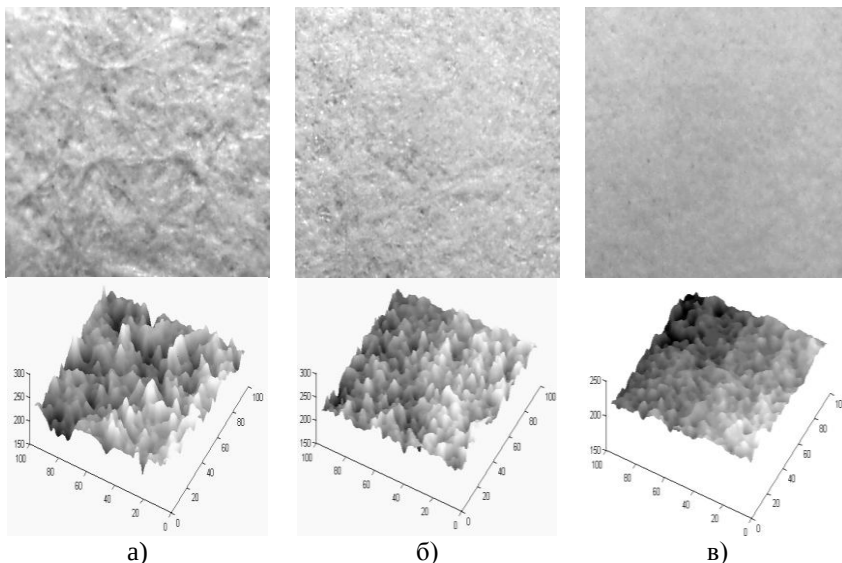

Рис. 1. Микрофотографии поверхности различных типов носителей и их диаграммы яркости.

- а) бумаги общего назначения,
- б) бумаги улучшенного качества;
- в) фотобумаги (бумаги «фотографического качества», специально созданные для струйных технологий печати)

Это однако не позволяет сделать вывод об отсутствии у поверхности бумаг «фотографического» качества фрактальных свойств, так как с одной стороны остальные значения спектра обобщенных размерностей значимо отличаются друг от друга, а с другой – поверхность материала не является гладкой плоскостью, а обладает достаточно развитым микро-рельефом. Основное отличие материалов подобного рода от других классов носителей заключается в равномерности распределения микронеровностей по поверхности.

В свою очередь материалы более низкого качества обладают как более высокой степенью выраженности неровностей, так и высокой степенью неравномерности в ее распределении по поверхности.

Найденные мультифрактальные оценки показали высокую степень избирательности предложенного подхода, который позволил сделать пере-

ход от сугубо размерностных эффектов к их связи с целым спектром характеристик материалов (степени развитости поверхности, их адгезионно – адсорбционными свойствами и др. [7, 8] (табл. 1).

Таблица 1

Мультифрактальные характеристики топологии поверхности
исследованных материалов

№	Образец	$D(0)$	$D(1)$	$D(2)$	$D(50)$	$f(50)$	$\alpha(50)$
		P_04	P_05	P_06	P_07	P_08	P_09
1.	Plain paper	1.917	1.866	1.816	1.498	0.099	1.470
2.	ProfLine MT	1.973	1.912	1.859	1.549	0.097	1.520
3.	Canon Matte Photo Paper	1.978	1.921	1.870	1.529	0.090	1.544
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	1.983	1.933	1.859	1.549	0.097	1.520
5.	ProfLine GL	1.990	1.945	1.944	1.779	0.598	1.800
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	1.988	1.927	1.866	1.574	0.106	1.548
7.	Славич дизайн плюс матовая	1.990	1.936	1.874	1.549	0.110	1.520
8.	Kodak Glossy Picture Paper	1.996	1.951	1.936	1.764	0.604	1.771
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	1.994	1.940	1.771	1.673	0.106	1.635
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	1.996	1.950	1.760	1.640	0.097	1.600
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	2.000	1.968	1.944	1.829	0.598	1.802
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	2.000	2.000	1.985	1.915	0.454	1.772
13.	Lomond Super Glossy	2.000	2.000	1.990	1.900	0.460	1.829
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	2.000	2.000	1.996	1.935	0.455	1.800

Процесс формирования изображения неразрывно связан с комплексом механизмов, которые можно охарактеризовать совокупностью адгезионно – адсорбционных типов взаимодействий поверхности и объема материала и окрашенных и неокрашенных компонент чернил.

В качестве интегрального показателя взаимодействия чернил с объемом материала использовали величину его впитывающей способности по Клемму, которая, по мнению авторов, является хорошей аппроксимацией этой связи [9, 10] (табл. 2).

Количественной оценкой эффектов, обусловленных влиянием поверхности бумаг могут выступать: величина оптической плотности сплошной заливки различными колорантами, коэффициенты уравнения регрессии связи оптической плотности изображения от плотности запечатывания материала, таблица 5, различные характеристики растискивания элементов изображения [11].

Для численного выражения результатов исследования контрастно-резкостных параметров материалов использовали характеристику краевой резкости, которая определялась по микрофотографии участка поверхности печатного изображения, образованного границей запечатанного и пробельного участка [12]:

$$R_o = \frac{\int_a^b \left(\frac{df}{dx} \right)^2 dx}{f(a) - f(b)}, \quad (11)$$

где $f(x)$ – функция значения яркости изображения в точке x ;

a и b – точки, которые расположены на противоположных краях перепада,

$\left(\frac{df}{dx} \right)^2$ – скорость изменения яркости.

и характеристику локального контраста:

$$C_{ij} = \frac{L_i - L_j}{L_i + L_j}, \quad (12)$$

где L_i, L_j – яркости элементов сюжетного изображения.

На основе последней вычисляли значение усредненного контраста, который рассчитывали для всего изображения путем его разбиения на участки одинакового размера и вычисления значений локального контраста для каждой пары элементов изображения [12] (табл. 3).

Таблица 2

Впитывающая способность исследованных материалов по Клемму

№	Образец	Впитывающая способность, h
		P_03
1.	Plain paper	3.25
2.	ProfLine MT	2.12
3.	Canon Matte Photo Paper	1.90
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	1.98
5.	ProfLine GL	1.86
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	1.75
7.	Славич дизайн плюс матовая	1.67
8.	Kodak Glossy Picture Paper	1.29
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	1.16
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	1.05
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	0.90
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	0.68
13.	Lomond Super Glossy	0.60
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	0.57

Таблица 3

Контрастно-резкостные характеристики исследованных материалов

№	Образец	Резкость	Локальный контраст
		P_10	P_11
1.	Plain paper	66.70	0.2706
2.	ProfLine МТ	45.20	0.4544
3.	Canon Matte Photo Paper	43.00	0.4218
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	43.70	0.4154
5.	ProfLine GL	31.30	0.5309
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	44.60	0.4658
7.	Славич дизайн плюс матовая	43.70	0.5571
8.	Kodak Glossy Picture Paper	31.80	0.4702
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	36.80	0.6121
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	36.00	0.5297
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	31.30	0.6030
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	29.40	0.6346
13.	Lomond Super Glossy	30.00	0.7041
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	32.10	0.6020

Таблица 4

Результаты расчетов колориметрических характеристик исследованных материалов

№	Образец	C*ab						L*	
		R	G	B	C	M	Y	W	K
		P_12	P_13	P_14	P_15	P_16	P_17	P_18	P_19
1.	Plain paper	65.25	47.92	25.83	38.84	64.27	85.48	92.94	27.55
2.	ProfLine МТ	81.96	51.34	35.75	43.33	76.20	103.19	94.96	18.03
3.	Canon Matte Photo Paper	86.49	50.58	38.82	45.38	78.86	108.65	95.47	14.69
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	87.20	56.29	40.51	48.66	79.74	106.43	94.40	12.97
5.	ProfLine GL	84.66	58.84	39.69	49.53	79.70	106.95	95.43	10.75
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	89.24	52.66	38.41	45.47	79.99	110.76	96.03	13.42
7.	Славич дизайн плюс матовая	87.92	56.55	38.37	47.48	78.83	110.97	96.46	12.79
8.	Kodak Glossy Picture Paper	84.71	69.96	51.25	51.01	78.93	107.42	95.89	8.23
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	88.04	68.96	49.09	52.79	82.47	106.68	94.57	5.53
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	93.52	71.44	53.78	49.95	79.95	107.30	94.63	5.80
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	94.37	62.02	48.35	49.79	82.57	114.28	94.66	4.36
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	104.63	80.35	64.69	51.42	85.25	111.65	93.95	1.56
13.	Lomond Super Glossy	99.30	81.52	60.76	52.68	84.91	114.18	93.75	2.63
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	103.41	86.00	65.95	53.19	85.31	112.47	94.20	2.84

Результаты исследования колориметрических характеристик материалов представлены массивом значений характеристик цветовой насыщенности S^*ab печатных образцов желтого, пурпурного, голубого красителей, а также их попарных смесей – красного, зеленого, синего [13]. По положению координат цвета этих образцов на графике цветностей a^*b^* удалось составить приблизительное представление о широте зоны цветового охвата исследованных материалов. Однако, очевидным недостатком этих данных следует считать их неполноту вследствие того, что в расчетах было использовано лишь небольшое число цветовых образцов, в то время как при решении фоторепродукционной задачи методом струйной печати используется вся совокупность доступных для печати цветов и их оттенков.

Следует считать неправомерным предсказание поведения фоторепродукционной системы только на основании колориметрических характеристик трех основных субтрактивных и трех дополнительных к ним аддитивных цветов. Следует также учитывать в расчетах не только цветности образцов, но и их светлоту (координата L^*), что позволяет предсказывать поведение печатной системы в различных свето-тональных зонах (табл. 4).

Исследование денситометрических и градационных характеристик материалов для образцов желтого, пурпурного, голубого и черного колорантов фоторепродукционной системы осуществлялось посредством определения оптической плотности запечатанных на поверхности исследуемых образцов бумаг соответствующих полей оптического клина тест – объекта. Измерение значений оптической плотности проводили за светофильтрами стандарта ISO Status E. В качестве образцов использовали как поля оптического клина, полученные путем 100%-й заливки бумаги чернилами, так и поля с плотностями запечатывания от 5 до 95 % (с шагом 5 %), что позволило количественно характеризовать градационную кривую материала (табл. 5).

По сравнению с формой градационной кривой, характерной для офсетной печати, для струйной технологии оказалось характерным уменьшение оптической плотности участков оптического клина для одинаковых плотностей запечатывания, что объясняется особенностями адсорбционно-адгезионного (и частично химического) типов взаимодействий чернил струйного принтера с бумагой и может быть использовано для количественной оценки вклада этих механизмов в процесс формирования изображения.

Градационная кривая струйного фоторепродукционного процесса удовлетворительно описывается экспонентой. Значение оптической плотности при 100 % плотности запечатывания соответствует значению оптической плотности черного поля, значение оптической плотности незапечатанной поверхности материала – значению оптической плотности поля

белого. В качестве численных оценок характера этой связи использовали значения коэффициентов регрессии вида $Y = a * \exp(b * X)$, Оценки тесноты этой связи показали высокую степень коррелированности этих параметров (расчет коэффициента корреляции проводили по линеаризованным данным).

Таблица 5

Результаты исследования денситометрических и градационных характеристик материалов

№	Образец	D				D = a*exp(b*K%)		
		C _{100%}	M _{100%}	Y _{100%}	K _{100%}	a	b	r
		P_23C	P_23M	P_23Y	P_23K	P_24K	P_25K	-
1.	Plain paper	1.23	0.97	1.04	1.19	0.1202	0.0230	0.9968
2.	ProfLine MT	1.44	1.37	1.36	1.45	0.0693	0.0303	0.9992
3.	Canon Matte Photo Paper	1.33	1.37	1.35	1.38	0.0743	0.0291	0.9969
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	1.78	1.46	1.47	1.72	0.0541	0.0339	0.9986
5.	ProfLine GL	1.79	1.41	1.47	1.84	0.0494	0.0356	0.9986
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	1.56	1.40	1.47	1.53	0.0738	0.0300	0.9976
7.	Славич дизайн плюс матовая	1.62	1.39	1.51	1.31	0.0550	0.0313	0.9984
8.	Kodak Glossy Picture Paper	2.06	1.42	1.44	1.77	0.0425	0.0371	0.9985
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	1.81	1.60	1.50	1.93	0.0528	0.0353	0.9990
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	1.91	1.35	1.42	1.90	0.0737	0.0319	0.9990
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	1.95	1.55	1.58	2.06	0.0397	0.0382	0.9956
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	2.35	1.50	1.65	2.53	0.0434	0.0395	0.9966
13.	Lomond Super Glossy	2.34	1.68	1.77	2.35	0.0381	0.0401	0.9938
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	2.09	1.67	1.60	2.27	0.0394	0.0394	0.9983

Коэффициенты регрессии этого уравнения можно считать информационными маркерами, позволяющими оценить в том числе суммарный эффект химико-физического взаимодействия окрашенной компоненты чернил с материалом-носителем.

Результаты исследования цветового охвата материалов позволили судить о его широте и характере распределения в цветовом пространстве.

Информацию о распределении цветовых образцов получали с помощью цветовой шкалы GretagMacbeth Eye-One RGB Target 1.5 в ЦКС $L^*a^*b^*$ МКО, на основании которой рассчитывали параметры распределения цветностей образцов в координатах a^* и b^* и в системе трех координат со значениями светлоты L^* в качестве оси аппликат.

Это позволило оценить, каким образом распределяются образцы в цветовом пространстве и определить, какие цвета и группы цветов могут быть воспроизведены в рамках данной фоторепродукционной системы. Кроме того, эти результаты могут использоваться при выборе типа материала для печати и пригодности его использования для выполнения фоторепродукционных работ различного характера. К примеру, может оказаться невозможным использовать материал, имеющий небольшое тело цветового охвата, для воспроизведения изображения, содержащего насыщенные оттенки цвета, и наоборот, нет препятствий использовать материал с небольшим цветовым охватом для воспроизведения изображения, построенного ненасыщенными цветами.

Для получения строгих количественных оценок широты зоны цветового охвата была использована её характеристика в виде объема тела цветового охвата, определенного на основании триангуляции экспериментальных данных, построенной по алгоритму выпуклых каркасов (QHull), разработанный Национальным центром научных и технологических исследований в области расчета и визуализации геометрических структур университета Миннесоты, США [14] (табл. 6).

Таблица 6

Значения объема тела цветового охвата исследованных материалов при печати на принтере Epson Stylus Photo R220 (материалы ранжированы по степени увеличения численного значения объема тела цветового охвата)

№	Образец	Объем тела цветового охвата, ΔE^3
		P_26
1.	Plain paper	249590
2.	ProfLine MT	454910
3.	Canon Matte Photo Paper	528750
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	544050
5.	ProfLine GL	553300
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	553980
7.	Славич дизайн плюс матовая	577430
8.	Kodak Glossy Picture Paper	605220
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	628440
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	646120
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	653370
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	755600
13.	Lomond Super Glossy	771530
14.	Славич фотоджет супергляцевая	798070

Традиционно фирмы – производители расходных материалов классифицируют бумаги для струйной фотографической печати по характеру поверхности воспринимающего слоя на четыре основные группы: матовые бумаги, полуглянцевые бумаги, глянцевые бумаги и микропористые бумаги [15]. Другой основной показатель – плотность материала. Счита-

ется, что этой информации достаточно для получения репродукции гарантированного качества в случае полного соблюдения рекомендаций.

На основании методов кластерного анализа была предпринята попытка объединения бумаг для струйной печати в кластеры (таксоны, сгущения) [16-20]. В результате кластеризации исходная совокупность образцов носителей была агрегирована в небольшое количество групп по степени близости (различия) объектов, выражаемой некоторой метрикой в признаковом пространстве, рис. 2а.

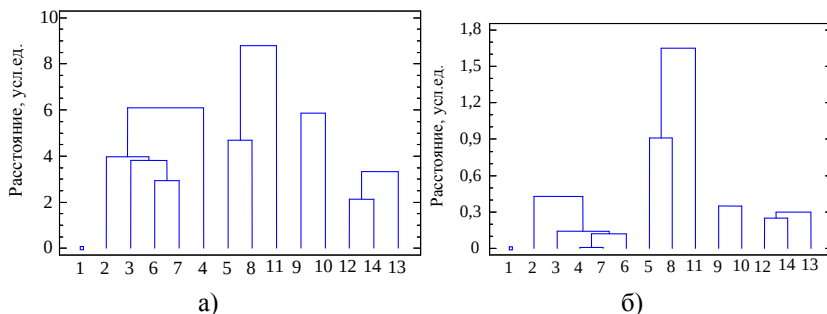

Рис. 2. Результаты кластеризации различных типов бумаг для струйной печати методом ближайших соседей (метрика – «квадрат эвклидова расстояния, количество параметров: а) 26, б) 4)

В кластерном анализе используется политетический принцип образования групп: все группировочные признаки одновременно участвуют в процессе, при этом как правило не указываются четкие границы каждой группы; так же неизвестно заранее, сколько групп целесообразно выделить в исследуемой совокупности. Поэтому при использовании различных методов кластерного анализа для одной и той же совокупности могут быть получены различные варианты разбиения. Существенное влияние на характеристики кластерной структуры оказывают: набор признаков, по которым осуществляется классификация, тип выбранного алгоритма (например, иерархические и итеративные методы приводят к образованию различного числа кластеров, при этом сами кластеры могут различаться и по составу и по степени близости объектов), выбор меры сходства. С другой стороны, если используются методы с эталонными алгоритмами, например, метод k-средних, то задаваемые начальные условия разбиения в значительной степени определяют конечный результат разбиения. Варьирование условий кластеризации показало отсутствие сколь-нибудь заметного влияния на характеристики кластерной структуры, что позволило наряду с проведением классификации носителей решить ряд других задач,

связанных с анализом возможности снижения размерности признакового пространства без потери информации о взаимосвязи между переменными с целью сжатия априорных данных, что является важным фактором в условиях постоянного увеличения и усложнения информационных потоков. В результате пространство признаков удалось сократить до четырех линейно независимых параметров, которые позволяют уверенно классифицировать всю совокупность объектов, рис. 2б.

Логическим завершением настоящего исследования явилось построение дискриминантной модели [22].

Все процедуры дискриминантного анализа можно разбить на две группы и рассматривать их как совершенно самостоятельные методы.

Первая группа процедур позволяет интерпретировать различия между существующими классами; основанием для отнесения каждого объекта к определенному множеству служит величина дискриминантной функции, рассчитанная по соответствующим значениям дискриминантных переменных (табл. 7).

Таблица 7

Нестандартизованные и стандартизованные коэффициенты
дискриминирующих функций

	1	2	3	4
нестандартизованные коэффициенты дискриминирующих функций				
P_08	198,577	-9,68067	3,69383	-1,10985
P_12	0,23041	0,0975292	0,414305	-0,213665
P_13	-0,0654582	0,204223	0,136337	0,176889
P_20	0,409384	-0,122629	0,862559	0,0145488
константа	-76,8543	-17,778	-55,4667	7,95495
стандартизованные коэффициенты дискриминирующих функций:				
P_08	1,21903	-0,059428	0,0226758	-0,00681317
P_12	0,85439	0,361651	1,5363	-0,792297
P_13	-0,236465	0,737746	0,492514	0,639005
P_20	0,869025	-0,260313	1,83101	0,0308837

Это дало возможность относить исследуемые материалы к какому – либо из выделенных методами кластерного анализа таксонов. Результаты классификации совпали с принятыми в настоящее время принципами отнесения бумаг (табл. 8).

Дискриминантный анализ можно использовать и как метод прогнозирования (предсказания) поведения наблюдаемых единиц статистической совокупности на основе имеющихся стереотипов поведения аналогичных объектов, входящих в состав объективно существующих или сформированных по определенному принципу классов (обучающих выборок). Поэтому вторая группа процедур проводит классификацию объектов в тех случаях, когда неизвестно заранее, к какому из существующих классов они принадлежат. Возможности построенной дискриминантной модели в

плане корректного отнесения «неизвестного» материала к какому – либо сгущению анализировали на примере бумаги Epson Matt Photoinkjet Paper, которая является типичным представителем носителей для струйной цифровой печати «фотографического» качества с матовой поверхностью, таблица 8, (последняя строка). В итоге, построенная дискриминантная модель правильно «угадала» принадлежность тестируемого носителя.

Таблица 8

Результаты классификации различных типов носителей
для струйной печати

№	Образец	Действительная принадлежность к группе	Наиболее вероятная группа, к которой принадлежит объект по результатам классификации	Наивысшее значение классифицирующей функции	Вторая по вероятности группа, к которой принадлежит объект	Второе наивысшее значение классифицирующей функции
1.	Plain paper	1	1	2663,39	2	2642,92
2.	ProfLine MT	2	2	2654,51	1	2644,47
3.	Canon Matte Photo Paper	2	2	2543,84	1	2522,73
4.	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	2	2	2557,92	3	2543,21
5.	ProfLine GL	4	4	11239,8	5	10775,4
6.	Epson Matte Paper Heavyweight	2	2	2712,38	1	2689,69
7.	Славич дизайн плюс матовая	2	2	2684,11	1	2660,65
8.	Kodak Glossy Picture Paper	4	4	11151,5	5	10720,2
9.	Славич принт фото сатин полуглянцевая	3	3	2305,3	2	2277,78
10.	HP Premium Plus Photo Paper Matt	3	3	2458,8	2	2435,15
11.	Epson Photo Quality Glossy Paper	4	4	11149,8	5	10715,6
12.	HP Premium Glossy Photo Paper	5	5	7931,47	4	7485,94
13.	Lomond Super Glossy	5	5	7882,85	4	7453,37
14.	Славич фотоджет суперглянцевая	5	5	8027,49	4	7572,53
	Epson Matt Photoinkjet Paper	-	2	2630,55	1	2612,15

* – некорректно классифицированные объекты (отсутствуют)

ВЫВОДЫ

Предложена совокупность информационных маркеров, которая позволяет с высокой степенью достоверности характеризовать различные типы бумаг для цифровой струйной печати.

Ввиду относительной простоты выбранных неразрушающих методов измерений значений предложенной совокупности информационных мар-

керов, описанный подход можно использовать в режиме «реального времени» для непрерывного управления качеством репродукционного процесса.

Системный подход к анализу свойств и классификации различных типов носителей может лечь в основу построения реляционной базы данных и модели управления качеством струйной печати, позволяющей осуществлять прогнозирование свойств и обоснованный выбор условий формирования изображения и типа материалов.

Список литературы:

1. Michael L. DeMatte, Sean T. Kelly. Coated Paper for Inkjet Printing. US Pat. No 5,985,424, Nov. 16, 1999.]
2. Иванова В. С., и др. Синергетика и фракталы в материаловедении. – М.: Наука, 1994.
3. Фелд Е. Фракталы. Пер. с англ. – М.: «Мир», 1991. – 254 с.
4. Шредер М. Фракталы, хаос и степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 528 с.
5. Встовский Г.В., Колмаков А.Г., Бунин И.Ж. Введение в мультифрактальную параметризацию структур материалов. – Москва-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 116 с.
6. Гнатюк С.П., Лихачев А.Б. // Тезисы докладов II Всероссийской научной конференции «Проектирование инженерных и научных приложений в среде Matlab» ISBN 5-201-14971-5, 2004, с. 620-628
7. Гнатюк С.П., Домасёв М.В., Лихачев А.Б. // Тезисы докладов II международного симпозиума «Фотография в XXI веке». – М., 2006. – С. 143-146.
8. Maxim V. Domasev, Andrey B. Lihachev and Sergey P. Gnatyuk // Conference proceedings book The International Conference «Printing technology. SPb`06», p. 77-79.
9. Гнатюк С.П., Гусева М.Д., Лихачев А.Б. / Сравнительный анализ оптических свойств материалов для струйных технологий печати. // Сборник научных трудов СПбГУКиТ. Проблемы развития техники, технологии и экономики кино и телевидения. Выпуск 17, 2004. – С. 98-103.
10. Шавкун С.Л., Гусарова Т.В., Гнатюк С.П., Лихачев А.Б. / Оптимизация качественных характеристик материалов для струйных технологий печати. // Сборник научных трудов СПбГУКиТ. Проблемы развития техники, технологии и экономики кино и телевидения. Выпуск 17, 2004. – С. 103-107.
11. Гнатюк С.П., Домасёв М.В., Лихачев А.Б. // Тезисы докладов II международного симпозиума «Фотография в XXI веке». – М., 2006. – С. 146-149.

12. Гуров А.А., Порфирьева Н.Н. Вопросы оценки контрастности сюжетных изображений // Труды ГОИ им. С.И.Вавилова. – т. 44, вып. 178. – Л., 1979. – С. 31-34.

13. CIE (Commission Internationale de l'Eclairage). Publication No. 15.2, Colorimetry. Official Recommendations of the International Commission on Illumination, Second edition. Vienna, Austria. Central Bureau of the CIE. 1986.

14. Karl Guyler. Visualization of Expanded Printing Gamuts Using 3-Dimensional Convex Hulls (http://www.efg2.com/Lab/Library/Color/KarlEGuyler_TAGA2000Paper.pdf)

15. Каталог продукции Lomond. Lomond Trading Ltd., 2004

16. Мандель И.Д. Кластерный анализ. – М., 1988.

17. Александров В.В., Горский Н.Д. Алгоритмы и программы структурного метода обработки данных. – Л.: Наука, 1983.

18. Дюран Б., Одед П. Кластерный анализ.- М., 1977.

19. Шараф М.Л., Иллман Д.Л., Ковальски Б.Р. Хемометрика. – Л.: Химия, 1989.

20. Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шефер М. Многомерный статистический анализ в экономике: Учеб. пособие для вузов/Под ред. проф. В.Н. Тамашевича. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 1999. – 598 с.

21. Глинский В.В., Ионин В.Г. Статистический анализ: Учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 241 с. – (Серия «Высшее образование»).

22. S. Gnatyuk, M. Domasev, S. Shavkun, A. Lihachev. Principles of system analysis of the characteristics of inkjet print media. The 6th international conference on imaging science and hardcopy ICISH'2008, Zhanjiang City, P. R. China, 2008, p. 115—118.

НАНОМОДИФИЦИРОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ СТРУЙНОЙ ПЕЧАТИ

© Гнатюк С.П., Домасев М.В., Костенко Д.М.,
Трифонов С.А., Шавкун С.Л.

Санкт-Петербургский Государственный университет
кино и телевидения,

Санкт-Петербургский технологический институт
(технический университет),

Северо-Западный институт печати

Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна, г. Санкт-Петербург

В работе приводятся результаты исследования оптических и фотографических свойств композиционных материалов для цифровой струйной печати – бумаг с наномодифицированной поверхностью. Показано, что прецизионное управление физико-химическими свойствами воспринимающего слоя методами молекулярного наслаивания может существенно изменять их характеристики. Систематическое изучение методов регулирования условий синтеза низкоразмерных структур на поверхности носителей графической информации с использованием нанотехнологий может привести к появлению процессов по созданию принципиально новых классов бумаг с заранее заданными свойствами.

Структура современных носителей для струйной цифровой печати фотографического качества на бумажной или полимерной основе представляет собой сложную систему последовательно расположенных слоев полимерных композитных материалов, каждый компонент которой обладает определенной совокупностью уникальных свойств, неразрывно связанных со свойствами других составляющих. Несмотря на то, что качество печати в конечном счете определяется результатом динамического процесса взаимодействия материала как целостной системы и компонент чернил (тонера) печатающего устройства, определяющую роль в формировании изображения играет поверхностный, воспринимающий слой.

Поэтому целью настоящей работы являлся поиск технологий, которые позволили бы целенаправленно изменять эксплуатационные характеристики материалов для струйной цифровой печати посредством формирования их поверхности заданного химического состава и строения.

Авторами изучалась возможность химической модификации поверхности различных типов носителей изображения с использованием прин-

ципов молекулярного наплавления для управления ее адгезионно-адсорбционными свойствами [1-4].

В качестве опытных образцов были использованы: среднемелованная бумага «BALLET» ОАО «Светогорск», а также бумаги для струйной печати фотографического качества «ФОТОДЖЕТ-ПЛЮС» ОАО «Славич», «Canon Matte Photo Paper» фирмы «Canon» и др.

Термостабильность материалов изучали термогравиметрическим методом с использованием устройства Q-1500D системы Ф.Паулик, И.Паулик и Л.Эрдеи (Венгрия), что позволило оценить величины потери массы и тепловые эффекты (кривые TG и TA), возникающие как результат протекания различных физико-химических превращений в образцах бумаг с ростом температуры, а также скорости изменения этих параметров (кривые DTG и DTA).

На рис. 1 приведены зависимости потери массы и тепловые эффекты исходного, и подвергнувшегося модификации парами PCl_3 образцов фотобумаги «Canon Matte Photo Paper» фирмы «Canon» от температуры.

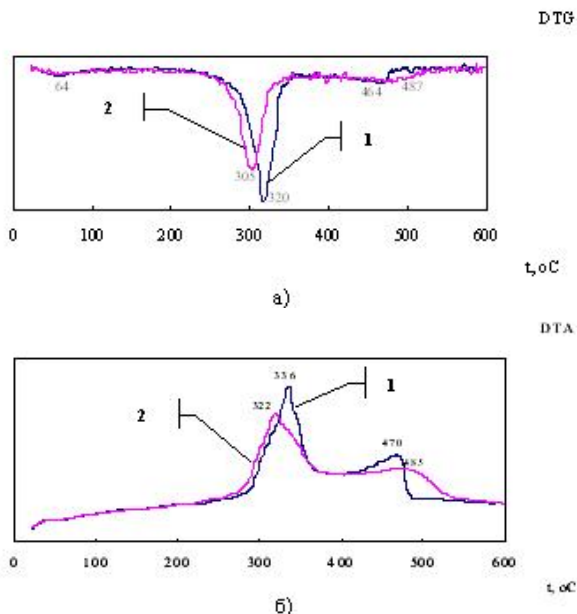

Рис. 1. Зависимость: а) – потери массы (кривые DTG), и б) – тепловые эффекты (кривые DTA), образцов фотобумаги «Canon Matte Photo Paper» фирмы «Canon» от температуры. (1 – исходный образец, 2 – образец после модификации парами треххлористого фосфора)

Первая заметная потеря массы образцов наблюдается в районе 64 °С, что можно объяснить удалением с их поверхности и из объема пор физи-

чески адсорбированных молекул легко летучих веществ. Следующая существенная потеря массы образцов наблюдается выше 300 °С и связана с началом разрушения материала. В интервале температур вплоть до 300 °С не обнаружено заметных проявлений протекания процессов, связанных с поглощением, либо выделением тепла.

Два интенсивных пика, которым соответствуют экзотермические эффекты, были зафиксированы лишь при температурах 322, 336 °С и 470, 485 °С. То есть, химическая модификация приводит к некоторому увеличению термической стабильности материалов в высокотемпературной области.

Для изучения влияния химической модификации на характер микрорельефа поверхности бумаг применили метод сканирующей зондовой микроскопии (использовался атомно – силовой сканирующий зондовый микроскоп «Solver PRO» компании «NT MDT» [5, 6]), рис. 2, 3.

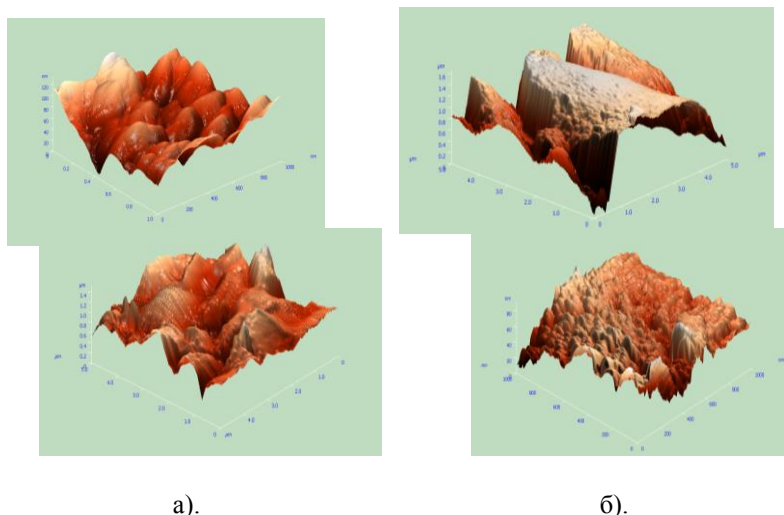

Рис. 2. Результаты анализа образцов бумаги «Canon Matte Photo Paper» методом сканирующей зондовой микроскопии. Изображения участков поверхности с типичной морфологией: а) – исходных образцов носителя, и б) – образцов бумаги с поверхностью, модифицированной парами оксид-хлорида фосфора. Апертура изображения 1000х1000 нанометров.

Как следует из анализа полученных изображений поверхности исходных образцов фотобумаги «Canon Matte Photo Paper» фирмы «Canon», соответствующих им гистограмм распределения микронеровностей, реконструированных профилограмм и их аналогов с модифицированной

поверхностью, проведение химической модификации оказывает влияние на микрорельеф поверхности материалов существенным образом.

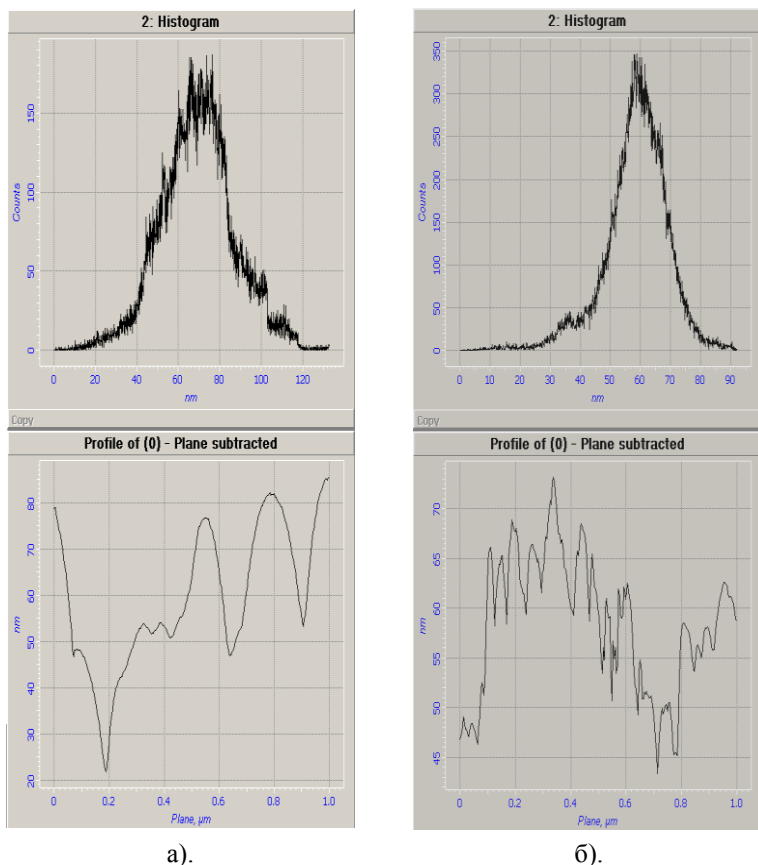

Рис. 3. Результаты анализа образцов бумаги «Canon Matte Photo Paper» методом сканирующей зондовой микроскопии. Гистограммы и профилограммы участков поверхности с типичной морфологией: а) – исходных образцов носителя, и б) – образцов бумаги с поверхностью, модифицированной парами оксихлорида фосфра. Апертура изображения 1000х1000 нанометров

Отмечается резкое уменьшение размера глобул композиционного полимера на поверхности воспринимающего слоя материала, его структура становится более однородной. Это может повлиять на величину диффузной составляющей отраженного от поверхности материала светового по-

тока, что частично объясняет значимое изменение контрастно-резкостных характеристик изображения тест-объекта на поверхности материала после молекулярного наслаивания (табл. 1).

Таблица 1

Оптические характеристики исходных образцов бумаг и тех же носителей с поверхностью, модифицированной TiCl_4

характеристика	фотобумага				
	“BALLET”		“ФОТОДЖЕТ - ПЛЮС”		
	1*	2*	1*	2*	
оптическая плотность	0,468	0,422 0,398	0,490	0,518	0,508
контраст	0,409	0,463 0,528	0,477	0,480	0,455
локальный контраст	0,129	0,143 0,182	0,139	0,153	0,169
резкость	25,25	27,74 34,39	27,22	28,56	24,50
полнота использования диапазона яркости	0,455	0,561 0,667	0,635	0,576	0,553

* – значения оптических характеристик для исходных образцов;

** – значения тех же характеристик для образцов, подвергшихся модификации при температуре процесса 20 °С (верхнее значение), и при температуре 80 °С (нижнее значение)

Количественная оценка параметров распределения размеров микронеровностей поверхности материала до и после проведения модификации, выполненная по результатам анализа их гистограмм, показала, что характер распределения не изменяется и близок к нормальному, однако в процессе модификации наблюдается смещение положения его максимума в сторону меньших значений (с 70 до 58 нанометров), отмечается возрастание его величины (более чем в два раза) и уменьшение диффузности (приведенные данные соответствуют фотобумаге «Canon Matte Photo Paper» фирмы «Canon» с поверхностью, модифицированной парами PCl_3).

Изучение профилограмм позволило оценить форму и геометрические размеры микронеровностей на поверхности воспринимающего слоя образцов фотобумаги и их аналогов с модифицированной поверхностью. Если для исходных образцов носителя характерен разброс значений между максимумами (вершины) и минимумами (впадины) микронеровностей в интервале 20–25 нанометров и средний размер глобул – 0,2 микрометра, то для образцов материала с модифицированной поверхностью наблюдается разброс значений между максимумами и минимумами микронеровностей в интервале от 3 до 8 нанометров и средний размер глобул 0,03–0,08 микрометров.

Значения оптической плотности, контраста, усредненного локального контраста, резкости, полноты использования диапазона яркости, которые были получены по результатам анализа параметров изображения тест – объекта на поверхности бумаг, также зависели от химической природы веществ – модификаторов и от условий проведения синтеза (табл. 1).

Величина абсолютной ошибки определения значений всех величин не превышала $\pm 0,005$.

Такой характер влияния, не нарушая описанной качественной картины изменения всей совокупности значений рассматриваемых параметров, сказывался лишь на величинах их количественных оценок.

Согласно сложившихся представлений о методах молекулярной сборки, основная идея которых состоит в последовательном наращивании слоев структурных единиц заданного химического состава на поверхности твердофазной матрицы (так называемый матричный принцип синтеза), активные группы, химически связанные с поверхностью твердой матрицы должны взаимодействовать с соответствующим компонентом из газовой или жидкой фазы, что сопровождается его направленным присоединением с образованием химически связанного с матрицей слоя структурных единиц, из которых при возможном многократном повторении цикла послойно наращивается твердое вещество. При этом за счет химически определенной последовательности функциональных реакций замещения или присоединения (реакций, идущих с участием функциональных групп) происходит образование новых структурных единиц остова, а активные группы низкомолекулярного соединения, реагирующего с реакционными центрами поверхности, переходят из газовой или жидкой фазы в твердую фазу. Вследствие этого в процессе молекулярного наслаивания при последовательном наращивании химически связанных между собой в единую систему слоев будет происходить трансформация их параметров и образование ряда переходных структур с закономерно изменяющимися характеристиками [7].

По мнению авторов, которое базируется на всей совокупности полученных экспериментальных данных об особенностях использования молекулярного наслаивания для химической модификации носителей для струйной печати фотографического качества, применимость изложенных выше принципов нарушается. В случае сложных композиционных полимерных систем, к которым принадлежат исследуемые образцы, химические превращения в ходе молекулярного наслаивания могут происходить не только на поверхности материалов за счет взаимодействия с ее функциональными группами. Нельзя исключать вероятность диффузии молекул регента вовнутрь полимерной матрицы, когда вышерасположенные активные центры уже блокированы. При этом в круг типов химических взаимодействий, которые могут происходить на поверхности твердых тел

с регулярной структурой и которые нашли свое отражение в предложенной в свое время модели В.Б. Алесковского – С.И. Кольцова [8-10], следует включить всевозможные химические превращения в нижележащих областях с образованием в том числе элементоксидных мостиков как внутри полимерных макромолекул, так и между ними (может именно этим следует руководствоваться при объяснении «регуляризации» морфологической структуры поверхности материалов, наблюдаемой на рис. 2). То есть результат определяется совокупностью механизмов реакций, для которых лимитирующей оказывается не только кинетическая, но и диффузионная стадия.

Это потребовало учета влияния химической природы реагента-модификатора, оценки роли ряда кинетических, конструктивных и технологических параметров на потребительские свойства материалов (анализировалось изменение значений спектрального апертурного коэффициента отражения поверхности бумаг в диапазоне длин волн 350–750 нанометров, белизны, денситометрических и градиационных характеристик, параметров цветопередачи и пр.). Например, увеличение как температуры процесса модификации так и расхода газа – реагента приводило к монотонному регрессу значений спектрального апертурного коэффициента отражения поверхности носителей и было характерно для всех типов модификаторов (рис. 4).

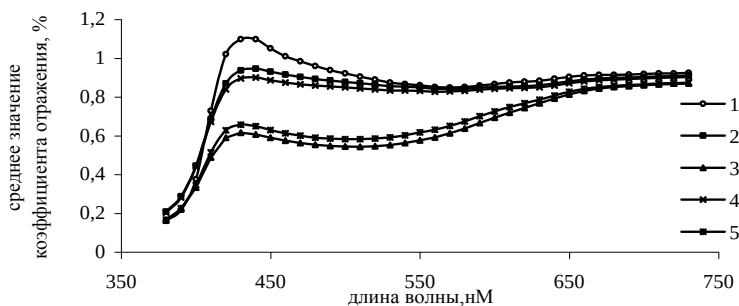

Рис. 4. Спектры отражения поверхности бумаг «Canon Matte Photo Paper» (время модификации – 60 минут):

- 1 – немодифицированный образец;
- 2, 3, 4, 5 – образцы, модифицированные парами POCl_3 при температуре и расходе газа реагента – 298 К и 0,25 л/мин; 323 К и 0,25 л/мин; 298 К и 0,5 л/мин; 323 К и 0,5 л/мин соответственно.

Однако при изменении времени реакции такое поведение нарушалось. Было обнаружено аномальное и существенное (до 40 % в зависимости от химической природы реагента-модификатора) увеличение значений спек-

трального апертурного коэффициента отражения и белизны воспринимающего слоя материалов во всем изученном диапазоне длин волн, возрастающее в ряду: $\text{TiCl}_4 < \text{SiCl}_4 < \text{PCl}_3$. Наблюдалось выраженное влияние заместителей в структуре соответствующих хлоридов на эти характеристики, например: $\text{SiCl}_2(\text{CH}_3)_2 < \text{SiCl}_4$, $\text{PCl}_3 < \text{POCl}_3$ (рис. 5, 6).

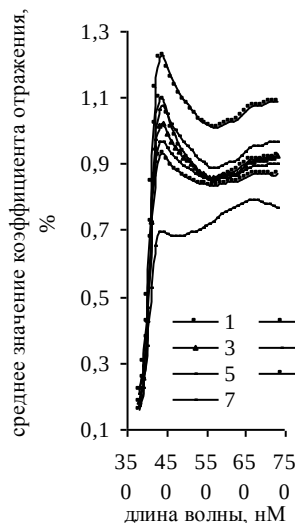

Рис. 5. Спектры отражения поверхности фотобумаги «Canon Matte Photo Paper», модифицированной парами SiCl_4 , при различных значениях длительности проведения модификации: 1 — не модифицированный образец; 2 — время модификации 1 мин; 3 — время модификации 2 мин; 4 — время модификации 4 мин; 5 — время модификации 16 мин; 6 — время модификации 32 мин; 7 — время модификации 60 мин

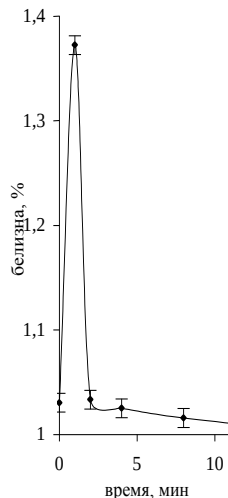

Рис. 6. Влияние времени проведения модификации на величину белизны поверхности бумаги «Canon Matte Photo Paper», модифицированной парами POCl_3

Особый интерес представляет количественный учет влияния химической модификации фотобумаг на их денситометрические, градационные характеристики и характеристики цветопередачи, так как именно в процессе формирования цветного изображения особенно ярко проявляются свойства поверхности воспринимающего слоя и всего материала в целом и их влияние на комплекс адсорбционно – диффузионных взаимодействий при контакте с многочисленными и разнообразными по составу окрашен-

ными и неокрашенными компонентами чернил печатающего устройства. Например, имеет место увеличение оптической плотности и существенная линеаризация формы градационной кривой (рис. 7, табл. 2).

Таблица 2

Регрессия оптической плотности голубой компоненты от плотности запечатывания (бумага Canon Matte Photo Paper)

немодифицированный образец			Образец, модифицированный TiCl ₄ ; длительность модификации 2 с.		
Параметры уравнения регрессии вида: $D_{\text{опт}}=(a_0+a_1 \cdot D_{\text{п.з.}})^2$		Коэффициент корреляции	Параметры уравнения регрессии вида: $D_{\text{опт}}=a_0+a_1 \cdot D_{\text{п.з.}}$		Коэффициент корреляции
a_0	a_1		a_0	a_1	
0,30±0,01	0,0101±0,0002	0,997*	-0,05±0,03	0,0179±0,0005	0,993
Параметры уравнения регрессии вида: $D_{\text{опт}}=a_0+a_1 \cdot D_{\text{п.з.}}$		0,980			
a_0	a_1				
-0,07±0,04	0,0162±0,0007				

* Значение коэффициента корреляции рассчитано на основании линеаризованных значений оптической плотности и плотности запечатывания (уравнение регрессии получено методом приведения параметров к линейному виду)

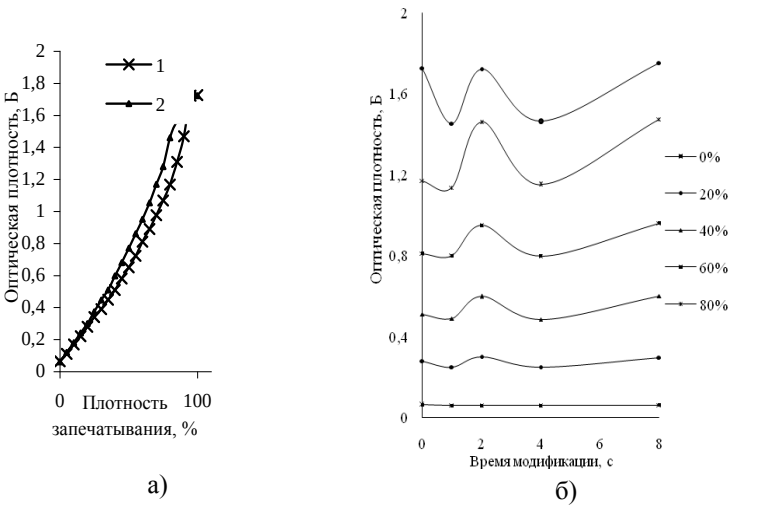

Рис. 7. а) Зависимость оптической плотности от плотности запечатывания (голубая компонента, бумага Canon Matte Photo Paper): 1 – немодифицированный образец; 2 – образец, модифицированный TiCl₄; длительность модификации 2 с.; б) Зависимость оптической плотности голубой компоненты от времени модификации для разных плотностей запечатывания

Сравнение характеристик тоно – и цветовоспроизведения материалов, принадлежащих одному и тому же классу (например, бумаги с матовой поверхностью воспринимающего слоя), но различных фирм – производителей, показало наличие значимой внутригрупповой вариации всех оценок (табл. 3). Это можно объяснить различиями как в химическом составе, так и особенностями технологии изготовления носителей.

Авторами предпринята попытка анализа влияния химической модификации поверхности материалов одного класса с целью получения более однородных значений их потребительских свойств. В качестве образцов были взяты бумаги Canon Matte Photo Paper и ProfLine MT с резко различающимися характеристиками.

Таблица 3

Тоно- и цветовоспроизведение матовых фотобумаг

Образец		ProfLine MT*	Canon Matte Photo Paper*	Lomond Matt Inkjet Photo Paper	Epson Matte Paper Heavyweight	Славич дизайн плюс матовая
C*ab	R	81.96 86.98	86.49 87.02	87.20	89.24	87.92
	G	51.34 50.48	50.58 52.87	56.29	52.66	56.55
	B	35.75 39.66	38.82 39.92	40.51	38.41	38.37
	C	43.33 45.98	45.38 46.23	48.66	45.47	47.48
	M	76.20 78.06	78.86 78.87	79.74	79.99	78.83
	Y	103.19 107.66	108.65 108.92	106.43	110.76	110.97
Объем тела цветового охвата, ΔE^3		454910 526921	528750 531428	544050	553980	577430

* Верхнее значение соответствует параметрам немодифицированного образца, а нижнее для образца модифицированного оксихлоридом фосфора.

Как следует из результатов, представленных в табл. 3, рис. 8, химическая модификация поверхности материала повлияла на изменение широты зоны цветового охвата и характеристики качества цветопередачи фотопроизводственной системы. Наряду с синбатным для всех материалов увеличением цветового охвата и цветовой насыщенности цветовых образцов, сформированных колорантами принтера, наблюдалось своеобразное «выравнивание» их значений; сократилась первоначальная разница зон цветового охвата между образцами, что можно объяснить фактом нормализации химической структуры их поверхности. Объем тела цветового охвата

бумаги Canon Matte Photo Paper увеличился незначительно в то время как для бумаги ProfLine этот показатель возрос с 454910 ΔE^3 до 526921 ΔE^3 . Для первого образца добиться столь значимого улучшения колориметрических характеристик не удалось, поскольку каждый класс материалов имеет присущие ему ограничения параметров, обойти которые затруднительно, однако для материалов, лежащих в рамках одного класса, скорее всего представляется возможным улучшить эти показатели путем оптимального подбора физико-химического строения их поверхности (то есть частично либо полностью нивелировать различия в их структуре) [4, 16].

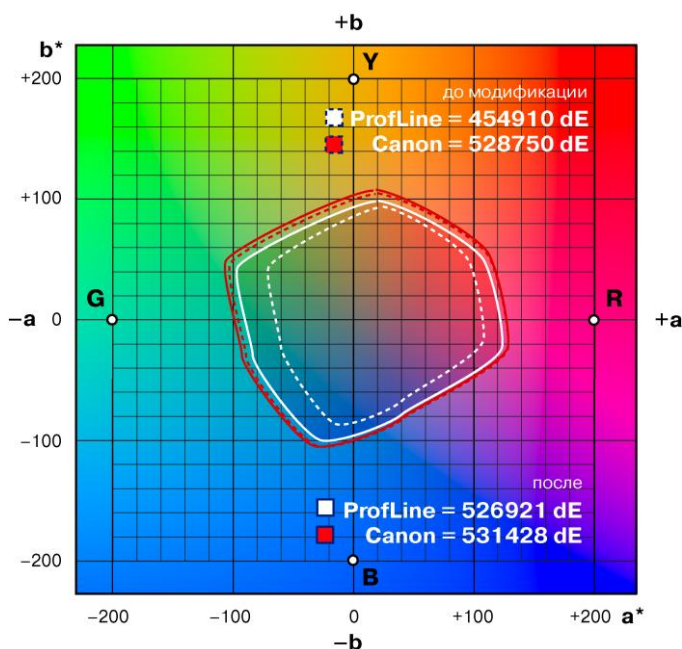

Рис. 8. Зоны цветового охвата бумаг Canon Matte Photoinkjet Paper и ProfLine MT до и после модификации их поверхности с помощью оксид-хлорида фосфора (цифрами на графике обозначен объем тела цветового охвата, выраженный в кубических единицах ΔE цветового пространства CIELAB)

Техника эксперимента, методики измерений и расчетов

Измерение колориметрических характеристик исследованных в работе материалов было осуществлено в соответствии со стандартом МКО 1931 г. относительно стандартного излучения D65 [11].

Для определения значений спектрального апертурного коэффициента отражения в данной работе использовался спектрофотометр Eye-One производства швейцарской фирмы GretagMacbeth. Данный прибор позволял вести измерения в соответствии со стандартом 45°/0° МКО в диапазоне значений видимого спектра длин волн от 380 до 730 нм с шагом $\Delta\lambda = 10$ нм.

Выбор стандартного излучателя D65 вместо принятого в полиграфии стандартного излучателя D50 объясняется тем, что в струйной фотографической печати использование данного источника в качестве стандартного и настройка относительно него точки белого монитора и профиля принтера позволяет добиться большего соответствия печатной репродукции изображения оригиналу, чем при использовании стандартного излучателя D50.

Для определения зоны цветового охвата использовалась стандартная цветовая шкала Eye-One RGB Target 1.5, разработанная швейцарской фирмой GretagMacbeth для использования со спектрофотометром Eye-One.

Вывод шкалы на печать осуществляли на листе тестируемой бумаги формата A4 без цветокоррекции и дополнительной подстройки изображения для предотвращения искажений цвета образцов шкалы на печати. Все измерения проводили не ранее одного часа после формирования тестового изображения для стабилизации его колориметрических характеристик.

Конечной целью эксперимента служило получение количественной оценки широты цветового охвата, в качестве которой использовалось значение объема тела цветового охвата, выраженное в единицах $\Delta E_{L^*a^*b^*}^3$. Для решения этой задачи был использован алгоритм выпуклых каркасов (QHull), разработанный Национальным центром научных и технологических исследований в области расчета и визуализации геометрических структур университета Миннесоты, США, который позволяет выполнять триангуляцию неравномерно-распределенных пространственных данных и строить по этим данным объемные каркасные модели, аппроксимирующие объем и форму поверхности объекта [12, 13].

Величину оптической плотности оценивали спектрофотометрически, на основании данных спектрального апертурного коэффициента отражения и кривой видности человеческого глаза:

$$D = -\log \left[\frac{\sum_{380}^{730} R(\lambda)V(\lambda)}{\sum_{380}^{730} V(\lambda)} \right] \quad (1)$$

где $R(\lambda)$ – спектральный коэффициент отражения,

$V(\lambda)$ – функция относительной световой эффективности человеческого глаза в соответствии с измерениями МКО [14].

Для определения оптической плотности изображения, полученного с помощью желтой, пурпурной, голубой и черной компонент, измерения производились за соответствующими фильтрами: синим фильтром для заливки желтыми чернилами, красным фильтром для заливки голубыми чернилами, зеленым фильтром для заливки пурпурными чернилами по формуле:

$$D = -\log \left[\frac{\sum_{380}^{730} R(\lambda) \omega(\lambda)}{\sum_{380}^{730} \omega(\lambda)} \right] \quad (2)$$

где $\omega(\lambda)$ – коэффициент поглощения фильтра.

Градационные кривые получали посредством измерения оптической плотности в зависимости от плотности запечатывания чернилами соответствующего цвета.

Для исследования контрастно-резкостных характеристик материалов использовалось увеличенное (60X – 200X) изображение штрихового тест-объекта, (рис. 9), по изображению которого, полученному методом оптической микроскопии, определялись характеристики краевой резкости:

$$R_o = \frac{\int_a^b \left(\frac{df}{dx} \right)^2 dx}{f(a) - f(b)} \quad (3)$$

где $f(x)$ – функция значения яркости изображения в точке x ;

a и b – точки, которые расположены на противоположных краях перепада,

$\left(\frac{df}{dx} \right)^2$ – скорость изменения яркости

и локального контраста:

$$C_{ij} = \frac{L_i - L_j}{L_i + L_j}, \quad (4)$$

где L_i , L_j – яркости элементов сюжетного изображения [15].

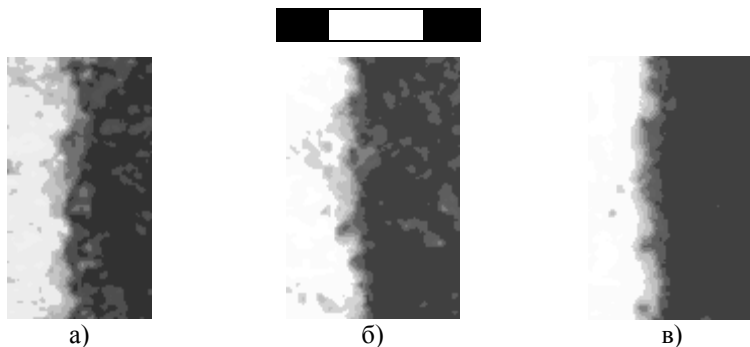

Рис. 9. Тест-объект для определения контрастно-резкостных характеристик материалов для струйной фотографической печати и его воспроизведение на бумаге без покрытия, (а), матовой бумаге для струйной фотографической печати, (б), бумаге для струйно фотографической печати улучшенного качества, (в)

Выводы

Изменение параметров воспринимающего слоя материалов для цифровой струйной печати путем использования прецизионных методов химической модификации приводит к образованию на их поверхности низкоразмерных (наноразмерных) структур, резко изменяющих потребительские свойства носителей.

Формирование низкоразмерных структур для модификации воспринимающего слоя материалов для цифровой струйной печати методами молекулярного наслаивания не приводит к ухудшению сохраняемости материалов в целом.

Наряду с изменением химической природы функциональных групп на поверхности материалов происходит изменение морфологических характеристик воспринимающего слоя. Это может сказаться на изменении характера комплекса адсорбционно-адгезионных взаимодействий в системе «носитель – окрашенные и неокрашенные компоненты чернил», что в свою очередь должно отразиться на потребительских свойствах материалов.

На результаты химической модификации воспринимающего слоя материалов для цифровой струйной печати могут оказывать влияние конструктивные и технологические параметры, химическая природа модифицирующих веществ, кинетика протекания процесса модификации, что требует проведения дополнительных исследований.

Список литературы:

1. Гнатюк С.П., Домасёв М.В., Лихачёв А.Б., Шавкун С.Л. Использование принципов химической модификации для управления свойствами носителей для струйной печати. // Тезисы доклада на Международном симпозиуме «фотография в XXI веке: традиционные и цифровые процессы». – СПб., 2006.
2. Домасёв М.В., Шавкун С.Л., Лихачев А.Б., Гнатюк С.П. Использование принципов химической модификации для управления свойствами носителей для струйной печати. // Тезисы докладов на Третьей Всероссийской конференции «Химия поверхности и нанотехнология». – СПб.: Хилово, 2006.
3. Nikonenko M.M., Shavkun S.L., Domasev M.V., Gnatyk S.P. Principles of chemical modification of inkjet print papers for control of their characteristics. // Тезисы доклада на Международной конференции Print SPB. – СПб., 2006.
4. Гнатюк С.П., Шавкун С.Л. Нанотехнологии как способ управления качеством материалов для цифровой струйной печати. // Тезисы доклада на XX всероссийском совещании по температуроустойчивым покрытиям. – СПб., 2007.
5. Миронов В.Л. Основы сканирующей зондовой микроскопии: Учебное пособие. – М.: Мир физики и техники., 2004. – 144 с.
6. Руководство пользователя атомно-силовым зондовым микроскопом Solver BIO Cell. – М.: НТ-МДТ., 2006 – 52 с.
7. Малыгин А.А. Химическая сборка поверхности твердых тел методом молекулярного наслаивания // Соросовский Образовательный Журнал. – 1998. – № 7.
8. Алесковский В.Б. Химия твердых веществ. – М.: Высшая школа, 1978. – 120 с.
9. Кольцов С.И., Алесковский В.Б. Силикагель, его строение и химические свойства. – Л.: Госхимиздат, 1963. – 82 с.
10. Алесковский В.Б. Химия надмолекулярных соединений: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1996. – 256 с.
11. CIE (Commission Internationale de l'Eclairage). Publication No. 15.2, Colorimetry. Official Recommendations of the International Commission on Illumination, Second edition. Vienna, Austria. Central Bureau of the CIE. 1986.

12. Karl Guyler. Visualization of Expanded Printing Gamuts Using 3-Dimensional Convex Hulls (http://www.efg2.com/Lab/Library/Color/KarlEGuyler_TAGA2000Paper.pdf).

13. Barber, C. B., D.P. Dobkin, and H.T. Huhdanpaa, «The Quickhull Algorithm for Convex Hulls,» ACM Transactions on Mathematical Software, Vol. 22, N. 4 (Dec. 1996), p. 469–483.

14. Джеймс Х. Теория фотографических процессов. – М.: Химия, 1980.

15. Смирнов А.Я. Критерии качества дискретизированных изображений // Труды ГОИ им. С.И.Вавилова. – т. 57. – вып. 191. – Л., 1984.

16. Gnatyuk S., Domasev M., Shavkun S. Nanotechnologies in application to digital print media development. The 6th international conference on imaging science and hardcopy ICISH'2008, Zhanjiang City, P. R. China, 2008, p. 19–23.

Раздел третий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС – ОСНОВА БАЗОВОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1640 – 1660 ГГ.

© Трунов А.А.

Белгородский университет потребительской кооперации,
г. Белгород

В статье проанализирована специфика аграрного вопроса как основы базового социального конфликта Английской революции 1640 – 1660 гг. Борьба двух «программ»: лендлордизма (решение аграрного вопроса «сверху») и крестьянско-плебейской (решение аграрного вопроса «снизу») составляла объективное содержание этого конфликта. В конечном итоге победила и получила законодательное закрепление аграрная «программа» лендлордизма.

Известно, что отправной точкой и необходимым условием существования капитализма является первоначальное накопление капитала, которое, согласно классическому определению К. Маркса, представляет собой «исторический процесс отделения производителя от средств производства» [9, С. 726]. На основании этой теоретической посылки К. Маркс пришел к выводу, который возводился им в ранг общеисторической закономерности: индустриальное производство, основанное на наемном труде, нигде не может возникнуть путем плавной эволюции – последовательного развития внутренней логики товарного производства. Поэтому в качестве исходного пункта капиталистической индустриализации был необходим гигантский социально-политический катаклизм, который ни по своему объему, ни по своим последствиям не совпадал с простым политическим переворотом.

Отсюда следовало, что суть того исторического переворота, который породил капиталистический способ производства, заключалась не в перемене форм государственной власти и политико-правовых отношений, но в коренной ломке отношений собственности. Маркс К. особо выделял революционную сущность изменений в сфере поземельных отношений, указывая на то, что окончательная победа капитализма стала возможна только благодаря превращению феодальной собственности на землю в частную собственность буржуазного типа. В силу этих обстоятельств резкое изменение социально-экономических и политических отношений, которое произошло в Англии в первой половине XVII в., было тесно сопряжено с решением вопроса о собственности на основное средство производства и существования – землю, а переворот в аграрной сфере был своеобразной

«платой» за те политические свободы, которые были получены буржуазией и новым дворянством (джентри) в ходе революции 1640 – 1660 гг.

На конкретном историческом материале К. Маркс показал, что капиталистическое производство, основанное на применении наемного труда, в его классическом варианте было невозможно без массового раскрестьянивания английской деревни, следствием чего стало постепенное превращение английского крестьянства в потенциальную рабочую силу. «Чтобы наемный труд стал фундаментом производства, – комментирует эту марксову мысль Ю.М. Бородай, – власть имущим нужно было начать истребительную войну с большинством своего народа – отнять у крестьян землю, выгнать их вон нагишом, так чтобы деваться им было некуда кроме фабричной казармы» [3, С. 6]. Действительно, основная масса обезземеленных крестьян в Англии появилась в результате «огораживаний» и узурпации лендлордами общинных земель, сгона крестьян с тех земельных участков, на которых они трудились прежде.

В чем заключался смысл так называемых «огораживаний»? Прежде всего, в том, что систему «открытых полей», существовавшую еще со времен родового строя, лендлорды стремились заменить «закрытыми полями», для чего огораживали рвом, изгородью или искусственными насаждениями не только свои маноры, но и земли крестьянской общины, захваченные насильственным путем. Поскольку главным препятствием к созданию крупного капиталистического производства были мелкие крестьянские держания (копигольды), то манориальные лорды, ссылаясь на то обстоятельство, что вся земля принадлежит им по праву рыцарского держания, стали массами сгонять копигольдеров с земли, разрушать их дома, перепахивать межи и огораживать полученные таким образом земельные массивы.

Вследствие этого английское сельское хозяйство, издавна связанное с рынками шерсти, намного раньше английской промышленности стало выгодным объектом приложения капитала. Англия является единственной страной в мире, где соответствующая мануфактуре стадия в земледелии была достигнута не только одновременно с промышленностью, но в ряде случаев раньше ее, «где буржуазный способ производства внедрялся наиболее решительно» [2, С. 20]. О степени интенсивности вторжения капитала в земледелие можно судить хотя бы потому, насколько активно манориальные лорды стали очищать почву от традиционных мелких держателей, предпочитая сдачу больших площадей в аренду фермерам. В виду того, что рента фермеров-арендаторов регулировалась рыночной конъюнктурой, она была в тех условиях гораздо выгоднее лордам, чем ренты копигольдеров, регулировавшиеся манориальным обычаем.

Согласно Ф. Броделю, английское сельское хозяйство в период с 1560 по 1640 г. наращивало свою продукцию различными путями: «распашкой целины, огораживаниями за счет общинных земель или лугов, специали-

заций земледелия, однако без вмешательства революционных приемов, предназначенных для увеличения плодородия почвы и ее производительности» [4, С. 610]. Примечательно здесь именно то, что подавляющее большинство захваченных общинных угодий и пахотной земли крестьян лендлорды использовали под пастбища для овец, поскольку овцеводство стало выгодным занятием. Крестьянские семьи, изгнанные с земли, лишались не только источника существования, но и жилья. Мануфактурное производство еще не могло поглотить без остатка эти массы обездоленных людей, поэтому тысячи обезземеленных крестьянских семейств бродили по дорогам Англии, перебиваясь случайными заработками, прося подаяние, а зачастую – умирая от голода, болезней или в глубокой нищете.

В былые времена любой нищий, постучавшийся в двери богача, был «Божьим посланником», а его персона была неприкосновенной, поскольку облик нищего, согласно средневековым представлениям, мог принять даже Господь Иисус Христос. Средневековые, по словам Ж. Ле Гоффа, «выталкивало на большую дорогу убогих, больных, безработных, сбившихся в толпу бродяг. По отношению к этим несчастным, отождествлявшимся с Христом, оно испытывает те же чувства, что и к Христу: влечение и страх» [8, С. 384]. Однако в XVI в. сострадательное отношение к нищим исчезло. «Ленивый, опасный, мерзкий», – таким стал обобщенный образ нищего, который рисовали себе состоятельные слои английского общества. Вследствие этого в Англии принимались весьма суровые меры против публичного нищенства и бродяжничества, которые стали считаться преступным занятием. Задержанного нищего пороли плетью; ему выбривали голову; его тело клеймили каленым железом. А в случае рецидива его участь была незавидна: чаще всего его казнили «без суда и следствия».

В 1547 г. английский парламент постановил, что все бродяги будут обращать в рабство. Однако два года спустя эта мера была отменена. Просто власти сразу не смогли решить, «кто станет получать этих рабов в условную собственность и употреблять их в работы – частные лица или государство!» [5, С. 522]. Впрочем, в XVII в. эта идея окончательно возобладала в умах некоторых «продвинутых» представителей английского истеблишмента.

Таким образом, проблема массового пауперизма в Англии встала особенно остро именно в период первоначального накопления капитала. Как отмечает К. Поланьи: «Огораживания весьма удачно называли революцией богатых против бедных. Порой с помощью насилия, а часто посредством давления и устрашения, лорды и знать ломали прежний социальный порядок, попирая старинные законы и обычаи. Они в буквальном смысле грабили бедняков, отнимая их долю в общинной земле, снося дома, кото-

рые те, в силу нерушимого дотоле обычая, привыкли считать своей собственностью и наследием своих детей. Прежняя социальная структура безжалостно разрушалась, обезлюдившие деревни и руины человеческих жилищ свидетельствовали о неистовой ярости, с которой бушевала эта революция, подрывая обороноспособность страны, опустошая ее города, истребляя ее население, обращая в пыль ее истощенную почву, принося неисчислимые муки ее народу, который из добропорядочных землепашцев, превращался в толпу воров и попрошайек» [10, С. 46-47]. Благополучные слои английского общества не только долгое время довольно равнодушно взирали на явление массовой пауперизации, но и требовали у королевских властей оградить их от соприкосновения с массами бродяг, толпами направлявшихся в города в поисках работы и пропитания.

По мере увеличения прослойки людей, насильственным образом лишенных земли, в Англии расширялся внутренний рынок, так как многие прежние производители сельскохозяйственных продуктов превращались в их основных потребителей. Это приводило к росту цен на продукты питания, что усиливало наступление лендлордов на права крестьян, поскольку крупное производство в сельском хозяйстве становилось все более выгодным делом. Характерно, что подъем цен на продукты сельского хозяйства в XVII в. был даже более сильный, нежели на мануфактурные изделия [4, С. 610].

«Огораживания» общинных земель и распространение крупной аренды фермерского типа представляли собой две стороны одного и того же процесса – капиталистической трансформации английской деревни. Расширение крупными землевладельцами своего хозяйства, стремившихся повысить его доходность, вело не только к коренной ломке многих деревенских обычаев, но и к новым экспроприациям крестьянской земли. Так, в последние годы правления Елизаветы I Тюдор и в первые годы правления Якова I Стюарта в Англии поднялась новая волна огораживаний [1, С. 66]. В ряде среднеанглийских графств (Уорикшир, Лейстершир, Нортсемптоншир, Глостершир) обезземеливание крестьян в 1597 – 1606 гг. зашло так далеко, что множество деревень исчезло с поверхности земли.

Таким образом, процесс обезземеливания английского крестьянства, или, как его характеризовал К. Маркс, лишение непосредственных производителей основных средств производства, и повторимся, – средств к существованию, – при одновременном накоплении крупных денежных средств в руках лендлордов, составляли в Англии конца XVI – начала XVII вв. основу классического первоначального накопления капитала. При этом деревня превращалась «в рассадник крупной, предпринимательской аренды» [1, С. 61]. Увеличивались рентные платежи, развивалась система субдержаний и субаренды земли, шло сокращение наделных крестьянских дворов. Поэтому проникновение капитализма в сельское хозяйство приводило к обострению противоречий между английским кре-

стьянством, с одной стороны, лендлордами и крупными арендаторами предпринимательского типа – с другой.

Наступление английских лендлордов и крупных арендаторов на исторически сложившиеся права землепользования крестьян встречало упорное сопротивление со стороны последних. Крестьяне нередко с оружием в руках выступали против насилия, творившегося над ними. Так, в графствах Уорикшир, Норсемптоншир, Лейстершир, уже упомянутых нами, произошло крупное крестьянское восстание в 1607 г. Восставшие крестьяне тогда заявили подоспевшим лондонским судьям, что собрались лишь с одной целью – уничтожить «недавно возведенные изгороди», которые «превратили их в бедняков, погибающих от нужды» [1, С. 67]. Примечательно, что ядро восставших составляли безнадельные жители деревень, для которых общинные права оставались важным подспорьем их крестьянского быта.

В 1620-е – 1630-е гг. голодные бунты в связи с дороговизной хлеба были зафиксированы в Сомерсете, Уилтшире, Гемпшире, Беркшире, Сассексе, Гертфордшире, Сеффолке. В 1640 – 1641 гг. уже в 26 графствах Англии произошли крестьянские выступления против «огораживаний» [1, С. 116]. Крестьянские волнения, мятежи, голодные бунты – все это очевидные свидетельства того, что глубокие хозяйственные сдвиги, установление новых, разрушение и трансформация старых экономических и социальных структур объективно способствовали вовлечению английской деревни в бурный водоворот революционных событий.

По словам И. Валлерстайна, «один из самых плодотворных подходов к анализу социальной реальности заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на центральном противоречии и попытаться объяснить как его причины, так и следствия» [6, С. 189]. Принимая во внимание данный подход, и беря его за основу, необходимо также отметить, что конфликт – это частный случай противоречия, его предельное обострение. Рассматривая конфликт уже не в философской, а в практической плоскости, «мы подразумеваем реальную борьбу между действующими людьми или группами, независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон» [7, С. 284]. При этом речь идет именно о резком обострении противоречий, поскольку не всякое противоречие вызывает конфликт. На ранней стадии развития любое противоречие может разрешиться и бесконфликтным образом.

На протяжении всего периода Английской революции, с 1640 по 1660 г., аграрный вопрос был основой базового социального конфликта. Вокруг него шла поляризация сил и разворачивалась ожесточенная борьба за противоположные пути «чистки земель» для капитализма. В монографии «Мир, перевернутый вверх дном» К. Хилл выдвинул гипотезу о двух революциях в Англии середины XVII в.: буржуазно-дворянской и крестьян-

янско-плебейской. Первая из указанных революций знаменовала собой победу буржуазии и джентри. Вторая революция (соответствовавшая интересам крестьянства и плебса) могла бы произойти при определенном стечении обстоятельств, но «так и не состоялась» [12, С. 12-13]. Заметим, что во многом сходной позиции по аграрному вопросу придерживался известный отечественный историк М.А. Барг, причем ключевые идеи его концепции были изложены еще в 60-е гг. прошлого века [2, С. 17-62]. Поэтому вполне обоснованно можно говорить об историографической гипотезе Барга-Хилла.

Активнейшим проводником аграрного переворота «сверху» было джентри, а также буржуазия, которая смыкалась с ним, проникая в его ряды. Этот процесс лежал в основе «стратегического партнерства» буржуазии и джентри, что являлось одной из главных черт Английской революции [1, С. 74]. Установление дворянско-буржуазной монополии на землю, превращение феодального манора в поместье капиталистического типа – вот те основные задачи, за осуществление которых боролось дворянско-буржуазное руководство революции на всем ее протяжении.

Буржуазия и джентри стремились узурпировать в одностороннем порядке право частной собственности на землю, мало заботясь об интересах крестьян, на ней живущих. Поэтому замена феодального строя поземельных отношений исключительно в пользу буржуазии и джентри, юридически закрепленная путем принятия ордонанса от 24 февраля 1645/1646 г.¹, при одновременном оставлении копигольда «на воле лорда» означала, по сути, признание лендлордов единственными собственниками английской территории. Окончательно принятый Палатой общин ордонанс гласил: «Все держания, основанные на оммаже (рыцарские держания), все файны, захваты, «композиции при отчуждении», как и все другие связанные с ними обязательства, отменяются. Все держание *in capite* (от короля) на правах рыцарской службы, как и от других лиц, а также держания на правах сокеджа *in capite* превращаются в свободный сокедж на общем праве» [2, С. 31]. Вскоре Палата лордов поддержала эту законодательную инициативу.

Показательно, что Карл I Стюарт долго отказывался признавать легитимность этого законодательного акта. Решение по аграрному вопросу было достигнуто в 1647 г. в ходе переговоров на острове Уайт, когда Карл I согласился санкционировать парламентский ордонанс от 24 февраля 1645/1646 г. взамен фиксированного ежегодного дохода в сумме 100 тыс. ф. ст. Однако вскоре началась вторая гражданская война, которая завершилась поражением короля и его сторонников. Карл I взмошел на эшафот и принял мученическую смерть, так и не утвердив ордонанса.

¹ Календарный год в Англии XVII в. начинался с 25 марта.

Однако это отнюдь не помешало тому, что парламентский ордонанс сохранял свою юридическую силу при каждом новом режиме. Так, лорд-протектор О. Кромвель 27 ноября 1656 г. не только повторил его содержание, но и дополнил его рядом примечаний, самым существенным из которых было следующее: «Этим утверждается, что все обычные ренты и гериоты (копигольд), выплачиваемые манориальным лордам, должны выплачиваться и впредь» [2, С. 33].

Через несколько лет после смерти О. Кромвеля в Англии произошла Реставрация. «Толпы людей пришли приветствовать Карла II по его прибытии в страну и затем при торжественном въезде короля в Лондон... В некоторых отношениях Реставрация была едва ли не возвращением *status quo ante* 1641 г. В других же она означала реальное укрепление традиционного порядка и вековых основ государства, церкви и социальной иерархии и одновременно устранение любой радикальной угрозы, исходившей от пуритан и республиканцев, не говоря уже о левеллерах и революционерах всех мастей» [11, С. 193]. Но вот что любопытно. В опубликованной от имени Карла II Стюарта «Бредской декларации» содержалось безусловное королевское согласие на «любой акт» Долгого парламента в области землевладения. По существу это был единственный случай подтверждения Реставрацией законодательства революции 1640 – 1660 гг. По всем иным вопросам оно было объявлено упрядненным.

Другим важным шагом классов-союзников стало принятие решения о свободной продаже ранее секвестрованных земель англиканской церкви, деликвентов и короны. По словам Дж. Эйлмера, «значительная часть конфискованных земель была не продана в полном смысле слова, а использована для уплаты немых долгов, сделанных Долгим парламентом. Остальные земли продали; вдобавок те роялисты, которые не могли иначе уплатить долги и «композиции», технически добровольно расставались со своими владениями» [11, С. 114]. Так в Англии начал формироваться новый землевладельческий класс. «Кое-кто – члены нижней палаты, офицеры, чиновники, вербовщики солдат и кредиторы государства, – завершает свой анализ Эйлмер, – сколотили крупные состояния» [11, С. 114].

Действительно, все акты о продаже конфискованных земель, изданные Долгим парламентом, предусматривали примерно одинаковый порядок и условия продажи. Например, оговаривалось, что если данный манор имеет какие-либо обязательства перед каким-либо лицом (если это не король и не деликвент), то покупатель выполняет все эти обязательства по отношению к этому третьему лицу. Это должно было обеспечить неприкосновенность существовавших экономических отношений при переходе земельных владений в другие руки. В ряде актов о распродаже конфискованных земель специально оговаривались права кредиторов. Деньги, данные ими займы Долгому парламенту, засчитывались в счет уплаты за

покупаемую землю, а иногда кредиторам предоставлялось и преимущественное право покупки конфискованных земель.

К покупателям вместе с землей переходили и все привилегии, которыми пользовались прежние владельцы данного манора. Это создавало в деревне своеобразное сочетание буржуазной собственности на землю с феодальными правами над местным населением. А в случае покупки церковной земли новый владелец приобретал не только землю со всем к ней относящимся имуществом, но также право на получение десятины и церковных сборов. Он также мог давать рекомендации по назначению на духовные должности. К новым владельцам переходила и судебная власть прежних собственников.

«Снизу» этой «программе» противостояла борьба крестьян за собственное решение аграрного вопроса. Стержнем крестьянской борьбы было стремление отстоять, упрочить, расширить свое хозяйство и права на землю. В ходе Английской революции в борьбу втягивались все слои крестьянства: деревенские «низы», находившиеся на грани экспроприации или перешедшие эту грань; сохранившийся «средний» слой крестьянской общины; из верхнего слоя крестьян, с его традиционно-патриархальным влиянием и социальным престижем нередко выходили руководители крестьянских движений. Повсюду в крестьянской борьбе активную роль играли работники деревенского ремесла, сельской рассеянной мануфактуры, наемные рабочие угольных копей и мастерских, которые к тому времени еще не утратили связей с землей и крестьянским бытом.

При этом важно подчеркнуть одну принципиальную особенность всех крестьянских движений революции 1640 – 1660 гг.: непосредственно в выступлениях так и не было выдвинуто решительного требования отмены манориального порядка и превращения копигольда в свободно отчуждаемую земельную собственность английских крестьян. В сравнении с жесткой и подлинно всенародной борьбой против «огораживаний» это требование звучало приглушенно. Во многом это объясняется значительной имущественной дифференциацией английского крестьянства и отсутствием у него какой-либо внятной идеологии, связанной с решением аграрного вопроса. Крестьянское возмущение достигло своей кульминации в восстаниях клобменов, которые защищали традиционные ценности и доставили немало беспокойств не только роялистам, но и сторонникам Долгого парламента [11, С. 56].

Обобщая все изложенное, подведем основные итоги:

1. Историографическая гипотеза Барга-Хилла в целом получила свое подтверждение.

2. Аграрный вопрос занимал весьма значительное место в истории Английской революции 1640 – 1660 гг., поскольку служил естественной основой ее базового социального конфликта. Борьба двух аграрных «про-

грамм» (буржуазно-дворянской и крестьянско-плебейской) составляла объективное содержание этого конфликта.

3. Союз буржуазии и джентри от начала и до конца сохранял гегемонию в Английской революции, в результате чего победила и получила законодательное закрепление аграрная «программа» лендлордизма. Отсюда – антикрестьянское решение аграрного вопроса как закономерный итог революции 1640 – 1660 гг.

Список литературы:

1. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.
2. Барг М. А. Народные низы в Английской революции XVII века. Движение и идеология истинных левеллеров. – М.: Наука, 1967. – 352 с.
3. Бородай Ю. М. Почему православным не годится протестантский капитализм // Наш современник. – 1990. – № 10. – С. 2 – 16.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. – 752 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – 672 с.
6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. – М.: Академический Проспект, 2003. – 528 с.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: Пер. с нем. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. / 2-е изд.; пер. с нем. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 908 с.
10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
11. Эйлер Дж. Восстание или революция? Англия в 1640-1660 гг. / Пер. с англ. А.А.Паламарчук, С.Е.Федорова.–СПб.: Алетейя, 2004. – 264 с.
12. Hill C. The World turned upside down. – N.Y.: Viking press, 1972. – 351 p.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ АНГЛИЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ XVI В.

© Трунов А.А.

Белгородский университет потребительской кооперации,
г. Белгород

С позиций современной историографии в статье проанализированы религиозные и политические итоги английской Реформации, получившие свое юридическое закрепление в правление Елизаветы I Тюдор. В период с 1558 по 1603 гг. Англия окончательно и бесповоротно перестает быть страной преимущественно католической, хотя еще и не становится всецело протестантской. Принадлежность подданных Елизаветы I к Англиканской церкви становится обязательным условием их политической лояльности.

Реформация XVI в. (от лат. *reformatio* – «преобразование, исправление») продолжила трагическую цепь разделений христианского мира, став вторым по своему значению событием в истории христианства после раскола единой Церкви на Восточную и Западную в середине XI в. Каждая из сторон этого нового церковного раскола предложила свою интерпретацию Реформации. Для католиков Реформация – это церковная ересь, восстание против Церкви, подобное тем, что случались прежде. Напротив, для протестантов Реформация – это восстановление истинного христианства в его апостольской чистоте и грандиозном величии.

С позиций православного богословия Реформация была и остается ересью. Тем не менее, у истоков Реформации стояли люди, искреннее желавшие восстановить подлинное христианство. Более того, это было «восстание здорового религиозного чувства против утраты средневековым католичеством евангельских начал церковной жизни» [3, С. 51]. Остается лишь сожалеть, что в борьбе с католическим искажением христианства Реформация уничтожила и его католическое содержание. Поэтому протестантизм отнюдь не восстановил апостольское христианство, а лишь заменил одно из его искажений другими.

Не следует упускать из виду аспект, который связан с влиянием Реформации на повседневную жизнь и мировоззрение людей того времени. «Реформация означала не полное устранение господства церкви в повседневной жизни, – подчеркивает М. Вебер, – а лишь замену прежней формы господства иной; причем замену господства необременительного, практически в те времена мало ощутимого, подчас едва ли не чисто формального, в высшей степени тягостной и жесткой регламентацией всего поведения, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни» [4, С. 20]. Протестантизм, особенно в его кальвинистских версиях,

действительно заменил прежние «внешние оковы» человека оковами «внутренними», внешнее и зримое благочестие – благочестием внутренним. Он потребовал от верующего вместо эпизодических «добрых дел» превращения всей его сознательной жизни в беспрестанное «служение Богу».

«Не Бог существует для людей, а люди – для Бога», – такова доминирующая установка мышления протестантов [1, С. 82]. Поэтому все человеческие свершения в условиях Реформации приобретали акцентированное целеполагание – достижение людьми потустороннего блаженства. «Реформация, – развивает эту же мысль О. Шпенглер, – упразднила всю целиком светлую и утешительную сторону готического мифа: культ Марии, почитание святых, мощи, иконы, паломничества, святые дары. Миф о дьяволе и ведьмах остался, ибо он был олицетворением внутреннего мучения, которое лишь теперь и достигло своего полного размаха» [14, С. 311]. В определенном смысле так оно и было. В результате Реформации произошло значительное упрощение готического мифа, его конъюнктурная рационализация.

Однако основные последствия Реформации не исчерпываются лишь изменениями в сфере мировоззрения, что актуализирует задачу их глубокого и всестороннего изучения. Дело в том, что в 1530-е – 1560-е гг. все основные лютеранские и реформистские церкви Западной Европы не только определили свои позиции по основным богословским вопросам, но и оформились организационно. Например, в 1530 г. было принято Аугсбургское вероисповедание. В 1549 г. появилась формула «Цюрихского согласия». В 1556 и 1566 гг. кальвинисты представили два варианта Гельветического исповедания. После завершения работы знаменитого Тридентского собора (1546 – 1563 гг.) католическая церковь также подтвердила положения своей догматики.

Вслед за этим последовала еще более длительная стадия проповедования вероучений, признанных внутри каждой конфессиональной группы. При этом поднимались вопросы, связанные не только с догматикой, но и с различными формами религиозной практики, моделями социально одобряемого поведения верующих, этическими нормами. Насаждение всего этого осуществлялось посредством самых разнообразных каналов коммуникации: религиозных проповедей, печатной продукции, образовательной деятельности школ и университетов. Изменились и формы религиозного контроля над сознанием и поведением верующих. Собственно, еще Вебер отмечал, что многие реформаторы «порицали отнюдь не чрезмерность, а недостаточность церковно-религиозного господства над жизнью» [4, С. 20]. Теперь его осуществляла не только сама церковь (приходские священники, церковные суды), но и светские власти (городские магистраты). В свою очередь это обуславливало необходимость решения проблемы

государственно-церковных отношений в институционально-правовом аспекте.

Особую роль в процессе «конфессиональной самоидентификации» людей того времени играла ожесточенная богословская полемика. Именно этим путем шло обособление той или иной конфессии от прочих христианских сообществ. Богословские комментарии выполняли не столько функцию выражения позиций каждой церкви по рассматриваемым вопросам, сколько служили четким предписанием для «своих» членов – исчерпывающим разъяснением того, чему должны следовать «истинные» христиане и что отличает их от других людей. Наряду с этим полемическая литература была призвана сформировать модели «правильного» религиозного и социально-бытового поведения верующих, репрезентировавших данную конфессию. Отсюда – пристальное внимание протестантов и католиков в XVI в. не только к знаниям об «идеальном христианине», но и к тем педагогическим «технологиям», которые позволяли бы осуществлять формирование его желаемых качеств.

Особый интерес для исторической науки представляет английская Реформация. Она началась с того, чем, собственно, завершилась Реформация в Германии, – с установления государственной церкви, которая в течение долгого времени представляла собой аморфное образование, включавшее в себя как традиционалистов, стоящих весьма близко к католицизму, так и протестантов самого разнообразного толка. В Англии дифференциация и самоидентификация конфессий происходила совсем не так быстро, как на континенте. Поэтому процесс юридического закрепления религиозных и политических итогов английской Реформации XVI в. занял довольно продолжительное время.

Рассмотрим далее события английской Реформации XVI в., обратившись к работам современных историков, в ряду которых особое место занимает монография А.Ю. Серегиной [9], посвященная политическим взглядам английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. В этот период английские католики оказались в положении преследуемого меньшинства, что не могло не сказаться на характере тех изменений, которые произошли под влиянием Реформации. Подход, предлагаемый А.Ю. Серегиной, позволяет не только по-новому осмыслить историю английской Реформации, но и более адекватно, чем это было ранее, понять ее значение.

Известно, что в 1529 г.¹ Генрих VIII Тюдор (1509 – 1547), находившийся под сильным влиянием своего окружения, среди которого особо выделялись архиепископ Кентерберийский Т. Кранмер и могущественный

¹ Эта дата определяется историками на основании созыва Генрихом VIII «Парламента Реформации», который принял первые законодательные акты, направленные на разрыв с католическим Римом [6, С. 4]

временщик Т. Кромвель, объявил о решительном разрыве с Римом в вопросах веры, провозгласил королевскую супрематию, осуществил секуляризацию земельных владений английских монастырей. Именно с этих событий и берет свое начало английская Реформация.

До сих пор в историографии преобладает точка зрения, согласно которой Реформация в Англии прошла относительно быстро и успешно. В частности, отмечается, что уже к концу правления Эдуарда VI Английского (1547 – 1553), чьим советником по религиозным вопросам был шотландский реформатор Д. Нокс (1505 – 1572), протестантизм успел пустить глубокие корни, и «секуляризация завершилась» [6, С. 17]. На этом фоне правление Марии Тюдор Кровавой (1553 – 1558), воспринималось скорее как досадная помеха на пути «триумфального шествия» секуляризации и протестантизма.

Успехи королевской Реформации в Англии объясняются влиянием двух факторов, каждый из которых заслуживают специального рассмотрения.

В качестве первого фактора выступает то, что королевская Реформация была спровоцирована бракоразводным процессом Генриха VIII с Екатериной Арагонской и его последующими действиями. При этом считается вполне естественным, что английский король не только возглавил Реформацию, но и сумел воспользоваться ею в собственных политических интересах («Акт о супрематии», 1534).

Действительно, в период правления Генриха VIII в Англии существенным образом изменились государственно-церковные отношения. Вновь образованная Англиканская церковь была поставлена в заведомо подчиненное положение по отношению к королевской власти. Духовенство признало королевскую супрематию, составными частями которой стали: 1) назначения епископов; 2) контроль над церковной собственностью; 3) делегирование юрисдикции церковным судам; 4) практика наказания лиц духовного звания. Англиканская церковь признала невозможность собственного законодательства без его одобрения короной и фактически стала частью бюрократического аппарата. Произошло также соединение духовной и светской власти в руках короля. Юридические полномочия епископов и архиепископов при этом были существенно ущемлены в пользу короны.

Впрочем, оказавшись в полном подчинении у короля, Англиканская церковь стала независима от Рима. Это проявилось в следующих аспектах:

- богослужебном (создание нового Символа Веры; перевод Библии на английский язык, что согласовывалось с протестантским принципом доступности и понятности Священного Писания для всего народа);

- административно-управленческом (корона контролировала назначение епископов, превратив их в «государственных служащих» особого рода);
- финансовом (все платежи в пользу римской курии, существовавшие ранее, были отменены);
- церковно-правовом (Римский первосвященник лишился юрисдикции над английским духовенством).

Второй фактор определяется тем, что основные идеи королевской Реформации легли на почву, подготовленную к их восприятию широкими слоями английского общества благодаря ереси лоллардизма и народному антиклерикализму XIV – XV вв.

Религиозная жизнь Англии предреформационного периода действительно характеризуется не только подъемом народного благочестия, но и повышенным интересом людей к вопросам Спасения. Однако как раз-то в этом нет ничего удивительного. Как пишет Ж. Ле Гофф: «Чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение... Эта лежавшая в основе всего неуверенность в конечном счете была неуверенностью в будущей жизни, блаженство в которой никому не было обещано наверняка и не гарантировано в полной мере ни добрыми делами, ни благоразумным поведением. Творимые дьяволом опасности гибели казались столь многочисленными, а шансы на спасение столь ничтожными, что страх неизбежно преобладал над надеждой» [8, С. 393]. По существу, весь совокупный Запад сохранял свой средневековый характер ровно до тех пор, пока был единым универсумом, проникнутым христианским страхом и духовной жаждой обрести желаемое Спасение.

Однако в XIV – XV вв. начинаются процессы глубинной трансформации духовно-мировоззренческих оснований средневекового менталитета, вследствие чего католическая церковь утрачивает монопольный контроль над сознанием верующих. Особую роль в этих процессах сыграл парадоксальный синтез церковного и мирского, благодаря чему «человек Средневековья» воспринял мир сквозь призму скорее мифологического, нежели религиозно-догматического мышления, в полном соответствии с законами которого «сакральное» и «профанно-низменное» оказались переплетены в синкретическом единстве. Именно в этом противоречивом синтезе церковного и мирского начал Й. Хёйзинга обнаружил предпосылки последующей секуляризации и рационализации всей западной культуры. По его словам, «жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным. И если, с одной стороны, в святые мгновения все в обыденной жизни возвышается до освящения, то, с другой стороны, священное постоянно

тонет в обыденности из-за неизбежного смешения с повседневностью» [12, С. 187].

Показательно, что именно в рассматриваемый период огромное влияние приобрели всевозможные секты и ереси, вдохновлявшиеся хилиастическими представлениями. Постепенно «начала воскресать мысль так устраивать жизнь, чтобы в ней все учреждалось не по закону Божию, а по человеческому соображению и желанию» [10, С. 494]. Хилиастические представления послужили смысловыми «матрицами» протестантской этики, формирование которой началось несколько позднее – уже в XVI в. Поэтому Реформация составляла лишь наиболее значимый пункт в ходе «трансформации католического сектантства в «посюсторонние» течения» [15, С. 31]. Эта трансформация еще более упорно проводилась, с одной стороны, сторонниками народно-реформационных движений, а с другой – протестантами-кальвинистами, придававшими особое значение сближению Града Небесного с Градом Земным.

Кальвинизм занимает особое место в протестантизме, который был порожден хилизмом и институционализирован Реформацией. Если лютеранство было апостасийным явлением в самом христианстве, представлявшим собой произвольную и достаточно избирательную рационализацию полноты Христианского Откровения, то кальвинизм, включая названное, имел очевидные корни в альбигойских ересьях, в манихействе, в ветхозаветном иудаизме, то есть в исторических глубинах вселенской борьбы добра со злом. Ведь сам тезис о том, что еще до сотворения мира люди делятся на счастливых «избранных» и несчастных «изгоев» («Бог решением своим и для проявления величия своего предопределил (predestinated) одних людей к вечной жизни, других присудил (foreordained) к «вечной смерти» [4, С. 80]), есть полная противоположность христианскому восприятию мира как Всеединства через троичность. Деление мира на несмешивающиеся субстраты добра и зла, где зло признается равночестным добру, способным к творчеству и творению, порождает отказ людям в этическом равенстве.

Однако и это вполне закономерно, ибо, как пишет Л.А. Тихомиров, с самого начала своего существования «христианство было затопляемо целым океаном пантеистических и дуалистических учений, с их эзотеризмом, с их разрядами посвященных. Тут толпились гностики, каббалисты, затем пошли манихеи и разные производные секты – павликиане, богомилы, катары. Эти учения пытались просочиться и в христианство, искажая и Личность Спасителя, и Его религиозное дело. Церковь лишь самой напряженной борьбой отбилась от всех этих лжеучений, но они не исчезли и не прекратили своих попыток пробраться в Церковь или разложить ее» [10, С. 449].

Дуалистическое видение мира, характерное для ересей и сект Средневековья, в котором не только добро, но и зло сущностно и самостоятельно, не воспринимает мир троически, как многопостасное Творение во всеединстве. Однако стремление охватить и постичь всеединство присуще всему пути развития человеческой мысли и духовного опыта. Именно оно подготовило человечество к восприятию Святой Троицы. Пока пресловутое «ratio» не было отделено от «credo», духовное принятие Святой Троицы неуклонно поднимало выше и вдохновляло человеческое познание мира во всей его полноте.

Лоллардизм как типичная ересь Средневековья действительно оказал определенное влияние на идейную подготовку английской Реформации. При этом особую роль в распространении лоллардизма сыграло проповедничество. Благодаря проповедникам внимание верующих все чаще привлекалось к проблемам, связанным с ответственностью католической церкви перед мирянами в деле их Спасения. «В новых представлениях о церкви и духовенстве, – пишет Ж. Делюмо, – христианский народ взял на себя роль судьи для церковной иерархии и пастырей» [5, С. 144]. Характерно, что в народном антиклерикализме традиционное недовольство мирян недостойным образом жизни клириков тесно сочетались с некоторыми идеями, получившими последующее развитие в протестантских кругах. Довольно часто именно критика со стороны мирян подталкивала клириков к исповеди, покаянию, духовному очищению, а в конечном итоге – подвигала некоторых из них к Реформации.

Из всего этого следовал вывод о том, что английская Реформация не только активно насаждалась «сверху», но и с энтузиазмом поддерживалась «снизу», вследствие чего представлялась историкам как динамичный процесс, который уже в первой половине XVI в. был близок к своему завершению. Однако в последние десятилетия, начиная с 1980-х гг., традиционная историографическая трактовка английской Реформации подверглась обоснованной критике. Дело в том, что английский католицизм к началу XVI в. вовсе не утратил своей жизнеспособности.

Далее, в островной Англии антиклерикализм не имел такого широкого распространения, как в континентальной Европе. На протяжении нескольких столетий наиболее острая критика в адрес клира традиционно исходила из среды самих же клириков – сторонников религиозного «реформаторства». Так, известно, что английский теолог, профессор Оксфордского университета Д. Виклиф (1320/1324 – 1384) отказывался от всякой церковной иерархии, желая только равноправия священников, которые должны были нести Слово Божие в народ. Проповедь Евангелия среди мирян представлялась ему гораздо более важным делом, нежели укрепление католического культа. «Бродячие клирики», согласно Виклифу, «должны были разделить долю смиренных бедняков и просвещать

толпу» [5, С. 153]. При этом Виклиф решительно отвергал преимущества духовенства над мирянами в деле Спасения.

Уместно также напомнить, что королевская Реформация не представляла собой единого процесса, который совершался бы по определенному плану, но распадалась на серию конъюнктурных властных решений. А они принимались не только в конкретных исторических обстоятельствах, но и под влиянием определенных политических фигур.

Наконец, как уже отмечалось, английская Реформация несколько «запоздала» по сравнению с европейской. Причем изначально она приняла характер компромисса между католичеством и протестантизмом, преимущественно кальвинистского толка. Об этом, кстати, свидетельствует и содержание основных богословских книг Англиканской церкви. Их специфической особенностью является некая намеренная богословская амбивалентность. Это объясняется тем, что они были составлены в эпоху религиозного противоборства как выражение скорее тактического компромисса, нежели фундаментального принципа ортодоксии.

Вполне естественно, что практические результаты религиозной политики Генриха VIII не могли удовлетворить всех людей, которые в то время проживали в Англии. Так, Э. Джильби весьма негативно оценивал итоги английской Реформации, которую осуществили Генрих VIII и его ближайшее окружение. По его словам, «это была не Реформация, а деформация... Боров [Генрих VIII Тюдор, – А.Т.] был занят тем, что разрывал и выворачивал землю, как и следовавшие за ним свиньи. Но искали они только приятные плоды, которые подбирали своими длинными рылами... Не являлось ли оскорблением Христа – нашего единственного Главы – то, что этот дьявольский боров должен был именоваться главой церкви? О, Англия, ты была не лучше римского антихриста» [2, С. 65]. Это лишь один из многих примеров, которые позволяют лучше понять позицию противников английской Реформации первой половины XVI в.

Всеми перечисленными обстоятельствами обусловлены не только колебания Генриха VIII, который не был готов к радикальным изменениям догматического характера [6, С. 16], но и реальное сопротивление религиозной политике его сына – Эдуарда VI, выразившееся в массовом неприятии литургических нововведений и иконоборчества. Иначе интерпретируется современными историками и кратковременное правление Марии Тюдор, проводившей в Англии политику реставрации католицизма, которая имела значительную народную поддержку и именно поэтому достигла определенных результатов, но не была доведена до конца из-за тяжелой болезни и смерти королевы.

Из этого следует, что вплоть до восшествия на королевский престол Елизаветы I Тюдор (1558 г.) английская Реформация носила поверхностный и обратимый характер. На наш взгляд, именно это событие является

поворотным пунктом в истории английской Реформации, что уже в свою очередь позволяет более адекватно оценить ее итоги.

Елизавета I на всем протяжении своего многолетнего правления пыталась решить весьма трудную задачу – путем гибкой религиозной политики создать протестантскую церковь в стране, населенной преимущественно католиками. Действительно, сразу же после прихода к власти, Елизавета I остановила судебные преследования протестантов.

В 1559 г. при ее активном участии была восстановлена королевская супрематия, вследствие чего королева получила титул «Верховного правителя» Англиканской церкви. Это вызвало гнев противников Елизаветы I, в том числе и некоторых протестантских теологов. «Мы видим, – выражал свое недовольство Нокс, – что в правлении женщин простой народ угнетается, унижается истинная религия и жестоко проливается кровь христиан... Если Бог поднимет какое-нибудь благородное сердце, чтобы защитить свободу своей страны и уничтожить чудовищное правление женщин, пусть все, кто осмелится защищать этих чудовищ, знают, что, поступая так, они поднимают руку против Господа и что когда-нибудь они почувствуют Его Силу» [7, С. 41].

Не беря во внимание откровенно антифеминистскую риторику Нокса, остановимся на главном: акт о супрематии провозглашал власть королевы над английской церковью, полностью отвергал власть Римского первосвященника, требовал принятия особой присяги от всех должностных лиц, включая и тех, кто получал ученую степень в университетах, а также тех, кто посвящался в духовный сан [9, С. 269-270]. Отказ от принятия присяги означал смещение любого лица со всех постов, им занимаемых. Отрицание королевской супрематии со стороны любого подданного приравнивалось к преступлению против короны, влекло за собой лишение имущества и личной свободы. Повторный отказ от присяги был равнозначен факту государственной измены. Поэтому и у Нокса, и у подобных ему ангажированных «недоброжелателей» были веские причины опасаться расширения политического влияния английской королевы.

Статут о единообразии (1559 г.) восстанавливал протестантское богослужение в форме, предписанной «Книгой общих молитв» (1552 г.), которая сохраняла внешнюю преемственность с католицизмом. Заметим, что после ряда редакций окончательное утверждение «Книги общих молитв» состоялось лишь в 1661 г., и вплоть до настоящего времени она остается «символом церковного единства всего Англиканского содружества» [3, С. 83].

Изменения, вносимые в порядок литургии, карались лишением бенефиция и тюремным заключением священника. Тот же статут устанавливал штраф в размере 12 пенсов за непосещение мирянином приходской церкви по праздникам и воскресным дням [9, С. 273]. Карались и принудительные действия со стороны мирян, которые могли заставить священни-

ка отслужить мессу силой. В этом случае миряне, виновные в принуждении священника, должны были заплатить штраф уже в размере от 100 до 400 марок в королевскую казну. В случае рецидива им грозило пожизненное тюремное заключение.

Однако эти карательные санкции носили декларативный характер и не получили сколько-нибудь широкого применения. Представляется, что именно поэтому в течение 1560-х гг. многие приходские священники считали елизаветинскую Реформацию явлением сугубо временным и случайным, допускали отступления от порядка богослужения, предписанного властями, делая его похожим на католическую мессу.

Первоначально Елизавету I не оставляли надежды, что католицизм в Англии постепенно «отомрет» вместе с поколением консервативно настроенных мирян и священников. Однако ее расчеты не оправдались.

Два политических заговора, имевших своей общей целью возвести на королевский престол Марию Стюарт (1542 – 1587), а также Северное восстание 1569 г., тесно связанное с ними, вынудили Елизавету I принять репрессивные меры в отношении английских католиков. Для последних ситуация еще более ухудшилась после того, как папа Пий V 27 апреля 1570 г. издал специальную буллу об отлучении Елизаветы I от церкви и освобождении ее подданных от долга верности королеве [9, С. 265-266].

Елизавета I очень быстро воспользовалась столь неожиданным для нее «подарком» Пия V для укрепления собственной власти. Так, в 1571 г. английский парламент постановил, что одно только сомнение в законности права Елизаветы I на престол является государственной изменой, караемой смертью и конфискацией имущества. Обсуждение вопроса о престолонаследии в любой форме запрещалось под страхом тюремного заключения. Другой статут, принятый тем же парламентом, приравнивал к государственной измене получение булл или посланий от Римского первосвященника, что исключало легитимность каких-либо контактов с ним [9, С. 275-277]. Для католиков выбор между Римом и Лондоном переставал быть делом, решение которого отдавалось на их личное усмотрение, поскольку лояльность по отношению к королеве уже не могла совмещаться с подчинением папе в вопросах веры.

В период с 1581 по 1593 гг. шла не только война с Испанией, но и велось активное вытеснение католиков за пределы Англии. Так, парламент 1585 г. фактически узаконил самосуд, от которого пострадали многие католики, особенно священники. Другой статут 1585 г. предписывал всем католическим священникам покинуть Англию в течение 40 дней по окончании парламентской сессии. Тем же, кто оставался, грозило обвинение в государственной измене [9, С. 42]. Весной того же года был раскрыт «заговор» У. Парри, а 1586 г. принес с собой раскрытие «заговора» Э. Бабингтона. По версии Е.Б. Черняка, оба они были инспирированы государ-

ственным секретарем Ф. Уолсингемом, который виртуозно координировал эти секретные операции елизаветинских спецслужб [13, С. 127-143]. Более того, «заговор» Бабингтона лишь создал предлог для «юридического убийства» Марии Стюарт.

Одновременно с этим формировался образ «католиков-папистов» как скрытого опасного «врага», который использовался королевой для решения пропагандистских задач. Сторонникам Елизаветы I удалось не только дискредитировать католиков как «врагов королевства», но и добиться физического устранения Марии Стюарт, которая была казнена в 1587 г. Вместе с ней были похоронены и надежды «папистов» на мирную реставрацию католицизма в Англии.

Заметим, что негативная реакция папы Сикста V и испанского короля Филиппа II на драматические события в Англии, отнюдь не остановила Елизавету I, которая перешла к акциям силового устранения католиков. Так, известие о подготовке Армады вызвало в Англии новую волну репрессий против них. В 1587 г. прошли чистка мировых судей и массовые аресты, а на 1588 г. приходится пик казней в елизаветинский период правления. Разгром Армады не принес облегчения английским католикам, поскольку война с Испанией продолжалась.

По подсчетам А.Ю. Серегиной в 1577 – 1585 гг. было казнено 35 католиков (27 священников и 8 мирян), в 1586 – 1592 гг. – 96 католиков (69 священников, 27 мирян), в 1593 – 1603 гг. было казнено 33 католических священника [9, С. 43]. Эти преследования не только вызвали кризис духовной жизни и перерождение католического сообщества, но и привели к резкому сокращению общего числа английских католиков.

Таким образом, в период правления Елизаветы I произошло существенное усиление королевской власти за счет последовательной политики, направленной против католицизма. И все же оно не повлекло за собой коренной ломки принципов средневекового политического устройства. В числе этих принципов были: во-первых, идея органического единства английского общества и государства; во-вторых, идея гармоничного сосуществования различных субъектов власти; в-третьих, идея подчинения власти монарха абстрактному закону; в-четвертых, отсутствие четкого разделения правовой и политической сфер; в-пятых, баланс власти между монархом и парламентом; в-шестых, эффективность системы местного самоуправления; в-седьмых, опора монарха на милицию в деле охраны государственного порядка [11, С. 111-112].

В минимальной степени была затронута и сфера королевских прерогатив. Зачастую Елизавете I приходилось прибегать к интригам, лести, обману, обещаниям и другим ухищрениям, чтобы добиться от английского парламента принятия нужных ей статутов. Более того, королева нередко предпринимала значительные усилия по обеспечению поддержки своим предложениям со стороны Палаты общин – «путем отправки в Палату

своих посланий и распространения там «слухов», путем давления на спикера и инструктирования его относительно того, как вести дела в парламенте» [11, С. 131], а также путем приглашения к себе депутатов от обеих Палат, приема их в Уайтхолле и последующей «персональной обработки», и, наконец, путем торжественных визитов в парламент в карете или открытом экипаже.

Пожалуй, единственным, что омрачало елизаветинское правление, были ожесточенные религиозные конфликты между сторонниками Англиканской церкви и католиками. Они создавали постоянную угрозу политической стабильности в стране. Однако и здесь Елизавета I сумела восстановить довольно специфическое подобие «религиозного мира», создав ситуацию, едва ли не уникальную для того кризисного времени. Например, только в соседней Франции между 1562 и 1598 гг. произошло восемь гражданских войн на религиозной почве, в то время как в Англии того же периода не было зафиксировано ни одной.

Обобщая все изложенное, подведем основные итоги:

1. Исторические факты свидетельствуют о том, что реальное развертывание Реформации в Англии относится не к первой половине XVI в., как это считалось ранее, но к царствованию Елизаветы I Тюдор (1558 – 1603 гг.). Именно в этот период Англия окончательно и бесповоротно перестает быть страной преимущественно католической, хотя еще и не становится страной полностью протестантской.

2. Безусловно, елизаветинская Реформация значительно расширила ряды английских протестантов. При этом католическая церковь была низведена до уровня деструктивной секты, а католицизм стал религией меньшинства. Принадлежность большинства англичан к концу правления Елизаветы I к Англиканской церкви во многом объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, тем, что она сохранила свою внешнюю преемственность с католической церковью, а основная масса людей того времени слабо разбиралась в вопросах догматики; во-вторых, тем, что государство обрушило против католиков всю мощь своего пропагандистского и репрессивного аппарата, вследствие чего произошло не только размывание традиций католического благочестия, но и замена его религиозным конформизмом и индифферентизмом.

3. При этом Елизавета I была монархом, который и царствовал, и правил, выступая в качестве персонифицированного носителя сакральных и рутинных функций государственной власти. Но делала она это в формальном соответствии с законами, то есть в должном уважении к правам и свободам поданных-протестантов. Исключение делалось ею в отношении представителей неконформистских пуританских сект (приверженцев пресвитерианства и индепендентства [1, С. 88], фамилистов [2, С. 90]), а также в отношении подданных-католиков, против которых велась откры-

венно дискриминационная политика. В целом же принадлежность поданных к Англиканской церкви рассматривалась королевой как одно из основных условий их политической лояльности.

Таковы религиозные и политические итоги английской Реформации, получившие свое юридическое закрепление в период правления Елизаветы I.

Список литературы:

1. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.
2. Барг М. А. Народные низы в Английской революции XVII века. Движение и идеология истинных левеллеров. – М.: Наука, 1967. – 352 с.
3. Васечко В., иерей. Сравнительное богословие: Учеб. пос. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 100 с.
4. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2006. – 656 с.
5. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения / Пер. с франц. И. Эльфонд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 720 с.
6. Иванова О.Ю. Проект реформы канонического права в контексте ранней королевской Реформации в Англии (1529-1553 гг.): Автореф. дис. ... канд. историч. наук: (07.00.03). – Брянск, 2006. – 20 с.
7. Лавровский В. М. Сборник документов по истории английской революции XVII в. – М.: Высшая школа, 1973. – 342 с.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.
9. Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII века. – СПб.: Алетейя, 2006. – 296 с.
10. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004. – 688 с.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
12. Хёйзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нид. – 3-е изд., испр. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 544 с.
13. Черняк Е. Б. Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе. – М.: Мысль, 1991. – 605 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
15. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 415 с.

НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

© Широков А.И.

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

В статье рассматриваются проблемы исторических судеб коренного населения Северо-Востока России в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия в советскую эпоху. Признавая определенные успехи советской национальной политики, особенно в 1920-е гг., автор сосредотачивает свое внимание на негативных последствиях основных направлений деятельности советского государства, фактически поставивших аборигенные этносы региона на грань национального выживания.

Проблемы межкультурного взаимодействия в условиях современности приобретают непреходящее значение. Это особенно важно по двум основным причинам. Первое. Стабильность и поступательность развития нашей страны во многом обуславливается адекватным учетом многонациональности и поликультурности населения России, населяющего ее огромные пространства. Второе. Усиливающееся взаимопроникновение культур населяющих нашу планету народов в условиях глобализации заставляет чрезвычайно осторожно продвигаться в направлении создания наднациональных политических и экономических структур. Такие структуры обязаны содействовать тому, чтобы каждый этнос, сохраняя культурную идентичность, мог использовать общечеловеческий опыт в положительной динамике своего развития.

В этом отношении пристальное внимание к проблемам российского Севера безусловно оправданно. Его экономическая и геополитическая роль сегодня огромна и с неизбежностью будет возрастать в будущем. С одной стороны, Север – это крупнейший, а после распада СССР – последний резерв развития страны. Именно на него приходится 70 – 80 % из тех 300 трлн. долларов, в которые ООН оценила ископаемые ресурсы России [12, С. 21]. С другой, именно Север, как «арктический фасад России», во многом определяет роль и место нашей страны в международных экономических и политических отношениях.

Соответственно сказанному, чрезвычайно актуальным становится изучение характера межкультурных, межкультурных контактов на территории Российского Севера в целом и Северо-Востока России, в частности. И здесь нельзя обойтись без анализа истории взаимоотношений между коренным населением, создавшим свою уникальную цивилизацию, и

населением инонациональным, которое пришло сюда со своими приоритетами и ценностями. Это тем более важно, что в советской научной литературе основное внимание уделялось историко-этнографическим, фольклорным и лингвистическим изысканиям в максимально «очищенных» от внешнего окружения этнических группах. В то же время исследований, направленных на анализ социально-экономических, культурных, психологических проблем, возникавших в условиях интенсивного межэтнического взаимодействия, было явно недостаточно [11, С. 13].

В течение долгого времени в исторической науке безраздельно господствовал взгляд на российское (советское) государство как на благотворительное Проведение, исключительно благодаря которому народы Севера из своей предыстории перешли к своей истории подлинной и настоящей. Это было характерным для описания вхождения территории Северо-Востока в состав России, рассматривавшейся исключительно как мирный процесс. Походы русских казаков рассматривались как «великие географические открытия». А сами казаки представляли в облике бескорыстных землепроходцев, этаких «рыцарей без страха и упрека» [7, С. 11]. Одновременно история народов Северо-Востока в XX столетии описывалась исключительно как неуклонно поступательное развитие, ставшее возможным в ходе государственной политики так называемого «освоения» региона. Сегодня перечисленные концептуальные основания подвергаются серьезной и обоснованной критике. И, прежде всего, потому, что историческая действительность во многом им противоречила и противоречит.

Не углубляясь в историографию проблемы, заметим, что вполне разумным будет рассматривать этот вопрос в контексте российской – советской колонизации Северо-Востока. В разные периоды она имела различную степень интенсивности и напряженности государственной политики. Итоги досоветской колонизации края очень рельефно подвел известный исследователь Дальнего Востока Н.В. Слюнин. Еще в 1908 г. он писал: «водворившись в крае, мы не заглядывали в его будущее, как будто не собираясь там оставаться. За все время обладания окраиной (для Охотско – Камчатского края – 270 лет, для Амурского района – 50 лет) не было выработано ни определенного плана колонизации, ни однообразной системы эксплуатации местных богатств, ни такого административного строя, который благоприятствовал бы экономическому развитию» [19, С. 6]. Это положение усугублялось хищнической эксплуатацией биологических ресурсов территории российскими и американскими промышленниками. Частыми среди аборигенов были эпидемии привнесенных сюда болезней, усугублявшиеся практически полным отсутствием системы медицинской помощи. Коренные жители региона не имели возможности получения образования.

Первые годы существования советской власти после революционных событий 1917 г. характеризовались коренным изменением государственной политики по отношению к малым северным народностям.

Различия в уровне развития социальной среды в центральных районах страны и на ее окраинах к тому времени привели к тому, что советское государство, осознавая важность решения вопросов внутренней колонизации, ставило перед собой весьма широкие задачи.

Для их решения были использованы серьезные интеллектуальные и административные ресурсы. В этом отношении заслуживает особого внимания деятельность специализированного научного подразделения – Государственного колонизационного научно – исследовательского института, созданного в начале 1920-х гг. и имевшего целью разработку программ колонизации окраинных территорий Севера, Дальнего Востока и Азиатской части страны. Сотрудник Госколонита профессор А.А. Ярилов формулировал задачи колонизации, демиургом которой должно было стать советское государство. По его мнению, колонизации «надлежит вместиť в себя представление о том, что не навязывается из вне и более или менее насильно иными интересами, а что вытекает из потребностей самих окраин или колонизационных районов вообще, что имеет согласовать эти потребности с общегосударственными интересами в целом, с интересами Союза всех федеративных республик, с интересами всего трудящегося человечества» [25, С. 7]. При этом исследователь специально отмечал, что «центр здания переносится прежде всего на устройство местного туземного населения, как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации природных богатств своего района» [24, С. 52].

Реализация на практике этих концептуальных оснований нашла свое отражение в деятельности образованного 20 июня 1924 г. Комитета Содействия малым народностям северных окраин («Комитета Севера») при Президиуме ВЦИК. Основной его задачей объявлялось «содействие планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [17, С. 224]. Представители коренных народов Севера могли принимать участие в работе Пленумов Комитета на правах членов. Комитет проводил свою работу через другие государственные учреждения, по отношению к которым обладал распорядительными правами. Он также имел право контроля над выполнением всех нормативных актов, касавшихся малочисленных народов Севера. В целях обеспечения его деятельности, в течение 1924 – 1925 гг. были созданы региональные отделения Комитета Севера в Сибири и на Дальнем Востоке [2, С. 25].

25 февраля 1925 г. Постановление ВЦИК и СНК определило обязанности Комитета, в которые правительством включались: «а) Выяснение,

разработка и проведение в установленном порядке мероприятий, необходимых для хозяйственно – экономического подъема Севера; ... в) Собираание необходимых сведений о жизни и нуждах северных народностей, изучение истории, культуры и быта» [18, С. 7].

Одним из важнейших мероприятий в деятельности Комитета Севера стало активное содействие проведению в 1926/1927 гг. так называемой Приполярной переписи, позволившей уточнить демографическую и хозяйственно-экономическую ситуацию практически во всех северных регионах. В интересующем нас регионе перепись коснулась населения Чукотского, Анадырского и Пенжинского районов Камчатского округа и Ольского района Николаевского округа Дальне-Восточного Края, а также Колымского округа Якутской АССР, включавшего Колымский улус, Нижнеколымскую волость и район Восточной тундры, согласно административно-территориальному делению того времени.

Численность населения здесь составила по данным переписи. 28 520 человек. Обобщая все имеющиеся данные, мы получим примерно равное соотношение между оседлыми жителями и кочевниками в структуре населения – соответственно 14 344 человека (или 50,3 %) и 14 176 чел. (или 49,7 %).

При этом самой большой национальной группой в составе всего населения региона оказываются чукчи (всего – 6835 чел., из которых 48,8 % – кочевые). Второй по численности можно считать указанную переписью Анадырского района группу кочевых чукчей и эскимосов (4549 чел.). Затем следуют 4502 оседлых якута. Далее, в порядке убывания: коряки (всего 3448 чел., из которых 59,8 % – кочевые), эвены (всего 3370 чел., 87,3 % – кочевники), 1250 оседлых эскимосов, эвены (всего 900 чел., из которых 94,8 % – кочевые), чуванцы (всего 687 чел., 45,4 % – кочевники), оседлые камчадалы (315 чел.) и юкагиры (всего 166 чел., 72,3 % – кочевые).

Пришлое население (по терминологии переписи – «русские и прочие нетуземцы») во всех перечисленных нами районах составило всего 2498 человек, что равно лишь 8,7 % общей численности населения региона [23, С. 17-19].

Экономическую основу жизнедеятельности аборигенов в это время составляли три культурно-хозяйственных комплекса: морское зверобойное хозяйство, крупнотабунное оленеводческое хозяйство, рыболовецкое и охотничье хозяйство [14, С. 17]. Вполне естественно, что они не исчерпывали всего спектра производственных занятий населения, но являлись обозначением лишь основного направления промысловой деятельности, к которому примыкали все остальные, играющие менее значительную роль.

Специфика образа жизни аборигенного населения вызвала к жизни оригинальную организационную форму деятельности «Комитета Севера», создававшего в местах обитания туземцев специальные комплексные учреждения – культбазы. Резолюцией Второго расширенного Пленума «Ко-

митета Севера» (май 1925 г.) было предписано «признать устройство культурных баз целесообразным методом работы – для культурного подъема, развития самодеятельности, выработки основ национального самоопределения, и вовлечения туземных племен в советское строительство» [18, С. 16]. В своей работе эти организации должны были сочетать кооперативные, хозяйственные, просветительские, медицинские, ветеринарные и научно-исследовательские направления деятельности. Государственные инвестиции в строительство культбаз с 1926 г. по 1930 г. увеличились более чем в 5,3 раза [18, С. 32].

На Северо-Востоке были созданы пять культбаз: Нагаевская (для эвенов Охотского побережья) – в бухте Нагаева, Пенжинская (корякская) – на р. Пенжине, Чаунская (в Чаунской губе) и Вилюнейская (на р. Хотырке) – для чукчей, Чукотская (в бухте Лаврентия) – для чукчей и эскимосов.

При опоре на Нагаевскую культбазу стали возникать просветительские учреждения на Колыме. В 1930 г. молодой учитель П.И. Борисов основал в селе Сеймчан первую школу в Среднеканском районе. Затем, в 1931 г. им же была основана первая начальная школа в стойбище Нелемное для детей юкагиров, эвенов и якутов, живших в верховьях Колымы [3, С. 33-34].

Другим важным направлением государственной национальной политики на Северо-Востоке в 1920-х гг. явилась практика организации снабжения коренного населения региона. Из отчетных документов Дальневосточного «Комитета Севера» следует, что в 1928/1929 г. на Камчатку и в Охотско-Ольский район было завезено товаров на 3,1 млн. руб., а в 1929/1930 г. этот показатель увеличился до 6,26 млн. руб. [4, С. 102].

Однако эти мероприятия, проводившиеся в 1920-х гг. в рамках новой экономической политики, сочетались с тем, что при организации в регионе системы советской торговли, основанной на эквивалентном обмене, происходило включение Северо-Востока в структуру экономических отношений, создававшихся НЭП.

В середине 1920-х гг. впервые в своей истории коренные народы Севера получили возможность формировать собственные органы власти. Декрет ВЦИК и СНК СССР 25 октября 1926 г. ввел в действие «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Согласно п. 3 этого документа, в местах компактного проживания аборигенных этносов могли быть созданы: а) родовые собрания, б) родовые советы, в) районные туземные съезды, г) районные туземные исполнительные комитеты [5]. В 1928/1929 г. в Камчатском округе ДВК действовало 102 тузсовета и 10 тузриков, в Николаевском, соответственно, 42 и 8. В 1929/1930 г. количество тузсоветов в названных округах выросло до 113 и 49 [4, С. 79].

Дальнейшее стремление государства к содействию росту национального самосознания и национальному объединению народов российского Севера нашло свое выражение в том, что последние на рубеже 1920 – 1930-х гг. получили собственную государственность. В 1929 г. начался процесс создания национальных округов, в которых стала осуществляться система управления, аналогичная автономным республикам и областям: тузсовет – тузрик – национальный округ – краевой (областной) исполнительный комитет [21, С. 6-7].

Постановлением Президиума ВЦИК 10 декабря 1930 г., среди прочих, на территории Севера Дальнего Востока в частности были образованы Чукотский, Корякский и Охотский (Эвенский) национальные округа [СУ РСФСР. 1931. № 8. Ст. 98.].

Однако, в целом принимая во внимание значительные успехи советской государственной политики на Севере в целом и на Северо-Востоке СССР, в частности, мы можем констатировать в то время наличие значительных противоречий в содержании мероприятий власти, проводившихся на указанных территориях.

В конкретном управлении жизнью территории народы Северо-Востока на рубеже 1920-х и 1930-х г. все же принимали минимальное участие. На Охотском побережье в это время, несмотря на существование традиционных родовых органов власти, в районных органах власти не было представителей местных народностей [17, С. 238], а коренные жители верховьев Колымы не имели даже родовых советов [6, С. 18].

В районных исполнительных комитетах Чукотки представители коренных народов составили лишь 33 % [17, С. 323]. Доктор исторических наук С.В. Бобышев отмечает другую сторону этой ситуации: «В низовых органах управления руководителей из числа представителей коренного населения катастрофически не хватало. И связано это было не только с низким культурным уровнем аборигенов. Проблема заключалась еще в том, что чиновники на местах, боясь потерять собственные портфели, не были заинтересованы в привлечении «туземцев» к управлению» [2, С. 37].

Серьезные противоречия были порождены и процессами коллективизации промыслового хозяйства аборигенов, которые характеризовались «механическим перенесением политики классовой борьбы на общество первобытнообщинных отношений» [8, С. 215]. Форсированное создание колхозов в весьма своеобразной социокультурной среде северных народов привело и к значительным экономическим последствиям. Прежде всего, здесь надо отметить резкое сокращение оленепоголовья. ВЦИК РСФСР по докладу Якутской республики был вынужден констатировать снижение поголовья до 50 % [20, С. 21]. В других районах Северо-Востока страны наблюдалась в целом схожая картина. Если в 1926/27 г. только на Чукотке оленепоголовье составляло 556 900 голов [8, С. 211], то в 1932 г.

на территории полуострова насчитывалось лишь 432 041 оленей. К 1937 г. количество оленей здесь сократилось до 379 066 голов [1, С. 9].

Открытие на Северо-Востоке богатых месторождений золота способствовало принятию решения о создании специализированного треста, ориентированного на их разработку. Общие принципы создания таких организаций были сформулированы в начале 1930-х гг. «Комитетом Севера». VIII Расширенный Пленум «Комитета Севера» в 1931 г. признал, что «наиболее подходящей формой для всестороннего развития производительных сил Севера, на данном первоначальном этапе его, являются мощные комбинаты, охватывавшие все отрасли хозяйства обширных, цельных в хозяйственном отношении районов, ибо эти комбинаты обеспечивают единое руководство хозяйством данного района, гармоничное и всестороннее его развертывание, соблюдение комплексности осуществляемых мероприятий и наиболее полное использование всех имеющихся на местах ресурсов, что способствует быстрейшему подъему всей хозяйственной и социально – культурной жизни районов» [10, С. 91].

«Комитетом Севера», следовательно, формулировались задачи создания на северных окраинах устойчивой и комфортной социальной среды, способствующей действительному освоению этих регионов. Однако, важным условием достижения указанных целей, с точки зрения специалистов «Комитета...», становилось изживание «имеющихся случаев пренебрежительного отношения со стороны некоторых хозяйственных, государственных и иных организаций к интересам малых народностей Севера». Поэтому, еще при подготовке создания национальных округов в 1930 г., утверждалось, что «организация государственной промышленности, организация комбинатов, заводов по переработке продукции местных промыслов, работа государственных трестов и т.п. все это будем происходить под непосредственным наблюдением национальных исполкомов с несомненно большим соблюдением интересов малых отсталых народностей Севера» [21, С. 8].

Такой организацией на Северо-Востоке СССР стал Дальстрой – государственный трест, созданный Постановлением ЦК ВКП (б) 11 ноября 1931 г. [РГАСПИ. ф. 17. оп. 162. д. 11. л. 57.], с 1938 г. ставший одним из производственно – отраслевых управлений НКВД – МВД СССР.

Это было время, когда, по справедливому мнению В. Подороги, «российская империя, завершившая в «сталинскую эпоху» переход от внешней «пространственно – географической» колонизации к внутренней колонизации, приобретала все более жесткие тоталитарные формы» [15, С. 109]. Принимая во внимание специфику деятельности Дальстроя, мы можем говорить о том, что его созданием было положено начало «второй волны» колонизации региона, существенно отличавшейся от ее «первой волны» досоветского периода.

Поскольку Дальстрой уже в начале своей истории стал экстерриториальной организацией, подконтрольной только высшим партийно - государственным органам, оказалась решенной судьба Охотского (Эвенского) национального округа и входящих в него национальных районов. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1932 г. центр Охотско – Эвенского округа переносился в г. Охотск с передачей всего своего недвижимого имущества Дальстрою [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 905, Л. 53.]. Результатом этой реорганизации стало то, что Ольский, Среднеканский и Северо-Эвенский районы Охотского (Эвенского) округа остались в ведении Дальстроя. Точнее, административно они входили в состав Хабаровского края, но Дальстрой стал промежуточной инстанцией, полностью руководившей жизнью этих районов и отчитывавшейся за это перед крайевыми властями. Это прямо противоречило нормам действовавших в то время Конституций СССР (1924 г. и 1936 г.).

В дальнейшем, постановлением ВЦИК РСФСР от 15 сентября 1934 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении ДВК» Охотский (Эвенский) национальный округ были ликвидирован [СУ РСФСР. 1934. № 35. Ст. 225]. Соответственно 28 сентября 1934 г. Президиум Далькрайисполкома принял решение о ликвидации Охотского (Эвенского) национального округа. Впоследствии, с расширением территории деятельности Дальстроя, была серьезно ограничена сфера компетенции органов управления Чукотского и Корякского национального округов.

Постановлением ЦК ВКП (б) от 26 октября 1932 г. директор Дальстроя получил право административного руководства Ольским, Среднеканским, Северо-Эвенским районами Хабаровского края в качестве уполномоченного Дальневосточного крайисполкома [РГАСПИ. ф. 17. оп. 3. д. 905. л. 53.]. Для текущей работы в этом направлении в Дальстрое было создано Управление Уполномоченного Дальневосточного крайисполкома (1933 г.) [ГА МО. ф. Р-23 сч. оп. 1. д. 402. л. 2].

После передачи Дальстроя в ведение НКВД СССР приказом НКВД СССР № 00363 от 9 июня 1938 г. его структура была изменена. В частности, на основе Управления Уполномоченного ДВКИК был создан Административно-гражданский отдел (АГО). В задачи АГО входило осуществление на территории Дальстроя административно-советских функций. Начальник АГО подчинялся непосредственно начальнику Дальстроя. Следовательно, передача Дальстроя в ведение НКВД лишь усилила, в силу полувоенного характера всесильного ведомства, чрезвычайный порядок управления жизнью населения Северо-Востока. Заметим здесь, что как минимум, до 1939 г. ни в одном районном исполнительном комитете не было ни одного представителя коренных народностей [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Интересы развития коренных народов Северо-Востока оказались принесенными в жертву целям форсированной индустриализации. Это прямо утверждали руководители Дальстроя. Так, директор треста Э.П. Берзин на бюро парткома Дальстроя 5 ноября 1933 г. говорил: «Я должен сказать, что основной задачей гостреста Дальстрой является добыча металла и только второй задачей является освоение коренного населения» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. Несколько лет спустя, 15 ноября 1940 г. зам. начальника Дальстроя Егоров также отметил: «Первая задача наша – дать металл стране, и вторая – включить национальных жителей в общий дальстроевский оркестр» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. Такая целевая установка продолжала быть основной практически все последующее время.

На 1 января 1939 г. население национальных районов Колымы насчитывало 5227 чел. Из них эвенов 3176, камчадалов 706, якутов 624, юкагиров 175, русских 534 [ЦХСД МО. Коллекция документов]. Они трудились в 25 артелях и товариществах, поставлявших в соответствии с утверждаемым Дальстроем планом в его адрес разнообразную продукцию, прежде всего продукцию рыболовства.

Социальная инфраструктура этих районов была представлена следующими учреждениями. Во всех трех районах действовало 35 школ, из которых 3 было средними, 7 неполных средних, 25 начальных. Обучением в них было охвачено 2261 чел. В школах работало 155 учителей, причем некомплект учительских кадров составлял на то время 30 человек.

На территории районов действовали 4 больницы (на 34 койки) и 16 фельдшерско-акушерских пунктов. В 8 имевшихся яслях могли одновременно находиться не более 120 детей. Весь штат медицинских работников по национальным районам на это время составлял 37 человек, из которых 7 подлежали замене уже в 1939 г. [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Картина жизни аборигенов Колымы становится более рельефной, если учесть следующее. За колхозами национальных районов числились на 1940 г. задолженности, превышавшие возможности колхозов их погасить. Так, колхоз «Туманный» при неделимом фонде в 10 тыс. руб. имел на 1940 г. дебиторскую задолженность в 82 тысячи [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Большим продолжал оставаться падеж оленьего поголовья. В Кунтукской местности, например, в течение нескольких лет было потеряно от 500 до 700 оленей, а в 1939 г. – 1000 голов [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Ликвидация неграмотности среди коренного населения не могла быть признанной эффективной. Так, начальник АГО Расторгуев отмечал в ноябре 1940 г.: «В Среднеканском районе из 312 неграмотных и малограмотных обучалось лишь 114 человек; в Ольском из 681 – 253; в Северо -

Эвенском из 371 – 130» [ЦХСД МО. Коллекция документов]. А ответственный редактор газеты «Оротты правда» Хабаров привел следующие примеры. В Тауйском колхозе колхозник Оконечников поступил в школу еще в 1934 г. и в течение 6 лет учился в одном классе. В Гарманде некоторые колхозники по семь лет учились в школе ликбеза. Это становилось возможным потому, что ликбез никогда не заканчивал программу [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Состояние медицинских учреждений во многих случаях было плачевным. В Ольской районной больнице в 1940 г. не было постельных принадлежностей, вместо наволочек на подушки надевали халаты или кальсоны. Морг отсутствовал, поэтому мертвые лежали рядом с больными [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Ситуация несколько изменилась в послевоенный период. В сентябре 1947 г. Политуправление Дальстроя доложило в ЦК ВКП (б) о завершении всеобщего начального обучения аборигенов и улучшении медицинского обслуживания. Некоторые из национальных колхозов стали миллионерами.

Численность автохтонного населения в национальных районах на январь 1946 г. составляла 3559 чел. В том числе: 2132 эвена, 660 камчадалов, 592 якута, 175 юкагиров [ЦХСД МО. Коллекция документов].

В качестве председателей колхозов и сельсоветов работало 33 представителя коренных народностей, 10 было занято на руководящей советско – партийной работе, 2 коренных северянина были заняты в медицинском обслуживании населения и 6 – на педагогической работе [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Тем не менее, это не означало кардинального изменения политики Дальстроя по отношению к коренным народам. Документальные материалы свидетельствуют о многочисленных фактах произвола его руководства. Приведем один пример. В 1945 г. начальник АГО Жучаев и его заместитель Кочеров без согласия колхозов и даже против их воли заключили соглашение с трестом «Колымснаб», занимавшимся снабжением Дальстроя, на сдачу ему колхозами молока, лошадей и КРС. По этому соглашению только один колхоз «Искра» был вынужден сдать Колымснабу 80 тыс. литров молока, 20 лошадей, и 20 голов КРС. Убытки колхоза составили более 224 тыс. руб. И даже спустя год Колымснаб не рассчитался с колхозом по этим поставкам [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Большими трудностями сопровождалась попытка обучения детей коренных народов Севера родному языку. В 1947 г. из 4 тыс. обучающихся во всех школах Колымы детей эвенов было 223, якутов – 84, камчадалов – 88, юкагиров – 13 чел. Имевшейся учебной литературы на эвенском языке не хватало даже на программу 1 – 2 классов. А учебная программа для эвенской начальной школы образца 1939 г. имела на Колыме лишь в 1 экземпляре. Из всего учительского корпуса только пять учителей началь-

ной школы слабо владели эвенским языком [ЦХСД МО. Коллекция документов]. В результате дети коренного населения уже после начала посещения школы постепенно начинали утрачивать знание родного языка.

Это сопровождалось тем, что до 40 % коренного населения не имели доступа к таким обычным уже в то время радио и кинопрокату, а книжные фонды районных библиотек, не пополнявшиеся в течение целого ряда лет, были изношены и требовали капитального ремонта [ЦХСД МО. Коллекция документов].

Обратим внимание теперь на состояние здоровья коренного населения, которое является одним из самых наглядных показателей эффективности национальной политики.

В Северо-Эвенском районе в 1947 г. жило оседло около 50 % коренного населения. В летнее время значительная часть молодых мужчин и небольшое число бездетных и малолетних женщин уходили на рыбалку. В поселках оставалось около 300 – 400 чел. эвенов с преобладанием среди взрослого населения женщин. С июля по ноябрь среди оставшегося на центральных усадьбах населения вспыхнула корь. От нее умерло 145 чел., из них детей – 80, взрослых 65. Среди взрослых умерло мужчин – 23, женщин 42. В разгар эпидемии кори начали проводить противокоревые прививки, что в определенной степени снизило смертность. Корь, как и грипп, давала смертность в пределах 40-50 %. Среди детей смертность от кори, по сравнению с гриппом, была выше [13, С. 147].

Первое эпидемиологическое обследование аборигенов Магаданской области на туберкулез было проведено экспедицией Хабаровского крайздравотдела в 1949 г. Были обследованы эвены Ольского и Северо – Эвенского районов. Из 533 обследованных эвенов у 132 найден туберкулез, в том числе у 118 – активный, т.е. пораженность составляла 21,9 %.

В 1955 г. экспедиция Министерства здравоохранения РСФСР (И. Ю. Ласков) обследовала 18 населенных пунктов Чукотского района, где осмотрено 3202 человека. Эта экспедиция отметила высокую инфицированность детей по р. Пирке. Так, дети чукчей и эскимосов в дошкольном возрасте все были инфицированы. В школьном возрасте инфицированность чукчей и эскимосов была в пределах от 96,3 до 97,7 %, приезжих – 70 % [13, С. 7, 8].

Думается, что важнейшей причиной распространения социальных болезней – гриппа, кори, туберкулеза была в целом непродуманная политика государства по оседанию аборигенов. В результате их сосредоточения в рамках населенных пунктов на фоне резкой нехватки медицинских кадров инфекции имели большие возможности для распространения.

С другой стороны, перевод на оседлость во многом изменял исторически сложившуюся структуру питания коренных северян. Питание мясом оленя, нерпы, моржа, лахтакка, кита и рыбой – то есть питание, когда бел-

ковый компонент пищи служит не только пластическим, но и энергетическим материалом, активно вытеснялся завозными продуктами с преобладанием углеводистого компонента (хлеб, сахар, крупы и овощи). Поэтому сопротивляемость аборигенов привнесенным заболеваниям резко падала.

В шестидесятые годы существенно изменился удельный вес различных причин смерти. Сравним их с 1940-ми. В 1940-х годах среди эвенов Северо-Эвенского района удельный вес причин смерти был следующий: корь – 41,5 %, туберкулез – 33,6 %, неспецифические воспалительные заболевания легких – 7,7 %, прочие причины – 17,2 %; по Ольскому району: туберкулез – 47,9 %, корь и грипп – 9,6 %, неспецифические воспалительные заболевания легких – 14,6 %, прочие причины – 27,0 %. В 1960-е годы удельный вес различных причин смертности среди эвенов Северо-Эвенского района следующий – неспецифические воспалительные заболевания легких – 16,3 %, туберкулез – 15,1 %, сердечно-сосудистые заболевания – 12,8 %, опухоли – 12,8 %, эхинококкоз – 4,7 %, прочие причины – 38,3 %. Среди прочих причин замерзание, утопление, алкогольное отравление, убийство и самоубийство брали на себя две трети случаев смерти [13, С. 150].

Распространение не характерных для традиционной культуры коренных народов Северо-Востока причин смертности (алкоголизм, убийства и самоубийства) говорит, на наш взгляд, о следующем. Несмотря на ликвидацию Дальстроя и образование Магаданской области (1953 г.), чем, по сути, завершилась «вторая волна» колонизации региона, несмотря на существенные изменения в политике по отношению к коренным народам, нам, тем менее, приходится констатировать, что их интересы вновь оказывались подчиненными интересам государства, выражавшимся в деятельности горной промышленности.

Развитие последней в совокупности с серьезным вмешательством в традиционную производительную практику коренного населения и негативными экологическими последствиями промышленного строительства привели к массовой асоциализации аборигенов, распространению среди них социальной апатии, алкоголизма и т.п. В первой половине 1980-х гг. в национальных селах Чукотки на каждого жителя ежегодно расходовалось 46 литров спиртных напитков, а в пос. Проведения – 54,1 литра [8, С. 395].

Интенсивное развитие золото- и оловодобычи в регионе крайне негативно сказалось на положении его коренных жителей. Вплоть до 1980 г. ни один проект разработки золотых месторождений на территории Якутской АССР не предусматривал проведения рекультивации земель. Между тем к 1977 г. здесь горной промышленностью нарушено около 36 тыс. га земель. Притоки р. Алдан загрязнены сточными водами золотодобывающей промышленности, в том числе тяжелыми металлами, в частности ртутью – от 0,8 до 1,7 мг / л [22, С. 27]. На Чукотке ежегодно горными

выработками нарушалось около 2 тыс. га земель, минимальные работы по рекультивации были проведены только во второй половине 80-х годов. В течение одного 1976 г. горнорудным предприятиям было отведено 28,5 тыс. га, в том числе 14 тыс. га уникальных оленьих пастбищ [8, С. 386, 394].

Интенсивные горные разработки, не сопровождавшиеся рекультивационными работами по восстановлению почв, хищническое отношение к природной среде, принимавшее зачастую масштабы экоцида, приводили к сокращению хозяйственных угодий и постепенной деградации традиционных производственных занятий малых северных народностей, составивших основу их культурного своеобразия.

Индустриальное развитие региона привело к значительным изменениям в структуре и хозяйственных занятиях населения Северо-Востока. По данным переписи населения 1959 г. северные народности в Магаданской области составляли лишь 6,4 % населения, в Чукотском национальном округе этот показатель выше – 25,8 % [9, С. 336]. При этом в городское население, занятое в горной промышленности и обслуживающих секторах экономики, здесь явно доминировало – по Магаданской области сельские жители составили 19 % населения, по Чукотке – 43 % [9, С. 96].

На протяжении столетий государственная политика на Северо-Востоке носила двойственный, противоречивый характер. С одной стороны, нельзя не признавать многочисленных фактов обогащения хозяйственных и культурных навыков коренных народностей в результате взаимодействия с пришлым, прежде всего русским населением. С другой же, именно негативные последствия великодержавного пренебрежения жизненными интересами коренных северян сегодня является важнейшей причиной существующей угрозы исчезновения этно-культурного своеобразия этих во многом уникальных социумов, сумевших выжить в окружающей суровой природной среде, но вытесняемых техногенной цивилизацией.

В настоящий момент можно констатировать, что актуальным является формирование четкой и конкретной «северной» политики Российской Федерации, в содержании которой должны найти место мероприятия не только по сохранению (а часто и восстановлению) этно-культурного своеобразия коренных народов Севера. Важным направлением здесь должно стать законодательное обеспечение «диалога культур», которое может эффективно содействовать установлению партнерских отношений между представителями различных народов, проживающих на Севере. Проблем сегодня еще очень много. Так, в современном российском законодательстве, помимо общих природоохранных норм, практически нет норм регулирования охраны окружающей среды в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и т.д. [16, С. 80, 82]. А это прямо связано с жизнедеятельностью аборигенных этносов.

В современных социально-политических условиях развития демократических институтов в России все больший вес приобретают общественные организации коренных малочисленных народов Севера, «включающиеся» в разработку необходимых нормативных актов. Примером тому можно назвать сотрудничество администрации Магаданской области с общественными организациями коренных северян, выразившееся в принятии двух целевых областных программ «Содействие трудовой занятости коренных малочисленных народов Севера» и «Развитие оленеводства в Магаданской области». Думается, что этот опыт тесного взаимодействия власти и общественности КМНС возможно перенести на процессы разработки федерального законодательства, которое реально обеспечит возможность «диалога культур» в социокультурном развитии Российского Севера.

Список литературы:

1. Бацаев И.Д. Некоторые аспекты коллективизации сельского хозяйства Северо-Востока (1929-1937 гг.). // Краевед. записки. – Магадан, 1991. Вып. 17. – С. 3 – 13.
2. Бобышев С.В. Комитеты Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока (1924 – 1935 гг.): Автореф. дисс. д.и.н. – Иркутск, 2001. – 42 с.
3. Борисов П.И. Моя встреча с Карлом Яновичем Луксом. // Краевед. записки. – Магадан, 1989. – Вып. 16. – С. 29 – 41.
4. Дальневосточный Комитет Севера 1925 – 1930 гг. / Под ред. доц. А.И. Родионова. – Томск, 2002.
5. Декрет ВЦИК и СНК СССР 25 октября 1926 г. «Об утверждении временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» Электронный ресурс: Режим доступа: http://www.spbpravo.ru/docs_ccsr.php?id=7425
6. Ерашов А., Кочеров А. Образование и укрепление советской власти на Колыме. // Колыма. – 1939. – № 10. – С. 15 – 29.
7. Зуев А.С Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII. Вв. / А.С. Зуев. – Новосибирск, 2002.
8. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989.
9. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963.
10. К. О системе руководства хозяйственной деятельностью на Крайнем Севере. // Советский Север. – 1932. – № 1-2. – С. 90 – 92.
11. Кадры исследователей народностей Севера. (Информационный материал.). Предварительный вариант. – Новосибирск, 1983.
12. Котляков В., Агранат Г. Север: выбор пути. // Голос России. – 1999. – № 4. – С. 21 – 23.

13. Круподер А. С. Эпидемиологические сдвиги и организационные формы борьбы с туберкулезом в отдельных районах Магаданской области. дисс...канд. мед. наук. – Якутск, 1970. – 197 с.

14. Кузаков К.Г. Ожившая тундра (социализм и судьбы народов Севера Дальнего Востока). – Владивосток: Кн. Изд-во, 1973.

15. Подорога В. ГУЛАГ в уме. Наброски и размышления // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. – 1999. – № 7-8.

16. Север России. Проблемы экономики, социальной сферы, коренных малочисленных народов, экологии. Материалы к парламентским слушаниям в Совете Федерации по вопросу «Основные направления социально-экономической политики развития России и их правовое обеспечение». – Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, 24 октября 2001 г.

17. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – М.-Л., 1955.

18. Скачко А. Пять лет работы Комитета Севера. // Советский Север. – 1930. – № 2. – С. 5 – 37.

19. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. / Н.В. Слюнин. – СПб., 1908.

20. Смидович П.Г. Наши задачи на северных окраинах. // Советский Север. – 1932. – № 3. – С. 14 – 27.

21. Терлецкий П. Национальное районирование Крайнего Севера. // Советский Север. – 1930. – № 7-8. – С. 5 – 29.

22. Черский Н. В., Щербаков И.П., Возин В.Ф., Ноговицин Д.Д., Поисеев И.И. О возможных изменениях в окружающей среде ЯАССР под влиянием хозяйственной деятельности на период до 1990 г. // Проблемы экологии и охраны природной среды Сибири. – Иркутск, 1980. – С.23-41.

23. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан, 2000.

24. Ярилов А.А. Колонизация и переселение. // Труды Государственного колониального научно-исследовательского института. Т. 1. – М., 1924. – С. 50 – 55.

25. Ярилов А.А. Пути колониального строительства. // Труды Государственного колониального научно-исследовательского института. Т. 1. – М., 1924. – С. 3 – 8.

Раздел четвертый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

СИСТЕМА ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ТОВАРНЫМ АССОРТИМЕНТОМ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

© Нечаева Е.В.

Группа компаний «Призматрон», г. Омск

«Задача каждого бизнеса – найти идеальный компромисс
между тем, чего хотят и в чем нуждаются клиенты,
и тем, что может обеспечить компания»

Майкл Делл

Современная рыночная ситуация характеризуется тенденцией к насыщению многих рынков, усилением конкуренции, а также постоянным возрастанием расходов на привлечение новых и удержание существующих клиентов. В особенности сложная ситуация складывается в рамках потребительских рынков: сегодня они отличаются динамичностью, характеризуются высокой дифференциацией потребностей, а так же острой конкуренцией. Для эффективной работы в сложившейся среде необходимо уделять особое внимание ассортименту продукции. Оптимальный ассортиментный ряд компании на сегодняшний день является одним из важнейших ее конкурентных преимуществ. Актуальность темы обусловлена еще и тем, что Россия находится на этапе вступления в ВТО и перехода менеджмента компаний на общепринятые международные стандарты ISO.

В этой связи основная проблема заключается в том, что до сих пор многие компании с трудом представляют, каким образом должен быть организован эффективный процесс управления товарным ассортиментом на предприятии. Непонимание того, какие задачи стоят перед управляющим звеном, какими элементами необходимо управлять, за счет каких инструментов это делать, приводит к тому, что с течением времени в ассортиментный ряд компании включаются убыточные товарные позиции, что, в конечном счете, многократно снижает экономический и рыночный потенциал предприятия. Согласно результатам исследований [1], проведенных компанией «Инфобизнес» в 2008 году, основными внутренними проблемами российских предприятий сегодня являются:

- 89 % – несовершенная организационная структура или система управления в целом;
- 76 % – высокий уровень издержек (низкая конкурентоспособность продукции на внутреннем и внешнем рынках);
- 60 % – проблема сбыта продукции;

- 55 % – износ основных фондов и оборудования;
- 51 % – низкая квалификация персонала.

Задача настоящей статьи: рассмотреть структуру процесса управления товарным ассортиментом максимально широко и показать его в виде единой системы, которая должна функционировать на любом промышленном предприятии.

Процесс управления товарным ассортиментом можно представить в виде следующей системы (рис. 1).

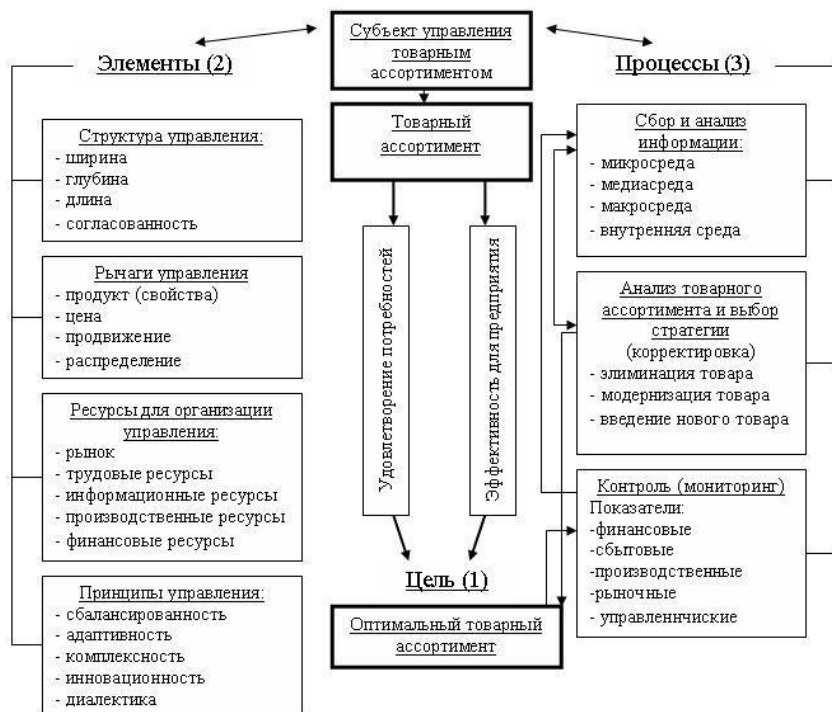

Рис. 1. Система процесса управления товарным ассортиментом на промышленном предприятии*

В рамках системы процесса управления товарным ассортиментом (рис. 1) следует выделить две подсистемы. Первая подсистема – субъект управления товарным ассортиментом – состоит из всех управляющих звеньев, организующих работу в формировании товарного ассортимента на стратегическом уровне. Руководящая роль в субъекте управления товарным ас-

* Источник: Составлено автором

сортиментом принадлежит службе маркетинга. Вторая подсистема – объект управления – включает в себя непосредственно товарный ассортимент предприятия.

При правильном взаимодействии субъекта управления на объект система приводит компанию в оптимальное состояние. Суть этого состояния в том, что предприятие реализует оптимальный ассортиментный ряд, обеспечивающий компании максимально возможную прибыль. При этом процесс оптимизации ассортиментного ряда будет рассматриваться с точки зрения рыночной эффективности равно, как и с точки зрения производственной эффективности. То есть, в основе оптимального товарного ассортимента лежат с одной стороны потребительские запросы определенных групп покупателей (удовлетворение потребителей), а с другой, необходимость обеспечить наиболее эффективное использование факторов производства, снижение издержек производства и реализации готовой продукции (эффективность для предприятия). Наиболее точно ЦЕЛЬ ((1) на рис. 1) процесса управления товарным ассортиментом обозначил Майкл Делл в своей книге «От Dell без посредников»: «Задача каждого бизнеса – найти идеальный компромисс между тем, чего хотят и в чем нуждаются клиенты, и тем, что может обеспечить компания».

Каким образом привести компанию в оптимальное состояние? Как и какими элементами необходимо управлять?

Рассмотрим ЭЛЕМЕНТЫ управления товарным ассортиментом ((2) на рис. 1).

Первый элемент – структура управления ассортиментным рядом (рис. 1). Показатели, характеризующие структуру управления ассортиментным рядом компании – *широта, глубина, длина и согласованность*.

Под широтой товарной номенклатуры А.А. Алексеев понимает «общее количество разнородной продукции, предлагаемое организацией в локальном промежутке времени» [2].

Глубина товарной номенклатуры, предполагает все «варианты предложения каждого отдельного элемента продукции в рамках «широты» [3].

Длина товарной номенклатуры – это «общее число конкретных товаров фирмы» [4]. Данную характеристику называют также «насыщенностью», понимая под этим термином «количество ассортиментных позиций во всех ассортиментных группах» [5].

Согласованность (гармоничность, сопоставимость) ассортиментных групп по определению А.М. Немчина – это «степень общности между предлагаемыми товарными линиями с точки зрения конечного использования, каналов распределения, групп потребителей и диапазона цен» [6].

Основополагающими характеристиками товарной номенклатуры общепринято считаются широта и глубина. Их выбор напрямую зависит от целей и задач, поставленных компанией. Если компания стремится завое-

вать большую долю рынка или получить известность в качестве поставщика исчерпывающего ассортимента, товарный ассортимент компании должен быть широким (стратегия корпорации «Unilever»). Если же компания заинтересована в высокой прибыльности бизнеса, то необходимо формировать достаточно узкий ассортимент доходных изделий (как правило, это основная стратегия производителей люксовых брэндов).

Второй элемент – рычаги управления (рис. 1), включают в себя все элементы комплекса маркетинга: продукт, цена, продвижение и распределение. Иллюстрирует их работу следующий пример. Компания выявила проблемную товарную позицию, генерирующую невысокий спрос и низкую рентабельность. При этом интегрально темпы роста рынка по настоящей группе товаров с каждым годом увеличиваются. Посредством грамотного воздействия на рычаги управления, можно увеличить потенциал проблемной товарной позиции. Возможно, продукту требуется модификация, которая могла бы быть направлена как на модификацию свойств товара, так и упаковки товара или даже его названия. Возможно, есть смысл пересмотреть ценовую политику, найти средства для снижения его себестоимости, пересмотреть дилерские наценки и т. д. Возможно продукт не обеспечен должным продвижением, должным распределением.

Посредством рычагов управления достигается необходимый результат только в том случае, если рычаги управления не противопоставляются друг другу и работают совместно, давая синергетический эффект (от греч. – совместно действующий).

Третий элемент – ресурсы (рис. 1), необходимые для организации процесса управления товарным ассортиментом. Во-первых, это *рынок*. Управлять товарным ассортиментом вне рынка невозможно. Важно максимально использовать данный ресурс, то есть за счет постоянного аудита рыночной среды своевременно получать достоверную информацию. *Информация* – второй необходимый ресурс для управления товарным ассортиментом, концентрирующий в себе как внешние потоки информации микро-, медиа- и макромаркетинговой среды, так и внутренние. Третий ресурс – *трудовой*, состоящий из специалистов, реализующих тактические задачи в рамках управления ассортиментным рядом, начиная от исследования рынка, производства товара и заканчивая его продвижением и распределением. Четвертый вид ресурсов – это *производственные ресурсы*, включающие основные и оборотные фонды предприятия: сырье, материалы, производственные мощности и т. д. Последний, необходимый ресурс, – это *финансовый*.

Четвертый элемент – принципы (рис. 1), в соответствии с которыми должен организовываться процесс управления товарным ассортиментом.

Сбалансированность – принцип, который необходимо рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, товары/товарные группы предлагаемого

ассортимента должны обслуживать разные сегменты рынка, чтобы исключить ситуацию товарного каннибализма. Во-вторых, должно быть предусмотрено рациональное соотношение товаров, находящихся в различных стадиях жизненного цикла (в разных квадратах матрицы БКГ) и одновременно присутствующих на рынке. Целью такого поиска является создание достаточно стабильных общих условий реализации продуктов и компенсации расходов на инновационные разработки, внедрение товаров-новинок, а также поддержание товаров, находящихся в стадии спада и ожидания возможного увеличения потребительского спроса в обозримой перспективе.

Адаптивность – способность товарного ассортимента вовремя и быстро реагировать на изменения внешней среды и приспосабливаться к конъюнктуре рынка. «Высший пилотаж оперативного реагирования на меняющийся спрос или действия конкурентов – столь же оперативное внесение изменений в производственный процесс. Этот инструмент весьма популярен у предприятий, выпускающих широкую линейку продуктов. Происходит перезагрузка мощностей: на первое место выходит самый востребованный продукт» [7]

Комплексность – принцип, выражающийся во взаимоувязке всех рычагов управления товарным ассортиментом, во взаимосвязи стратегических и тактических целей управления товарным ассортиментом, а так же в комплексной и взаимосвязанной работе всех отделов предприятия, функционирующих на разных уровнях.

Инновационность – суть принципа в том, что в современных рыночных условиях при управлении товарным ассортиментом компания должна работать на опережение, всегда идти на шаг впереди конкурентов, не приспосабливаться, а создавать. При этом, целесообразно развиваться в разных направлениях: достигать новых уровней удовлетворения потребностей, использовать новые формы коммуникаций, новые способы продаж и доставки и т. д.

Принцип *диалектики* применительно к управлению товарным ассортиментом подразумевает то, что с одной стороны должны учитываться требования рынка, с другой – особенности предприятия. Как правило, они не совпадают и даже противоречат друг другу. В данной ситуации основная задача диалектики – найти компромисс, гармонизацию интересов фирмы, потребителей и общества.

Обратимся к ПРОЦЕССАМ ((3) на рис. 1), протекающим в рамках системы управления товарным ассортиментом.

Основой для осуществления управления товарным ассортиментом предприятия является сбор и анализ маркетинговой информации (рис. 1) – многомерный процесс, организация которого зависит от целей компании и от ее возможностей. Использоваться могут вторичные данные равно как

и первичные, результаты проведенных маркетинговых исследований. При этом необходимо проводить исследования как макро-, медиа- и микросреды, так и внутренней среды, поскольку элементы той и другой значительно могут повлиять на структуру ассортиментного ряда. Например, изменения макросреды, в частности изменения в положениях стандартизации, сертификации, могут в значительной степени повлиять на производственный процесс, а, следовательно, и на ассортиментный ряд.

После полного и комплексного анализа маркетинговой среды, вступает в действие следующий процесс – анализ товарного ассортимента и выбор стратегии оптимизации ассортиментного ряда. В теории маркетинга предлагаемые различными авторами стратегии в рамках управления товарным ассортиментом сводятся к трем основным стратегиям: изъятие из программы существующих, но теряющих рыночные позиции товаров; обновление (модернизация) продукции в целом и по отдельным ее видам и выход на рынок с новыми видами товаров (рис. 1).

Одним из важнейших процессов в управлении ассортиментным рядом является контроль (рис. 1), позволяющий своевременно вносить коррективы в товарный ассортимент. Основные показатели, которые подвергаются непрерывному мониторингу: производственные, финансовые, сбытовые, рыночные и управленческие.

Всем трем процессам в системе управления товарным ассортиментом свойственна цикличность: результаты непрерывного процесса мониторинга могут перенаправить субъект управления и необходимые элементы на первую стадию – обзора и анализа информации с последующей корректировкой стратегии в отношении товарного ассортимента.

Таким образом, управление товарным ассортиментом можно охарактеризовать как каталитический процесс, который преобразует рыночную информацию – с учетом производственных, финансовых, трудовых, информационных возможностей и прибыли – в приемлемую для потребителя и находящую сбыт продукцию. Данный процесс является непрерывным, продолжающимся в течение всего жизненного цикла продукции, начиная с зарождения замысла о создании нового изделия и заканчивая принятием решения о снятии его с производства.

Список литературы:

1. <http://www.coachers.ru/content/view/17/39/>
- 2, 3. Алексеев А.А. Маркетинговые принципы оптимизации глубины ассортимента продукции // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2001. – № 6.
4. Багиев Г.Л., Тарасевич В.Н., Анн Х. Маркетинг. – М.: ОАО Издательство Экономика, 2001. – С. 259.
5. Акулич И.Л., Демченко Е.В. Основы маркетинга: учебное пособие. – Минск: Высшая школа, 1998. – С.80

6. Маркетинг: учебное пособие для вузов/под ред. Немчина А.М., Минаева Д.Б. – СПб.: Издательский дом Бизнес – пресса, 2001. – С. 165.

7. <http://www.sostav.ru/articles/2004/12/28/mark281204/> Андрей Вырковский 28.12.2004 Секрет фирмы.

СТАНДАРТЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ: СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© Потапкина М.А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Энциклопедия Брокгауза определяет стандарт как узаконенную меру или образец. Мировая практика риск менеджмента считает стандарт образцом, к которому стоит стремиться. В сфере управления рисками стандартов немного. В то же время корни существующих стандартов по управлению рисками, а также огромное число рекомендованных отраслевых практик, идут из-за рубежа, закладывая в основу принципы зарубежной действительности. Применимы ли зарубежные стандарты в России? Требуется ли процесс адаптации разработанных стандартов к Российской действительности? Нужно ли разрабатывать свои стандарты для Российских условий? Эти вопросы автор считает основными для анализа в данной статье.

Для общего представления по стандартам необходимо ознакомиться со следующими из них: стандарт, разработанный Федерацией Европейских Ассоциаций Риск Менеджеров («FERMA»), некоторые постулаты закона «Сарбейнса-Оксли», стандарт «COSO II» и южно-африканский стандарт – «KING II».

Стандарт по управлению рисками «FERMA» был разработан совместно Институтом Риск Менеджмента в Великобритании (The Institute of Risk Management), Ассоциацией Риск Менеджмента и Страхования (The Association of Insurance and Risk Management) и Национальным Форумом Риск Менеджмента в Общественном Секторе (The National Forum for Risk Management in the Public Sector) и принят в 2002 году. Схема, заложенная в документе, служит основой для внедрения системы управления рисками. Эти стандарты управления рисками содержат: определение риска, риск менеджмента, объяснение внутренних и внешних факторов риска, процессов риск менеджмента, процедуры оценки рисков, методы и технологии анализа рисков, мероприятия по управлению рисками, а также обязанности риск менеджера. Согласно данному документу риск рассматривается как комбинация вероятности и его события. А риск менеджмент в качестве централизованной части стратегического управления организации. К примеру, основными функциями специалиста по рискам, согласно стандартам «FERMA», являются разработка и реализация программы управления рисками, координация взаимодействия различных структурных подразделений организации, разработка программ снижения внепла-

новых потерь и организация мероприятий по поддержанию непрерывности бизнес процессов.

В разработку этого стандарта большой вклад внесли профессиональные организации, занимающиеся вопросами управления рисками. Основная идея стандарта заключается в том, что принятие стандартов необходимо для достижения согласия по следующим вопросам:

- используемая терминология;
- процесс практического применения риск менеджмента;
- организационная структура риск менеджмента;
- цель риск менеджмента.

Особенно важно понимание того, что риск менеджмент это не просто инструмент для коммерческих и общественных организаций, а, в первую очередь, это руководство для любых действий (как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане).

Один из немногих законодательно утвержденных стандартов в сфере управления рисками является «Закон Сарбейнса-Оксли» (Sarbanes-Oxley Act). Данный закон рассматривает, прежде всего, вопросы внутреннего контроля и достоверности финансовой отчетности, а также косвенно регулирует процесс управления рисками. В законе нет руководящих указаний по разработке конкретных процедур финансового контроля. Стандарт предлагает анализ поступающих данных о ходе процессов и проверку соответствия путем аудита. Если полученные результаты свидетельствуют о повышенном уровне риска, то необходимо применение документированных действий. Решая вопрос о применении необходимых процедур финансового контроля, руководитель должен выявить, какие сделки могут быть рискованными. Если не учитывать риски по кредитам и активам, то основными источниками финансовых рисков, согласно закону, являются:

- точность исчисления доходов;
- решения по закупкам и своевременность поставок;
- управление продукцией;
- затраты на рабочую силу и точность выполнения работ;
- управление активами;
- управление издержками;
- точность счетов;
- дебиторская/кредиторская задолженность.

В 2001 году Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея (Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, «COSO») совместно с компанией «PriceWaterHouseCoopers» инициировал проект разработки принципов риск менеджмента (Enterprise Risk Management – Integrated Framework). В соответствии с разработанными принципами риск-менеджмент это:

- процесс, охватывающий всю деятельность предприятия, в котором задействованы сотрудники на различных уровнях управления;
- инструмент, позволяющий достичь поставленных стратегических целей;
- технология выявления рисков и управления ими;
- способ застраховать деятельность предприятия от возможных ошибок менеджмента или совета директоров.

Стандарт «COSO II» призван решить следующие задачи:

- определить уровни риска в соответствии со стратегией развития;
- совершенствовать процессы принятия решений по реагированию на возникающие риски;
- сократить число непредвиденных событий и убытков в хозяйственной деятельности;
- определить всю совокупность рисков;
- управлять всей совокупностью рисков;
- использовать благоприятные возможности;
- рационально использовать капитал.

Самый новый южноафриканский стандарт «KING II» является образцом во всех отношениях. Он представляет собой сборник типовых решений в практике риск менеджмента, постоянно пополняется и служит пособием для обучения риск менеджеров. В данном стандарте не уделяется внимание определенному специфичному бизнесу и корпоративному управлению, но в то же время доступно выражаются идеология процесса и желательные стадии. Таким образом, аккуратная адаптация процедур к специфике конкретной компании может привести к желаемому результату.

Большая часть проанализированных стандартов – «COSO II», «FERMA» – действуют на основе соглашения их участников. Один из немногих законодательно утвержденных стандартов в сфере управления рисками – это «Закон Сарбейнса-Оксли». Но и этот закон не гарантирует успешности действий и процедур. Компаниям необходим свой стандарт, помогающий составлять регламенты и инструкции, определяющие:

- принципы взаимодействия между структурными подразделениями компании в сфере управления рисками;
- четкое разделение функций, полномочий и ответственности между подразделениями компании в сфере управления рисками;
- систему контроля и полномочия контролирующих структурных подразделений;
- нормы и требования по операциям, несущим риск.

Стал очевидным тот факт, что в последнее время потребность многих предприятий в системе риск менеджмента возросла. К профессионалам пришло осознание того, что для создания эффективной системы управле-

ния рисками нужно выработать единые принципы риск менеджмента. Но в связи с тем, что существует множество путей достижения целей управления рисками, объединить все направления в единый документ практически невозможно. Именно поэтому уже существующие стандарты управления рисками не призваны быть нормативными, применение которых приведет к заполнению соответствующих форм или к началу сертификационного процесса. Следуя компонентам рассмотренных стандартов, и выбирая при этом различные способы и методы, организации смогут достигать поставленных целей в плане риск менеджмента. Компоненты уже существующих стандартов могут сформировать «лучшую практику» для конкретной компании.

Существующие в основном зарубежные стандарты построения системы риск менеджмента, как показывает практика, плохо применимы в Российской реальности, либо применимы частично. Но, все-таки, большая их часть пока неприменима для многих российских предприятий. Автор считает, что для российского делового сообщества оптимальный путь – это разработка такого стандарта риск менеджмента, который включил бы в себя общепринятые термины и понятия, лучшие мировые образцы управления рисками и одновременно служил бы инструментом накопления и передачи знаний и опыта отечественных риск менеджеров. Именно такой стандарт нужно создавать.

Список литературы:

1. Федерация Европейских Ассоциаций Риск Менеджеров //www.ferma-asso.org.
2. Принципы управления рисками //www.riskmanagement.ru.
3. Риски в России //www.risk.ru.

МОДЕЛИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕАКЦИИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ НА РЕКЛАМНУЮ КАМПАНИЮ ФИРМЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ ФИРМЫ

© Широкая О.Н.

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В статье рассмотрены модели формирования желательной для рекламодателя реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы в хронологическом порядке их возникновения. А также представлен комплекс показателей для оценки эффективности рекламной кампании фирмы, основанный на изучении положительных и отрицательных сторон рассмотренных моделей возникновения реакции целевой аудитории.

Для того, чтобы понять, как рекламная кампания фирмы становится эффективной и как разработать и провести эффективную рекламную кампанию, необходимо понимать каким образом она формирует желательную для рекламодателя реакцию целевой аудитории. На протяжении XX века изучением вопросов формирования такой реакции занимались Т. Амблер, Д. Вакратас, Ж.-Ж. Ламбен, Р. Левидж, А. Стронг, Р. Хибинг, Г.А. Штейнер и многие другие исследователи.

Первые подходы основывались на иерархической природе возникновения реакции целевой аудитории на рекламу, то есть возникновении каждой последующей реакции на основе предыдущей. В обобщенном виде процесс формирования реакции целевой аудитории на рекламную кампанию представлен в табл. 1 [1, С. 55-60; 4, С. 723-726; 3, С. 189-190].

Как видно из табл. 1, на первом этапе рекламная кампания должна сформировать у целевой аудитории определенный набор знаний о товаре (услуге, фирме, рекламной кампании), пробудить в ней интерес к поиску дополнительной информации и так далее. На втором этапе целевая аудитория даёт общую оценку товару (услуге, фирме, рекламной кампании) – благоприятную или неблагоприятную. Происходит воздействие на установки человека в отношении желания/нежелания совершить покупку, а также доступности/недоступности совершения покупки (аффективная реакция). Третий этап связан с осуществлением первой и последующих покупок, с поведением после покупок (поведенческая реакция). На данном этапе рекламная кампания призвана сформировать из потребителей

лояльных и сверхлояльных, идентифицирующих себя с товаром, фирмой и так далее.

Таблица 1

Последовательность возникновения и сущность возникающей реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы

Наименования уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию	Сущность возникающей у целевой аудитории реакции на рекламную кампанию
Познавательная (когнитивная) реакция	формирование осведомленности о товаре (знание товара, интерес к информации о товаре)
Эмоциональная (аффективная) реакция	формирование благоприятного отношения к товару, предпочтений в отношении товара, формирование желания приобрести данный товар
Поведенческая (мотивационная, побуждающая) реакция	формирование лояльности к товару, выражающейся в первой и повторных покупках

При этом каждая последующая реакция целевой аудитории является как бы «вложенной» по отношению к предыдущей, то есть не может наступить без реализации предыдущей реакции. *Задача эффективной рекламной кампании:* привлечь как можно больше потенциальных потребителей из целевой аудитории на каждом из этапов иерархии.

Максимальный эффект, то есть конечная (экономическая) цель фирмы, выражаемая в первой и повторных покупках лояльных клиентов, может быть достигнута только на третьем уровне реакции – поведенческом, после реализации когнитивной и аффективной реакций целевой аудитории на рекламную кампанию.

Основываясь на этой особенности возникновения реакции у целевой аудитории, был разработан класс теоретических моделей формирования реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы, которые можно подразделить на две группы [1, С. 55-59; 3, С. 196]:

1) *модели, ориентированные на рекламодателя* (фирму) (1920-е – конец 1960-х гг.) Ключевые вопросы: «Как нам привлечь внимание? Как правильно замотивировать потребителя?». (модель AIDA и её модификации (AIMDA, ACCA, DAGMAR, DIBABA));

2) *модели, ориентированные на потенциального потребителя* (С 1960-х) Ключевые вопросы: «Знает ли потребитель рекламу? Как он к ней относится?». (Модель Левиджа Р. – Штейнера Г.А., Модель Р. Хибинга (4A's)).

Принципиальная разница между представленными группами моделей заключается в выборе объекта для исследования. Первая группа моделей ориентирована на интересы фирмы, вторая группа, более совершенна, так как учитывает интересы потенциального потребителя [1, С. 55-59; 3, С. 196].

Впервые оформить показатели оценки эффективности рекламной кампании фирмы в модель попытался А. Стронг [1, С. 56-59, 3, С. 191-192]. В 1925 году он адаптировал для рекламных кампаний свою теорию личных продаж и назвал её AIDA по первым буквам входящих в неё уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию. Данную модель можно представить следующим образом [1, С. 56-59, 3, С. 191-192]:

1-ый уровень – A – attention – внимание – сосредоточенность в данный момент времени на каком-то объекте,

2-ой уровень – I – interest – интерес – форма проявления определенной потребности, способствующая ознакомлению с новыми объектами,

3-ий уровень – D – desire – желание – «действенная мысль» о возможности чем-то обладать или что-то осуществить,

4-ый уровень – A – action – действие в понимании «Покупка» – форма проявления и способ осуществления намерения, т.е. непосредственные действия, которые необходимы для приобретения товара.

Согласно модели AIDA рекламная кампания фирмы всегда должна начинаться с привлечения *внимания* к товару (услуге, фирме, рекламной кампании) с целью формирования когнитивной реакции целевой аудитории на рекламную кампанию (1-ый уровень реакции целевой аудитории на рекламную кампанию). На 2-ом уровне к товару (услуге, фирме, рекламной кампании) необходимо вызвать *интерес*, то есть должна возникнуть аттрактивная (эмоциональная) реакция. Затем необходимо «подогреть» желание, то есть вызвать у целевой аудитории суггестивную реакцию (на 3-м уровне) и стимулировать действия по первой и повторным покупкам (вызвать поведенческую реакцию у целевой аудитории на 4-ом уровне).

В 1960-х годах исследователи формирования реакции целевой аудитории на рекламную кампанию разделились на два лагеря. Одни продолжали работу с точки зрения рекламодателя, то есть в рамках первой группы моделей, другие перешли на более качественный уровень и стали изучать формирование уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию с точки зрения потребителя [1, С. 56-60; 3, С. 194-201].

Рассмотрим модели формирования реакции целевой аудитории разработанные в рамках первого подхода (*модели, ориентированные на рекламодателя* (фирму)) (табл. 2).

В модели AIMDA появилось дополнительное звено под названием «мотивация», которое призвано породить (если его нет) или оживить (если он уже существует) мотив приобретения покупки у целевой аудитории [1, С. 53-59; 3, С. 192-193].

Модель АССА предлагает заменить «интерес» на аффективном уровне реакции на «восприятие аргументов», а «желание» на суггестивном уровне реакции на «убеждение». Это связано с тем, что рекламная кампания должна апеллировать к рациональности потенциального покупателя, то

есть вместо плохо систематизируемого интереса и ещё более иррационального желания нам предлагается донести до потребителя наши аргументы и убедить его в их справедливости [1, С. 59-61; 3, С. 198].

Таблица 2

Общая типология теоретических моделей, описывающих иерархическую последовательность возникновения уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы, и ориентированных на рекламодателя

		Виды теоретических моделей, описывающих иерархическую последовательность возникновения реакции целевой аудитории на рекламную кампанию				
		Базовая модель	Модификации модели AIDA			
		AIDA	AIMDA	ACCA	DIBABA	Модель Одобрения
Уровни реакции целевой аудитории на рекламную кампанию	Когнитивная	Внимание	Внимание	Внимание	Определение потребностей	Осознание потребностей
	Аффективная	Интерес	Интерес	Восприятие аргументов	Отождествление	Интерес
	Суггестивная	Желание	Мотивация Желание	Убеждение	Подталкивание к выводам Желание	Оценка
	Поведенческая	покупка	Действие	Действие	Создание благоприятной обстановки	Проверка Одобрение

В модели DIBABA была попытка учесть возможную обратную связь от потребителя к рекламодателю. Некоторые этапы модели должны были, хотя бы на уровне предварительных гипотез, приводиться в соответствие с ожиданиями потребителей и их вероятной реакцией. Логика модели заключается в следующем: после осознания того, чего хочет целевая аудитория, происходит оценка того, насколько рекламное предложение соответствует ожиданиям, а после «подталкивания» покупателя к правильным выводам модель предусматривает анализ его предполагаемой реакции и дальнейшие шаги по созданию у потенциального покупателя желания приобрести то, что ему рекламируют. Кроме того, в этой модели впервые в качестве одного из иерархических слоев, на котором всегда теряется

значительная доля целевой аудитории, рассматривается, насколько удобно совершить покупку (например, наличие гибкой системы оплаты, необходимого товара здесь и сейчас, доставки и тому подобное). Основным случаем для применения этой модели автор называет внутреннее тестирование правильности избранного направления рекламной кампании [1, С. 61-63; 3, С. 199].

В модели «Одобрения» главной отличительной чертой является дополнительный этап проверки своих ощущений, то есть первая покупка здесь рассматривается как практический тест априорной оценки товара, которая делается каждым потенциальным покупателем до приобретения чего-либо, а между пробной и повторной покупкой должно наступить «одобрение»: поступка или товара [1, С. 66; 3, С. 200].

Но эти модели, как уже говорилось выше, рассматривают возникновение уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию с точки зрения рекламодателя, *нам же представляется более корректным, в современных условиях, рассмотрение возникновения реакции целевой аудитории на рекламу с точки зрения потенциального потребителя*. Необходимость рассмотрения последовательности возникновения реакции на рекламную кампанию фирмы с точки зрения потребителя назрела в связи с тем, что потребитель стал более требовательным к товарам и их производителям, маркетинг вышел на качественно новый уровень. В связи с этим возникла группа теоретических моделей возникновения реакции целевой аудитории на рекламную кампанию, ориентированная на потребителя. В этой группе моделей наиболее известными являются модели Р. Левиджа – Г.А. Штейнера и Р. Хибинга, представленные в табл. 3 и 4 [1, С. 66-69; 3, С. 196-198].

Модель Р. Левиджа – Г.А. Штейнера предполагает, что первоначально рекламное сообщение, контактируя с потребителем, создает у него *осведомленность* о товаре (услуге, фирме). Далее (второй уровень реакции целевой аудитории на рекламную кампанию), предполагается, что реклама и продукт нравятся человеку и у потенциального потребителя складывается к нему *положительное отношение*. Это стимулирует переход к третьему шагу – к формированию *желания совершить покупку* и его осуществлению. А удовлетворенность товаром, рекламой, процессом покупки и собственным выбором обуславливают *повторную покупку*, то есть четвертый, заключительный этап модели.

Но при всей внешней стройности у данной модели есть ряд существенных недостатков:

1. восприятие товара не обязательно является положительным,
2. положительное отношение не всегда приводит к покупке,
3. первая покупка не гарантирует вторую, так как ожидания покупателя в отношении товара и/или фирмы могут не оправдаться.

Таблица 3

Модель Р. Левиджа – Г.А. Штейнера, описывающая иерархию уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы

Уровень реакции целевой аудитории на рекламную кампанию по порядку	Наименование уровня реакции целевой аудитории на рекламную кампанию
1-ый уровень	Осведомленность о товаре (услуге, фирме рекламе)
2-ой уровень	Положительное отношение к товару (услуге, фирме, рекламе)
3-ий уровень	Желание совершить покупку
4-ый уровень	Совершение повторной покупки

Перечисленные выше недостатки были оформлены Р. Левиджом и Г.А. Штейнером как «допущения», то есть их существование и влияние на реакцию целевой аудитории приравнивалось к нулю.

Необходимость учесть все эти недостатки одним из первых осознал Р. Хибинг. Модель Р. Левиджа – Г.А. Штейнера была доведена им до приемлемого для практического применения состояния и названа 4A's. Обновленная модель состояла из следующей иерархии возникновения реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы (табл. 4) [3, С. 197-198].

Таблица 4

Модель 4A's., описывающая иерархию уровней реакции целевой аудитории на рекламную кампанию фирмы

Уровень реакции целевой аудитории на рекламную кампанию по порядку	Наименование уровня реакции целевой аудитории на рекламную кампанию
1-ый уровень	знание
2-ой уровень	отношение
3-ий уровень	действие / покупка
4-ый уровень	повторное действие / повторная покупка

На наш взгляд, главная заслуга Р. Хибинга при разработке модели 4A's состоит в том, что больше нет смысла искать новые уровни реакции целевой аудитории на рекламную кампанию и единственно правильное направление дальнейшей работы – это поиски более точных, чем существуют сегодня, методов для оценки показателей, характеризующих эффективность рекламной кампании на том или ином уровне реакции целевой аудитории. Поэтому модель 4A's является, на наш взгляд, наиболее пригодной для практического применения, поскольку содержит вполне измеримые показатели, которые могут быть адаптированы под запросы каждой конкретной рекламной кампании.

Основываясь на последовательном, иерархическом возникновении каждой из реакций целевой аудитории на рекламную кампанию по модели Р. Хибинга (табл. 4), нам представляется целесообразным построение сле-

дующего комплекса показателей для оценки эффективности рекламной кампании фирмы [2, С. 435-438, 444; 3, С. 196-198; 6, С. 20-23].

Оценка первой реакции из цепочки 4A's – *знания* рекламируемого товара и рекламной кампании – состоит в оценке *абсолютной известности* и/или *известности с напоминанием*, то есть в оценке способности респондентов в период рекламной кампании и/или после её завершения правильно идентифицировать рекламное сообщение с товаром, маркой, фирмой и/или рекламной кампанией. При этом абсолютная известность выражается в «*спонтанном воспоминании*», при котором реклама вспоминается при упоминании категории товара (области деятельности фирмы, идеи рекламной кампании), а известность с напоминанием выражается либо в «*воспоминании при предъявлении товара*» – после произнесения названия конкретного товара (фирмы, рекламной кампании) или его демонстрации, либо в «*воспоминании после пересказа рекламы*». Сумма этих трех показателей составляет долю целевой аудитории, которая, так или иначе, знает товар, фирму и/или рекламную кампанию. При чём, чем выше степень абсолютной известности, тем успешнее была рекламная кампания [6, С. 20-23].

Оценка второй реакции из цепочки 4A's – *отношения* к рекламируемому товару и рекламной кампании – состоит в оценке степени побуждаемости рекламной кампании к совершению действия/покупки, то есть в оценке цепочки показателей, формирующих отношение целевой аудитории к товару (услуге, фирме, рекламной кампании): *понимание, доверие, намерение совершить действие/покупку* [2, С. 433].

Оценка *понимания* складывается из изучения осознания выгод предоставляемых товаром (услугой, фирмой, рекламной кампанией), заголовка и содержания рекламы, элементов рекламы и так далее.

Оценка *доверия* к товару (услуге, фирме, рекламе) основывается на выяснении потенциальной готовности целевой аудитории, которая осведомлена о товаре (услуге, фирме, рекламной кампании) и понимает все выгоды и предложения по данной рекламе, к совершению покупки. Таким образом, определяются доли целевой аудитории с положительным (доверительным) и отрицательным отношением к товару (услуге, фирме, рекламной кампании).

Итогом пребывания на данном уровне возникновения реакции целевой аудитории на рекламную кампанию должно стать принятие решения о желательности или нежелательности совершения действия/покупки, то есть формирование устойчивого *намерения* совершить действие/покупку или отказаться от действия/покупки. Последнее может произойти в том случае, если реклама не понятна целевой аудитории, целевая аудитория ей не доверяет или не достаточно увлечена идеей рекламной кампании.

Оценка третьей и четвертой реакции из цепочки 4A's – *Действия/покупки* и *повторного действия/повторной покупки* – состоит в изу-

чении *влияния рекламы на покупательское поведение* [2, С. 444; 5, С. 234-236]. Здесь могут отслеживаться такие показатели эффективности рекламной кампании, как число посетителей, число обращений за консультациями, объемы продаж, товарооборота, прибыли, доля рынка, рентабельность вложений в рекламную кампанию и так далее. Перечисленные показатели могут рассматриваться, как в абсолютном, так и в относительном выражении. Каждый из показателей необходимо также рассматривать в динамике на протяжении определенного отрезка времени.

Таким образом, первые два уровня реакции целевой аудитории на рекламную кампанию из табл. 4 содержат в себе показатели для оценки коммуникативной эффективности рекламной кампании фирмы (знание, понимание, доверие, намерение). Вторые два уровня – показатели для оценки коммуникативной (число посетителей, число обратившихся за консультацией и так далее) и экономической эффективности рекламной кампании фирмы (объемы продаж, товарооборота, прибыли, доля рынка, рентабельность вложений в рекламную кампанию и так далее). И, следуя логике рассмотренных выше моделей, мы не сможем обеспечить первую и повторные продажи без создания осведомленности и позитивного отношения к товару. То есть иными словами, чтобы потенциальный потребитель купил товар, он как минимум должен знать о его существовании и положительно к нему относиться. Только при соблюдении этих двух условий вероятность покупки существует.

Список литературы:

1. Амблер Т., Вакратас Д. Как работает реклама: что нам известно об этом в действительности? // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. – 2001. – №6. – С. 55-73.
2. Голубков Е.П. Основы маркетинга: Учебник. – М.: Финпресс, 1999. – 651 с.
3. Кутляев А., Попов А. Эффективность рекламы: 2-е издание. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 416 с.
4. Ламбен Жан-Жак. Менеджмент ориентированный на рынок (серия «Классика МВА») / Перев. с англ. под ред. В.Б. Колчанова. – СПб.: Питер, 2006. – 800 с.
5. Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник для студентов высших и средних спец. учебных заведений. – М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998. – 244 с.
6. Пикулева М. Как измерить эффективность рекламы? // *Реклама*. – 1999. – №4. – С. 32-33.

Раздел пятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СИЛОВОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

© Бородулина О.В., Ефремова Н.В.

Ивановский государственный энергетический университет
им. В.И. Ленина, г. Иваново

Анализируется динамика силовой подготовленности студентов в период обучения в вузе. Освещаются причины недостаточного развития силовых качеств. Предлагаются способы решения поставленной проблемы.

Важнейшим показателем благополучия общества, как один из факторов национальной безопасности государства, является здоровье человека. Вместе с тем в настоящее время проблема сохранения и укрепления здоровья студентов приобретает все большую актуальность: увеличивается число первокурсников с отклонениями в состоянии здоровья, возрастает количество студентов специальной медицинской группы, повышается заболеваемость в процессе обучения. Основными причинами сложившегося положения является дефицит двигательной активности и крайне слабая ее ориентированность на формирование и развитие личностно-значимых физических качеств студентов, их разнообразных способностей и склонностей, отсутствие у них сформированных ценностных ориентаций на поддержание и укрепление здоровья. Физическая культура представлена в вузах как учебная дисциплина и важнейший базовый компонент общей культуры молодежи. Она призвана способствовать формированию таких общечеловеческих ценностей, как физическое, психическое и социальное благополучие, повышению жизненных ресурсов человека, к числу важнейших из которых относится здоровье. Состояние здоровья необходимо учитывать и при рассмотрении будущей профессиональной деятельности студентов.

Двигательная активность человека обладает высоким оздоровительным потенциалом. В связи с этим двигательную активность можно считать элементом, формирующим в сочетании с другими факторами личную физическую культуру студентов и являющимся в этом смысле важнейшим компонентом системы общественного воспитания и самовоспитания личности. Двигательная активность – это, прежде всего, персонализированная деятельность личности в сфере физической культуры и спорта, которая включает в себя компоненты, предусматривающие освоение зна-

ний о методически грамотном обеспечении своего физического совершенствования, личностную мотивацию физической подготовки, усиление акцента на активное понимание отдельной личностью своей общественной значимости [2].

Однако в системе вузовского образования недостаточно внимания уделяется персонализации личности в физическом воспитании, полноценной реализации ее оздоровительного потенциала.

В педагогическом исследовании анализируется проблема силовой подготовки студентов в рамках базового и вариативного компонентов учебной программы в процессе учебных и самостоятельных занятий.

Исследования охватили студентов (юношей и девушек) основной медицинской группы ГОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина».

Целью исследования является анализ динамики изменения индивидуальных показателей уровня силовой подготовленности студентов на протяжении 1-3 годов обучения в вузе (изучения курса «Физическая культура»).

Для оценки уровня силовой подготовленности студентов нами были выбраны следующие тесты:

- юноши – подтягивание на перекладине, отжимание от параллельных брусьев и прыжок в длину с места;
- девушки – сгибание и разгибание рук в упоре лежа, прыжок в длину с места.

Исследуемые на протяжении всего трехлетнего курса обучения дисциплине «Физическая культура» сдавали контрольные нормативы в конце каждого учебного года. Результат, показанный испытуемыми в первый месяц занятий по физическому воспитанию в вузе (определение профиля), являлся начальным. Т.о. было сделано четыре контрольных измерения:

1. контрольное измерение № 1 (1 курс – сентябрь);
2. контрольное измерение № 2 (1 курс – май);
3. контрольное измерение № 3 (2 курс – май);
4. контрольное измерение № 4 (3 курс – май).

В исследовании приняли участие 146 студентов основного отделения (73 юноши и 73 девушки) специализаций легкая атлетика и ОФП. Были использованы следующие методы: анализ и обобщение научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, математическая статистика, тестирование силовой подготовленности.

В результате исследования были получены достоверные измерения в подтягиваниях на перекладине, отжимании от параллельных брусьев и прыжке в длину с места у юношей и сгибании и разгибании рук в упоре лежа и прыжке в длину с места у девушек (при сравнении двух выборочных средних связанных выборок $t_{\text{расчет.}} > t_{\text{крит.}}$).

В ходе тестирования выявлено, что:

- среднее количество повторений у юношей 1 курса (контрольное измерение № 2) по сравнению с контрольным измерением № 1 увеличилось на 28,8 % в подтягивании, на 21 % в отжимании и на 3,03 % в прыжке в длину с места;
- среднее количество повторений у юношей 2 курса (контрольное измерение № 3) по сравнению с контрольным измерением № 2 увеличилось на 12,4 % в подтягивании, на 17,4 % в отжимании и на 0,37 % в прыжке в длину с места;
- среднее количество повторений у юношей 3 курса (контрольное измерение № 4) по сравнению с контрольным измерением № 3 увеличилось на 6 % в подтягивании, на 6,6 % в отжимании и на 1,38 % в прыжке в длину с места;
- среднее количество повторений у девушек 1 курса (контрольное измерение № 2) по сравнению с контрольным измерением № 1 увеличилось на 39,01 % в сгибании и разгибании рук в упоре лежа и на 1,63 % в прыжке в длину с места;
- среднее количество повторений у девушек 2 курса (контрольное измерение № 3) по сравнению с контрольным измерением № 2 увеличилось на 39,36 % в сгибании и разгибании рук в упоре лежа и уменьшилось на 0,61 % в прыжке в длину с места;
- среднее количество повторений у девушек 3 курса (контрольное измерение № 4) по сравнению с контрольным измерением № 3 увеличилось на 43,17 % в сгибании и разгибании рук в упоре лежа и на 0,8 % в прыжке в длину с места.

Таблица 1

Основные показатели измерений (юноши)

Показатели	Контрольные измерения											
	№ 1			№ 2			№ 3			№ 4		
	Подтягивание, раз	Отжимание, Раз	Прыжок, см	Подтягивание, раз	Отжимание, Раз	Прыжок, см	Подтягивание, раз	Отжимание, Раз	Прыжок, см	Подтягивание, раз	Отжимание, Раз	Прыжок, см
Min знач.	0	0	190	3	1	195	2	1	180	1	5	180
Max знач.	15	21	260	16	30	273	21	30	275	21	33	280
Медиана	6	9	235	8	13	240	10	16	240	10	16	245
Среднее	6,98	10,01	231,98	8,48	12,88	239	9,89	15,61	239,89	10,42	16,58	242,79
Ст.откл	3,88	5,24	15,31	3,91	5,85	16,47	4,48	6,60	16,87	4,47	6,31	16,10

В ходе анализа результатов исследования (табл.1, табл.2) было выявлено что:

- у юношей наибольший прирост в результатах в подтягивании на перекладине и отжимании от брусьев произошел на протяжении первого года обучения. На втором курсе выявлена тенденция к снижению роста результатов. На третьем курсе наблюдался некоторый застой в росте результатов, а в отдельных случаях и их снижение. Изменения показателей в прыжке в длину были незначительны на протяжении всего курса обучения.
- у девушек прирост в результатах в сгибании и разгибании рук в упоре лежа являлся равномерным на протяжении всего курса обучения (в среднем 40,5 % в год). Однако результаты в прыжках в длину выросли очень незначительно, а на втором курсе даже ухудшились.

Таблица 2

Основные показатели измерений (девушки)

Показатели	Контрольные измерения							
	№ 1		№ 2		№ 3		№ 4	
	Отжимание, раз	Прыжок, см	Отжимание, раз	Прыжок, см	Отжимание, раз	Прыжок, см	Отжимание, раз	Прыжок, см
Min знач.	0	140	0	140	0	140	0	140
Max знач.	15	210	20	210	18	200	20	208
Медиана	3	170	6	175	10	175	12	175
Среднее	4,46	172,1	6,20	174,97	8,34	174,11	11,94	175,5
Станд. откл.	4,03	13,54	4,44	13,56	3,96	12,25	4,90	13,25

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*. Наибольший скачок результатов происходит на протяжении первого курса. Это связано с тем, что в этот период студенты имеют наибольшую мотивацию в занятиях, они без особого труда выходят на свой природный уровень подготовленности, которого по различным причинам не могли достигнуть за время обучения в школе. В то же время известно, что на 1-ом курсе студенты вынуждены адаптироваться к комплексу новых факторов, специфичных для высшей школы. Это является хорошим мобилизующим психические и физические силы фактором [4]. Однако рост результатов на 2-ом курсе замедляется, а в некоторых случаях и приостанавливается. Это может происходить по нескольким причинам:

- на первом курсе силовой подготовке под непосредственным руководством преподавателя уделяется большое внимание. К третьему году обучения силовая подготовка большую часть времени проводится студентами в виде самостоятельных занятий по рекомендации преподавателя. Игровая часть занятия (особенно на занятиях юношей) увеличивается;

- потребность в познавательной активности, самосовершенствовании личностных физических качеств у студентов отсутствует или слабо выражена.

У девушек равномерное увеличение результатов в сгибании и разгибании рук в упоре лежа объясняется новизной упражнения, т.к. в школьную программу данный тест не входит. Начальный уровень подготовленности очень низок, а применяемая на занятиях по физическому воспитанию в вузе нагрузка оптимальна для студенток с низким уровнем исходного состояния физической и функциональной подготовленности. Направленность подготовки на развитие силы рук пресса дает большой прирост в результатах на протяжении всего курса обучения.

Таким образом, считаем необходимым:

- формировать учебные группы для занятий по физической культуре из студентов с относительно одинаковым уровнем физической подготовки, а так же учитывать типологические особенности телосложения. Спецификация силовых упражнений с учетом типологических особенностей студентов позволит полнее реализовать их двигательные возможности в процессе учебной деятельности. Для этого на первых занятиях по физической культуре, кроме тестирования физической подготовленности, необходимо проводить анкетирование студентов для выявления их принадлежности к той или иной типологической группе;
- скорректировать учебные планы по физическому воспитанию по следующей схеме:
 - а) в мужских отделениях ОФП и легкой атлетики для 2-х, 3-х курсов в сторону увеличения силовой нагрузки, особенно специальных упражнений для развития силы ног, и уменьшения времени для выполнения самостоятельных упражнений в процессе занятия;
 - б) в женских отделениях ОФП и легкой атлетики для 1-3-х курсов в сторону увеличения упражнений для развития силы ног, а так же уделения большего внимания упражнениям на координацию.
- для увеличения внутренней мотивации студентов на занятиях по физическому воспитанию:
 - а) использовать гендерный подход к преподнесению информации (для женских групп использовать мотивацию, воздействующую на эмоциональную сферу обучаемых, а для мужских групп – на рациональную, доказательную сферу);
 - б) увеличить число лекционных занятий с целью проведения агитации здорового образа жизни, пользы физических упражнений, возможности представления новых методов и приемов физического совершенствования;

- в) применять интерактивный формат обучения, поддерживающий активность студентов, вовлекающий их в дискуссии, что увеличивает привлекательность предмета и переводит студента в статус более близкий к преподавателю, стимулирует поиск и вызывает дальнейшую заинтересованность в процессе обучения, т.е. в развитии своих физических качеств;
- развивать и совершенствовать систему мониторинга физической подготовленности для последующего анализа образа жизни студентов и условий проведения физической подготовки в вузе.

Список литературы:

1. Баевский Р.М., Берсенева А.П., Максимов А.Л. Валеология и проблема самоконтроля здоровья в экологии человека: Учебн. пос., ч. I. – Магадан, 1996. – 56 с.
2. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Физическая культура: молодежь и современность // Теор. и практ. физ. культ. – 1995. – № 4. – С. 2-7.
3. Ланда Б.Х. Пример мониторинговых исследований с анализом результатов учебных достижений школьников по предмету «Физическая культура» // Спорт в школе. – 2007. – № 23
4. Лубышева Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта // Теор. и практ. физ. культ. – 1997. – № 6. – С. 10-15.
5. Семенов Л.А. Мониторинг кондиционной физической подготовленности в образовательных учреждениях. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.
6. Симонов В.П. Учет гендерных различий в образовательном процессе // Педагогика. – № 4. – 2005. – С. 40-43.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО СЕРВИСА

© Каерова Е.В., Матвеева Л.В.

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, г. Владивосток

В статье рассматриваются вопросы совершенствования системы профессионального образования. Отражены проблемы определения профессиональных компетенций в сфере сервиса, здоровья и спорта и их развитие в обратной связи в процессе коммуникации сотрудников фитнес-центров и преподавателей кафедры физкультуры и спорта.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, обратная связь, коммуникации, профессиональное образование.

Осуществление поставленных в Федеральной программе развития образования на 2006-2010 годы стратегических целей и задач требует применения эффективных механизмов и методов преодоления кризисных явлений в сфере образования. Проблема становления высококвалифицированных специалистов в российских школах находится сейчас в поисках оптимальных путей ее решения. В XXI веке профессиональное образование наполняется новыми смыслами — личностно-профессиональными, выделяются, прежде всего, те мотивации, которые связаны с инструментальными функциями образования: работа, карьера, успех, здоровье.

Интеграция в международное образовательное пространство, переход на двухуровневую систему образования, процессы демократизации и гуманизации общественной жизни в условиях продолжающихся экономических реформ потребовали от высшей школы активного поиска путей совершенствования сложившейся в России системы национального образования.

Уровень экономического развития страны напрямую зависит от уровня квалификации кадров. Поэтому развитие системы образования предъявляет повышенные требования к качеству подготовки специалистов, определению их компетенций. Государство стремится готовить успешных, востребованных обществом и рынком труда выпускников, создает условия для обеспечения образовательной мобильности обучающихся.

Компетентностный подход к подготовке студентов в высших учебных заведениях должен обеспечивать формирование в процессе обучения необходимых психофизических качеств будущих специалистов, прикладных

знаний, умений и навыков, которые помогут им быстро адаптироваться к производственным условиям, повысить уровень качества выпускаемых специалистов.

Особое значение сейчас отдается и повышению качества самого образования, для чего необходима реализация новой образовательной политики. Современная парадигма образования состоит в переходе от образования знаниевого к деятельностному, личностно-ориентированному, предполагает обеспечение выпускника не столько суммой знаний, сколько набором компетенций, позволяющих мобильно адаптироваться в динамично изменяющихся социально-экономических условиях и применить свои знания при создании новой конкурентоспособной продукции и услуг [3, С.193].

Компетенции – некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [2].

Задачи развития системы профессионального образования выдвигают новые, возросшие требования к студенту как главному элементу обновления общества, означая необходимость всестороннего развития самого человека, качественного содержания и количественной отдачи его сил и возможностей. Общество все больше осознает, что главное его богатство – человек. Образование и воспитание как педагогическая проблема связана с укреплением здоровья студенческой молодежи, издавна известно, что в здоровом теле – здоровый дух. Поэтому во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС) созданы все условия для развития спорта и здоровье сберегающих технологий.

ВГУЭС – университетский комплекс, который уделяет этой работе огромное значение. В Дальневосточном регионе это единственный вуз, где на таком высоком уровне решены вопросы социальных условий труда и учебы. Он и внешне заметно отличается от многих российских вузов, все больше приближаясь к стандартам вузов в странах с развитой рыночной экономикой. Главным приоритетом для ВГУЭС является повышение качества обучения как меры удовлетворения потребности в нем. Здесь создана самая лучшая в Приморском крае спортивная база, т.к. ректорат понимает, что значение sportсооружений для развития массовой физической культуры и спорта очень велико, способствует организации здорового образа жизни. В университете открыта новая специализация «Спортивно-оздоровительный сервис» в рамках специальности «Социально-культурный сервис и туризм», которая будет готовить специалистов для работы в центрах спорта и здоровья.

Определяя исключительно важное значение спорта в его функции укрепления здоровья и физического развития человека, кафедра физкульту-

ры и спорта (ФС) ВГУЭС понимает, что для решения поставленных задач и повышения эффективности физкультурно-педагогической работы, необходима координация усилий в разноуровневых образовательных учреждениях комплекса. И она выполняет это. Основные принципы организации занятий физическими упражнениями связаны с оздоровительной направленностью, пороговой нагрузкой для возникновения тренировочных эффектов: порог интенсивности и порог продолжительности. Учитываются так же специфические и общие эффекты оздоровительной тренировки и обратимость оздоровительных тренировочных эффектов. Особое значение уделяется выбору физических упражнений для укрепления здоровья и повышения уровня физической подготовленности: медицинское обследование; показания и противопоказания для занятий физическими упражнениями с оздоровительной направленностью; вид физических упражнений.

Современное название здорового образа жизни – фитнес. Дословный перевод слова «фитнес» с английского *to be fit* – быть, пребывать в хорошей физической форме, вести активный образ жизни. Несмотря на то, что в Россию фитнес пришел относительно недавно, российская фитнес-индустрия развивается такими быстрыми темпами, что вряд ли можно игнорировать эту реалию нашей жизни или недооценивать ту колоссальную роль, которую играет фитнес в современном обществе. По данным статистических исследований количество людей, занимающихся фитнесом, ежегодно увеличивается на 20-25 %. Почти столько же активных приверженцев здорового образа жизни находятся в состоянии желания заняться фитнесом. В спортивном комплексе университета созданы специальные секции для эффективных занятий фитнесом. Умение полностью и безраздельно отдавать себя ученикам всегда ценилось в спорте. Тренер, хорошо разбирающийся в психологии учеников и физического воспитания, всегда востребован.

Необходимым условием также считается подбор тренеров-преподавателей, обладающих не только профессионально значимыми знаниями и умениями, но и ярко выраженным стилем коммуникативного взаимодействия. Такой преподаватель постоянно находится в диалоге с обучаемыми, держит их в мажорном настроении, поощряет инициативу, легко схватывает изменения в психологическом климате группы и гибко реагирует на них. Преобладает стиль дружеского взаимодействия с сохранением ролевой дистанции. Этот тип взаимодействия наиболее приемлем в процессе обучения взрослых. Такая модель наиболее продуктивна, создает благоприятную психологическую атмосферу общения, что в свою очередь способствует благоприятным условиям для физического развития и формирования здорового образа жизни [1].

Взаимодействие тренера-преподавателя и обучаемого является важнейшим фактором, влияющим на становление личности последнего, по-

скольку многое из того, что человек приобретает во время обучения остается с ним на всю жизнь и в значительной степени предопределяет его судьбу. Условием успешности педагогического взаимодействия в спортивном процессе является организация обратной связи между действиями преподавателя и обучаемых. Такими механизмами становятся диалог как форма учебного взаимодействия и рефлексивная позиция студентов и преподавателей, а также применение компонентов обучения, которые влияют на развитие спортивно-оздоровительного стиля деятельности обучаемых: обсуждение, проблемное решение поставленных перед обучаемыми задач, методы поощрения.

Но важно и нужно определить компетенции сотрудников фитнес-центра, созданного в новом спортивном корпусе ВГУЭС «Чемпион», так как они отражают эффективное поведение, необходимое и для того или другого уровня управления: администратора, фитнес-менеджера, фитнес-директора. Задачи у всех сотрудников разные и компетенции, определяющие эффективность выполнения этих задач, также будут отличаться. Например, для фитнес-тренера, чьи функции связаны в основном с непосредственным общением с клиентом – подготовка фитнес-программы и помощь в ее реализации. Многие авторы отмечают, что для того, чтобы подобрать подходящие занятия для своих клиентов, необходимо, прежде всего, понять потребности клиентов, потом определить задачи и цели, что поможет выбрать соответствующие упражнения. Инструкторы должны следовать единой системе с тем, чтобы направить усилия на планирование эффективных занятий и обучение правильному выполнению упражнений, а так же давать обратную связь клиенту, которая является для него основой обучения. Но экономические показатели, которые тоже важны при формировании групп, зависят от коммуникаций в области обратной связи. Умение тренера реагировать на достижения клиентов, стимулируя их через обратную связь, всегда ценится в спорте и не остается без достойной награды.

Обратная связь-это информация, содержащая реакцию одного партнера по коммуникации на поведение другого. Цель обратной связи - помочь партнеру по общению в понимании того, как воспринимаются его слова и поступки, какие чувства они вызывают у других людей. Воспринимая от партнера по коммуникативному акту информацию, оценивая ее, и поведение партнера при передаче своей и восприятия нашей информации, мы получаем возможность понять его, и осуществить совместные действия. И именно эта обратная связь в процессе коммуникации делает возможной проявления таких составляющих компетентности фитнес-менеджера, как коммуникативно-программирующая и коммуникативно-исполнительская, реализующихся в виде компетентности в обратной связи, позволяя организовать внимание клиента, стимулировать его коммуникативную активность, диагностировать и прогнозировать коммуникативную ситуацию,

внося необходимые коррективы в ходе коммуникации для достижения целей общения.

Обратная связь в процессе коммуникации сотрудников фитнес-центра с клиентами – это также реакция на замечания клиента. Обратная связь помогает лучше понять потребности клиента, сгладить спорные моменты, контролировать возникающие конфликтные ситуации. Она способствует установлению доверительных отношений и последующей корректировке принимаемого управленческого решения в интересах достижения взаимопонимания и согласованности позиций [4].

Можно разрабатывать и постоянно внедрять новые программы, предлагать новинки фитнес-индустрии, покупать дорогостоящее фитнес-оборудование, но не получать того эффекта, который ожидаешь, только потому, что клиенты не чувствуют комфорта в центре. Обязательным принципом общения сотрудников фитнес-центра с клиентами являются пунктуальность, приветливость, дружелюбие, внимательность, проявление уважения к мнению клиента. Следовательно, очень важно, чтобы сотрудники были позитивно настроены, открыты, заинтересованы в продвижении сервиса. Необходимо организовать работу сотрудников всего центра на успех и найти короткий путь к сердцу клиента [5].

Основными предпосылками развития сервиса в области спорта и здоровья является формирование эффективно действующей системы подготовки специалистов спортивно-оздоровительного профиля. В связи с этим задача совершенствования организации учебного процесса в подготовке специалистов спортивно-оздоровительной деятельности, формирование их профессиональных и деловых качеств выдвигается в качестве ведущей задачи как программы дальнейшего развития сферы спорта и здоровья, так и становления образовательно-педагогической системы. Именно эти качества мы воспитываем в студентах, которым предстоит работать в спортивно-оздоровительном сервисе. Но для успешного обучения необходимо разработать точные компетентности сервисной специальности в области спорта и здоровья с умениями и навыками. Базовая инвариантная часть профессиональной компетенции может быть определена в соответствии с характеристикой специальности, приводимой Государственным стандартом, где указаны общие требования к образованности специалиста. Стандарты третьего поколения создаются на основе профессиональных компетенций.

Известно, что компетентностный подход ориентирует высшее образование на подготовку будущих специалистов с высоким интеллектуальным потенциалом. Переход системы отечественного высшего образования на двухступенчатую основу: бакалавриат – магистратура позволит организационно решить эту проблему. Педагогам предстоит готовить студентов не столько к профессиональным функциям, сколько, прежде всего, к актив-

ному освоению ситуаций социальных перемен, т.е. к непрерывности образования как профессиональной компетентности. Немаловажным в этом процессе является и профессиональное развитие преподавателя, которое понимается как рост, становление, интеграция и реализация в педагогическом труде профессионально значимых качеств и способностей, профессиональных знаний и умений. Показателем профессиональной компетенции и культуры педагога является не только умение создать оптимальные условия для развития каждого учащегося, но и постоянное развитие самого преподавателя, так как он должен быть открыт новому опыту, новому знанию, умению общения. В этих условиях у выпускников формируются иные ценностные ориентации.

Ведущими показателями нравственности выступают такие структурообразующие качества личности, как компетентности. Профессиональная и личностная компетентности рассматриваются нами как осознанная студентами значимость своей будущей деятельности, осознанная потребность в активном овладении специальностью, готовность к учебной деятельности, готовность преодолевать встречающиеся трудности в достижении спортивных результатов.

Для того чтобы достигнуть мастерства в профессиональной деятельности, специалисту по спортивно-оздоровительному сервису необходимо обладать стартовыми возможностями, способностями, знаниями, умениями, навыками, компетентностью и высокой мотивацией. Очень важно, чтобы профессионал обладал не только мастерством, но и отличался высокой эффективностью и стабильностью результатов деятельности. Высокоэффективная деятельность характеризуется высокими показателями качества и производительности и преследует социально значимые цели.

Личностная компетентность – способность планировать свою трудовую деятельность, контролировать и регулировать ее, способность самостоятельно принимать решения, способность находить нестандартные решения, будущего специалиста в сфере спортивно-оздоровительного сервиса включает культуру речи, культуру поведения, потребность в саморазвитии, ответственность, толерантность, владение иностранными языками, знание законов развития мира, экономическую ответственность за профессиональную деятельность, поддержание и развитие физических возможностей и здорового образа жизни.

Как видим, снабдить студентов профессиональными знаниями и умениями сегодня не является единственной задачей высшего профессионального образования. Деятельность вуза также направлена на помощь в становлении личности будущего специалиста, адекватной требованиям, предъявляемым обществом, т.е. учебное заведение помогает сформировать профессионально значимые и социально необходимые личности качества специалиста.

Список литературы:

1. Громкова М.Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 415 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Стратегическое планирование в университете (опыт ВГУЭС): коллективная монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 232с.
4. Фадеев Е.В. Развитие компетентности в обратной связи в процессе коммуникации муниципальных служащих: Автореф. дис. к.п.н. – Владивосток, 2006. – 22 с.
5. Fitness-report. Галантный век фитнеса // Журнал для профессионалов спортивно-оздоровительного бизнеса. Июнь 2007. – 22 с.

КОНТРОЛЬ ПО ИНФОРМАТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ

© Курдюков Г.И.

Волгоградский Государственный Педагогический Университет,
г. Волгоград

В данной работе рассматривается проблема контроля знаний студентов – будущих учителей информатики. Рассмотрены два аспекта содержания информатических дисциплин. Подробно описаны основные виды, методы, формы и средства контроля по дисциплинам информатического цикла.

В повышении качества профессиональной подготовки специалистов, в том числе и будущих учителей, в системе высшего педагогического образования, значительная роль принадлежит контролю, который современной педагогической теорией и практикой считается чрезвычайно важным.

Между тем проблемам контроля в современной высшей школе уделяется недостаточное внимание. Часто контроль в вузе носит случайный, фрагментарный характер и выражается только в форме итоговых отчетностей: зачета или экзамена. В работе отражены основные, на наш взгляд, аспекты контроля, на которые следует обращать внимание преподавателям педагогических вузов, а также студентам педагогических вузов – будущим учителям информатики при проведении контроля на занятиях по информатическим дисциплинам.

Содержание информатических дисциплин может быть рассмотрено в двух аспектах [5, С. 22].

Первый аспект, так называемый *теоретический*, связанный с системно-информационной картиной мира, информационными процессами, протекающими в различных самоуправляемых системах (социум, биологические системы, автоматизированные технические системы).

Второй аспект – *практический*, характеризующийся прикладной направленностью информатических дисциплин, и связанный с методами и средствами получения, обработки, передачи, хранения и использования информации, решением задач с помощью компьютера и других средств новых информационно-коммуникационных технологий. Этот аспект немало важен в подготовке будущего учителя информатики, которому необходимо уметь подготовить школьников в будущем к практической деятельности, продолжению образования.

Подчеркнем, что эти два аспекта имеют комплексный характер, они неразрывно связаны друг с другом в рассмотренных информатических дисциплинах [5, С. 22].

В работе [5], приводится мотивировка введения контроля школьников, показывается сущность контроля на уроках информатики; адаптируем сказанное на предмет контроля будущих учителей информатики.

Объектом контроля результатов учебной деятельности студентов по информатическим дисциплинам является готовность обучаемых к различным видам учебной деятельности и сформированность определенных умений и навыков.

Мотивировка введения контроля на занятии при изучении определенной темы, способствующая возникновению вопроса о том, как проводить контроль, предполагает ответы на следующие вопросы:

1. Необходим ли данный контроль для проверки понимания теоретического раздела данного курса или для контроля практических навыков?

2. Действительно ли необходим данный контроль для решения учебных и практических задач?

3. Какова роль данной формы контроля в целостной системе курса информатических дисциплин?

4. Насколько значим данный контроль для кругозора и информационного мировоззрения будущих учителей информатики?

По утверждению Е.А. Смирновой: «Ответив положительно на предложенные вопросы мотивировки введения контроля, возможна реализация целостного педагогического процесса на практике, в котором необходимо прояснение всех обстоятельств, протекания дидактического процесса и точное определение его результатов» [5, С. 23].

Огромную роль в достижении хороших результатов в обучении играет правильный выбор методов, форм, средств, видов, способов контроля, который во многом зависит от целей, содержания занятия, места урока в разделе, теме, курсе, имеющихся технических средств обучения, оснащенности компьютерных аудиторий.

Из вышесказанного сделаем вывод о том, что, для того чтобы раскрыть сущность контроля по информатическим дисциплинам необходимо разумно, целенаправленно выбрать на этапе контроля: методы, формы, средства, виды, способы контроля, используемые при изучении данного предмета, раздела, темы, модуля.

Особенности информатических дисциплин, в частности, использование компьютера предоставляет широкие возможности и средства индивидуализации обучения и контроля его результатов. Так, наряду с традиционными методами контроля имеется возможность использовать средства, реализуемые с помощью компьютера, которому передаются контролирующая и оценивающая функции [2, С. 76].

Рассмотрим основные виды контроля и охарактеризуем каждый из них с точки зрения методов, средств, форм их осуществления.

Предварительный контроль, как известно, состоит в определении исходного уровня знаний, умений и навыков, которыми обладают студенты на текущий момент. Подчеркнем важность этого вида контроля, т.к. при наличии недостаточной подготовки студенты будут просто не способны к дальнейшему изучению материала, к движению вперед. Поэтому важно на этом этапе контроля выявить истинную подготовку студентов. Если предварительный контроль осуществляется на лекции, то используя устный опрос, можно выявить необходимый уровень подготовленности студентов, если же он происходит на лабораторных или семинарских работах, то можно воспользоваться методом тестирования или небольшой самостоятельной работой для выявления необходимой информации преподавателю, используя при этом индивидуальную, фронтальную или комбинированную форму контроля. При использовании средств дистанционных образовательных технологий (СДОТ), студенты могут пройти тестирование или самостоятельную работу offline, найдя все необходимые им материалы (тест, варианты самостоятельной работы) на сайте дистанционного обучения вуза и отправить преподавателю, используя СДОТ.

Текущий контроль предполагает осуществление на каждом лабораторном или семинарском занятии по информатическим дисциплинам. О роли и значении этого контроля было сказано выше, подчеркнем, что здесь большую неотъемлемую помощь в организации и проведении этого вида контроля оказывает преподавателю компьютер. Для эффективного применения текущего контроля необходимо сочетать различные средства и формы проверки: индивидуальные, фронтальные, комбинированные, устные и письменные.

Текущий контроль по информатическим дисциплинам имеет большое значение для проверки усвоенных знаний и выработанных умений и навыков в обучении, характеризуется своей оперативностью, гибкостью, разнообразием используемых методов, средств и приемов, а также служит неким критерием преподавателю о готовности студентов к изучению дальнейших тем курса. Позволяет студентам установить связи между ранее усвоенным материалом и новым, осознать свои знания и незнания. Данный вид контроля может быть легко реализован на занятиях по информатическим дисциплинам как бескомпьютерными так и компьютерными средствами, в том и числе и дистанционными, т.к. как прост в организации и не требует больших затрат времени на реализацию.

Выделим функцию обратной связи как одну из важнейших функций текущего контроля, позволяющую преподавателю получать сведения о ходе процесса усвоения материала у каждого студента, правильности или неправильности конечного результата, оценивать понимание или непонимание материала.

Рассмотрим теперь *тематический контроль*, который проводится по итогам изучения отдельных тем, разделов, модулей информатического курса, когда сформированы и систематизированы базовые понятия курса. Тематический контроль имеет своей целью выявить уровень овладения содержанием темы каждым студентом и аудиторией в целом.

Выделим следующие базовые модули, входящие в основное содержание информатических дисциплин:

1. Информация и информационные процессы;
2. Представление информации;
3. Компьютер;
4. Формализация и моделирование;
5. Алгоритмизация и программирование;
6. Информационно-коммуникационные технологии;
7. Сетевые информационные технологии (коммуникационные технологии).

Каждый из этих модулей характеризуется наличием теоретического и практического аспектов, один из которых может иметь больший удельный вес чем другой в конкретных модулях, так, например, первый модуль несет больше выраженный теоретический аспект чем практический. Отсюда становится ясным выбор методов, форм, способов проведения контроля. Рассмотрим каждый из модулей в отдельности.

При проведении контроля первого модуля целесообразно в качестве методов контроля выбрать устные формы проверки (опрос, беседа, изложение, объяснение) базовых понятий этого модуля: информации, основных единиц информации, информационных процессов; письменные методы контроля (диктант по базовым понятиям модуля, мини-сочинение, самостоятельная/контрольная работа для решения задач на измерение количества информации), тестирование, работа с сетевыми графами. Эффективно сочетать индивидуальную и фронтальную формы контроля. В качестве средств контроля можно выбрать как бескомпьютерные так и компьютерные, в том числе и дистанционные формы. На этом этапе контроля можно использовать зачет как способ контроля.

Второй модуль практически в равной степени сочетает в себе рассмотренные выше аспекты. Если позволяет содержание модуля, то лучше выделять подтемы (подмодули) и осуществлять контроль по завершению изучения этих подмодулей. Во втором модуле выделим следующие подмодули:

- а) Виды информации: символьная и образная;
- б) Кодирование информации;
- в) Язык как способ представления символьной информации;
- г) Классификация языков: естественные и формальные языки;

д) Системы счисления – языки представления числовой информации (чисел).

Контроль подмодулей а) – г) эффективно осуществлять используя устные методы: эвристическая беседа, опрос (индивидуальный и фронтальный), тестирование, которые позволят выявить понимание ключевых моментов этого подмодуля: различие символьной и образной информации, кодирование и декодирование информации, представление каждого вида информации в компьютере (текстовой, числовой, графической, звуковой, видеоинформации). Оптимальным методом контроля подмодуля д) является письменная проверка, включающая в себя самостоятельную/ контрольную работу, работу с сетевыми графами, позволяющие выявить основные навыки, которые должны приобрести студенты, изучая данный подмодуль: перевод чисел из одной позиционной системы счисления в другую, выполнять арифметические действия с числами, записанными в любой позиционной системе счисления. Об особенностях систем счисления, их видов (позиционной и непозиционной), о преимуществах одной перед другой, о системах счисления, используемых в компьютере для представления данных, целесообразно вести речь в устной форме (беседа, рассказ, изложение, опрос).

Третий модуль более теоретически направленный, включающий в себя архитектуру компьютера, назначение основных устройств компьютера, виды памяти и др. Необходимо сочетание устных методов контроля, таких как опрос, фронтальная беседа, индивидуальное собеседование; и тестирования. Возможен самоконтроль студентов, реализованный средствами дистанционных образовательных технологий в ходе изучения данного модуля.

Теоретическую часть четвертого модуля удобно проконтролировать в устной форме и/ или с помощью тестирования, или сетевых графов, которая включает в себя понятие «модели», типов моделей, процесса моделирования, элементов системного анализа (система, структура, граф, сети, деревья). Контроль умений и навыков этого модуля лучше всего реализовать на практике в форме реализации модели какого-нибудь процесса или явления. Эта работа может быть проведена на нескольких занятиях и носить характер творческого проекта, защита которого и будет являться последним этапом тематического контроля этого модуля. На этапе защиты проекта могут быть использованы следующие информационно-коммуникационные технологии: презентации, web-сайты.

Одним из самых сложных модулей по пониманию является следующий – пятый модуль. Тематический контроль здесь важно осуществлять на каждом занятии при реализации студентами конкретных алгоритмов. Здесь основным помощником преподавателю становится компьютер, в частности, среда языка программирования, на котором пишется программа студентом. Теоретические аспекты модуля, такие как понятие алго-

ритма, базовые алгоритмические структуры, конкретный язык программирования (его алфавит, синтаксис, семантика) лучше контролировать устными методами: беседа, опрос. Выделим важную роль самоконтроля, который в этом модуле присутствует в обязательном порядке. Запуская написанную программу на языке программирования на выполнение и получая, в результате которого определенное сообщение (возникновение ошибки, работа программы) проводится тем самым самоконтроль, т.к. сообщение о возникновении ошибки «говорит» студенту, задача на данном этапе решена неверно, а значит, надо решать заново. Разумеется, решение задачи, в данном случае написание программы, вовсе не означает, что она решена верно, но тем не менее это способствует развитию самоконтроля и самооценки студентов.

Умения по данной задаче строить блок-схему, наоборот – по блок-схеме уметь формулировать задачу, находить ошибки в готовых алгоритмах, знания основных операторов изучаемого языка, роли подпрограмм, функций, рекурсии – оптимально проверять посредством письменного контроля: в виде самостоятельной или контрольной работы.

Контроль шестого модуля эффективно осуществлять методом защиты творческих проектов, для реализации которых следует отводить несколько занятий. Занятия же целесообразно, на наш взгляд, проводить, используя педагогическую технологию проблемно-модульного обучения. Проблемное изложение позволяет использовать такие формы контроля как тесты, творческие тесты, реферативная работа, индивидуальное собеседование по выполняемому проекту. Для контроля знаний основных понятий модуля удобно провести тестирование, диктант или устный опрос, или беседу. Контроль этого модуля должен выявить уровень овладения студентами навыков работы с прикладными программами (текстовым, графическим редакторами, электронными таблицами, презентациями, базами данных).

Наконец, при проведении контроля седьмого модуля важно выявить приобретенные или не приобретенные студентами навыки по работе в сети Интернет (поиск нужной информации), работа с электронной почтой, пересылка данных по локальным сетям; эти умения можно выявить посредством практических заданий на поиск необходимой информации в Интернете, отправке и получения электронных писем, передачи файлов другим студентам группы, находящихся в этой аудитории. Контроль теоретической части этого модуля (понятие локальных и глобальных сетей, их топология, информационные услуги Интернета, URL-адреса, web-браузер, web-сайт, web-сервер, web-страница) оптимально организовать посредством письменных методов проверки (самостоятельной работы, теста) или устных методов (опрос, беседа, рассказ студента).

Итоговый контроль в вузе по информатическим дисциплинам, как правило, проводится в виде зачета или экзамена по завершению изучения информатического курса или его части (раздела). Часто итоговый контроль по отдельному разделу (модулю) или нескольким разделам (модулям) может проходить в течении семестра и выражаться в виде коллоквиума, который может проходить как в устной так и в письменной форме. Итоговый контроль своей целью выявить уровень приобретенных знаний, умений и навыков студентов в течении изучения данного курса. Как правило, на коллоквиуме, зачете или экзамене выявляется как теоретический (определения, алгоритмы, правила и др.) так и практический (умение решать разные задачи) уровень освоения материала. При организации итогового контроля используются как бескомпьютерные средства, так и компьютерные. Проведение этого вида контроля предполагает сочетание устных методов проверки – это в основном индивидуальная беседа со студентом и письменных – решение задачи, используя или не используя компьютер. Результат зачета носит качественное выражение: «зачтено» или «незачтено», а экзамена – количественное: выражается в виде оценки от «2» до «5». Результат коллоквиума может быть представлен в виде балльной оценки либо в виде «зачтено» или «незачтено».

Рассмотрим теперь методы контроля по информатическим дисциплинам.

Методы устного контроля оптимально проводить как на лекционных занятиях, так и на семинарских и лабораторных по информатическим дисциплинам. На лекциях оптимально сочетать изложение материала с беседами со студентами, возможно, проводить фронтальный опрос по ранее изученному, поскольку результат такого опроса будет необходимой информацией для преподавателя об уровне знаний и понимания студентов. Подчеркнем, что недостатками вышеизложенных методов может быть слишком большая трата времени на проведение данных методов контроля. Проведение устных методов на семинарских и лабораторных занятиях по информатическим дисциплинам целесообразно проводить в начале занятия для актуализации знаний студентов. Возможно применять индивидуальную беседу со студентом как по теоретическому материалу курса, так и по заданию, которое выполняет студент. Подчеркнем, что при реализации устного опроса на лекции, отвечает на вопрос преподавателя один студент, в то время как другие остаются слушателями, что является несомненно недостатком этого метода на лекции. При проведении опроса или беседы со студентом на семинарских и лабораторных занятиях, этот недостаток исчезает, т.к. во время проведения устных методов контроля, остальные студенты выполняют свои задания за компьютером или письменно.

Письменные методы контроля по информатическим дисциплинам эффективно применять при решении задач, не требующих реализации на

компьютере, например, в курсе «Теоретические основы информатики» такими задачами являются задачи на измерение количества информации; написании мини-сочинений, в которых студенты могут выразить свое мнение или отношение к той или иной проблеме, теме в информатике, например, в курсе «Теория и методика обучения информатики». В.В. Малев выделяет информатический диктант как метод письменной проверки знаний, при котором преподаватель зачитывает вопросы (задачи, упражнения) устно или раздает их на отдельных листах бумаги. Диктант может быть проведен в форме теста [2, С. 77].

Практические работы как метод контроля, включающие в себя лабораторные работы, защиты проектов, выполненные одним или группой студентов, отражают специфику информатических дисциплин и проводятся на этапах предварительного, текущего, тематического, итогового контроля. Этот метод контроля является одним из основных методов контроля по информатическим дисциплинам.

Тесты по информатическим дисциплинам целесообразно проводить, осуществляя контроль базовых понятий информатических дисциплин, основных формул, правил, законов, алгоритмов. Специфика дисциплин информатического цикла предусматривает проведение тестирования используя компьютер. Несомненными преимуществами перед обычными тестами обладают так называемые *адаптивные тесты* (В.С. Аванесов [1]), которые могут «подстраиваться» под тестируемого. Суть адаптивных тестов заключается в следующем: если на первый вопрос теста обучаемый отвечает неверно, система предлагает ему более простой вопрос, в случае опять неверного ответа, уровень сложности следующего вопроса опять снижается, если же ответ на первый вопрос теста был верен, уровень следующего вопроса по сложности увеличивается.

Одним из неявно применяемых методов контроля является *наблюдение*. Проводя наблюдение за отдельным студентом или аудиторией в целом в ходе выполнения ими определенного задания как за компьютером, так и без него, преподаватель невольно делает про себя, возможно и фиксирует, выводы относительно текущей работы студентов. Осуществляя наблюдение, преподаватель может выявить затруднения, ошибки, возникающие у студентов в процессе обучения и провести коррекцию деятельности обучаемых.

Нами выделены три формы контроля: индивидуальная, фронтальная и комбинированная. Рассмотрим их в отдельности.

Индивидуальную форму контроля эффективно применять на лабораторных занятиях по информатическим дисциплинам, поскольку в процессе осуществления этой формы контроля, другие студенты продолжают выполнять свои задачи, не находясь в позиции «невольного слушателя». В тоже время осуществление этой формы контроля на лекциях или практи-

ческих занятиях, когда остальные студенты остаются не задействованы, крайне неэффективно. Проведение беседы со студентом в этой форме контроля позволит в наилучшей степени провести контроль его знаний, оценить понимание материала, выявить «пробелы» в знаниях или ошибочные представления в конкретных темах. Индивидуальное выполнение заданий способствует самостоятельному решению поставленной задачи, без привлечения помощи извне.

При осуществлении *фронтальной формы* контроля задействована вся аудитория в целом, но недостатком может служить трата большого количества времени на проведение этой формы контроля. В этой форме контроля целесообразно использовать как устные, так и письменные методы контроля, в том числе и компьютерные.

О традиционных *способах контроля*: коллоквиуме, зачете, экзамене говорилось выше.

Остановимся теперь на *средствах* контроля, которые нами делятся, на бескомпьютерные, компьютерные и дистанционные. Специфика дисциплин информатического цикла отражается в преимущественном использовании компьютерных средств в ходе контроля обучаемых, тем не менее, бескомпьютерные средства также в полной мере востребованы, например, на этапе итогового контроля (коллоквиум, зачет, экзамен), текущего, промежуточного, тематического.

Список литературы:

1. Аванесов, В.С. Научные основы тестового контроля знаний / В.С. Аванесов. – М.: Иссл. центр, 1994. – 135 с.
2. Малев, В.В. Общая методика преподавания информатики: Учебное пособие. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 271 с.
3. Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. / Ю.К. Бабанский, Н.А. Сорокин и др.; Под ред. Ю.К. Бабанского. — М.: Просвещение, 1988. – 497 с.
4. Педагогика: Учебное пособие для студентов пед. учеб. заведений В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – Изд. 3-е. – М.: Школа-Пресс, 2000. – 512 с.
5. Смирнова, Е.А. Совершенствование контроля результатов учебной деятельности учащихся по информатике: Дис. ... канд. пед. наук. – Череповец, 2005. – 191 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ, КАК УСЛОВИЕ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЦЕЛИ

© Язвинская Т.Н.

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, г. Владивосток

В статье рассматриваются ключевые моменты в разрешении проблем иностранных студентов, обучающихся в российском вузе. Акцент делается на структурных и содержательных особенностях социокультурной поддержки иностранных студентов как условия и механизма реализации образовательной цели в условиях реальной культурной деятельности.

В настоящее время в российской системе образования закладываются основы культурно-образовательного развития нового века, которые обусловлены переходом к гуманистической образовательной парадигме, утверждающей отношение к человеку как высшей ценности социального бытия, ориентирующей на личность, на создание условий для выявления и развития ее творческого потенциала.

Приоритетным направлением развития международного образования Дальневосточного региона России является экспорт образовательных программ. В ближайшие годы предполагается значительное увеличение количества иностранных студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а это означает, что жить они будут в чужой стране, учиться и общаться на неродном языке. Текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их учебно-профессионального и личностного становления зависят от того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации в новом и чужом для них культурном мире.

Проблемы иностранного студента, обучающегося в российском вузе, на наш взгляд, обусловлены следующими факторами: 1) постановкой узко направленных учебных задач, которые студент решить не в состоянии, будучи неадаптированным к новой социокультурной среде, не владея в достаточном объеме чужим для него языком, не отзываясь на запросы окружающего его нового социокультурного пространства. Человек, не владеющий чужим языком, не только не понимает, но и не слышит его [9]; 2) неправомерностью постановки вопросов учебной деятельности в отрыве от глубокого постижения культуры страны, где обучается ино-

странный студент, т.к. учебная деятельность не может включить в себя всю полноту жизнедеятельности студента, все его потребности. Изучая новую культуру и язык, он приобщается к мышлению другого народа, становится его частицей, проникается его духом, настроением, расширяет диапазон человеческого существования, добывает огромные знания о мире, постигая многогранность культур. Мир новой культуры, включающий в себя и образование, должен быть освоен иностранным студентом в полной мере и средствами самой культуры.

Ключевыми моментами в разрешении проблем иностранных студентов можно назвать:

1. новые подходы к проблемам развивающего образования, призванного помочь иностранным студентам стать творцами себя (т.е. способствовать становлению субъектности);

2. понятие категории «образовательная среда» как развивающего пространства творческого познания, становления личности, ее самореализации в процессе образования;

3. социокультурную поддержку иностранных студентов как особый вид педагогической деятельности, направленный на создание условий для свободного и творческого развития личности каждого студента на основе удовлетворения его потребности в адаптации, самореализации, саморазвития личности и самой педагогической среды.

Образование представляет собой интегративную систему формирования интеллектуальных и технологических способностей (обучение) и процесса становления личности (воспитание, опирающееся на естественные события окружающей человека действительности, обретение культурного опыта) [4, С. 27].

С точки зрения культурологического подхода образование есть процесс взаимодействия педагога и студента, имеющий целью создание культурных условий для саморазвития личности. Кроме того, образование понимается как процесс жизнедеятельности, совершающийся в течение всей жизни, поэтому учебную деятельность студента необходимо рассматривать в контексте деятельности человека как жизнедеятельности, «образа жизни». «Только тогда можно говорить о способностях и перспективах развития свободной личности, способной самостоятельно решать возникающие проблемы, готовой к самореализации и творчеству, к отстаиванию своей независимости и ответственности...» [8, С. 84].

Становление личности, как процесс созидания человеком самого себя, охватывает интеллектуальную, эмоционально-волевую сферу, область самопознания, навыков, практических действий. Это происходит именно в деятельности творческой (культурной), когда бурно развивается способность к самообразованию, самовоспитанию как самосовершенствованию. «Саморазвитие осуществляется... в условиях культурной деятельности (не

досуговой, а творческой, высокоэффективной, качественной)» [там же, С. 101].

Современная школа подошла к пределу по части эксплуатации рациональных свойств человека в ущерб эмоционально-волевой сферы, остающейся мало задействованной, но представляющей важнейший резерв повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. Культура в этом отношении обладает огромными возможностями. Поэтому определение места культуры в структуре и содержании общего и профессионального образования (в том числе и образования иностранных студентов в России) является одной из ключевых проблем модернизации образования (как задача ориентации не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но, прежде всего, на развитие его личности).

«Культура – это не какая-нибудь часть жизни личности, а ее глобальная функция... Для человека, который сам себя сознает и развивает, все есть культура. Поскольку жизнь личности является свободой и превосходством, то и цель культуры – глубинное преобразование субъекта, и чем более она апеллирует к его внутреннему миру, тем большие возможности открывает перед ним» [13, С. 7].

Понятие «культура» употребляется, с одной стороны, в значении «выращивание», «возделывание», «культивирование», с другой – как «образованность», «просвещенность». Гегель, полагал, что только овладевая культурой, человек может образовывать себя. При таком подходе культура означает не что иное, как образование – овладение всеобщим знанием, исторически отобранными образцами деятельности и социального общения. Содержание образования при этом рассматривается как человеческая культура, выраженная через знания, умения, навыки, опыт. Культура усваивается каждым новым поколением через «присвоение» ее продуктов, знаний, образцов, реальных умений. Культурная деятельность как созидание себя самого и созидание общественных образцов и ценностей – путь овладения материальной и духовной культурой общества, условие его созидания. Именно в таком контексте культура связывается с самой широкой категорией – социализацией личности, рассматриваемую нами как процесс, при котором человек приобретает привычки, верования и накопленные знания определенной социальной группы путём участия в жизни этой группы и в особенности через образование (т.е. это путь приспособления, или адаптации, к жизни в обществе).

«Культура задаёт и поддерживает образцы человеческой деятельности, осуществляет процесс социализации человека... То, что в науке об обществе называется социализацией, в культуре и педагогике обозначается как воспитание» [1, С. 23].

Целостные комплексы образцов, культурных норм, сохраняющихся на протяжении столетий, составляют то, что принято называть «культурным

ядром» и связано со спецификой данного народа. Ядро культуры выполняет посредническую функцию во взаимодействиях внутренних компонентов культуры, областей практики: оно является своеобразным катализатором, упорядочивающим их отношения [6, С. 42].

Инвариантной моделью организации эстетического опыта могут стать выразительные, отчетливо воспринимаемые черты культуры (формы и жанры, образцы, способы деятельности и др.) какого-либо народа. Подобного рода модель объединяет многообразные исторические формы проявления культуры и базируется на традиции, представляющей собой механизм, аккумулирующий и передающий из поколения в поколение народный опыт, отбирающий полезные элементы из практики своего и других народов [13, С. 44].

Осмысление информационного, художественно-эстетического и творческого взаимодействия культур в образовательном пространстве позволяет обнаружить содержательные механизмы межкультурного взаимодействия: это определенные способы отбора, оценки, удержания информации представителями межкультурной коммуникации, влияющие на содержательную сторону: тематику, смысл, родовидовую и жанровую представленность, а также их строение. Механизмы взаимодействия включают в себя привлечение внимания, возбуждение интереса, побуждение к пониманию, устойчивые узлы и организационные звенья перекодирования информации [6, С. 82], позволяющие осуществлять межкультурное общение и дающие позитивные результаты в процессе межкультурного общения.

Таким образом, традиционно применяемые в психологии поведенческие, когнитивные, социальные критерии анализа, оценки и сравнительного изучения личности могут быть дополнены культурными критериями. Они позволяют раскрыть универсальные, уникальные и специфические отношения личности к ценностям культуры, охватывающие разнообразные направления ее жизни и представленные в ее внутреннем мире. Это приобретение знаний и эстетическое развитие, духовный поиск и овладение различными видами деятельности (социальных, профессиональных и художественно-творческих), самопознание и раскрытие личностных потенциалов. Сюда же входят реализации личностью культурных «первоначал» – активное освоение культурных традиций (норм и образцов, устоявшихся в конкретной культуре) и новаций, многомерные культурные идентификации, осознание себя уникальным субъектом культуры и культуротворчества, развитие качеств и способов жизни, имеющих культурное происхождение [13, С. 7]. Т.е. речь идет о различных уровнях культурного функционирования, культурной динамики и продуктивности в процессе культурного научения, активного освоения культуры и культурной деятельности.

В настоящий момент назрела острая необходимость организации глубокого и всестороннего взаимодействия культуры и образования, иными

словами, «переориентации образования с модели научной на культурную». Высшая школа должна стать не просто «кузницей кадров», а центром культуры, источником гуманистических знаний, пространством развития и самореализации личности. Для этого необходимо существование в вузе определенной «культурной обстановки», предполагающей использование исторического опыта, богатых духовных и общекультурных традиций, достижений мировой науки и техники [11, С. 58-65].

Рассматривая культуру с позиций концепции диалога культур (М.М. Бахтин), мы вплотную подходим к одной из важнейших проблем образования: возможности создания развивающей образовательной среды вуза, связанной с реалиями современности и принципиально изменяющей организацию учебного процесса, обеспечивающего формирование и дальнейшее развитие личности, подготовленной к эффективной профессиональной деятельности. «...Ее отсутствие или чисто формальное присутствие препятствует движению современной высшей школы к осознанию цели – обретению единой культуры, не только наполняющей учебные программы, но и формирующей личность» [7, С. 51-55].

Под образовательной средой в психологии и педагогике понимается система таких структурных элементов, как совокупность применяемых образовательных технологий, внеучебная работа, управление учебно-воспитательным процессом, взаимодействие с внешними образовательными и социальными институтами.

Образовательная среда – это присущая определенному типу культуры форма общности, при которой возникает насыщенная коммуникациями и творчеством совместная культурная деятельность, включающая в себя соответствующее содержание образовательного процесса: осваиваемые учащимися виды деятельности, способы овладения ими, а также саму организацию обучения. Именно здесь находятся ответы на вопросы «чему учить» и «как учить». Развитие образовательной среды есть условие развития каждого студента и всего образовательного микросоциума, которое обеспечивается личностно-ориентированным подходом и пониманием образовательной среды как совокупности педагогических условий жизнедеятельности студентов.

«Среда учения» не ограничивается учебным заведением как таковым, а включает в это понятие дом, библиотеку, игровую площадку, природную среду, т.е. действительно любую среду, которая создаёт возможность учиться [3, С. 52-56].

Однако на развитие способностей должна быть направлена не просто одна из образовательных технологий, а в целом вся образовательная система, нацеленная на развитие личности (развитие мышления, перцептивной, эмоциональной, интеллектуальной, духовно-нравственной, социальной и даже телесной сферы). Личностное развитие, качественное преобра-

зование всех психических сфер обучающегося – вот главная цель развивающего образования, призванного помочь студентам стать творцами себя, своей собственной жизни, всего окружающего пространства, осуществляемого в сотрудничестве, совместной культурной (творческой) деятельности и при активной поддержке опытных специалистов-педагогов.

В этой связи представляется важным исследование теоретических проблем и решение практических задач социокультурной поддержки иностранных студентов, обучающихся в России. Траектория образования иностранного студента лежит на пути овладения им языком и культурой русского народа через приобщение, «погружение» его в различные виды культурной (созидающей) деятельности как основу формирования общекультурных, творческих и профессиональных качеств специалиста нового типа, ориентирующегося в современном мире, где постоянная адаптация является потребностью личности.

Понятие «поддержка», не являясь устоявшимся в педагогической науке, полноценно раскрывается в контексте исследования других важнейших терминов педагогики и психологии.

Из понятия «образование» как процесса возникновения идеального «образа», т.е. того, что должен сделать из себя каждый человек и что должно сделать общество из него, рождается понимание роли самого человека в создании своего образа, не преуменьшая, однако, при этом роли педагога (А.В. Луначарский). Ведь издавна образование означает и то, что опытные специалисты ведут ребенка к определенной цели, формируют его соответственно известным идеалам (т.е. помогают ему, поддерживают его). И здесь важен характер педагогической помощи: жесткое руководство поведением личности или осторожное введение человека в образование себя самого.

С позиций личностно-ориентированной педагогики человек есть цель, а значит «за этим может стоять лишь одно – помощь в его саморазвитии, удовлетворении его потребностей, раскрытии способностей» [4].

Российские исследователи рассматривают социальное воспитание как педагогически ориентированную и целесообразную систему помощи в образовании и воспитании детей, нуждающихся в ней в период включения в социальную жизнь. Предметом социально-педагогической деятельности является человек, оказавшийся в проблемной ситуации взаимодействия с социальным окружением и нуждающийся в социально-педагогической поддержке [2, С. 42]. Предметом же культурной деятельности является взаимодействие свободного саморазвития личности и педагогической деятельности, ориентированной на индивидуальные возможности и развертывающиеся в естественной культурной среде как поле самоосуществления [14, С. 414-418].

Социокультурная поддержка, являясь инструментом социализации, представляет собой механизм запуска акта самоопределения, ощущаемого

иностранным студентом как осознание неудовлетворенности собой, поиска своего места в жизни. Здесь возникает ситуация социокультурной поддержки как помощь иностранному студенту в понимании себя, в формировании умения рассказывать о своих чувствах и переживаниях, в фиксации и анализе причин возникновения тех или иных состояний, в выборе реальных задач для изменения своего менталитета путем приобщения иностранных студентов к русской культуре средствами внеучебной деятельности.

Сущность социокультурной поддержки состоит в том, что она есть способ гармонизации отношений субъектов взаимоотношений (отдельных личностей, групп) и культурных объектов на основе удовлетворения потребности в социокультурной адаптации и самореализации иностранных студентов, саморазвития личности и педагогической среды, преобразования и созидания культурных объектов и самой социокультурной среды. В качестве объекта педагогической деятельности рассматривались различные культурные преобразовательные процессы, явления (деятельность, общение, отношения, психологическая атмосфера).

Структурные особенности социокультурной поддержки проявляются в процессе активного взаимодействия субъектов и объектов, в результате которого происходит саморазвитие и преподавателя, и студента, и взаимодействующих групп в целом.

Одной из определяющих основ социокультурной поддержки является сотрудничество, представляющее собой гуманистическую идею «совместной развивающей деятельности детей и взрослых, скрепленной взаимопониманием, проникновением в духовный мир друг друга, коллективным анализом хода и результатов этой деятельности...» [5, С. 312]. Основными характеристиками сотрудничества как совместной деятельности и организационной системы активности взаимодействующих субъектов являются единство цели, организация и управление деятельностью, разделение функций, действий, операций, наличие позитивных межличностных отношений [там же, С. 313].

Критерием эффективности социокультурной поддержки становится то, как организован учебно-воспитательный процесс, создающий условия для развития и студента (и иностранного, и русского), и самого специалиста-педагога. Т.е. характер организации совместной деятельности (внешняя регламентация деятельности студентов через распределение ролей или задание способов совместной работы) и способ организации совместного решения задач (что предполагает обсуждение участниками межкультурной коммуникации подзадач предметно-познавательного, предметно-коммуникативного и предметно-рефлексивного планов) [5, С. 320].

Социокультурная поддержка иностранных студентов как учебно-педагогическая деятельность, осуществляется в сотрудничестве со спе-

циалистами-преподавателями, иностранными и русскими студентами и преподавателями – участниками межкультурной коммуникации по схеме субъект-субъектного взаимодействия, имеет результативные преимущества перед иными видами учебной деятельности, и зависит от форм организации сотрудничества, количества сотрудничающих людей, их отношения к совместной деятельности и др.

Отметим следующие преимущества:

- наличие и функционирование единого культурного пространства для быстрой адаптации и аккультурации иностранных студентов;
- обеспечение комфортного психологического состояния иностранных студентов для оптимального вхождения в новую среду (бытовую, социокультурную, учебную и т.д.);
- воспитание навыков межкультурного общения, активизация межкультурных связей;
- удовлетворение потребности к изучению русского языка в совместной культурной деятельности;
- культурное сотрудничество с местным сообществом, расширение аудитории и круга общения;
- возрастание объема усваиваемого материала и глубины понимания;
- возрастание познавательной активности и творческой самостоятельности студентов;
- сокращение времени на формирование знаний, умений и навыков;
- снижение ощущения трудности, обусловленные недостаточностью учебной мотивации;
- получение удовольствия от творческой деятельности, ощущение комфортности и безопасности (снятие чувства тревожности, неуверенности) в процессе внеучебной работы;
- изменение характера взаимоотношений между участниками межкультурной коммуникации;
- возрастание групповой сплоченности, самоуважения и взаимоуважения;
- рост критичности, способности к адекватной оценке своих и чужих возможностей;
- приобретение важнейших социальных и культурных навыков: такт, ответственность, умение строить свое поведение с учетом требований и норм новой социокультурной среды и позиций других участников межкультурного общения, гуманистические мотивы общения;
- обретение преподавателем возможности индивидуализированного обучения, учитывая при разделении на группы взаимные склонности, уровень подготовленности для данных видов деятельности, темп работы;

- понимание воспитательной работы как необходимого условия педагогической деятельности: 1) как условия становления личности, 2) как предмет деятельности межгруппового общения и обучения, включающий в себя стадию конфликтных отношений [5, С. 316].

Являясь педагогической деятельностью, обладающей качествами интегративности и универсальности, социокультурная поддержка включает в себя деятельность по изучению новых видов совместной деятельности (и общения) как форм обучения. Таким образом, проектирование и создание развивающей образовательной среды, которая способствовала бы становлению и саморазвитию иностранных студентов, является одной из основных функций педагогической деятельности по социокультурной поддержке иностранных студентов. Перед специалистами стоит задача проектирования особой образовательной среды развивающего типа, в которой произойдет смена приоритетов с дидактических компонентов на культурные. Базовый компонент всех приобретенных знаний – умений – навыков превращается из цели обучения в средство актуализации познавательных, творческих и личностных возможностей студентов [10].

Возможности такого спектра деятельности заложены в типе образовательных технологий, способе организации внеучебной деятельности, особенности управления учебно-воспитательным процессом, взаимодействии с внешними и внутренними образовательными и социальными институтами, являющимися компетентностями специалистов, осуществляющих специфический вид педагогической деятельности – социокультурную поддержку иностранных студентов в процессе их адаптации к образованию в России.

Опора на принципы педагогики сотрудничества ведет к такому типу образовательной деятельности, к такой работе с обучающим, воспитывающим материалом, которые изменяют и сам материал, и самих субъектов образования, их взаимодействие и взаимовлияние. Таким образом, социокультурная поддержка иностранных студентов оказывается встроенной в образовательный процесс, и, выполняя роль проводника, инструмента освоения новой культуры, становится не только условием, но и механизмом реализации образовательной цели, способствуя успешной адаптации, развитию и самореализации личности иностранного студента [14].

Список литературы:

1. Булкин А.П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. – Дубна: Феникс, 2001.
2. Беляева Л.А. Педагогическая деятельность как категория педагогики и философии // Понятийный аппарат педагогики и образования: Сб. науч. тр./ Отв ред. Е.В. Ткаченко.- вып 3. – Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1998.

3. Вейсс Р. М. Индивидуум и «Э»-теория образования: предварительные наброски новой науки. / В сб. «Новые ценности образования» – М.: Инноватор, 1996.
4. Газман О.С. От авторитарного образования к педагогике свободы/ В сб. «Новые ценности образования» – М.: Инноватор, 1996.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. – М.: Логос. 2005.
6. Каяк А.Б. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве. – М.: Академический Проект, 1996.
7. Каган Ф., Белугина Г. Гуманитарная среда в техническом вузе // Высш. образование в России. – 1996. – № 4. – С. 51-55.
8. Крылова Н.Б. Социокультурный контекст образования / В сб. «Новые ценности образования». – М.: Инноватор, 1996.
9. Лурия А.Р. Мозг человека и психологические процессы. – М., 1970.
10. Панов В.И. Образовательная среда как предмет экопсихологии развития // «2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12-14 апреля 2000 г.). – М.: Экопсицентр РОСС. – С. 177-179.
- Рогонов П. Не знаяем единым (о духовно-нравственной подготовке студентов) // Высшее образование в России. – 1996. – № 4. – С. 58-65;
11. Рубцов В.В. О проблеме соотношения развивающих образовательных сред и формирования знаний (к определению предмета экологической психологии) //«2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12-14 апреля 2000 г.). – М.: Экопсицентр РОСС. – С. 169-172.
12. Старовойтенко Е.В. Культурная психология личности: монография. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007.
13. Язвинская Т.Н. Социокультурная поддержка иностранных студентов, обучающихся в российском вузе. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 20 (49): Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2007. – С. 414-418.

Раздел шестой

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК

УЧЕТ ОЦЕНКИ ЗЕМЛИ ПРИ АНАЛИЗЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

© Воложанина В.Ю.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

По проблеме определения критерия эффективности в сельском хозяйстве существует множество точек зрения. По нашему мнению, при анализе экономической эффективности сельскохозяйственного производства должна использоваться система показателей (натуральных и стоимостных) в зависимости от цели и объекта исследования. Кроме того, анализ необходимо осуществлять с учетом специфических особенностей сельского хозяйства, главной из которых является использование земли.

В экономике любой страны аграрный сектор (сельское хозяйство) занимает особое место. Несмотря на то, что здесь, как и в других секторах экономики, действуют общие закономерности экономического развития, для аграрного сектора развивается самостоятельная теория. Это обусловлено рядом специфических особенностей сельского хозяйства: зависимость от природно-климатических условий (повышенный риск); большое рассредоточение производства по территории страны; ограниченная возможность диверсификации продукции; несовпадение рабочего периода с периодом производства; длительность производственного цикла; низкая ценовая эластичность спроса; высокая потребность в энергетических ресурсах; участие произведенной продукции в дальнейшем процессе воспроизводства.

В связи с вышеизложенным, методика проведения анализа хозяйственной деятельности в аграрном секторе имеет специфические особенности, характерные его отраслям. Прежде всего, анализ таких показателей как урожайность, продуктивность, жирность молока, упитанность животных и др. связан с биологическими особенностями живых организмов, которые выступают в качестве средств производства и предметов труда в отличие от промышленности и других отраслей народного хозяйства.

Таким образом, на результаты деятельности сельскохозяйственного производства оказывают действие не только экономические, но и биологические, химические и физические законы. То есть естественный процесс развития живых организмов тесно переплетается с экономическим процессом воспроизводства.

При анализе следует учитывать также и то, что часть валовой продукции в сельском хозяйстве, в отличие от отраслей промышленности, используется в качестве средств дальнейшего производства (фураж, семена, молодняк) и на собственные нужды. Поэтому объем валовой продукции в этой отрасли не равен объему товарной.

В отличие от промышленности на сельскохозяйственное производство большое влияние оказывают природно-климатические условия. Поэтому, с точки зрения проведения экономического анализа, многие хозяйства и районы, находясь в одной климатической зоне, имеют более масштабную базу для сравнения. Это дает возможность широко использовать различные методы и приемы анализа, такие как аналитические группировки, сопоставление параллельных рядов, корреляционный, сравнительный анализ и другие, что позволяет выделить большое количество не только передовых предприятий (районов), но и резервы эффективности производства, характерные для группы предприятий. Наиболее точные результаты получаются, когда анализ проводится в динамике в среднем за 5-7-10 лет.

В связи с тем, что в сельском хозяйстве процесс производства имеет длительный период и не совпадает с рабочим периодом, анализ результатов деятельности, например, в отрасли растениеводства, можно провести только по окончании года. В течение года анализ проводится по различным периодам сельскохозяйственных работ.

Сложность анализа использования трудовых и финансовых ресурсов, а также производственных фондов связана с сезонностью сельскохозяйственного производства, с неритмичностью в течение года использования рабочей силы, техники, материалов и, как результат, неравномерностью реализации продукции, получения выручки и дохода.

Труд в аграрном секторе экономики непосредственно связан с землей, которая выступает материальным носителем трудовых отношений. А ввиду различного ее качества, существенного влияния естественных биологических процессов и в целом БКП результаты труда работников различны. Кроме того, в сельском хозяйстве из-за сезонности производства и труда существует неравномерный спрос на рабочую силу, и безработица здесь имеет различные причины.

Как показал анализ, в сельском хозяйстве Алтайского края имеют место три вида безработицы: циклическая, которая вызвана спадом производства и связана с дефицитом спроса на услуги и товары; фрикционная, способствующая созданию рынка труда, где безработные ищут лучшую работу, переходя на высокооплачиваемую; структурная, которая требует переподготовку и дополнительное обучение кадров, перемены места жительства. Таким образом, в настоящее время в целом изменяется структура спроса на рабочую силу.

Для эффективного использования трудовых ресурсов необходимо принимать во внимание российский экономический менталитет. Отличительная его особенность – противоречивый двойственный характер: работать на себя и на господина (государство). Этот фактор и постоянное отчуждение подавляющей части сельского трудового населения от результатов своего труда, а также уравнилельная система распределения материальных благ до проведения реформ, отрицательно отразилась на трудовой мотивации российского труженика, свело на нет побудительные стимулы к труду.

Переход на рыночные отношения должен стимулировать качественное изменение взаимосвязи экономических интересов и мотивов поведения товаропроизводителей и государства.

Главной особенностью аграрного сектора является использование земли как главного средства производства. Мы считаем, что целесообразно подробнее остановиться на видах оценки земли, так как она занимает особое место среди природных ресурсов, являясь основой благосостояния всего общества.

Проведение землеоценочных работ в нашей стране в силу объективных и субъективных причин затянулось. Только в конце 1950-х годов начались экспериментальные оценки, а с середины 1970-х проводятся землеоценочные работы по единой для всей страны методике.

Первым этапом землеоценочных работ является качественная оценка (бонитировка), при которой рассматриваются природные почвенно-климатические свойства земли, обуславливающие ее естественное плодородие при использовании в сельском хозяйстве. Бонитировка – это выраженная в баллах качественная оценка почв. При этом оценочным показателем является многолетняя урожайность основных сельскохозяйственных культур. Так как на данных землях выращиваются разные культуры, то для сопоставимости различные виды продукции переводят в одинаковые единицы (кормовые или зерновые). Бонитировка является основой для проведения всех последующих видов оценки земли.

Государственный земельный кадастр включает экономическую оценку сельскохозяйственных земель. Оценка земель, измеряющая экономическое плодородие, имеет большое значение в управлении земельными ресурсами, в совершенствовании хозяйственного механизма аграрного сектора, в разработке соответствующей нормативной базы планирования и экономического стимулирования сельскохозяйственного производства, при разработке системы налогообложения, рентных платежей, арендной платы, при сравнительном анализе уровня эффективности производства и в решении других задач, связанных с использованием земли.

Значение земельных ресурсов в процессе развития АПК неуклонно выходит за рамки аграрного сектора, так как производство продукции сельского хозяйства ставится в зависимость от многих отраслей народно-

го хозяйства. В результате, проблемы повышения продуктивности земли становятся определяющими в развитии всего агропромышленного комплекса. То есть, земельные ресурсы выступают как главное средство производства уже во всем АПК, а не только в сельском хозяйстве.

На страницах экономической литературы развернулась дискуссия по методологическому подходу, критериям и показателям оценки уровня использования земли.

Так, В.В. Докучаев при оценке земли ввел понятие «нормальной урожайности» – это полученная величина на пахотных землях при одинаковой средней их обработке. Он был сторонником зависимости оценки земли от ее доходности [4].

Ученый К.К. Бриквалн предлагал агроэкономическую оценку земли [2]. Жмаков В.С., Медведев А.Г., Окрут Г.М. и Суровый Л.Н. выделяли два этапа при оценке земли: в первую очередь проведение бонитировки почв, а затем экономической оценки [6].

Исследования показали, что ученые рассматривали два подхода к экономической оценке земли: затратный и по полученному эффекту. Затратная концепция была разработана С.Г. Струмилиным. Земельные ресурсы, по его мнению, «...нельзя назвать даровыми. Все они приобретают цену своего освоения» [11]. Лойко П.Ф. при оценке земли исходит из величины затрат живого и овеществленного труда. Затратной концепции придерживается и Н.С. Тихоновский [13].

Экономист Л.Я. Борук, не оспаривая, что обработка земель требует затрат живого и овеществленного труда, обосновывает недостаток затратной концепции. Он считает, что установить затраты труда давно освоенных земель невозможно и, что ввиду качественного различия земель вложение живого и овеществленного труда различно. Освоение же высокопродуктивных земель обходится дешевле [1].

Второй подход к экономической оценке земли – это получение эффекта. При этом за критерий оценки продуктивности земли предлагается принять урожайность зерновых культур [12].

Анализируя вторую концепцию, отметим, что в любой методике оценки земель основными исходными данными, которые определяют их продуктивность и экономическую эффективность использования, является урожайность сельскохозяйственных культур и затраты на производство продукции [3, 5].

Михасюк И.Р. предлагает проводить экономическую оценку земли по эффективности производства наибольшего количества культур, выращиваемых в той или иной зоне [9].

Возможно также в качестве критерия оценки использовать валовой продукт и чистый доход, когда земля выступает как средство производства в сельском хозяйстве. С точки зрения эффективности производства

отдельных культур за критерии оценки земель приняты такие показатели, как урожайность, себестоимость, чистый доход, затраты живого труда. И, наконец, когда анализируется влияние на эффективность производства дополнительных затрат к вышеуказанным критериям добавляется показатель рентабельности этих затрат [3, 14].

Многие видные экономисты в 60-70-е годы обосновывали необходимость денежной оценки земли. Так, академик С.Г. Струмилин в конце 60-х годов определил среднюю оценку сельскохозяйственных угодий исходя из затрат на подготовку к использованию одного гектара в размере 135 рублей [11].

Черемушкин С.Д. в основу расчета положил дифференциальную ренту. При этом методе средняя оценка сельхозугодий в середине 60-х годов составила 309 рублей. Следует заметить, что оценка земли в данном случае значительно расходилась по районам и республикам страны: в Хабаровском крае – 120 рублей, в Московской области – 570 рублей, в Краснодарском крае – 1370 рублей [8].

Ряд ученых под руководством академика Т.С. Хачатурова (С.Н. Бобылев, М.Л. Козельцев и др.), проводивших многолетние исследования по эффективности земельных ресурсов, придерживались затратной и рентной концепции при оценке земли. Обосновывая большое значение экономической оценки и платы за землю для улучшения использования земельных ресурсов и их экономии (что на сегодня актуально, по нашему мнению), ученые отмечают, что «... применение экономической оценки земли может оказать существенное влияние при выборе варианта капитального строительства. Учет того, что планируемые для изъятия земельные ресурсы могут быть использованы в сельском хозяйстве и давать продукцию, может сделать целесообразным изменение инвестиционных планов в сторону удорожания самого объекта строительства за счет его максимальной концентрации, дополнительных расходов на привлечение неудобных земель» [15].

Бронштейн М.Л. более детально и обоснованно, на наш взгляд, выделил этапы и виды при проведении землеоценочных работ, результаты которых на практике используются (и мы применили в своих исследованиях) при анализе экономической эффективности сельскохозяйственного производства, а также при сравнительном анализе уровня использования ресурсов.

Выделены следующие этапы и виды оценок: качественная оценка (бонитировка) земель; частная экономическая (агроэкономическая) оценка; общая экономическая оценка земель как средства производства в сельском хозяйстве по сравнительному экономическому плодородию в целом; экономическая оценка ресурсного потенциала сельского хозяйства, включающего землю, производственные фонды и трудовые ресурсы; экономи-

ческая оценка («цена») сельскохозяйственных земель при межотраслевых отношениях [10].

Большой вклад в разработку методических рекомендаций по кадастровой оценке сельскохозяйственных земель внесли академик РАСХН В.В. Милосердов, ученые К.И. Панкова, А.Ф. Корнеев, А.А. Капитонов Всероссийского научно-исследовательского института экономики, труда и управления в сельском хозяйстве (ВНИЭТУСХ) [7].

В экономической литературе развернута дискуссия по выбору критерия как оценки земли, так и эффективности использования земельных ресурсов. Так, М.Л. Бронштейн выделяет в качестве критерия экономический эффект сельскохозяйственного использования различных участков. Мы согласны и с исследователем Л.И. Адамян и другими, что «...многогранность проявления различий экономической эффективности земли привела к тому, что в экономической литературе рекомендованы различные «критерии», что в сущности сводится к выбору самих показателей оценки», и еще «...объективная оценка земли возможна на базе применения не одного (например, урожайности, себестоимости, стоимости продукции, валового и чистого дохода и т.д.), а системы показателей, что обусловлено многогранностью задач экономической оценки земли» [10].

При общей экономической оценке земли, когда анализируется эффективность отраслей сельского хозяйства, используется система показателей. Основные из них: валовая продукция (урожайность отдельных культур), характеризующая объем производства при типичных для данных земель уровнях затрат; окупаемость затрат в виде отношения валового продукта к затратам, характеризующая их эффективность на землях разного качества; дифференциальный рентный доход, создаваемый на землях относительно лучшего качества и местоположения по отношению к замыкающим.

Чтобы при анализе объединить различные виды оценок с учетом требований к современному землепользованию в переходный к рыночному период, предлагаем модернизированную схему экономической оценки земли и эффективности ее использования.

В разработанную профессором М.Л. Бронштейном схему землеоценочных работ необходимо внести элемент детального рассмотрения земли в разном качестве (рис. 1).

Во-первых, земля выступает как главное средство производства, тогда проводится анализ эффективности производства отрасли растениеводства. Во-вторых, земля как объект хозяйствования – анализируется эффективность производства отрасли животноводства. В-третьих, земля как объект землепользования. При этом проводится анализ эффективности лесного, рыбного хозяйства, добычи пушнины.

При проведении сравнительного экономического анализа эффективности сельскохозяйственного производства на предприятиях и в целом по районам необходимо применять все виды оценок земли в зависимости от задачи исследования. Кроме этого, при переходе к рыночным отношениям в аграрном секторе следует учитывать денежную, кадастровую (рыночную) оценку земель, а также нормативную цену земель сельскохозяйственного назначения.

Рис. 1. Экономическая оценка земли и эффективность ее использования

Критерии и показатели оценки земли являются основой при определении критерия и системы показателей эффективности сельскохозяйственного производства (его отраслей) как на уровне предприятий, так и на уровне района, края, области в целом.

Однако за последние 10-15 лет в экономической литературе практически не уделяется внимание исследованию вопросов анализа эффективно-

сти сельскохозяйственного производства с учетом оценки земли, при том, что актуальность данной проблемы очевидна.

Список литературы:

1. Борук, А.Я. Бонитировка и экономическая оценка земель / А.Я. Борук. – М.: Колос, 1972.
2. Бривкалн, К.К. Агроэкономическая оценка земель в Латв. ССР: вопросы землеустройства, качественной оценки земель и геодезии в Прибалтийских республиках / К.К. Бривкалн. – Рига: Б.Н., 1960.
3. Дегтярев, И.В. Государственный учет земель и их качественная оценка / Под ред. проф. Н.В. Бочкова. – Минск: Урожай, 1991.
4. Докучаев, В.В. Избранные труды / В.В. Докучаев. – М.: Изд-во АН СССР, 1949.
5. Замков, О.К. Основные направления научных исследований по бонитировке почв и экономической оценке земель / О.К. Замков, А.Г. Клопотовский. – Вып. 3. – М., 1973.
6. Медведев, А.Г. Экономическая оценка земель / А.Г. Медведев. – МН.: Урожай, 1966.
7. Методические рекомендации по кадастровой оценке стоимости сельскохозяйственных угодий. Всероссийский научно-исследовательский институт труда и управления в сельском хозяйстве (ВНИЭТУСХ). – М.: 1997.
8. Методы и практика определения эффективности вложений и новой техники / Вып. 14. – М.: Наука, 1968.
9. Михасюк, И.Р. Экономическая оценка земли и регулирование рентных доходов колхозов / И.Р. Михасюк. – М.: Экономика, 1970.
10. Оценка земли и ее использование в планировании и экономическом стимулировании / под ред. чл.-корр. АН Эстонской ССР М.Л. Бронштейна. – М.: Экономика, 1984.
11. Струмилин, С.Г. О цене «даровых благ» природы / С.Г. Струмилин // Вопросы экономики. – 1967. – № 8.
12. Такумбетов, М.И. Индивидуальный и средний баллы урожайности / М.И. Такумбетов // Методологические основы экономической оценки земли. – М.: Экономика. – 1967.
13. Тихоновский, Н.С. Плодородие почвы и рациональное хозяйствование / Н.С. Тихоновский. – Минск: Урожай, 1991.
14. Черемушкин, С.Д. Методика экономической оценки земли / С.Д. Черемушкин // ВНИИ экономики сельского хозяйства. – Вып. 120. – М.: 1960.
15. Экономика природопользования / под ред. академика Т.С. Хачатурова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1991.

Раздел седьмой

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МЕДИКО- СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© Абикенова А.М.¹⁾, Абзалова Р.А.²⁾

¹⁾ Карагандинский университет «Болашак», г. Караганда

²⁾ Центр ПМСП «Демеу», г. Астана

В статье рассматриваются проблемы развития человеческих ресурсов в гендерно ориентированной медико-социальной организации. Показана специфика гендерно ориентированной медико-социальной организации как нового направления общественного здравоохранения. Рост эффективности данного типа организаций связывается с развитием человеческих ресурсов.

В современных условиях центральным ресурсом инновационного развития любой организации признается человеческий фактор. Правильное использование знаний, способностей, активности персонала сегодня становится главным условием успешной деятельности любой организации, включая медицинские организации.

В рамках данной статьи ставится цель рассмотреть проблемы развития человеческих ресурсов в гендерно ориентированной медико-социальной организации.

В Казахстане базовой структурой системы первичного здравоохранения являются организации первичной медико-санитарной помощи (ПМСП), которые являются «первым уровнем контакта человека, семьи и общества с национальной системой здравоохранения, обеспечивающей наибольшее приближение здравоохранения к местам проживания и работы людей» [1, С. 6-7].

В настоящее время, когда здравоохранение Казахстана стоит на пороге построения социальной ориентированной модели, приоритетной задачей является поиск инновационных форм оказания первичной медико-санитарной помощи.

К числу инновационных форм ПМСП, порожденных общественной практикой казахстанского общества, относятся медико-социальные организации. К медико-социальным организациям относятся организации, которые при оказании помощи населению руководствуются в своей деятельности медико-социальными принципами обслуживания. Это могут быть: медико-социальные учреждения, имеющие в своем штате социальных работников; медицинские учреждения, где работают социально ори-

ентированные сотрудники (врачи, медицинский персонал); медицинские учреждения, работающие в тесном сотрудничестве с социальными службами, общественными организациями и т.п.

Одним из перспективных направлений дальнейшего совершенствования деятельности медико-социальных организаций в системе первичного здравоохранения Казахстана является интеграция гендерного подхода. Гендерный подход в здравоохранении подразумевает социальную справедливость, которая находит выражение в укреплении и охране здоровья граждан без ограничений по каким бы то ни было признакам или индивидуальным характеристикам [2, С. 2].

Принцип гендерной справедливости в отношении здоровья является главным принципом деятельности ВОЗ. Цель гендерной политики ВОЗ заключается в содействии достижению более высокого уровня здоровья, как для женщин, так и для мужчин, путем проведения исследований, осуществления стратегий и программ, в которых должное внимание уделяется гендерной проблематике, а также в содействии справедливости и равноправию в отношениях между женщинами и мужчинами [3].

В вопросе гендерного равенства здравоохранение Казахстана идет в русле мировых тенденций. Для решения вопросов гендерной справедливости разработана Стратегия гендерного равенства на 2006-2016 годы, в числе первоочередных мероприятий Плана реализации которой предусмотрены пункты, призванные устранить гендерный дисбаланс в сфере общественного здоровья. В частности, пункт 34. Плана мероприятий на 2006-2008 годы по реализации Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан (РК) на 2006-2016 годы гласит: «Разработать Модель медико-социальной помощи, социальной реабилитации подростков, молодежи, женщин, нуждающихся в помощи» [4].

Институт медико-социальной помощи является принципиально новым направлением общественного здравоохранения Казахстана. Внедрение гендерного компонента в структуру данного института значительно повышает его инновационный потенциал.

В Казахстане существуют успешные примеры интегрирования социальной работы в сферу медицинских услуг. В своем исследовании мы руководствовались многолетним опытом (с 2000 г.) Центра ПМСП «Демеу» (г. Астана), который изложен в работах Р.А.Абзаловой [5, 6].

С целью внедрения гендерного подхода в систему первичного здравоохранения РК, авторы участвовали в разработке проекта Модели (в дальнейшем Модели) оказания медико-социальной помощи подросткам, молодёжи женщинам в рамках Плана мероприятий по реализации Стратегии гендерного равенства в РК на 2006-2016 годы.

При построении Модели мы руководствовались системным подходом, с позиций которого Модель медико-социальной помощи в условиях ПМСП представляет собой открытую систему, имеющую вход и выход.

Входной элемент – это потребности обслуживаемого населения в предоставлении им медико-социальной и психологической помощи. Выходной элемент – результаты деятельности, способствующие улучшению здоровья, повышению качества жизни обслуживаемого населения, социально-экономической эффективности модели (рис. 1).

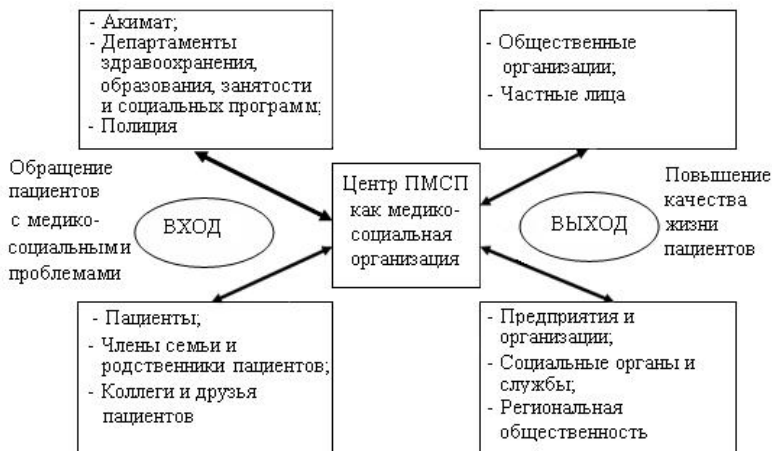

Рис. 1. ПМСП как медико-социальная организация (внешние связи)

В рамках медико-социальной организации помощь осуществляет команда специалистов медицинского, социального, психологического и др. профилей, или же социальные работники с комплексным медико-социальным образованием, которые координируют действия специалистов смежных специальностей. При этом социальные работники не лечат, а стремятся до лечения, или после него помочь пациентам выйти из трудной жизненной ситуации.

Для достижения поставленных целей медико-социальная организация взаимодействует с организациями различного уровня, а также с частными лицами. К потенциальным партнерам ПМСП относятся административные органы управления (Акимат¹, Департаменты² здравоохранения, образования, занятости и социальных программ, полиция, социальные органы и др.), общественные организации, предприятия на обслуживаемой территории, сообщество, частные лица, пациенты, а также члены их семьи, родственники, коллеги и друзья (рис. 1.).

¹ Акиматы – органы местной власти (областные, районные, городские)

² Департаменты – структурные подразделения акиматов

Внутренняя структура медико-социальной организации включает в себя такие тесно взаимодействующие компоненты, как административная, медицинская и социальная службы.

Рис. 2. Маршрут пациента в медико-социальной-организации

Интеграция медицинской и социальной служб происходит следующим образом: 1) пациент с медико-социальными проблемами в случаях обострения заболевания или социально-психологического кризиса обращается в ПМСП; 2) пройдя регистратуру и доврачебный кабинет, перед пациентом открывается два варианта продолжения маршрута: а) пациент попадает к врачу. При наличии заболевания врач диагностирует заболевание и далее может приступить к лечению. По мере необходимости врач направляет пациента к медицинским специалистам, к психологу или социальному работнику; б) пациент попадает к социальному работнику. При наличии проблем социально-психологического характера социальный работник может приступить к индивидуальной социальной работе с пациентом. По мере необходимости социальный работник направляет пациента к медицинским специалистам, психологу, юристу. Во время работы с пациентом социальный работник активизирует потенциал жизненных сил и возможностей пациента, стремится привлечь его к работе клубов по интересам, волонтерской работе и т.п. Также ведется работа с ближайшим окружением пациента: они побуждаются к ведению ЗОЖ, а также привлекаются к социальным инициативам (клубы, группы поддержки, волонтерская служба и др.); 3) при наличии заболеваний пациент далее может попасть в специализированные медицинские учреждения (рис. 2).

По рисункам 1-2. видно, что необходимым условием осуществления медико-социальной помощи является принцип опоры на социальную ак-

тивность сотрудников, пациентов, а также партнерство с общественными организациями, волонтерами из среды обслуживаемого населения, частными лицами и т.д.

Специфика гендерно ориентированной медико-социальной организации, обладающей высоким гуманистическим потенциалом, широкими резервами для пробуждения творческого потенциала, активности персонала, а также обслуживаемого населения подразумевает поиск адекватной модели управления. Такой моделью является модель управления, в которой акцентируется внимание на человеке. Для иллюстрации указанного явления можно использовать схему «Решетка менеджмента» Р.Блэйка и Дж.С. Моутона (рис. 3). Они выделили две «силовые линии», на основании которых строится схема, представляющая типологию поведения управленцев. Вертикальная «силовая линия» – это внимание к человеку, горизонтальная – внимание к производству [7, С. 495]. В этой двухмерной матрице (по девять делений на каждое измерение) они выделяют пять базовых типов поведения: 1.1) Обедненное управление; 9.1) Власть – подчинение; 1.9) Управление в духе загородного клуба; 5.5) Организационное управление; 9.9) Групповое управление [8].

Степень учета интересов людей	9,1							9,9
				5,5				
	1,1							1,9
	Степень учета интересов производства							

Рис. 3. Управленческая решетка [8]

Идеальной моделью поведения управленца является позиция 9.9. Здесь производственная и гуманистическая тенденции управления взаимодействуют настолько гармонично, что подчиненные сознательно участвуют в достижении целей организации.

Последнее время управленческая наука находится в поисках скрытых резервов и новых путей повышения эффективности. Признано, что именно в «человеческом потенциале» скрываются наибольшие резервы для повышения эффективности функционирования современной организации.

Важным аспектом управления персоналом является развитие человеческих ресурсов. Под развитием человеческих ресурсов (в дальнейшем РЧР) понимается «способность интегрировать обучение в поведение». РЧР включает в себя обучение управленческих кадров и профессиональное ориентированное образование, охватывая все способы приобретения знаний, способствующих росту индивида и организации, то есть тесно связано со стратегией организации и управлением инновациями [9].

Важную роль в развитии человеческого потенциала гендерно ориентированной медико-социальной организации играет эффективность деятельности «команды» (врачей, социального работника, психологов, пациентов, волонтеров из среды населения и т.д.). В целях эффективного управления развитием человеческих ресурсов мы успешно используем инновационную методику управления деятельностью персонала (включая ее оценку), известную как матрица «Сфокусированность – энергичность» (рис. 4).

Способность сфокусироваться	Высокий уровень	Равнодушные	Целеустремленные
	Низкий уровень	Заторможенные	Разбрасывающиеся
		Энергичность	Высокий уровень

Рис. 4. Матрица «Сфокусированность – энергичность» [10, С. 28]

Хейк Бруч и Сумантра Гошал пришли к выводу, что эффективность действий определяется наличием двух качеств: способности сфокусироваться на цели, то есть умения видеть задачу с нуля и до ее завершения, и энергичности, которая является результатом личной преданности компании. Если представить названные качества графически, в виде матрицы (рис. 4), то можно получить полезный инструмент, который позволит понять причины эффективности или неэффективности работы менеджеров [10, С. 23-24].

По рисунку видно, что сотрудники, обладающие обоими качествами, но в недостаточной степени, послушно выполняют рутинные задачи, однако они не способны проявить инициативу и поэтому «тянут резину». Равнодушные сотрудники обладают высокой способностью фокусироваться, однако они крайне пассивны: просят дать им фронт работ, а выполняют задания вполовину. Разбрасывающиеся сотрудники деятельны, но «без царя в голове»: они не чувствуют разницу между бурной активностью

стью и конструктивными действиями. И только целеустремленные сотрудники, которых отличают и энергичность, и умение сосредоточиться на решаемых задачах, достигают максимального результата [10, С. 24-25].

Адекватным способом развития человеческих ресурсов в гендерно ориентированной медико-социальной организации является также интегрированная теория результативного менеджмента, известная как *пирамида высокой эффективности* (рис. 3).

Рис. 3. Пирамида высокой эффективности

Авторы «Пирамиды высокой эффективности» Джим Лоэр и Тони Шварц пишут: «Мы полагаем, что производительность в бизнесе зависит от многих факторов, которые можно представить в виде пирамиды. Ее основание составляет физическое состояние человека, выше расположен уровень его эмоционального здоровья, затем – умственные способности и, наконец, духовные цели. Состояние идеальной производительности, то есть максимальная работоспособность при наличии нагрузки, достигается при условии, когда одновременно задействованы все уровни. Постоянные упражнения, обеспечивающие равномерное чередование потребления и восстановления энергии, связывают уровни пирамиды. Специальные тренировки, например, способны вызвать у человека эмоциональный подъем, что немедленно сказывается на его интеллектуальной производительности [С. 72]

Наша цель, отмечают Джим Лоэр и Тони Шварц, – научить менеджеров мобилизовывать внутренние резервы: выносливость, силу, гибкость, самоконтроль и внимание. Развитие способностей на всех уровнях, руко-

водителям использовать свой талант и мастерство для полной отдачи делу и сохранения высокой работоспособности – такие условия мы называем *состоянием идеальной производительности (СИП)* [С. 70-71].

Таким образом, внедрение гендерно ориентированной Модели оказания медико-социальной помощи в систему первичного здравоохранения Казахстана способствует развитию человеческого капитала, а также социальному прогрессу государства в целом.

Список литературы:

1. Фостер С., Лейнг Р., Фили Р., Алкенбрак С. Первичная медико-социальная помощь: обзор современных тенденций развития. – Алматы, 2003. – 20 с.
2. Итоговый документ и рекомендации конференции ЮНЕСКО «Социальная справедливость в здравоохранении: биоэтика и права человека». Москва, 7-8 декабря 2005.
3. Брундтланд Гру Харлем. Гендерная политика ВОЗ // Информационный портал «Женщина и Общество». <http://www.owl.ru>.
4. О Плане мероприятий на 2006-2008 годы по реализации Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы. Постановление правительства РК. 29 июня 2006 г.
5. Абзалова Р.А. Социально-ориентированная первичная медико-санитарная помощь. – Астана: ЦНТИ, 2005 – 241с.
6. Абзалова Р.А. Социальное благополучие и здоровье: теория и практика. Астана, 2006 – 210 с.
7. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. – М.: Дело, 1996. – 704 с.
8. Дятлов А.Н., Плотников М.В. Основы управления. – М., 2004 // Федеральный образовательный портал Экономика Социология Менеджмент. <http://ecsocman.edu.ru/>.
9. Развитие человеческих ресурсов / Д. Джой–Меттьюз, Д. Меггинсон, М. Сюрте/ пер. с англ. – М.: Эксмо, 2006. – 432 с.
10. Хейк Бруч, Сумантра Гошал. Остерегайтесь перегруженных менеджеров // Как стать эффективным руководителем / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 160 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА КАЗАХСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

© Абикенова А.М.

Карагандинский университет «Болашак», г. Караганда

В статье рассматривается проблема репрезентации нормативного эталона маскулинности в контексте казахского традиционного общества. Показывается, репрезентация доминирующего конструкта маскулинности в среде кочевников осуществляется посредством производства дискурсивных текстов, в числе которых ведущая роль отводится генеалогиям.

Одним из современных методов изучения социокультурной специфики различных общественных структур является интерпретация дискурсивных текстов. Это связано с тем, что основные предпочтения конкретной культуры репрезентируются посредством различных дискурсов.

Методологическим концептом, который используется при анализе дискурсивных текстов той или иной культуры является категория «репрезентация», определяемая как процесс, посредством которого субъекты культуры используют язык (любую систему знаков) для производства значений [1, С. 449]. При этом анализ концентрируется на двух аспектах: 1) соотношение полов (гендер) как смыслообразующий, означающий механизм, репрезентация; 2) конструирование гендерного порядка через механизмы культурной репрезентации и изучение их смыслового содержания.

В рамках данной статьи ставится цель: провести абрисный анализ социокультурного контекста генеалогического порядка казахского традиционного общества на предмет наличия репрезентаций маскулинности.

Новейшие исследования гендерной проблематики отражают характерную особенность современного социогуманитарного знания – «глобальный поворот от центрации внимания на статике к фокусировке его в динамике» [2, С. 293]. Данный поворот означает смену парадигм – от социально-ролевого подхода к социально-конструктивистскому.

В ракурсе социально-конструктивистского подхода маскулинность конструируется как обществом в целом, так и каждым отдельным человеком мужского пола.

В любом обществе или социальном контексте, по словам Р.Коннелла, присутствует культурно доминирующий конструкт маскулинности, домини-

нирующий дискурс [3]. Данный конструкт выступает как идеальный тип, «культурно идеализированная форма, индивидуальный и коллективный проект» [4]. Согласно Коннеллу, в качестве доминирующей, или нормативной маскулинности выступает гегемоническая маскулинность, которая отражает суть мужского превосходства и выражается в сочетании авторитета и маскулинности. Это предполагает не только практику взаимоотношений *между* полами, но и *внутри* полов (между мужчинами). Тем самым иерархия авторитетов смещается внутрь доминирующего пола, множества субкатегории по факту этничности, сексуальности и т.п. [цит. по 5, С. 271].

На индивидуальном уровне маскулинность конструируется как *гендерная идентичность* в соответствии с требованиями гендерных норм, которые преобладают в той или иной социальной группе, и реализуется посредством интерактивных действий [6].

Казахское традиционное общество, являясь обществом гегемонически маскулинного типа, репрезентирует доминирующий конструкт маскулинности через производство дискурсивных текстов.

В среде кочевников ведущую роль в конструировании гендерных отношений и гендерных идентичностей играли генеалогии (Шежіре). Знания о семи дедах (Жеті-Ата), или о родословной (Шежіре) каждого казахского рода, передаваемые от отца к сыну в виде устной информации, представляют собой отличительную особенность самоидентификации казахов [7, С. 163]. При этом смысл генеалогии как способа «одомашнивания (приручения) социального мира» [цит. по 8, С. 122] совпадает со смыслом понятия «атамекен», являющего основным в пространственной идентичности казаха [7, С. 163]. В частности, «ата» переводится как дед, предок, а «мекен» или «мекендеген» переводится как освоенная дедами-предками территория [7, С. 163].

По словам британского антрополога М. Стратери, генеалогия отражает правила гибридного института родства, понятого как состояние уз родства и закона [цит. по 8, С. 121]. Поэтому можно сказать, что генеалогия по существу представляет собой один из первых образцов правового или властного дискурса.

Центральной фигурой генеалогий кочевого общества, от которой проводятся все родственные линии, является мужчина («Его»). По словам М. Мальшевой фигура «Его» всегда встроена в коллективные процессы, образующие общество, в том числе и в гендерные структуры [9, С. 176].

Структуры родства Радклифф-Браун определяет как «аранжировку индивидов» в обществе, то есть как систему статусных позиций, занимая которые индивид попадает в определенные типы отношений с другими людьми [цит. по 10]. Генеалогический порядок казахского традиционного общества в терминологии Радклиффа-Брауна представляет собой «аранжировку» союзов племен (жузов), а также родов.

Родовая иерархия казахского традиционного общества в сущности представляла собой властную иерархию мужчин как представителей различных родов. При этом генеалогии (Шежіре) служили средством легитимации власти. Так, еще Чингиз-хан установил новые правила генеалогического порядка в Степи. Согласно официальной идеологической доктрине древних монголов, власть чингизидов легитимирована Небом, а источник власти – генеалогия, принадлежность к «золотому роду» («алтан уруг») [11, С. 215-216].

По словам П. Бурдые, политика служит особо благоприятной сферой применения для стратегий официализации: стремясь заполучить себе право представлять группу и отнять его у своих конкурентов, соперничающие в борьбе за власть агенты могут использовать друг против друга только ритуальные стратегии или же стратегические ритуалы, нацеленные на символическую универсализацию частных интересов или на символическое присвоение себе интересов официальных. Отсюда следует, что в числе наиболее оспариваемых предметов этой борьбы – всевозможные официальные представления... Овладеть «словами племени» – значит овладеть способностью воздействовать на группу, присвоив себе ту власть, которую группа осуществляет над собой посредством своего официального языка [12, С. 216-217].

В рамках генеалогического порядка казахского традиционного общества властный капитал распределялся ханом среди мужчин следующим образом:

Право на верховную власть имели только прямые наследники Чингиз-хана по мужской линии, которые назывались султанами и составляли высшее сословие социальной иерархии – «ак сүйек» («белая кость»). При этом султаны не относили себя ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена [11, С. 374].

К категории «ак сүйек» относились также саиды и ходжи. В социальной иерархии данные группы, подобно султанам, занимали место вне родовых и племенных общин [11, С. 376].

Саидами в мусульманском мире называли потомков пророка Мухаммада от его дочери Фатимы. Представители данной группы обладали привилегиями, пользовались у верующих почетом, а также отождествлялись со святыми (аулие). Ходжа (в казахском варианте «қожа») – почетное прозвание людей, которые по одной версии, считаются потомками ближайших сподвижников пророка Мухаммада, четырех праведных халифов Абу Бакра, Омара, Османа и Али (за исключением потомков последнего от брака с дочерью пророка Фатимой), а по другой – потомками первых арабов-завоевателей междуречья Амударьи и Сырдарьи и современного Южного Казахстана (VIII в.) [11, С. 376].

В среде кочевников представители народа именовались «кара сүйек» («черная кость»). В отличие от аристократического сословия у представителей «кара сүйек» прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена. Общественное положение каждого отдельного представителя «кара сүйек», будь то потомственный родоначальник или рядовой скотовод-кочевник, определялось степенью привилегированности его рода и племени.

Из социальной группы «кара сүйек» особыми правами обладали только бии (от устаревшего «бек») – предводители родов и племен. Влияние биев определялось многочисленностью, силой, древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. В пределах подвластных родов только биям (кроме ханов) принадлежала судебная, административная и военная власть. В противоположность чингизидам (денациональному сословию) бии представляли национальную аристократию [11, С. 379].

Самую многочисленную группу «кара сүйек» представляли рядовые кочевники, главной обязанностью которых являлось несение воинской повинности. Согласно известному уложению хана Тауке (XVII в), полноправным юридическим лицом в кочевом обществе объявлялся свободный мужчина, «могущий носить оружие» – хозяин дома, глава семьи, который имел право платить хану и правителям подать в размере 20-й части своего имущества ежегодно [цит. по 13, С. 368-371]. При этом каждый должен был являться на народные собрания не иначе как с оружием. Безоружный не имел голоса.

Таким образом, способность нести воинскую службу (способность носить оружие) являлась условием получения статуса полноправного субъекта рода (общества) и соответственно давала право голоса на собраниях.

Следуя Фуко, можно заключить, что дискурсивная генеалогическая матрица кочевого общества, подчиняя и субординируя индивидов, формирует и формулирует их как субъектов. Субъекция как разновидность властных отношений носит амбивалентный характер. Она включает два процесса одновременно: процесс субординации субъекта и процесс его формирования [14, С. 16].

Посредством производительной способности дискурса власть, внедряясь в сознание индивида, в процессе субординирования выстраивает его самоидентичность. Обычная модель понимания этого процесса, по словам Батлер, такова: власть внедряет себя в нас, и, ослабленные ее силой, мы интернализуем или принимаем ее термины [14, С. 16]. Именно таким образом власть может присутствовать в сознании индивида, регулируя его поведение, воспроизводясь в повседневной деятельности. Власть, по Фуко, не просто внедряется в сознание индивидов, а социализирует его. В ходе социализации внешнее насилие интернализуется, сменяясь состоя-

нием «психического контроля» власти и самоконтроля общества. Данный механизм Фуко определяет как дисциплинарную власть [14, С. 83].

Посредством терминологии и смысловых доминант генеалогического дискурса осуществляется дискурсивное производство мужского населения как социальных субъектов, пользующихся политическими, а также другими (юридическими, социальными и т.д.) правами и обязанностями. Процесс инаугурационного обращения власти к мужскому населению происходит через представителей элиты.

Итак, в кочевом обществе главнейшей обязанностью мужчины являлось несение воинской повинности. Мужчину-воина характеризовали качества, связанные с успешным несением воинской обязанности. При этом военно-охотничье мировоззрение кочевников передавало образ мужчины-воина опосредованно через образы и характерные качества хищных зверей и птиц. Так, например, вожди тюрок говорили омейядскому наместнику Хорасана Насру ибн Сейиару: «Великому и достойному полководцу нужно обладать десятью свойствами из свойств зверей – мужеством пегуха, наклоном к спору курицы, сердцем льва, натиском дикого кабана, лукавством лисы, терпением пса, высотой полета сокола, чуткостью журавля, алчностью волка, жиром нугайра (это животное, живущее в Хорасане, жиреет, несмотря на трудности и бедствия)» [цит. по 15, С. 43].

Специфика канона маскулинности номадов нашла отражение в Монгольской Яссе Чингиз-хана, где настоятельно подчеркивается, что «мужчинам разрешается заниматься войной и охотой» [цит. по 15, С. 40].

В силу приоритета военных традиций в жизни кочевников большим влиянием пользовались батыры (монгольское «бахадур», «багатур») – профессиональные воины. Казахи называли батыром любого человека, который отличался храбростью и мужеством в сражениях с врагом [цит. по 15, С. 90]. Феномен батырства показывает, что в структуре идентичности казахского мужчины важную роль играли качества воина, в числе которых приоритетными являлись такие качества, как смелость, сила, отвага, ум, воля, хорошее знание военного дела. Подтверждением этому служит тот факт, что оппозиционным партнером «настоящего мужчины» у номадов считался «трус».

Диалогизм мужской идентичности, ее ориентированность вовне и постоянную формообразующую зависимость от Другого подчеркивает С. Ушакин, развивая концепцию «относительной мужественности». По словам Ушакина, преодоление исходной не-достаточности и неполноценности, исходной фрагментированности и расчлененности является «внутренним импульсом» любой идентичности. При этом Другой занимает не столько противоположный, запредельный фланг спектра идентификационных возможностей, сколько находится в основе самого процесса идентификации. Апелляция к Другому становится способом ограничить собст-

венное поле возможных идентичностей и придать им осмысленный («свой»/«чужие») характер, вне зависимости от исходного «анатомического материала» субъекта. В процессе этой ограничивающей апелляции половая идентичность оказывается в тесной связи с остальными – «сексуальными», «национальными», «возрастными», «классовыми», «образовательными» и т.п. – нитями, собственно и составляющими ткань идентификационного материала [16, С. 75-76].

С древних времен в тюркской культуре «мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший «ер аты» – мужское (геройское, воинское) имя, будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови [13, С. 143]. Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации (посвящения), которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Получая «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии, однако, во всех случаях он оставался, прежде всего, «мужем-воином», то есть полноправным членом тюркской общины [13, С.143-144].

Ритуалы мужских инициаций в казахском кочевом обществе показывают, что мужественность *проблематична*, что она является неким критическим порогом, через который посредством испытаний должны переступить мальчики [17, С. 882]. Причем не просто становятся, а завоевывают этот высокий статус в испытаниях. По этому поводу Д. Гилмор замечает, что в рамках многих культур существует представление о «настоящей» мужественности, которая не является естественным состоянием, но является неким шатким или искусственным состоянием, за которое мальчики должны бороться, преодолевая значительные препятствия [17, С. 882].

Экстраполируя знаменитую фразу С. де Бовуар, можно сказать, что мужчинами также не рождаются, ими становятся. Причем не просто становятся, а завоевывают этот высокий статус в испытаниях.

В казахском традиционном обществе маскулинность производилась также посредством гомосоциальных* практик, к которым относились охота, спортивные состязания и др. Следует отметить, что у кочевников охота способствовала сохранению высокого уровня боевой готовности войск. Так в Яссе Чингиз-хана отмечается: «Чтобы поддерживать боевую подго-

* Гомосоциальность – термин, описывающий структуру и характерные особенности социальных связей, существующих между лицами одного пола. В рамках гендерных исследований термин *гомосоциальность* описывает одну из значимых социальных практик патриархатно-ориентированных групп и обществ, заключающуюся в гендерной сегрегации группы людей по признаку пола. В современном обществе гомосоциальность часто является одной из составляющих доминирующего конструкта **маскулинности**. Так, например, обязательная для мужчин служба в армии является ярким примером установки на особую важность гомосоциальных связей [6].

товку армии, каждую зиму надлежит устраивать большую охоту» (цит. по 15, С. 40).

Таким образом, в рамках казахского традиционного общества социальное пространство разделялось в рамках оппозиции «публичное – приватное» («продуктивное – репродуктивное»). В рамках данного социального пространства мужчины занимались производством (войной), приносящей добычу в виде скота, рабов и т.д., а женщины сохраняли и воспроизводили общественную структуру, приумножая скот, воспитывая детей как будущих членов общества.

Говоря словами П. Бурдьё, в ведении мужчин находится социальный строй в целом и все официальные институты, прежде всего мифоритуальные и генеалогические структуры, где оппозиция официального и приватного сводится к оппозиции внешнего и внутреннего, то есть мужского и женского [12, С. 218]. При этом центробежная или официальная мужская ориентация (публичное) – это движение вовне, к полю или рынку, к производству и обороту благ, а центростремительная женская ориентация (приватное) ассоциируется с движением, направленным внутрь, на накопление и потребление продуктов труда [12, С. 150-151].

В целом анализ показал, что мужская доминантность является главным принципом построения гендерной структуры казахского традиционного общества. Данный принцип находит отражение в дискурсивных текстах, через которые производятся как сама социальная структура, так и идентичность мужчин и женщин. При этом важнейшим дискурсом кочевого общества является генеалогический дискурс.

Список литературы:

1. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований// Введение в гендерные исследования. Ч. I. / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 427-464.
2. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.
3. Connell R.W. «The Big Picture: Masculinities in Recent World History», in *Theory and Society*, vol. 22, no. 5, Special Issue: Masculinities (October 1993), 597-623.
4. Donaldson Mike. «What is Hegemonic Masculinity?», *Theory and Society*, vol. 22, no. 5, Special Issue: Masculinities (October 1993), 643-657.
5. Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего рабочего класса// О муже(N)ственности. Сб. статей. Сост. С. Ушакин. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – С. 268-287.

6. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
7. Мирзабекова А.Ш. Проблемы культурной идентичности в социальной философии. – Караганы: Болашак-Баспа, 2006. – 200 с.
8. Бертильсон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное// Социс. – 2002. – №9. – С. 118-127.
9. Малышева М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. – М.: Academia, 2001.
10. Башков Д.А. Леви-Строс и понятие языка // «Paradigma». Журнал сравнительной философии. № 4. 2004. 06 декабря. paradigma.narod.ru/
11. История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие/ Абусейтова М.Х. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 616 с.
12. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
13. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 382 с.
14. Батлер Дж. Психика власти; теории субъекции. Пер З.Баблюяна. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
15. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.
16. Ушакин С.А. Ревизия мужественности: (раз)влечение различия // Мужское в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференция «Мужское» в традиционном и современном обществе». Москва, 16–18 апреля 2003 г. – М., 2003. – С.75-76.
17. Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч.П / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 880-904.

МОЛОДЕЖЬ И НАРКОТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

© Алексеева М.С., Осеева Н.А.

Бурятский филиал Сибирского университета
потребительской кооперации, г. Улан-Удэ

В статье дан анализ актуальности, состояния и перспектив использования Интернет-ресурсов в целях профилактики наркомании в молодежной среде, построенный на основе социологического опроса учащейся молодежи г. Улан-Удэ и изучении Интернет-ресурсов различной направленности.

В чём заключается профилактика наркомании? Прежде всего, это попытка заставить молодых людей не использовать наркотики, максимально эффективным образом предупредить их употребление. Профилактика наркомании, стремясь к максимальной эффективности, использует весь спектр ресурсов: административно-правовой, финансово-экономический, информационный, образовательный, опирается на возможности институтов семьи и религии. Два ее основных направления предполагают, во-первых, информировать о пагубном воздействии наркотических средств на организм человека и на отношения с окружающими, и, во-вторых, – задействовать подрастающее поколение в активной общественно-полезной и интересной деятельности, открыть красоту и значительность *реального* мира.

Относительно необходимости информационного воздействия подчас складывается иллюзорное впечатление: «А что еще тут рассказывать, все давно известно, постоянно об этом говорится». Однако практика подсаживания на наркотики свидетельствует о том, что общеизвестные положения «наркотики – опасно, плохо, ...» не мешают, тем не менее, обманываться на незнании некоторых нюансов физиологических и психологических процессов, возникающих в процессе даже одноразового употребления некоторых наркотических средств, и распространители этим пользуются. Например, они убеждают неискушенного подростка: «анаша – наркотик легкий, привыкания не вызывает», «многие пробовали, и никто пока не умер», «уколоться разок можно, главное остановиться вовремя» и т.д. Они умалчивают и о том, что гашиш вызывает привыкание, и о том, что через некоторое время человек перестает получать от «косяка» удо-

вольствие, переходя к употреблению тяжелых наркотических средств, и о том, что уже с одного укола возникает психологическая зависимость у 55% юношей и 82 % девушек.

Таким образом, информационное направление профилактики наркомании ничуть не теряет своей актуальности. Нынешнее поколение особенно нуждается в том, чтобы быть «вооруженными» такими знаниями о наркотиках и наркомании, которые позволят беспрепятственно обходить «ловушки», расставляемые людьми, стремящимися получить выгоду на неопытности и доверчивости молодых, нажиться на их стрессах и проблемах.

Информирование, стремясь к наиболее полному охвату молодежной аудитории, должно учитывать все возможные каналы передачи информации – теле- и радиопередачи, публикации в прессе, Интернет-ресурсы, систематические беседы с родителями, консультации психологов и т.д. Тем не менее, пока не все перечисленные выше каналы максимально используют свои возможности в профилактике наркомании, и в частности, имеется необходимость изучения и активизации возможностей Интернета в качестве антинаркотического информационного ресурса. В процессе рассмотрения данной темы мы применили два исследовательских метода: анализ Интернет-ресурсов (около 100 сайтов) и социологический опрос посредством анкетирования среди студентов (400 человек) средних специальных и высших учебных заведений г. Улан-Удэ¹. Анонимное анкетирование было призвано выяснить уровень компетентности в проблемах распространения и последствий наркомании, каналы получения информации, а также меру готовности, желания участвовать в профилактике наркомании. Анализ Интернет-ресурсов позволил выявить степень охвата проблем наркомании, качество их освещения, методы, обусловленные направленностью на молодежную аудиторию.

Проведенный опрос среди учащейся молодежи показал: неосведомленность о последствиях их употребления как фактор распространения наркомании хоть и не первом месте, тем не менее – один из значимых для 1/3 опрошенных. Значимость максимальной осведомленности признается актуальным фактором борьбы с наркоманией и самой молодежью. Среди тяжелых последствий от употребления наркотиков, которые недостаточно хорошо /широко объясняются, большей частью опрошенных (57,7 %) было отмечено «разрушение психики (моральная и интеллектуальная деградация личности)». Среди женской аудитории также значимой проблемой оказался летальный исход от передозировки, а для мужской – заболевание

¹ В частности: учащихся Улан-Удэнского Торгово-экономического техникума, Улан-Удэнского техникума мясной и молочной промышленности, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, Бурятского госуниверситета и БФ Сибирского университета потребительской кооперации

СПИДом. Единство полов проявилось в отношении непросвещенности сверстников относительно возможности неполноценного потомства и разлада с окружающими. Лишь один человек из всех опрошенных ответил: «Я считаю, что все последствия наркомании у нас и так хорошо объясняются», другой же отметил, что, несмотря на то, что все эти аспекты хорошо объясняются, не все над этим задумываются.

В целом влияние систематической антинаркотической пропаганды, ведущейся достаточно активно в Бурятии на протяжении последних лет, заметно. Однако, есть и такие студенты, в ходе опроса которых обнаруживаются явные пробелы в знаниях. На последних – и следует сосредоточиться, проставляя соответствующие акценты в процессе работы с молодыми людьми. Так, например, на вопрос: «Согласны ли Вы с теми, кто выделяет среди наркотических средств «легкие», относительно безвредные», подавляющее большинство – 89,7 % – ответили: «не может быть «относительно безвредных» наркотиков в принципе», но и те 7,1 %, которые ответили «я считаю, есть такие» – должны заставить задуматься о том, а все ли грамотно объясняется? Среди «относительно безвредных» указывались в основном «конопля», «гашиш», «анаша», «экстэзи», «кальян» (даже в самих примерах отражается определенная безграмотность – вместо названия наркотика – название растения, из которого оно изготавливается). На вопрос «Стоит ли легализовать употребление «легких» наркотических средств, как это было сделано в Голландии?» подавляющее большинство опрошенной молодежи ответили «однозначно: нет». 25,4 % ответили утвердительно, причем большая часть из них либо пробовали наркотические средства¹, либо имеют среди своих знакомых употребляющих наркотики; 47,6% участвовали в антинаркотических мероприятиях, в том числе в качестве волонтеров.... В варианте «другое» молодые люди отмечали: «можно в медицине», «можно, но только под строгим контролем», «мне без разницы» (последнее вряд ли свидетельствует о понимании всей опасности наркотиков, зато показывает опасную тенденцию отгораживания от «чужих проблем», черствость).

Не редко употребление наркотиков начинается для подростка с влияния плохой компании, которое удачно вписывается в ситуацию либо безделья, либо какого-то стресса, ощущения безвыходности, конфликтов с родными. Уходя от «доставших» родителей в компанию сверстников, он получает там не только эмоциональную поддержку, понимание, но и предложение «расслабиться». Предложение насторожит не всех, но если подросток и начинает сомневаться, отказываться, – могут идти в ход различные психологические крючки, больно цепляющие неокрепшую психи-

¹ По результатам нашего опроса 13,1 % попробовали хотя бы раз наркотические средства и 42,9 % имеют в окружении знакомых, употребляющих наркотики.

ку. Наиболее, распространенный, «типовой» крючок – «В жизни надо все попробовать, или слабо?». Мы попросили опрашиваемых юношей и девушек предложить свои варианты ответа в помощь тем молодым людям, которые тоже, возможно, с этим столкнутся. Ответы, которые мы получили, с одной стороны дали дополнительную информацию об уровне компетентности в проблемах наркомании, а с другой выявили и те стороны, которые мы специально не планировали исследовать – культурный уровень, грамотность. Если систематизировать все полученные ответы, то можно отметить ответы эмоциональные, реакцию больше на вторую часть (когда задевает «Слабо?»), чем на первую, и рациональные, т.е. реакцию больше на первую часть высказывания (вызывает сомнение тезис: «а все ли нужно попробовать?»). В результате выделились следующие обобщающие группы.

Среди эмоциональных ответов:

«Я-утверждающие»: «Я не хочу», «Нет желания», «Мне этого не надо», «Мне это не интересно», «Не слабо, но я не буду», «Я этим не увлекаюсь», «Меня это не вставляет!», «Я занимаюсь ерундой и из любой ситуации найду выход», «Я по другому умею расслабляться», «Мне и так хорошо /и без них» и т.д. Ответы уязвимые – в определенных случаях можно «создать» желание через описание кайфа, через аргумент «Аппетит приходит во время еды» и т.д. Кроме тех, где четко заявляется собственная индивидуальность, позиция: «Не хочу быть как все – буду индивидуален», «Я не употребляю – это мой принцип», «У меня есть собственное мнение», «Для меня это не аргумент», «Я индивидуальна, и не иду на поводу у каждого» и др.

Жизнеутверждающие: «Я еще жить хочу!», «Жизнь дороже, губить не буду», «Это смерть, а я хочу жить».

Утверждающие ценность здоровья, здоровый образ жизни как личный приоритет: «Для меня здоровье прежде всего!», «Нет – просто я за здоровый образ жизни», «Это вредно!», «Здоровье дороже!», «Я не хотела бы засорять свой организм и отдаляться от окружающих», «Не хочу умирать молодым!» и т.п.

Агрессивные (культурные): «Сам попробуй – на одного наркомана меньше станет», «Вот ты и попробуй, а я еще поживу!», «Тебе надо, ты и попробуй, если тебе жизнь не дорога, а я еще хочу жить», «Кури сам эту бяку», «Я не хочу походить на тебя», «Сам травись этой дрянью», «Убей сам себя!», «Если в жизни надо попробовать все – может, прыгнешь и с моста?», «Ты слабый человек», «А тебе слабо отказаться от этой хр...?», «А не слабо не пробовать?».

Ответы предыдущих типов в части аргументации «жизнь дорога», «я еще поживу» также могут быть уязвимыми. Например, распространитель может утверждать «сколько курю – и что? Живу, как и все».

Агрессивные (некультурные): «Я бы его послал и не общался больше», «Иди на ...», «Пошел вон», «Отстань», «Отдыхай», «Иди отсюда», «Отвали», «Я не дурак! Если и пробовать что-то, то не такое дер...(извините)». Хотя данные ответы в определенной среде срабатывают лучше, чем интеллигентные объяснения, аргументация, сразу снимая «вопрос», это, не только не тот обучающий материал, на котором следует учить подрастающее поколение противостоять искушениям, но и то направление, где следует работать педагогам – учить утверждать свою позицию четко, уверенно, но культурно.

Ответы, переводящие суть вопроса на «искусителя»: «Не смей употреблять и другим предлагать!», «Не буду и тебе незачем себя травить» и т.д.

«Снимающие» вопрос через «самоумаление»: «Да, слабо».

Среди рациональных:

Ответы, отрицающие сам тезис «В жизни надо попробовать все»: «В жизни надо попробовать все, кроме наркотиков и группового секса», «Да, в жизни нужно многое попробовать, но не наркотики», «Надо пробовать лишь то, что не приносит вреда», «Я не согласна с этим суждением», «Некоторые вещи лучше и не пробовать», «Я все попробую, но наркотики – никогда!», «Нужно брать от жизни только хорошее».

Ответы, акцентирующие наличие более притягательных вещей в жизни, чем наркотики: «Есть более стоящие вещи, приносящие большее удовольствие», «Есть более интересные вещи, которые можно попробовать», «В жизни есть вещи прекраснее», «И без наркотиков можно что-то попробовать новое».

Ответы, указывающие на последствия употребления наркотиков: «Не хочу страдать от наркотической зависимости», «Зачем пробовать – чтобы привыкнуть?», «Я знаю последствия и потому – нет!», «Боюсь пробовать», «Что попробуешь один раз, может повториться не раз», «Я человек не слабый, а разумный» и др.

Ответы, построенные по принципу аналогии: «Ты еще предложи с моста прыгнуть!», «Слабо» будет после того, как попробуешь!», «Если в жизни надо попробовать все – почему бы тебе не убирать общественные туалеты, или слабо трудом деньги зарабатывать?», «Надо попробовать стать президентом, а опуститься на дно никогда не поздно».

На наш взгляд, ответы рационального типа предпочтительнее, особенно ответы двух последних групп, однако, в любом случае, рациональный отпор потребует и хорошей осведомленности, и убежденности в своей правоте, определенного упрямства.

Некоторые ответы вбирают в себя сразу несколько оснований: «Хочу жить интересно, и для этого мне не нужны наркотики. Ведь есть множест-

во способов получать удовольствия. А тебя мне жалко – ты хочешь забиться, сбежать от проблем как трус».

Прозвучали также, хоть и немногочисленные, ответы согласия: «Возможно», «Давай», «Да», «Я бы попробовал», «Один раз можно!», «Какие?», «Смотря в каком виде: героин – нет, гашиш – не знаю, возможно», «а какие есть?». Среди подобных ответов нельзя исключать те, что основаны на свойственных для юношей бравате, но два ответа настораживают как реальные и возможно, имеющие под собой жизненную подоплеку: *«Один раз можно», «Смотря в каком виде: героин – нет, гашиш – не знаю, возможно»*. Вот в эти два ответа, можно сказать, вмещаются самые распространенные заблуждения, старательно поддерживаемые заинтересованными лицами.

Из каких же источников черпает молодежь информацию о наркотиках и их воздействии? Основными источниками данной информации являются теле- и радиопередачи (что отметили 76,3 % опрошенных), публикации в газетах и журналах (56,0 %), рассказы друзей и/или родителей (40,6 %), мероприятия в образовательном учреждении (35,1 %), Интернет-ресурсы (12,0 %). Итак, определенная часть учащейся молодежи, черпает знания о наркотиках и наркомании посредством Интернет, однако часть незначительная.

Каковы же причины сложившегося положения с ролью Интернет в борьбе с наркоманией?

Во-первых, далеко не все по признаниям, сделанным в анкетах, имеют доступ, возможность сидеть в сети Интернет. Во-вторых, сайты, посещаемые молодежью, – преимущественно развлекательного характера, поисковые. Молодые люди скачивают популярную музыку, рефераты, игры, читают гороскопы, анекдоты. На таких серверах часто вообще не ставятся проблемы здоровья, ценностей и мировоззренческих аспектов существования, и тем более нет специальной странички, посвященной проблемам наркомании. Из информационных сайтов молодыми людьми востребованы те, что содержат рефераты, доклады по различным образовательным дисциплинам.

Существуют специализированные сайты, посвященные проблемам наркомании и содержащие самую полную информацию о наркотиках и их действии. Однако большая часть общенационального значения, в привязке к конкретным регионам таких сайтов явно недостаточно. Региональные сайты, на которых освещаются проблемы наркомании, больше ориентированы на специалистов, чем на подрастающее поколение. Напрашивается создание таких информационно-развлекательных порталов, которые бы своей целевой аудиторией видели молодежь и при этом ставили острые проблемы этой общности, что позволило бы выделить специальную страничку, посвященную наркомании. При этом сайт должен учитывать все те потребности, интересы, которые направляют молодежный поиск в Интер-

нете – игры, юмор, киноафишу, информацию по образовательным предметам, онлайн-консультирование по этим предметам, а не только по проблемам наркозависимости. Тогда он станет, действительно, популярным в молодежном кругу.

Что же должна содержать страничка о наркотиках и наркомании в этом молодежном информационно-развлекательном портале? На наш взгляд, здесь требуется учет всего лучшего, что демонстрируют существующие антинаркотические Интернет-ресурсы. Если систематизировать всю информацию, то можно выделить следующие тематические блоки:

1. *Все о наркотиках и о наркомании* (понятие наркотиков / наркотических средств, их классификация и последствия употребления; правовые аспекты наркомании).

2. *Наркоситуация в...* (Бурятия / Читинской области, Иркутской области, Новосибирской...) – раздел, в котором бы не только констатировалась печальная статистика, но и происходило информирование о проходящих мероприятиях, к которым при желании можно было бы присоединяться. В соответствующей рубрике «Не останься в стороне!» – анонсы профилактических мероприятий.

По итогам проведенного опроса в качестве основной меры борьбы с наркоманией должно стать содействие занятости и интересному досугу подростков (57,2 %), рационально также проводить ежегодное медицинское освидетельствование студентов на употребление наркотиков (49,1%), внедрять образовательные программы в учреждениях образования (37,9%). Среди собственных вариантов ответов встречались: «Ликвидировать наркопритоны», «усилить финансирование оперативников, занимающихся выявлением наркоточек», «целенаправленно вести психологическую работу», «сделать реальную антинаркотическую рекламу на огромных щитах по всему городу», улучшать экономическую ситуацию в стране, решать проблему безработицы. Единственный ответ, который выбился из антинаркотического формата предложений по решению проблемы, – позиция студентки одного из вузов: «Каждый сам вправе выбирать – употреблять или не употреблять!!

В рамках проработки возможных мероприятий антинаркотического назначения появилось мнение о необходимости снять фильм, рассказывающий о наркомании в Бурятии и ее последствиях. Мы попросили в ходе опроса придумать рабочее название для фильма. Было названо немало вариантов, в том числе и те, которые, на наш взгляд, могут быть использованы; приведем лишь некоторые из них: «Один день жизни наркомана в Бурятии», «На дне», «Бурятия в наркотической яме», «Реализуй свое право на здоровье!» (предложения от студентов УУ ТЭТ); «Мы их теряем», «Жизнь – высшая ценность!», «Бурятия под кайфом» (УУ МТТ); «Между жизнью и смертью», «Шаг в бездну», «Лишенные будущего», «Реквием

по мечте», «Жизнь полюбить и косяк потушить» (БГСХА); «Путь в никуда», «Бурятия в ломке», «Нет наркотикам, жизни – да!», «Наркотик – Ваш враг!», «Молодежь Бурятии против наркотиков», «Выбери жизнь!!!» (БФ Сиб УПК); «В шаге от смерти», «Падшие ангелы», «HELP!!!», «НаркоБурятия», «Смерть на игле», «Судьба наркомана» (БГУ).

Мы также задавали вопросы об участии опрашиваемой молодежи в мероприятиях, посвященных профилактике наркомании и выяснили, что 48,0 % ни в каких таких мероприятиях не участвовали, а 3,5 % даже не слышали о таких. Хотели бы поучаствовать, внести посильный вклад в решение этой проблемы, помочь своим сверстникам 22,0 % опрошенных. Участвовали в мероприятиях, проводимых собственным образовательным учреждением 21,1 %, и в мероприятиях, проводимых другими общественными учреждениями 16,6 %, в качестве волонтеров 9,1 %.

Для студентов и преподавателей БФ Сибирского университета потребительской кооперации мероприятия антинаркотической направленностью становятся традицией. За последние годы – это участие студентки 2 курса специальности «Экономика и управление на предприятии» Надежды Осеевой во Всероссийской олимпиаде научных и студенческих работ в сфере наркомании и наркопреступности (в работе предложен подробный проект антинаркотического сайта для молодежи), художественные конкурсы на лучший антинаркотический плакат и, организация антинаркотических шоу, в которых как правило участвуют студенты разных специальностей. В основу всех указанных мероприятий заложен принцип творчества, сотрудничества между студентами и ППС.

3. *Информация для подрастающего поколения.*

4. *Информация для родителей и близких больных наркоманией.*

5. *Помощь, консультации.*

Здесь могут быть помещены: тесты, экспресс-диагностика, онлайн-тестирование, электронные версии образовательных программ «Помоги своему другу и мн.др. Необходимо воспроизводить бегущую строку с молодежными телефонами доверия. В дополнение в рубрике может быть представлена вся контактная информация об общественных и волонтерских движениях по профилактике наркомании.

6. *Интернет – дискуссии.* Наркотики и творчество, наркотики и религия – те дискуссионные темы, которые показывают, что одно и то же явление может играть, как позитивную, так и отрицательную роль в отношении употребления наркотиков.

Итак, актуальность использования Интернет-ресурсов в профилактике наркомании обуславливает поиск возможных вариаций соответствующего информационно-развлекательного портала для молодежи. Так как определенная часть молодых – активные пользователи Интернет, с помощью такого сайта они смогут занимательно «вооружиться» такими знаниями о наркотиках и наркомании, которые позволят беспрепятственно обходить

«ловушки», построенные на недостаточной осведомленности о действии наркотиков, о привыкании к ним и т.д. Для тех, кто уже попал в тиски наркозависимости, сайт мог бы содержать полезные советы, рекомендации, тесты, адреса, стратегии поведения. Такие сайты, как www.antinarko.ru, www.blizkim.ru, www.likar.info, www.NarCom.ru, www.narconet.ru, www.narconon-standart.ru, www.narcozona.ru, www.rcio.rsu.ru, www.stopnarcotics.ru, www.ufsknbur.ru имеют как самостоятельное значение, так и ресурсное – могут использоваться для формирования региональных антинаркотических сайтов, интересных для молодежной аудитории.

Список литературы:

1. Актинов Л. Село «сажают» на иглу // Центральная газета. – 2007. – 04 апр. – С. 7.
2. Наркоконтроль подвел итоги: информация пресс-службы УФСКН России по Республике Бурятия // Центральная газета. – 2007. – 04 апр. – С. 7.
3. «Рожденные для наркомании»: приговор обжалованию не подлежит? //МК. – 2007. – 28марта-04 апр. – С. 16.

Интернет–ресурсы:

1. За год в Бурятии число подростков-наркоманов выросло в 4 раза / «Восток-Телеинформ» // www.Volgainform.ru, 23.01.2007
2. Республика Бурятия: На местных конопляных плантациях мог бы разместиться весь Кипр // www.Regions.ru, 02 мая 2006
3. Материалы:
 - антинаркотических сайтов: NarCom.ru («Русский народный сервер против наркотиков»), stopnarcotics.ru (Обществ. антинаркотического сервера), antinarko.ru (Обществ. движения «Кубань против наркотиков»), rcio.rsu.ru (обществ. движения Приморья «Нет наркотикам» при губернаторе края), ufsknbur.ru (Управления по Бурятии ФСКН);
 - сайтов медицинских клиник и реабилитационных центров: www.narcologia.ru (клиника «Преображение»), www.detox.lv («Детокс»), медицинский портал likar.info;
 - информационных агентств: vip-buryatia.ru (ИА ИРА «Восток–Телеинформ»), rosnews.ru, baikalinform.ru («Ежедневные новости Байкальского региона»), www.sibfo.ru (Сибирского федерального округа), volgainform.ru («Волгаинформ») и др.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

© Пьянов А.И.

Северо-Кавказский государственный технический университет,
г. Ставрополь

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «социальный институт» и предлагается его авторская интерпретация, определяется специфика институционального анализа семьи и его места в российской социологии советского периода. Обосновывается выделение определенной совокупности специфических и неспецифических функций семьи, исходя из их значимости для существования и эффективного функционирования социума, необходимой для социологического анализа семьи на макроуровне.

Прежде чем обратиться к исследованию социального института семьи, рассмотрим, что представляет собой понятие «институт». В Советском энциклопедическом словаре дано следующее определение: «Институт (от лат. *institutum* – установление, учреждение) есть совокупность норм, установленных в тех или иных общественных отношениях; порядок, соблюдение которого связано с правовыми нормативами» [1].

В Российской социологической энциклопедии представлено наиболее расширенное толкование понятия «социальный институт». Там сказано: «Институт социальный (в дальнейшем – И. с.) – относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества. И. с. определяется ... набором специфических социальных норм; ... интеграцией его в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу его деятельности. ... И. с. – это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную общественную функцию. Успешное осуществление данной функции связано с наличием в рамках соответствующего И. с. целостной системы стандартов поведения, обязательных для осуществления функций данного института ... Каждый И. с. характеризуется наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение такой цели, набором социальных статусов и ролей, типичных для данного института» [2].

Следовательно, социальные институты обеспечивают возможность членам общества, социальным группам удовлетворять свои потребности,

стабилизируют социальные отношения, вносят согласованность, интегрированность в действия членов общества.

Российский ученый Э.В. Тадевосян определяет социальные институты более лапидарно: «...это сравнительно высокоорганизованные социальные системы, отличающиеся устойчивой социальной структурой, глубинной интегрированностью своих элементов, многообразием, гибкостью и динамичностью их функций, а, следовательно, и всей системы» [3].

Понятие социального института широко используется в зарубежной социологии. Говоря об использовании этого понятия в американской и европейской социологической литературе, социологи Ф. Бейтс и Р. Харви выделяют следующие моменты в его определении:

- социальный институт – это относительно сложная социальная практика, подверженная обширному социальному контролю, прежде всего системе позитивных и негативных санкций (например, институт частной собственности, институт брака);
- данное понятие означает любую сложную социальную организацию значительного размера;
- социальный институт – это сложная система действий и отношений, выполняющая определенные социальные функции;
- социальный институт – это нормативная и устоявшаяся социальная практика, а институционализация – это процесс, благодаря которому любая система социальных действий, в том числе и введение индивида в организацию, становится институтом [4].

В «Современном социологическом словаре» А. и Дж. Теодорсонов предложено обобщенное определение социального института как «взаимосвязанной системы социальных ролей и норм, созданной и действующей для удовлетворения важных социальных потребностей и функций. Социальные роли и нормы, включенные в социальный институт, определяют соответствующее и ожидаемое поведение, ориентированное на удовлетворение специфических социальных потребностей» [5].

Как видно из приведенных характеристик, и российские и зарубежные авторы дают близкие, в его существенных чертах, определения социального института. Суммируя их, можно сформулировать понятие «социальный институт» следующим образом: *социальный институт – это исторически сложившиеся устойчивые формы организации общественной жизни, благодаря которым упорядочиваются отношения между людьми, их деятельность и поведение в социуме* (курсив наш – А. П.).

Понятию «социальный институт» отводится центральное место в системно-структурном анализе социальных явлений. Оно подразумевает возможность обобщения абстрагированных из многообразных действий людей наиболее существенных типов деятельности и социальных отношений

путем соотнесения их с фундаментальными ценностями и потребностями социальной системы.

В этом смысле социальный институт может быть определен как «ведущий компонент социальной структуры общества, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающий социальные отношения в отдельных сферах общественной жизни» [6].

Для анализа социального института используются такие понятия, как цели института, его функции по отношению к обществу, к другим социальным институтам и по отношению к личности; нормы, поддерживаемые институтом, и санкции за их невыполнение; роли, которые выполняют индивиды, включенные в институт, в соответствии с их статусами и приписываемыми им образцами поведения. Взаимосвязи института и общества следует рассматривать через систему общественных потребностей и функций по их удовлетворению, которые выполняются социальным институтом. Специфика, характер и основные направления общественных потребностей, связанных с функционированием социального института, рассматриваются на уровне социологического анализа общества в целом, и использование потребностей в качестве отправной точки анализа служит, помимо всего прочего, связующим звеном между общесоциологическими и специальными социологическими теориями. Институциональный анализ призван выявить роль и место различных социальных институтов в совокупной системе общественных отношений, устанавливая соответствие выполняемых ими функций потребностям и целям общественной системы в целом, а также определяя взаимосвязи, существующие между социальными институтами.

Семья занимает ключевое положение среди других социальных институтов. Особое место семьи среди них определяется тремя ее основными функциями. Семья – единственная социальная система, увеличивающаяся, разрастающаяся не столько благодаря приему новых членов извне, сколько путем рождения детей. Реализацией своей репродуктивной функции она поддерживает биологическую непрерывность общества. Две другие функции заключаются в передаче культурного наследия последующим поколениям и поддержании существования своих членов. Этим она поддерживает социальную структуру общества. В выполнении этих функций заключается историческая миссия семьи как социального института.

Хотя семья является институтом социальным, т.е. общественно обусловленным, тем не менее, она обладает относительной самостоятельностью из-за специфики выполняемых ею функций, а также своей неоднородностью в качестве автономной системы. Ее относительная обособленность поддерживается из поколения в поколение, независимо от социальных перемен.

С помощью варьирования отдельных признаков, функциональных ролевых отношений между своими членами, семья изменяется, приспосабливаясь к конкретной исторической ситуации, в которую вплетена жизнь людей. Эту особенность семьи отмечал К. Маркс: «Возьмите определенную ступень общественного развития, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество» [7]. Будучи самостоятельной, в рамках системы общества лишь относительно, семья, тем не менее, как бы вплетена в ткань социально-экономических отношений, в сеть социальных взаимодействий, которые, функционируя, обновляются и изменяются в каждую данную эпоху, и становится социальным институтом. Понятие «социальный институт семьи» до сих пор недостаточно изучено.

В Российской социологической энциклопедии дано следующее определение семьи как социального института – «это система действий и отношений, выполняющая социальные функции воспроизводства человека, подверженная обширному социальному контролю, прежде всего системе позитивных и негативных санкций» [8].

Поскольку семья как объект социологического исследования имеет объективно системный характер, при ее анализе следует применять логику системного подхода, т.е. выявление основных элементов системы, их внешних и внутренних связей, целей функционирования системы, ее функций, генезиса и развития.

Семья анализируется как социальный институт в тех случаях, когда нам особенно важно выяснить, насколько образ жизни семьи, ее функционирование в определенных рамках соответствуют или не соответствуют тем или иным современным общественным потребностям. Модель социального института крайне важна для прогноза будущих изменений семьи.

Анализ семьи как социального института имеет свой специфический ракурс, так как нас интересует, прежде всего, трансформация содержания его функций, образцы семейного поведения, установившиеся роли в семье, особенности формальных и неформальных норм и санкций в сфере семейно-брачных отношений.

Семья как социальный институт находится в постоянном изменении, определяемом развитием всего общества и, следовательно, преобразованием общественных потребностей. На специфику конкретных норм, санкций и их взаимосвязь с семейным поведением на разных стадиях развития семьи существенное влияние оказывают социально-экономические, идеологические, конкретно-исторические факторы. Более того, нормы и традиции, изменяясь со временем, различаются в зависимости от той или иной стадии жизненного цикла семьи.

При исследовании семьи как социального института мы будем использовать такие понятия, как «общественные потребности», «социальные функции семьи», «семейные нормы и ценности» и т.д. Характеристики семьи как малой группы интересуют нас лишь постольку, поскольку групповые процессы способствуют возникновению различных групповых норм, в своей совокупности определяющих более или менее распространенные виды семейного поведения.

В российской социологии советского периода анализ семьи как социального института, содержания его функций и их трансформации, значительно уступает место исследованиям групповых характеристик семьи. Взаимодействие же семьи с другими социальными институтами, особенно с государством и правом, изучалось еще реже. Так, исходя из рубрикатора, составленного известным советским социологом М.С. Мацковским видно, что этой тематике в той или иной степени посвящены 63 работы из 3018 публикаций по проблемам социологии семьи, изданных в Советском Союзе, в период с 1968 по 1983 годы, что составляет лишь 1,4 % всех публикаций [9].

Во многом это определялось доктринальными установками советской идеологии, рассматривающей семью, главным образом, как малую социальную группу, «первичную ячейку общества», социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом воспроизводстве населения. Следовательно, игнорировалась сложная социальная природа семьи как института и малой группы.

Это нашло отражение в таких энциклопедических изданиях, как, например, Советский энциклопедический словарь, который трактует понятие «семья» следующим образом: «Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью» [10].

Впрочем, следует отметить тот факт, что категория социального института получила определенное рассмотрение уже в советской социологической литературе. Так, например, Г.П. Давидюк называет это понятие в качестве одной из основных категорий марксистской социологии, в которой «...отражаются определенные организационные формы каких-то участков социальной действительности, какие-то общие роли социальных групп» [11]. Тем не менее, семью в советской социологии практически не рассматривали в качестве социального института.

Это положение вещей стало постепенно меняться с середины 80-х годов XX века. В качестве основных социологических подходов к исследованию семьи стали выступать социальный институт и малая социальная группа. Указанные подходы проявились в специфическом видении предмета исследования и выборе понятий, хотя нередко указание на институциональный или групповой подход являлся скорее актом науковедческой рефлексии, чем реальностью. Тем не менее, российская социология вто-

рой половины 80 – 90-х годов XX века все в большей степени стала подчеркивать институциональный характер семьи, что было связано с уточнением предмета ее исследования.

Показательно в этой связи сравнение двух, принадлежащих крупнейшему российскому исследователю в сфере социологии семьи А.Г. Харчеву, определений семьи. В уже упомянутой ранее работе «Брак и семья в СССР», вышедшей в свет в 1979 году, он рассматривает семью как «... как малую социальную группу, члены которой связаны брачными, родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью...» [12].

В работе «Исследования семьи: на пороге нового этапа» (1986 г.) автор обосновывает и уточняет правомерность подхода к семье как социальному институту. Исходя из определения семьи как общественного механизма воспроизводства человека, в том или ином виде (права, религии, обычаев) узаконенных обществом, автор показывает, как «семья-отношение развивалось в семью – социальную общность» [13]. Харчев А.Г. указывает, если исходить из марксистского определения семьи как отношения, через которое и благодаря которому осуществляется воспроизводство человека, общественный механизм этого воспроизводства, историческое развитие последнего ведет к превращению семьи в социальную общность и в социальный институт. В этих своих ипостасях семью следует рассматривать уже как элемент социальной структуры. Поэтому, современную семью можно определить как «институциональную общность, складывающуюся на основе брака и порождаемой им правовой и моральной ответственности супругов за здоровье детей и их воспитание» [14].

После этой статьи категория семьи как социального института получает определенное распространение в советской и российской социологии, например, в трудах А.И. Антонова, В.А. Борисова, М.С. Мацковского, В.М. Медкова и др.

По мнению А.И. Антонова и В.М. Медкова, функционирование семьи как социального института обусловлено потребностями социальной системы, заинтересованной в сохранении человечества, общности, нации. Семья не может не существовать, она не может быть заменена какой-либо иной формой организации. В семье в равной мере заинтересованы личность, общности разного рода и общество в целом [15]. Такое взаимное согласование интересов предполагает взаимную восприимчивость к интересам и потребностям друг друга. Следовательно, общество должно быть заинтересовано в поддержании социального института семьи ради собственного существования и развития.

Семья играет важную роль в передаче генетической наследственности, в формировании основных социальных мотивов и навыков, представлений о финансовой и социальной поддержке своих членов. Социальная

значимость и продуктивность этой деятельности семьи нуждается в поддержке со стороны других социальных институтов общества.

Как указывалось ранее, институт семьи является результатом исторического взаимодействия общества и культуры и как явление социальное интегрирует в себе двоякое начало. С одной стороны, он складывался под воздействием общественных потребностей, с другой – «предписанных» процедур, как реакция на естественные влечения людей. Функционирование семьи как социального института предполагает правовое и политическое регулятивное воздействие институтов права и государства.

Если исходить из вышесказанного, с учетом мнения В.А. Борисова, по определению которого «социальный институт – это социальное образование, выражающее специфическую устойчивую совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе совместной деятельности людей, организационно оформленных для выполнения социально значимых функций» [16], то за институтом семьи закрепляется устойчивая совокупность отношений, к функциям которой можно отнести:

- легитимацию традиционно сложившихся брачных отношений на основе записи актов гражданского состояния;
- социальную регуляцию семейных (супружеских, родительских, родственных) отношений;
- защиту имущественных и гражданских прав;
- социальную помощь в воспитании, образовании, социально-культурной адаптации новых членов семьи;
- обеспечение суверенного существования семьи.

Социальный институт, по определению другого российского социолога Илоны Кечмар, объединяет общественные явления, «в существовании и функционировании которых решающая роль принадлежит более широкому, общему, «внешнему» по отношению к ним потребностям и интересам» [17].

Если принять это положение, то мы должны согласиться с тем, что институциональная природа семьи обусловлена внешними по отношению к семье потребностями и интересами общества. Означает ли это, что институциональные интересы точно так же определяют особенности функционирования семьи как малой группы? Очевидно, да. Не вдаваясь в подробности анализа семьи как социального института и как малой социальной группы, отметим, что именно специфика осуществляемых семьей функций по отношению к обществу и к личности позволяет говорить об относительной автономии семьи.

Облик семьи как института и малой группы можно определить на основе:

1. кровного родства;
2. общности быта;

3. сплоченности и взаимной помощи членов семьи;

4. моральной ответственности.

Наиболее существенным показателем является наличие кровного родства, на основе чего складываются другие, вторичные признаки. Устойчивость семьи обусловлена интересами супругов-родителей и, в конечном счете, потребностями общества. Репродуцируя себя в детях, супруги-родители тем самым воспроизводят общество, объединившись в семью. Общество соответствующим образом легитимирует эту малую группу, определяя имущественные, наследственные, родственные и прочие отношения. Именно на основании этих отношений семья как малая группа оформляется в социальный институт.

Различие (и тем более противопоставление) семьи как социального института и малой социальной группы во многом относительно, т.к. в самой социальной жизни нет ни «чистых» институтов, ни «чистых групп». С социально-философской и социологической точек зрения семья может описываться в терминах «элемент социальной структуры», «форма социальной общности», «малая социальная группа», «социальный институт». Разделение этих понятий в социальных науках достаточно условно. Семью можно рассматривать и как элемент социальной структуры, и как социальную общность, и как малую социальную группу, и как социальный институт, что определяется сложной природой этой социальной системы.

Рассматривая понятийный аппарат социологии семьи, следует выделить в нем основные категориальные единицы, к числу которых М.С. Мацковский относит следующие категории: «условия жизни семьи, структура семьи, функции семьи, образ жизни семьи, семейная идеология, успешность функционирования семьи, этапы жизненного цикла семьи» [18].

Из всех выше приведенных категорий нас более всего интересуют функции семьи, под которыми мы понимаем способ проявления активной жизнедеятельности семьи и ее членов. Семья является многофункциональным социальным образованием. Функции семьи тесно связаны с потребностью общества в институте семьи и потребностями личности в принадлежности к семейной группе. Говоря о взаимодействии общества, семьи и личности, выделяют функции общества по отношению к семье и семьи по отношению к обществу, а также личности по отношению к семье. В связи с этим функции семьи можно рассматривать как социальные (по отношению к обществу) и индивидуальные (по отношению к личности).

К функциям семьи относятся: репродуктивная (функция воспроизводства населения, социальных структур, этносов), экзистенциальная (функция направленная на содержание детей), экономическая (семья как домо-

хозяйство, семейный бизнес, имущество, капитал), посредническая (между социальными институтами общества), воспитательная, сексуальная, коммуникативная, статусная, рекреативная (восстановительная), фелицитологическая (от лат. *felicitas* – счастье), гуманистическая, гедонистическая функции, а также функции защиты и взаимопомощи, социализации поколений, первичного социального контроля.

Функции семьи по сути своей носят универсальный характер. Однако проявляют себя специфически и в зависимости от характера социально-экономических отношений, культурных ценностей и идеологических установок, этнических и конфессиональных различий господствующих в обществе, на том или ином этапе его развития. Поэтому все функции семьи глубоко историчны, и с течением времени меняются как характер проявления этих функций, так и их иерархия.

Все функции семьи важны и существенны. Поэтому не следует выделять из них главные и неглавные. Харчев А.Г., Антонов А.И., Медков В.М. функции семьи разделяют на «специфические» и «неспецифические».

К специфическим функциям семьи они относят 1) рождение (репродуктивная функция), 2) содержание детей (экзистенциальная функция) и 3) воспитание детей (функция социализации), которые остаются при любых изменениях общества и связей между социальными институтами общества и семьей.

К неспецифическим функциям семьи они причисляют функции, связанные с накоплением и передачей собственности, социального статуса, организацией производства и потребления, домохозяйства, отдыха и досуга, с заботой о здоровье и благополучии членов семьи и др. [19].

«Все эти функции отражают исторический характер связи между семьей и обществом, раскрывают исторически преходящую картину того, как именно происходило рождение, содержание и воспитание детей в семье. Поэтому семейные изменения заметнее всего обнаруживаются при сравнении неспецифических функций на разных исторических этапах: в новых условиях они модифицируются, сужаются, либо расширяются, осуществляются полностью или частично и даже исчезают вовсе» [20].

Напомним, что изучение семьи как социального института в ряду других структур общества находится на макроуровне, тогда как исследование структуры и динамики отдельных семей относится к микроуровню социологии семьи – и это связано, прежде всего, с различием уровней объекта исследования. На макроуровне изучаются социальные изменения, фокусируется внимание на социальном институте семьи, на вкладе институциональных изменений семьи в общесоциальную динамику. При этом в центре макроанализа – условия сохранения института семьи и его успешного функционирования как важнейшего посредника во взаимодействии личности и общества и его социальных институтов.

Анализируя содержание, характер проявления, исторические изменения функций семьи на макроуровне, нам представляется возможным *выделить некую совокупность специфических и неспецифических функций семьи, которые бы наиболее полно определяли бы семью как социальный институт в его сущностных характеристиках, а именно: репродуктивную, экзистенциальную, экономическую, посредническую функции, а также функции социализации и первичного социального контроля* (курсив наш. – А.П.).

Мы выделили эти функции как институциональные, исходя из их значимости для существования и эффективного функционирования социума.

Выделение этих функций семьи обусловлено необходимостью представить наиболее выпукло предмет нашего исследования. Несоответствие между актуальностью этой задачи и слабой ее разработанностью в советской и российской социологии побудило нас предпринять попытку ее решения, какой бы дискуссионной она не казалась.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Ключевым элементом социальной структуры общества является социальный институт, понятие, используемое для обозначения устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов. В социологии широко распространена точка зрения, что «институт» – одна из базисных категорий, выражающих самую сущность упорядоченной социальной жизни. По утвердившемуся в этой науке мнению, социальный институт – это группа людей, объединенных какими-либо идеями, для выполнения каких-либо функций, а в формализованном, категориальном виде – это система социальных ролей, организующих систему поведения и социальных отношений [21].

В качестве определяющей черты институционального взаимодействия можно отметить организованность, а важнейшими элементами институциональной структуры следует считать социальные нормы, ценности, роли, ожидания. Существенное значение в понимании функционирования социальных институтов общества имеет категория «социальный обмен». Институционализацию можно рассматривать как обмен между различными социальными институтами внутри общества.

По мере развития и усложнения общества умножается и дифференцируется система социальных институтов. В социальном институте весьма сложным образом переплетаются экономические, политические, правовые, нравственные и иные отношения. Благодаря социальным институтам обеспечивается преемственность в использовании культурных ценностей,

передаче норм социального поведения, осуществляется социализация индивидов.

Взаимосвязи социального института и общества следует рассматривать через систему общественных потребностей и функций по их удовлетворению, которые выполняются социальным институтом. Специфика, характер и основные направления общественных потребностей, связанных с функционированием социального института, рассматриваются на уровне макросоциологического анализа общества в целом, а использование потребностей в качестве отправной точки анализа служит, помимо всего прочего, связующим звеном между фундаментальными социальными теориями, социологическими теориями среднего уровня и прикладной социологией.

Институциональный анализ призван выявить роль и место различных социальных институтов в совокупной системе общественных отношений, устанавливая соответствие выполняемых ими функций потребностям и целям общественной системы в целом, а также определяя взаимосвязи, существующие между социальными институтами. Зрелый социальный институт организационно оформлен; он упорядочивается, организуется системой управленческих отношений. Внешний аспект его предстает в соответствующих системах учреждений. В периоды «нормального» развития общества институты остаются достаточно стабильными и устойчивыми. Неэффективность их, рассогласованность действий, неспособность организовать общественные интересы, наладить функционирование социальных связей, минимизировать конфликты и упредить социальные катастрофы – признак кризиса институциональной системы, т.е. базовой структуры любого общества.

Список литературы:

1. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 499-500.
2. Российская социологическая энциклопедия. / Под ред. акад. Г.В. Осипова. ИСПИ РАН. – М.: Наука – ИНФА-М, 1998. – С. 157-158.
3. Социология / Под ред. Э.В. Тадевосяна. – М.: Знание, 1995. – С. 38.
4. Bates F., Harvy R. Social institution. – N.Y., 1973. – P. 132.
5. Theodorson G., Theodorson A. A Modern dictionary of sociology. – N.Y., 1969. – P. 206-207.
6. Яковлев А.М. Социальные институты//Социология. Основы общей теории./ Под ред. Г.В. Осипова, Л.М. Москвичева. – М., 1996. – С. 123.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. – М.: Политиздат, 1957. – С. 227.
8. Российская социологическая энциклопедия./ Под редакцией акад. Г.В. Осипова. ИСПИ РАН. – М.: Наука – ИНФА-М., 1998. – С. 158.

9. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. – М.: Наука, 1989. – С. 111-112.
10. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 1205.
11. Давидюк Г.П. Прикладная социология. – Минск, 1979. – С.89.
12. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М., 1979. – С. 75.
13. Харчев А.Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 1986. – № 3. – С. 24.
14. Там же. – С. 27.
15. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 102.
16. Борисов В.А. Деградация института семьи и пути его преодоления // Семья в России. – 1995. – № 1. – С. 69.
17. Кечмар И. Семья как социальный институт. Автореф. кандидат. диссер. – М., 1984. – С.17-18.
18. Мацковский М. С. Указ. соч. – С. 36.
19. Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. – Л.: Знание, 1968. – С. 16-19.
20. Антонов А.И., Медков В.М. Указ. соч. – С. 69.
21. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с нем. – М., 1984. – С. 56.

Раздел восьмой

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ РЕЖИМОВ ТЕРМООБРАБОТКИ СТАЛИ 14X17H2, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СТОЙКОСТЬ ПРОТИВ МЕЖКРИСТАЛЛИТНОЙ КОРРОЗИИ В РАЗЛИЧНЫХ ДИАПАЗОНАХ ТВЕРДОСТЕЙ

© Сидоркина Н.М.

Филиал Донского государственного технического университета,
г. Волгодонск

В статье изучено влияние различных режимов термообработки стали 14X17H2, меняющих распределение и дисперсность карбидной фазы, на склонность к межкристаллитной коррозии (МКК) для определения границ применимости данной стали. Установлен характер склонности к МКК стали в низкоотпущенном состоянии для выяснения возможности ее использования в условиях воздействия агрессивной среды. Показано, как влияют режимы термообработки на склонность к МКК стали 14X17H2 в различных диапазонах твердостей.

Введение. Сталь 14X17H2 применяется при изготовлении оборудования АЭУ: машины перегрузки, оборудования биозащиты, приводов СУЗ, для деталей типа пружин, шестерен, валов, штанг, штоков и т.д.; большинство из них – движущиеся. При этом, к тем деталям, которые работают внутри реактора (а их ремонт связан с его остановкой), предъявляются повышенные требования по прочностным свойствам и износостойкости, причем, для тех деталей, которые работают в среде теплоносителя, очень важной характеристикой является их высокая коррозионная стойкость, так как они эксплуатируются в условиях коррозии под напряжением. В зависимости от назначения эти детали делятся на две группы по их уровню прочности: высокоотпущенное и низкоотпущенное состояния. К последним, наряду с коррозионной стойкостью, предъявляются требования по высокой поверхностной твердости [4]. Характер структуры и отсутствие элементов – стабилизаторов обуславливает для этой стали сильную зависимость устойчивости против МКК и коррозионного растрескивания (КР) от термообработки [1, 4, 5]. Данные по коррозионной стойкости стали 14X17H2 противоречивы. Так, согласно рекомендациям [5], сталь целесообразно использовать в высокоотпущенном состоянии с твердостью 207-285 НВ (КТ 55) или в низкоотпущенном – с твердостью 35-40 HRC. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в высокоотпущенном состоянии сталь обладает наилучшими коррозионными свойствами [1, 2, 4, 7]. Однако низкий отпуск, увеличивающий ее прочность, вызыва-

ет резкое снижение стойкости против КР в высокотемпературном хлоридном растворе [5]. Низкоотпущенная сталь подвержена коррозионному растрескиванию и в парах дистиллированной воды [1, 5].

Согласно [1] после термообработки на высокую прочность (закалка с низким отпуском при 370 °С в течение 2 ч) сталь 14X17H2 подвергалась КР в кислородосодержащей воде, типичной для первого контура кипящих реакторов. В работе сделан вывод, что после режимов термообработки, связанных обычно с достижением максимальной прочности, стойкость стали 14X17H2 против КР очень низка. В то же время авторы работы [5] утверждают, что после 2-часового отпуска при 300 °С и 650 °С образцы стали не проявляют такой склонности. Однако обращается внимание на то, что в ряде случаев оценка склонности к МКК стали, отпущенной при 300 °С, вследствие высокой прочности материала оказывается затруднительной из-за хрупкого разрушения образцов. Согласно [7] склонность к МКК стали 14X17H2 может проявляться также непосредственно после закалки в случае замедленного охлаждения с закалочных температур.

Для средних температур отпуска данные более разноречивы. По данным работы [5] после закалки с 1050 °С и отпуска при 350-500 °С образцы, испытанные в стандартном реактиве (метод АМ ГОСТ 6032-89), оказались подверженными сплошной и язвенной коррозии. Такой тип коррозии объясняется выделением карбидов при отпуске внутри мартенситных зерен [6]. В работе [5] отмечено, что при температурах отпуска от 500 до 600 °С на поверхности загнутых после испытаний образцов наблюдается появление мелких трещин, имеющих межкристаллитный характер, свидетельствующий о появлении склонности к МКК.

Многие исследователи связывают появление склонности к МКК с протеканием структурных превращений при отпуске. Так, в работе [2] показано, что склонность стали к МКК непосредственно обусловлена выделением карбидной фазы, причем существенно как количество выделившегося карбида, так и его дисперсность, морфология, химический состав и, возможно, вызванное его выделением напряженное состояние. Согласно [7] существуют такие сочетания времени и температуры отпуска, после которых происходит максимальное повреждение стали МКК. Область склонности стали к МКК в общем согласуется с кривой выпадения карбидов по границам зерен, но только для низких температур.

Особенно сильная МКК возникает именно после термообработки при температурах, при которых на большей части границ образуется оторочка из пленочных и дендритных частиц в виде сплошной сетки [2]. Согласно [7] после термообработки при средних температурах склонность к МКК падает параллельно с уменьшением количества таких карбидов. При еще более высоких температурах, после которых склонность к МКК уже не выявляется, большая часть границ оказывается усеянной несвязанными между собой массивными частицами карбидов.

Таким образом, приведённые выше данные показывают, что склонность стали 14X17H2 к МКК и её связь с микроструктурой до конца ещё не исследованы. Наиболее важным следует считать: а) установление характера склонности к МКК стали в низкоотпущенном состоянии (когда оценка затруднена из-за появления трещин некоррозионного характера) для выяснения возможности использования данной стали в условиях воздействия агрессивной среды; б) установление влияния режимов термообработки, меняющих характер распределения и дисперсность карбидной фазы, на склонность к МКК для установления границ применимости данной стали. Решение данных вопросов представляет несомненный научный и практический интерес.

Экспериментальная часть. Исследовались заготовки стали 14X17H2 ($\varnothing$ 10 – 80 мм) после цеховой термообработки (закалка с 1040-1050 °С в масло и отпуск на твердость, указанную в табл. 1) при испытании по методу АМ, 15 час, ГОСТ 6032-89, показавшие склонность к МКК, а также заготовка $\varnothing$ 25 мм в состоянии поставки.

Таблица 1

Данные по твердости стали 14X17H2

№ образца	d _{заг} , мм	Твердость по требованию чертежа, НВ	Фактическая твердость, НВ
1	10	241-286	375-393
2	30	241-285	341
3	40	229-286	321-354
4	60	229-269	234
5	80	286-321	363
6	25	исходное состояние	345

Химический состав исследуемых заготовок (табл. 2) соответствует марочному, в 2-х заготовках несколько выше содержание хрома.

Таблица 2

Химический состав металла исследуемых заготовок, %

№ образца	C	Si	Mn	Cr	Ni	S	P	Сu	W	Mo	Ti
1	0,139	0,32	0,35	17,12	1,95	0,018	0,013	0,15	0,037	0,05	0,008
2	0,134	0,27	0,42	18,3	2,23	0,016	0,017	0,10	0,02	0,04	0,006
3	0,132	0,40	0,50	17,56	1,92	0,009	0,021	0,12	0,021	0,02	0,004
4	0,137	0,39	0,37	18,3	1,89	0,006	0,018	0,10	0,02	0,05	0,005
5	0,127	0,26	0,44	17,2	2,36	0,007	0,013	0,08	0,02	0,02	0,006
6	0,142	0,24	0,55	17,2	2,46	0,008	0,018	0,09	0,019	0,03	0,006

В ходе исследований заготовки термообрабатывались в печи СНО.

Замер твердости после каждого режима термообработки проводили на приборе Бринелля шариком 2,5 мм при нагрузке 1839,4 Н.

Склонность к МКК определялась методом АМ ГОСТ 6032-89, 15 часов, без провоцирующего нагрева и параллельно снятием потенциостатических кривых в 1 Н водном растворе H_2SO_4 . Микроструктура стали 14X17H2 исследовалась в полированном и травленном состояниях на микроскопе «Reichert».

Степень развития карбидных превращений изучали снятием потенциостатических кривых в 10 % растворе KOH, а также путем электрохимического выделения карбидных осадков в водном электролите 0,5 % $\text{H}_2\text{C}_2\text{O}_4$, 20 % HCl при плотности тока 0,05 а/см² и температуре раствора 20 °С в течение 1,5 ч и их последующего рентгеноструктурного анализа на аппарате УРС-2,0 в Cr – K α - излучении в камере DSK-60.

Результаты эксперимента и их обсуждение. При изучении режимов термообработки на твердость, структуру и склонность к МКК стали 14X17H2 большое внимание уделялось возможности уменьшения размера зерна феррита и мартенсита и нарушения сплошности ферритных цепочек, так как известно, что основная доля карбидов в стали 14X17H2 выделяется на границе феррит-мартенсит и феррит-феррит [7]. С этой целью применяли низкотемпературную перекристаллизацию при температуре 870 °С (Ac₃+30) после предшествующей обработки с 1050 °С. Исследуемые режимы термообработки приведены на рис. 1-4.

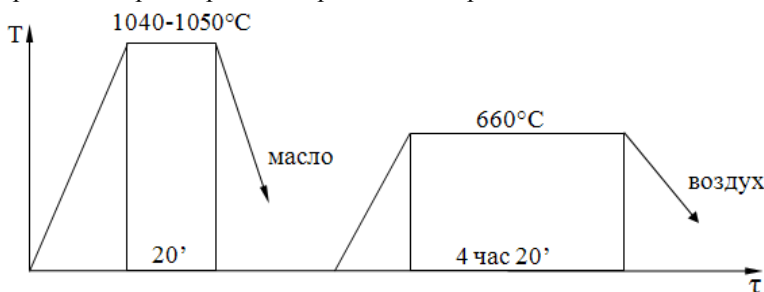

Рис.1. Режим штатной термообработки заготовки $\varnothing$ 10 мм (образец №1, табл. 1)

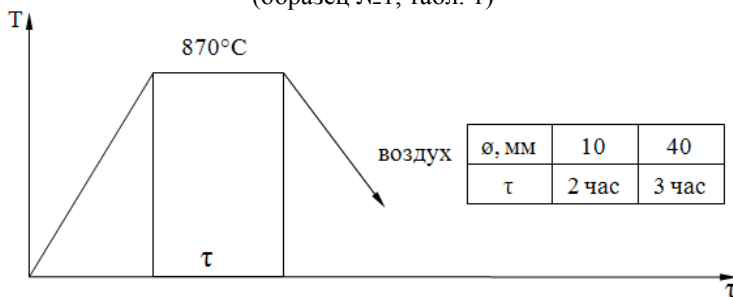

Рис.2. Исследуемый режим №1

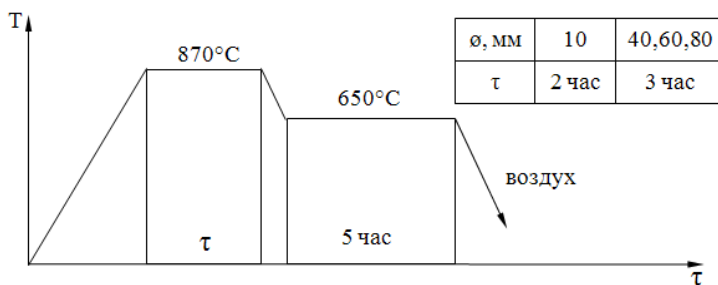

Рис.3. Исследуемый режим №2

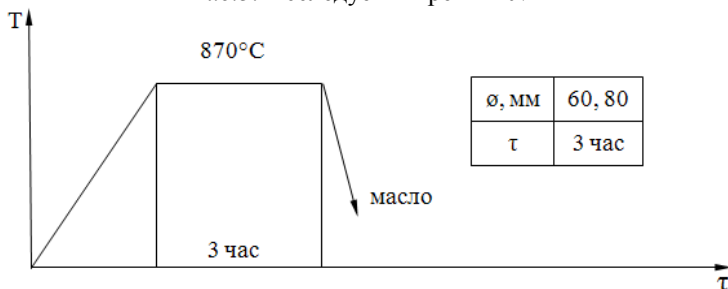

Рис.4. Исследуемый режим №3

Установлено, что перекристаллизация с охлаждением на воздухе (режим №1) образцов $\varnothing$ 10 мм дает твердость $\sim 350\text{--}370$ НВ и совпадает с твердостью образцов $\varnothing 60\div 80$ после охлаждения в масле (режим №3).

В образце $\varnothing$ 40 мм твердость после охлаждения на воздухе составила ~ 310 НВ. Применение охлаждения с изотермической выдержкой при 650°C (режим №2) для всех диаметров заготовок дало близкие значения твердости в пределах $260\div 290$ НВ. Наложение отпуска после проведения перекристаллизации приводит к снижению уровня твердости и в интервале $300\text{--}400^\circ\text{C}$ после закалки в масле обеспечивает твердость $306\text{--}309$ НВ (табл. 3).

После каждой термообработки образцы испытывались на склонность к МКК методом АМ ГОСТ 6032-89. Коррозионные трещины обнаружены на образцах, охлажденных с 870°C на воздухе и в масле, а также на отпущенных после закалки в интервале $300\text{--}400^\circ\text{C}$. Т.о, при всех режимах термообработки, обеспечивающих твердость < 290 НВ, исследуемые образцы не обнаружили склонности к МКК. При твердости ≥ 300 НВ те же образцы склонны к МКК.

С результатами испытаний по ГОСТ 6032-89 были сопоставлены потенциостатические поляризационные кривые, снятые в 1 Н водном растворе H_2SO_4 , рекомендуемом авторами работы [7], и характеризующие электрохимическое поведение нержавеющей сталей (рис. 5). Для образ-

цов, показавших склонность к МКК при испытании методом АМ, на потенциостатических кривых обнаружен ярко выраженный максимум тока на потенциале $-200 \div -250$ мВ (рис. 5а).

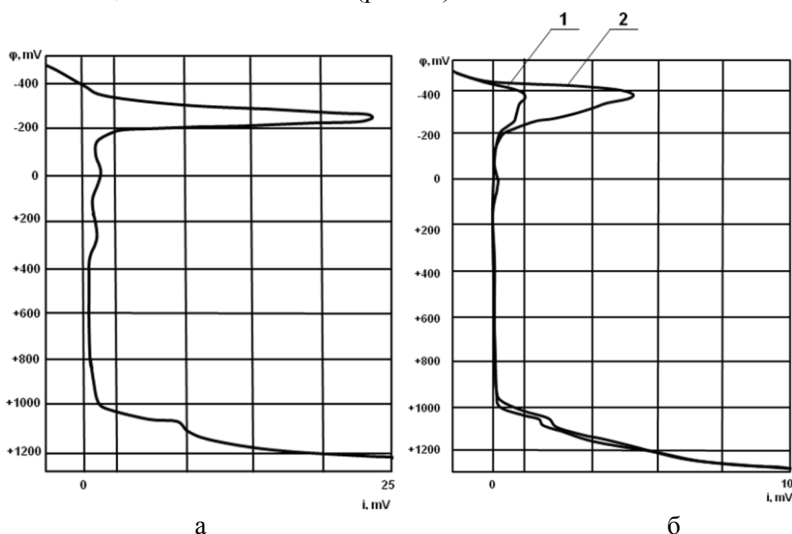

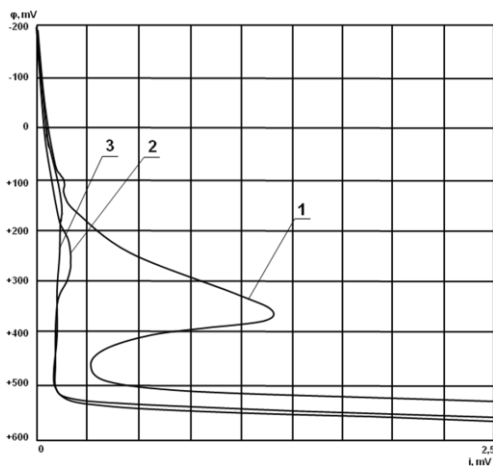
Рис. 5. Характерный вид потенциостатических кривых, снятых в 1Н растворе H_2SO_4 :

а – образец, склонный к МКК по методу АМ ($\text{HB} \leq 306$);

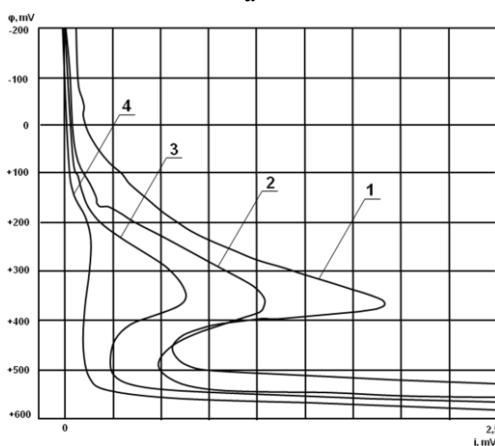
б – образцы, не склонные к МКК по методу АМ (1 - термообработка: 870°C , 3 ч. с изотермической выдержкой при 650°C , 5 ч.; 2 - термообработка: 870°C , масло $+650^\circ\text{C}$, 5 ч., воздух; $\text{HB} 266$)

При отсутствии склонности к МКК этот пик значительно меньше, но появляется пик в интервале $-350 \div -400$ мВ (рис. 5б). Согласно [3] такой пик характерен для активации растворения карбида Cr_{23}C_6 .

Потенциостатические кривые, снятые в щелочном электролите (10%-ный раствор КОН), характеризуют степень выделения избыточных фаз [8]. На кривых, полученных с образцов после цеховой термообработки (когда завышена твердость), и с образца, отпущенного по режиму $t = 400^\circ\text{C}$, $\tau = 5$ час на твердость 306 НВ (эти образцы склонны к МКК), пики, характеризующие наличие избыточных фаз, очень незначительны (рис. 6). На кривых, снятых с образцов, имеющих твердость $\leq 290^\circ\text{C}$ (отпущенные при $t = 650-670^\circ\text{C}$ и в состоянии поставки), в области потенциалов $300 \div 400$ мВ наблюдаются ярко выраженные пики, причем высота их с уменьшением твердости (увеличением отпуска) возрастает (рис. 6). Это говорит о большом количестве выделившейся избыточной фазы.

а

б

Рис. 6. Характерный вид потенциостатических кривых, снятых в 10 % растворе КОН:

- а – заготовка $\varnothing$ 10 мм (1 – состояние поставки; 2,3 – штатная цеховая термообработка, МКК);
 б – заготовка $\varnothing$ 80 мм (1 – состояние поставки; 2 – отпуск 670°C на штатную цеховую термообработку, НВ 229, отсутствие МКК; 3 – 870 °С, масло + 650 °С, на штатную цеховую термообработку, НВ 226, отсутствие МКК; 4 – отпуск 400°C на штатную цеховую термообработку, НВ 306, МКК)

Выделение анодных осадков и последующий рентгеноструктурный анализ позволили однозначно идентифицировать избыточную фазу как карбид Me_{23}C_6 . Таким образом, можно заключить, что склонность МКК

стали 14X17H2 связана с полнотой прохождения превращений при отпуске. Анализ микроструктуры образцов после цеховой термообработки и после термообработки по исследуемым режимам показал, что образцы имеют строчечную структуру, состоящую из феррита с включениями выделившихся при отпуске карбидов и отпущенного мартенсита (рис. 7). При этом склонность к МКК не зависит от величины зерна феррита и мартенсита и от количественного соотношения ферритной и мартенситной составляющей, хотя эти характеристики структуры на исследуемых образцах изменяются в широких пределах (рис. 7, 8).

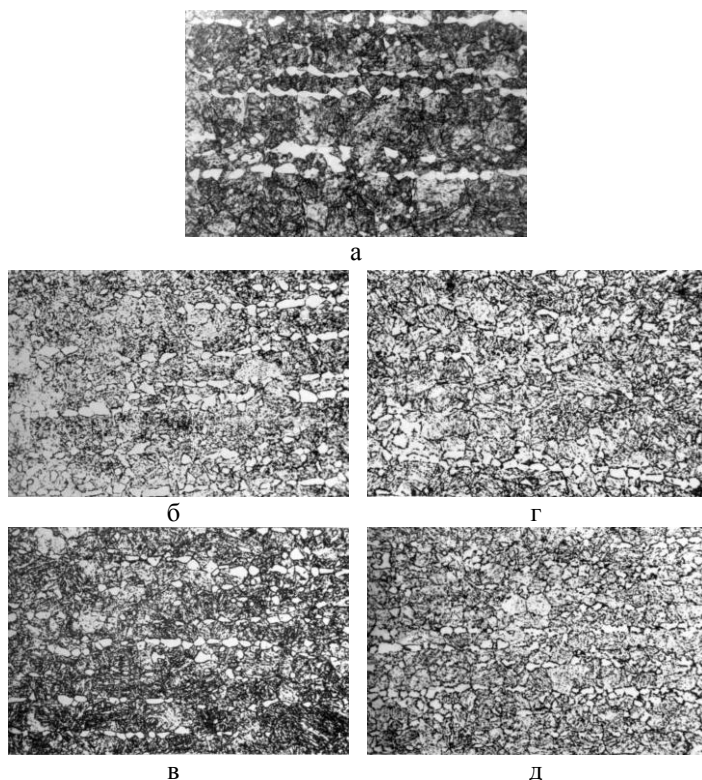

Рис. 7. Микроструктура заготовки из стали 14X17H2 $\varnothing$ 10мм, $\times$ 500:

- а – цеховая термообработка;
- б – дополнительная обработка по режиму № 1;
- в – обработка по режиму № 1 + отпуск 650 °С;
- г – дополнительная обработка по режиму № 2;
- д – обработка по режиму № 2 + отпуск 650 °С

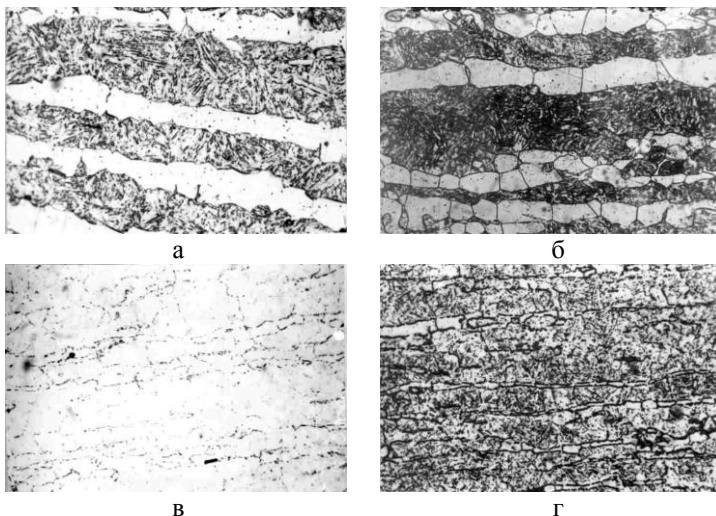

Рис. 8. Микроструктура заготовки из стали 14X17H2 $\varnothing$ 30мм, х 500:

а – после цеховой термообработки, 341НВ, склонность к МКК;

б – после дополнительного отпуска, 278 НВ, не склонна к МКК по методу АМ 6032-89;

в, г – после закалки с 870°C без предварительного высокотемпературного нагрева (в – травление 15с; г – травление 45с)

Повторная перекристаллизация при пониженной температуре по сравнению с цеховой термообработкой практически не измельчила зерно и не нарушила сплошность карбидных цепочек (рис. 7б-д). Микроструктура первого образца с твердостью 375-393 НВ (табл.1) после цеховой термообработки и после исследуемых термообработок (перекристаллизация при 870 °С и последующие отпуска) (табл. 3) отличаются степенью травимости границ зерен.

В ферритных участках образца после цеховой термообработки границы между отдельными зернами не выявляются, границы зерен феррит-мартенсит тонкие (рис. 7а). В образцах, прошедших нагрев до 870°C (рис. 7б,г) и последующий отпуск (рис. 7б,г), ферритные участки разбиты на отдельные зерна, границы между зернами феррит-мартенсит и феррит-феррит декорированы карбидной оторочкой. Это обусловлено тем, что при температуре 870 °С сталь находится в интервале тройного равновесия $\alpha \rightarrow \gamma \rightarrow k$, в отличие от $t = 1050$ °С, где равновесие двойное $\gamma + \alpha$ [7]. После анализа связи между структурой, фазовым составом, склонностью к МКК и твердостью был опробован режим исправления брака, не требующий повторной перекристаллизации.

Таблица 3

Влияние режима термообработки на твердость и склонность к МКК стали 14Х17Н2

Режим №1						Режим №2						Режим №3					
№	d _{заг} , мм	t _{отп} , °C	τ, час	НВ	Склон ность к МКК	№	d _{заг} , мм	t _{отп} , °C	τ, час	НВ	Склон ность к МКК	№	d _{заг} , мм	t _{отп} , °C	τ, час	НВ	Склон ность к МКК
1	10	без отпуска		363-368	скл.	1	10	без отпуска		291-298	не скл.	1	60	без отпуска		345	скл.
2		650	3	263	не скл.	2		650	3	230-240	не скл.	2		650	5	249	не скл.
3		650	5	266	не скл.	3		650	5	229	не скл.	3		670	5	234	не скл.
4		670	5	260	не скл.	4	40	без отпуска		288	не скл.	4	80	без отпуска		363	хруп- кое разру- шение
5		560-600	5	275	не скл.	5		670	3	229	не скл.	5		580	3	255	не скл.
6	40	без отпуска		306	скл.	6	60	без отпуска		255	не скл.	6		650	5	266	не скл.
7		670	3	229	не скл.	7		650	3	229	не скл.	7		325	5	309	скл.
						8	80	без отпуска		278	не скл.	8		400	5	306	скл.
												9		670	5	229	не скл.

Были взяты образцы №2 после цеховой термообработки, показывающие склонность к МКК по методу АМ ГОСТ 6032-89, 15 час, без проводящего нагрева, твердостью НВ 341. Образцы были подвергнуты отпуску при 650 °С в течение 2ч. 45 (рис. 8). После термообработки твердость стала 278 НВ. При испытании по методу АМ образцы не показали склонности к МКК.

После доотпуска микроструктура образца при электролитическом травлении выявляется гораздо быстрее, чем на образце после цеховой термообработки (15с и 45с соответственно). В доотпущенном состоянии в ферритных участках выявляются границы между ферритными зернами (рис. 8), в образцах после цеховой термообработки границы практически не выявляются. Этот эффект объясняется различной степенью выделения избыточных фаз.

Исходя из того же вывода, что решающее влияние на склонность стали 14X17H2 против МКК имеют режимы отпуска, опробовали режим термообработки с понижением температуры нагрева под закалку (рис. 9) с 1050 °С до 870 °С. После отпуска 670 °С заготовки имели твердость 234 НВ. При испытании на склонность к МКК по методу АМ на испытуемых и контрольных образцах обнаружены мелкие надрывы. Анализ микроструктуры образца позволил объяснить это наличием крупнодисперсных карбидов, расположенных по границам зерен. Так как хромистые карбиды активно переходят в твердый раствор при $t > 900$ °С [7], нагрев до 870 °С растворил их в очень малой степени, о чём говорит их наличие в осадке при закалке от 870 °С (табл. 4), и они послужили центрами для выделения карбидов при последующем отпуске (рис. 8). Поэтому предлагается повысить температуру нагрева для частичного растворения карбидов, ориентировочно до 950°С, что согласуется с требованиями ОСТ 95-10-72 [9]. Понижение температуры нагрева под закалку с 1050 до 950 °С позволяет снизить брак из-за образования закалочных трещин и сокращает время отпуска.

Таблица 4

Влияние режима термообработки на количество карбидного осадка

№ образца	Режим термообработки	Кол-во фазы (% от массы стали)
1	Закалка в масло с 870°С	1,84
2	Закалка + отпуск 650°С, 5час	2,62
3	Охлаждение с изотермической выдержкой	2,12

Анализ образцов, термообработанных на различных уровень твердости и имеющих неудовлетворительные результаты при контроле на склонность к МКК, показал следующее. После измерения твердости (табл. 3) было установлено, что на обоих образцах с неудовлетворительной

стойкостью против МКК, при термообработке по штатному режиму (закалка 1050 °С + отпуск 670 °С) значения твердости оказались завышенными, т.е. выпады явились нарушением технологии режима термообработки. В случаях, когда твердость была в пределах нормы, часть образцов, идентифицированных как склонные к МКК, фактически подвергалась общей или структурной коррозии. Некоторые образцы покрылись язвами и омеднились.

Были проанализированы условия проявления указанных видов коррозии стали 14X17H2.

При стандартном испытании на склонность к МКК методом АМ коррозионная среда выбрана таким образом, чтобы твердый раствор оставался пассивным и чтобы химическому воздействию подвергались только границы зерен или смежные зоны. Потенциал, устанавливающийся на нержавеющей стали в кипящем растворе $\text{H}_2\text{SO}_4 + \text{CuSO}_4 + \text{Cu}$ $\varphi_{\text{кор}} = 0,35$ В, соответствует области перехода стали из активного в пассивное состояние (для хромоникелевых сталей интервал от $-0,05$ до $+0,4$ В) [3].

Переход в раствор продуктов коррозии образцов и сосуда, загрязнение медной стружки, изменение концентрации раствора при упаривании раствора сильно снижают значение потенциала, и испытываемые образцы могут при этом подвергнуться общей коррозии [7], что и произошло при испытании вышеуказанных образцов.

Во избежание получения непредставительных результатов контроля необходимо строго соблюдать требования ГОСТ 6032-89 к условиям испытаний.

Выводы. Анализ результатов контроля на МКК контрольных образцов испытанных изделий из стали 14X17H2 показал, что детали с твердостью более 286 НВ склонны к МКК независимо от применяемого режима термообработки, а детали с твердостью менее 286 НВ не обладают склонностью к МКК.

Периодически повторяющиеся случаи получения неудовлетворительных результатов при проведении контроля на МКК при термообработке на твердость 241-286 НВ обусловлены завышением твердости по сравнению с требованиями КД или некачественным проведением контроля склонности к МКК.

Для деталей с твердостью более 286 НВ, работающих в контакте с агрессивной средой, сталь 14X17H2 применять не рекомендуется. Необходимо произвести замену материала на сталь, стойкую к МКК в указанном интервале твердости. Для деталей с твердостью менее 286 НВ рекомендуются режимы термообработки: нагрев до $t=950$ °С с последующим высоким отпуском при температурах $650 \div 670$ °С в зависимости от заданного уровня твердости и сечения детали.

Для деталей, не выдержавших испытания на МКК, необходимо производить доотпуск, если твердость после термообработки оказалась выше,

чем 286 НВ, и повторное испытание на МКК в свежем электролите, если твердость ниже 286 НВ.

Список литературы:

1. Богоявленский В.Л. Коррозия сталей на АЭС с водным теплоносителем. – М.: Энергоатомиздат, 1984. – 168 с.
2. Гудремон Э. Специальные стали. – М.: Metallurgia, 1966. Т.1. – 736 с.
3. Княжева В.М., Чигал В., Колотыркин Я.М. Роль избыточных фаз в коррозионной стойкости нержавеющей сталей // Защита металлов. – 1975. – Т.7. – №5. – С. 531-552.
4. Баландин Ю.Ф., Горынин И.В., Звездин Ю.И., Марсов В.Г. Конструкционные материалы АЭС. – М.: Энергоатомиздат, 1984. – 280 с.
5. Мелехова Г.К. Коррозионные стали и сплавы для оборудования и трубопроводов АЭС. – Киев.: Наукова думка, 1983. – 738 с.
6. Лахтин Ю.И., Рахштадт А.Г. Термическая обработка в машиностроении. Справочник. – М.: Машиностроение, 1980. – 783 с.
7. Чигал В. Межкристаллитная коррозия нержавеющей сталей. – Л.: Химия, 1969. – 232 с.
8. Княжева В.М., Крючков Л.А., Упорова В.А., Нудэ Л.А. Применение анодных потенциодинамических кривых для фазового анализа перлитных сталей // Защита металлов. – 1979. – Т. XV. – №1. – С. 19-23.
9. ОСТ 95-10-72 Заготовки из коррозионностойких сталей марок 1X13, 2X13, 3X13, 4X13, 9X18 и 14X17H2.

УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОПУСКНОЙ СПОСОБНОСТИ ПОГРАНИЧНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПУНКТА ПРОПУСКА – СТАНЦИИ НАУШКИ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕНИИ

© Солоненко М.Н.

Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск

В статье описан комплекс мероприятий по модернизации инфраструктуры и техническому переоснащению пограничной передаточной станции Наушки, направленных на сокращение времени обработки поездов и увеличение пропускной способности станции. Изложена технология работы автоматизированной системы «График исполненной работы станции Наушки», позволяющей провести детальный анализ работы всех структур, участвующих в технологическом процессе обработки поездов на пограничных пунктах пропуска.

Сотрудничество между Россией и Монголией обусловлено исторически сложившимися традициями совместного развития, взаимными хозяйственными связями, ориентированными на железнодорожный транспорт, едиными техническими и технологическими стандартами железнодорожных перевозок.

На Восточно-Сибирской железной дороге станция Наушки является пограничной станцией, соединяющей государства России и Монголии. После постройки в 1939 году 250-километровой ветки от Улан-Удэ до границы с Монголией, станция почти десятилетие оставалась тупиковой. От станции караванами автомашин различные грузы вывозили из Советского Союза в Монголию, здесь начиналось строительство Трансмонгольской магистрали – Улан-Баторской железной дороги, являющейся Российско-Монгольским акционерным обществом. Когда дорога дошла до Улан-Батора, а затем до границы с Китаем, станция Наушки обрела второе дыхание. Через станцию стал осуществляться товарооборот между Россией, Монголией и Китаем [3].

Из России в Китайскую Народную Республику стали отправлять черные металлы, лесные грузы, нефтегрузы, удобрения, из России в Монголию – нефть и нефтепродукты, химические, минеральные удобрения, продовольственные грузы. Из Китая в Россию – нефтяной кокс, химические, строительные и прочие грузы, из Монголии в Россию – плавиковый шпат

и концентрат, шерсть, сырье, кожа, мясо. Также стала осуществляться передача транзитных грузов.

Для Монголии, не имеющей прямого выхода к морю, железнодорожный транспорт явился основным транспортным сообщением, связавшим страну с Россией, Китаем, государствами Европы и Юго-Восточной Азии и открыл новые возможности для ускорения темпов развития и процветания экономики Монголии.

За последние годы произошло значительное увеличение объемов передачи внешнеторговых грузов. По сравнению с 2000 годом объемы передачи возросли в 2,5 раза и в 2006 году составили 5 миллионов тонн экспортных грузов и 750 тысяч тонн импортных. В связи с этим возникла необходимость увеличения пропускной способности пограничного железнодорожного пункта пропуска станции Наушки и сокращения времени обработки поездов, влияющее на оборот грузового вагона, а соответственно на один из основных качественных показателей станции и дороги в целом – средний простой транзитного вагона.

Для решения поставленных задач, по заказу руководства Восточно-Сибирской железной дороги информационно-вычислительным центром разработана и в 2005 году внедрена в эксплуатацию автоматизированная система «График исполненной работы станции Наушки» (АС «ГИР-НАУШКИ»).

В связи с тем, что основной особенностью технологии обработки поездов на международном пункте пропуска является тесное взаимодействие всех контрольных органов, осуществляющих таможенный, пограничный, санитарно-карантинный, ветеринарный, карантинный фитосанитарный и другие виды контроля, работников станции и работников Улан-Баторской железной дороги, первоначально, для проведения детального анализа, было произведено разделение технологического графика обработки поезда на отдельные операции с указанием каждой из служб, производящей обработку перевозочных документов и досмотр состава. Работники станции вручную заносили в журнал время начала и окончания каждой операции. После чего, данные сводились в справку.

Для исключения затрат времени на выполнение вручную вышеуказанных операций, информационно-вычислительный центр разработал систему, которая позволяет формировать справочные формы, а также графические изображения в автоматическом режиме. В результате, операторами станционного технологического центра и работниками конторы передач станции в автоматизированной системе фиксируются начало и окончание каждой выполняемой операции. На основании введенных данных формируется суточные справки обработки четных и нечетных поездов с указанием информации о всех прибывших в течение суток поездах, а именно: № поезда, время прибытия и отправления, № пути, тип состава, количест-

во вагонов, наименование операций, производимых с поездом с разбивкой по службам, нормы и общее время на выполнение каждой операции, а также превышение или сокращение установленной нормы, общее время обработки поезда и превышение нормы обработки.

Для получения наглядной информации автоматически формируется исполненный график обработки поездов (рис. 1). На графике красным цветом указывается утвержденный технологический график [1], а черным – исполненный.

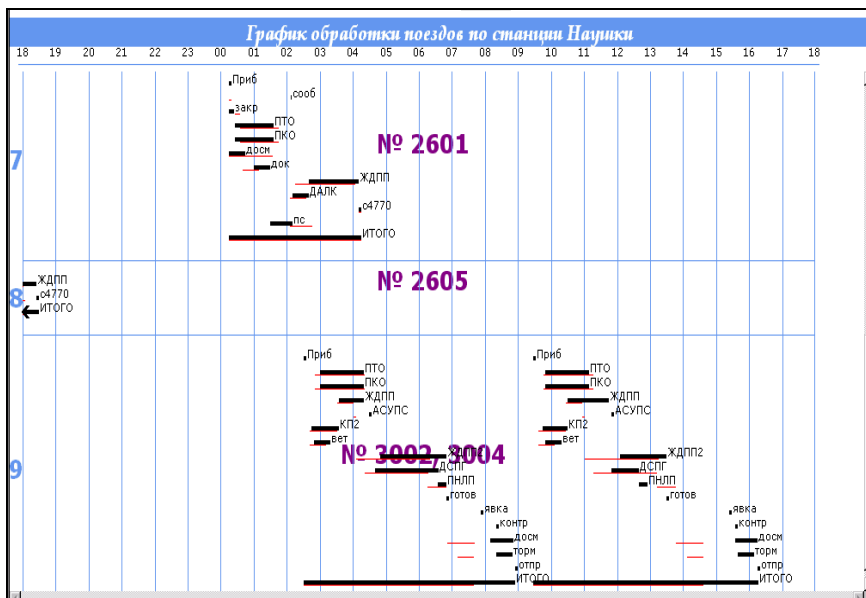

Рис. 1. График обработки поездов на станции Наушки

Данный график позволяет проанализировать работу станции в целом, а также отдельных смен, обнаружить допущенные потери времени, выявить недостатки в работе причастных служб.

Полученные данные ежедневно анализируются работниками сектора международных связей, службой перевозок, отделом по таможенно-брокерской деятельности и другими. Для устранения причин задержек поездов разрабатываются мероприятия по оптимизации работы станции, внедряются новые технологии работы.

Например, в целях исключения задержек, вызванных выполнением параллельных операций при неравномерном прибытии четных и нечетных поездов, решается вопрос о применении жестких ниток графика передаточных поездов по межгосударственному стыку Наушки – Сухэ-Батор, а

также об увеличении штата работников контрольных органов. В целях заблаговременного получения информации о прибывающих поездах, производится техническое переоснащение станции, внедряются новые информационные технологии.

На основании ежесуточных справочных данных формируются отчеты за месяц, год, а также за любой интересующий период (рис. 2). Отчет формируется в табличной форме с указанием фактической продолжительности каждой выполняемой операции, предусмотренной технологическим процессом станции, для каждого прибывающего поезда. За сутки рассчитывается суммарная продолжительность операций, а также среднее значение. Отдельной графой производится расчет превышения установленного времени – «перепростоя от нормы».

Производится построение диаграмм среднего времени обработки четного (нечетного) состава в сравнении с нормой времени и к аналогичному периоду прошлого года. Это позволяет сделать сравнительный анализ простоя поездов под обработкой сверх установленного технологического времени по каждой службе и принимать технические решения в целях дальнейшей оптимизации перевозочного процесса.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	V	W	X
1	Месячный анализ обработки четных поездов на станции Наушки																						
2	за декабрь 2006 года																						
3																							
4																							
5	дата	NNNN	№ поезда/ тип	время прибытия	тех. осмотр	доставка документов	контроль передачи	пос. инструкция	проба, обработка документов	таможенный	ввод данных, ДС	обработка документов таможенный	общая обработка документов таможенный	формирование состава	списывание состава	полнота поезда	определение количества вагонов	осмотр состава	присоединение	отправление поезда	Перепростой от нормы	Общее время обработки	
6	01.12.06	1	3002/2602 Комм.	4:48		5:00	0-10				1-05	0-20	0-20	0-25		10:15	0-10			10:58	1-00	6:10	
7	01.12.06	3	3006/0 Комм.	15:24		16:10					0-55	0-25	0-15										
8	01.12.06 ИТОГО		превышение			0-10					2-00	0-45	0-35	0-25			0-10				1-00	6:10	
9	01.12.06 СРЕД		превышение			0-10					1-00	0-45	0-17	0-25			0-10				1-00	6:10	
10	02.12.06	2	3402/2604 Комм.	13:11	5-00	13:30					2-50	0-25	0-15	1-10		20:15			21:25	3-04	8-14		
11	02.12.06	4	3008/2606 Комм.	16:32		16:50					0-05	0-25	0-25			20:55	2-30		23:58	2-16	7-28		
12	02.12.06	5	3004/2602 Комм.	3:00	0-20	3:25	0-05				1-05	0-20	0-20			8:35	2-15		11:40	3-30	8-40		
13	02.12.06 ИТОГО		превышение			5-20	0-05				4-00	1-10	1-00	1-10			4-45			8-50	24-20		
14	02.12.06 СРЕД		превышение			1-46	0-01				1-20	0-23	0-20	0-23			1-35			2-56	8-06		
15	03.12.06	6	3006/2604 Комм.	12:10	0-25	12:30	0-05				2-20					18:30	1-55		0-35	21:39	4-19	9-29	
16	03.12.06	7	3404/2502 Комм.	17:03		17:25			0-15		2-00	0-15	0-30	0-06		0:30	3-40		5:09	6-56	12-06		
17	03.12.06	8	3002/2604 Комм.	3:03		3:30					1-10					7:55			8:35	0-22	5-32		
18	03.12.06	9	3006/2606 Комм.	14:15	0-35	14:45					1-10								17:45		3-30		
19	03.12.06	10	3008/2602 Комм.	15:20	0-35	15:30																	
20	03.12.06 ИТОГО		превышение			1-35	0-05		0-15		6-40	0-15	0-30	0-06			5-35	0-35		11-37	30-37		
21	03.12.06 СРЕД		превышение			0-19	0-01		0-03		1-20	0-03	0-06	0-01			1-07	0-07		2-19	6-07		
22	04.12.06	11	3004/2602 Комм.	6:30		6:45			0-50	1-40	0-25	1-15	0-05			13:20	1-40		16:57	5-17	10-27		
23	04.12.06	12	3006/2604 Комм.	11:38		12:00			0-10	0-30						16:35	3-10		17:10	0-22	5-32		
24	04.12.06	13	3402/0 Комм.	14:30	0-05	15:05			1-05														
25	04.12.06 ИТОГО		превышение			0-05			2-05	2-10	0-25	1-15	0-05				4-50			5-39	15-59		
26	04.12.06 СРЕД		превышение			0-01			0-41	0-43	0-12	0-25	0-02				2-25			2-49	7-59		
27	05.12.06	14	2602/2602 Комм.	20:40		15:05			1-05	1-40			1-00	0-45		21:10	2-55			0:50		4:10	
28	05.12.06	15	3002/2604 Комм.	23:14		23:40			0-10	0-35	0-35	0-45				5:15			0-10	5:40	1-16	6-26	

Рис. 2. Месячный анализ обработки четных поездов на станции Наушки

В целях наглядности производится построение диаграмм среднего времени перепростоя четного (нечетного) состава в сравнении с анало-

гичным периодом прошлого года с разбивкой по причинам задержки (рис. 3).

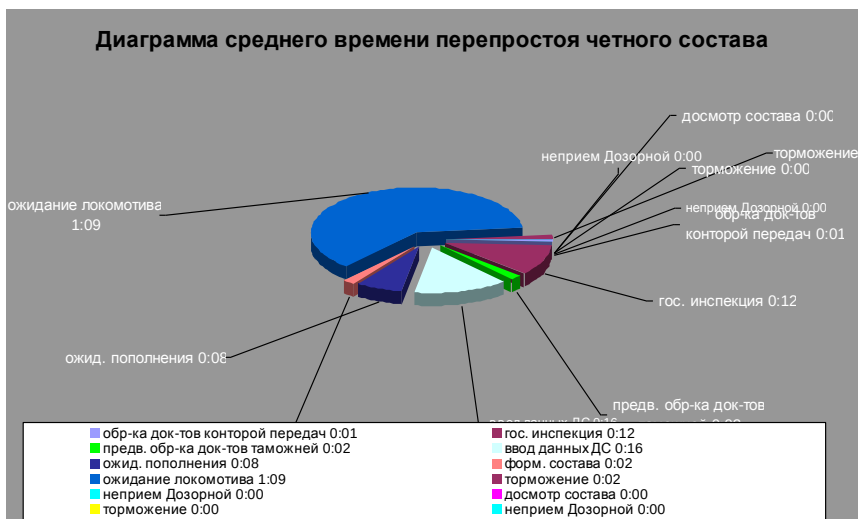

Рис. 3. Диаграмма среднего времени перепроста четного состава

Отдельным графиком выделена обработка поездов таможенными органами. График позволяет проанализировать выполнение норм досмотра состава и обработки документов, а также отследить задержки, вызванные выполнением параллельных операций. Таким образом, ведение данной отчетности позволяет взаимодействовать с таможенными органами, выявлять причины, отрицательно влияющие на время обработки поезда.

На основании суммарных вагоно-часов перепроста составов, дополнительно к графикам формируется справка финансовых потерь, которая в денежном выражении отражает потери времени, возникшие в результате ожидания пополнения, ожидания локомотива и общего перепроста поезда.

Для освоения возрастающего товарооборота между Россией, Монголией и Китаем, на пограничном железнодорожном пункте пропуска станции Наушки проведен ряд мероприятий, направленных на увеличение пропускной способности, а также повышение качества транспортного обслуживания и сохранности перевозимых грузов.

В 2004 году проведено удлинение приемо-отправочных путей досмотрового парка станции-разъезда Дозорный до 75 условных. Освещенность доведена до норм, соответствующих требованиям федеральной пограничной службы, разъезд оборудован системой видеонаблюдения «Обзор».

За период 2005-2006 гг. на станции произведено удлинение шести приемоотправочных путей до 71 условных вагонов, что дало возможность формировать к передаче на Монголию поезда весовой нормой 6000 тонн. Также установлено ригельное освещение в приемоотправочном и сортировочном парке станции Наушки. Пути станции оборудованы устройством зарядки и опробования тормозов (УЗОТ-Р), завершено строительство ряда служебно-технических зданий (ПТО, компрессорная, пункты обогрева).

Для улучшения условий труда работников станции построено здание оператора УЗОТ-Р, административно-служебное здание, объединившее работников всех подразделений, участвующих в технологическом процессе обработки поездов, которое способствовало развитию новых технологий взаимодействия железнодорожников с работниками федеральных служб. Это позволило ликвидировать затраты времени на операции по передаче документов из одного здания в другое и дало возможность производить одновременную обработку документов несколькими службам, что существенно сократило время обработки перевозочных документов.

Запущена в эксплуатацию автоматизированная система коммерческого осмотра поездов и вагонов (АСКО ПВ), позволяющая производить внешний осмотр прибывающих поездов, как приемосдатчикам станции, так и работникам таможенных органов. Система позволила сократить время коммерческого и таможенного осмотра составов, исключив операции по досмотру приемосдатчиками верхних загрузочных люков на крышах вагонов, во время прибытия поездов на станцию, как в четном, так и нечетном направлении, контролировать соблюдение габаритов погрузки, выявлять нарушения, угрожающие безопасности движения поездов и несоблюдение правил хранения грузов.

Запущена в постоянную эксплуатацию первая очередь автоматизированной системы управления пограничной станции (АСУ ПС) разработки НТЦ «Транссистемотехника». Внедрение АСУ ПС позволило запустить в промышленную эксплуатацию технологию сканирования перевозочных, передаточных и товаросопроводительных документов по станции Сухэ-Батор и передачу их электронных копий на станцию. Заблаговременное получение электронных копий позволило обеспечить предварительную обработку документов причастными службами на поезда с импортным грузом до их фактического прибытия на станцию Наушки и снизить время обработки поездов.

В рамках второй очереди АСУ ПС по станции Наушки запущена в опытно-промышленную эксплуатацию система информационного взаимодействия станции с таможенными органами. Уникальность системы заключается в том, что информация из базы данных Сибирского таможенного управления ФТС РФ, в объеме грузовой таможенной декларации

автоматически передается в Наушкинскую таможенную, где дополняется данными, предоставляемыми станцией Наушки, в объеме поездной передаточной ведомости. Таким образом, минимизируется объем данных, вносимых работниками таможенных органов, что позволяет значительно уменьшить время обработки составов.

При разработке технологии и программных средств дорога придерживается принципа максимальной унификации, с целью их возможного применения на других пограничных станциях сети дорог, в т.ч. не входящих в регион ответственности СТУ.

Также не маловажную роль в улучшении качественных показателей использования подвижного состава и снижения эксплуатационных расходов играет информационное взаимодействие Восточно-Сибирской и Улан-Баторской железных дорог, основой которого является организованный высокоскоростной оптический канал связи, обеспечивающий необходимые меры безопасности в соответствии с нормативными актами России и Монголии. В настоящее время проводится работа по совершенствованию процесса обмена данными.

В результате проведенных работ сокращено время подготовки поездов к сдачным операциям:

- четного поезда с экспортными грузами установленной условной длиной 71 вагон с 345 минут в 2003 году до 285 минут в 2007 году;
- нечетного поезда, прибывающего из Монголии условной длиной 75 вагонов с 345 минут в 2003 году до 240 минут в 2007 году (рис. 5);
- четного поезда с нефтеналивными грузами установленной условной длиной 71 вагон до 200 минут.

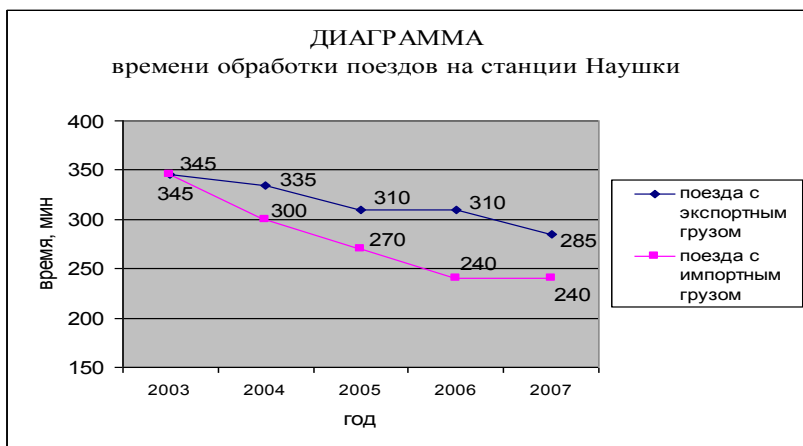

Рис. 5. Диаграмма времени обработки поездов на станции Наушки

В связи с тем, что российские железные дороги, проводят активную политику, направленную на укрепление Евроазиатских транспортных связей и уделяют особое внимание развитию железнодорожных перевозок в международном сообщении, упрощение процедур и сокращение времени пересечения границы является одним из основных шагов в этом направлении. Модернизация инфраструктуры и совершенствование технологии работы железнодорожных пунктов пропуска позволяет ускорить движение грузов через границу, а значит, дает новый импульс дальнейшего развития торгово-экономических связей и повышения эффективности товарооборота.

Список литературы:

1. Типовые схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации физических лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в международном железнодорожном сообщении: Утв. Приказом МПС России №26 от 29.05.2002г.
2. Проект Стратегии развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года.
3. Железнодорожная артерия Монголии: Очерки истории железнодорожного транспорта в Монголии / Под ред. В.Г. Третьякова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. – 608 с.
4. Зябиров Х.Ш., Шапкин И.Н., Щелоков А.И. Современные технологии, организация и управление эксплуатационной работой на железных дорогах (опыт, теория, практика, перспектива)/ Под ред. д.т.н., профессора Х.Ш. Зябирова. – М.: ИСПИ РАН. 2005. – 616 с.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ ПРОГРАММИРОВАНИЯ БЛОКОВ БОРТОВОЙ АППАРАТУРЫ

© Чернышов А.В.

Московский государственный университет леса,
г. Мытищи Московской области

Рассмотрена задача программирования блоков бортовой радиоэлектронной аппаратуры на примере бортовой телеметрической аппаратуры. Обоснована необходимость систематизации и универсализации подходов к разработке программного обеспечения поддержки процесса программирования блоков. Предложен подход к решению поставленной задачи. Описана реализация системы программирования для аппаратуры «Орбита-IVMO».

Современная бортовая радиоэлектронная аппаратура представляет собой сложные комплексы, komponуемые из множества блоков, имеющих, как правило, широкий перечень режимов работы и возможность настройки на конкретные режимы работы для решения задач, стоящих перед аппаратурой на данном изделии. Причём, для выполнения настройки всё шире применяется не кроссирование специально выделенных контактов на внешних панелях блоков (как это было ещё 10-15 лет назад), а программирование встроенных в блоки запоминающих устройств (ПЗУ).

Характерным примером бортовой аппаратуры такого типа является бортовая телеметрическая аппаратура (БТА) [1]. Типичная современная БТА включает в свой состав блоки следующих типов:

- центральный формирователь;
- коммутаторы датчиков определённых типов;
- блок выдачи команд;
- запоминающее устройство;
- усилители-нормализаторы сигналов определённых типов.

Обычно в БТА программируемыми являются центральный формирователь и блок выдачи команд, но, кроме этого, могут программироваться и некоторые другие блоки, включая и усилители-нормализаторы сигналов.

Для БТА характерной особенностью является требование минимальности. Минимальными должны быть габариты и вес аппаратуры при максимальных возможностях для решения целевой задачи (сбору и передачи на Землю информации о состоянии объекта). В этой связи неэффектив-

ными являются попытки разработки блоков, решающих разные задачи, но имеющих идентичные интерфейсы и способы программирования.

Наиболее эффективным решением является разработка специализированных блоков, схемотехнические решения которых оптимизированы для выполнения тех задач, для которых проектируется каждый блок. Блоки при этом имеют согласованные интерфейсы только для информационного обмена. Но программирование режимов работы блока каждого типа выполняется своим, оригинальным способом, оптимизированным для схемотехнического решения конкретного блока.

Типичным способом программирования любого современного блока БТА является прошивка в его ПЗУ бинарного дампа, представляющего программу работы этого блока. Причём, как правило, это не набор кодов машинных команд (в большинстве случаев в программируемых блоках отсутствует процессор, так как блоки, решая вполне конкретные задачи, работают по жёсткой логике), а данные, управляющие логикой работы электронных схем блока. Вследствие этого, структура каждого слова бинарного дампа довольно проста и обычно легко может быть описана в документации на блок. Но объёмы ПЗУ современных блоков могут достигать нескольких мегабит, что, несмотря на кажущуюся структурную простоту, делает процесс составления бинарного дампа для прошивки в прибор весьма трудоёмкой задачей даже для подготовленного специалиста.

Кроме того, поскольку БТА является аппаратурой, устанавливаемой на лётных изделиях, её производство и испытания должны происходить в строгом соответствии с конструкторской и технологической документацией. Инженеры, занимающиеся серийным производством и испытаниями БТА на заводе-изготовителе, не обязаны разбираться в тонкостях программирования её блоков. Их задача – осуществить сборку конкретного комплекта БТА из деталей и в порядке, указанном в документации. В этом случае бинарные дампы, прошиваемые в блоки, должны рассматриваться как такие же готовые детали, которые необходимо стандартным способом (описанным в документации) добавить к комплекту БТА, чтобы он соответствовал возложенным на него задачам.

Для выполнения этого условия необходимые бинарные дампы должны быть заранее подготовлены специалистами-проектировщиками комплекта БТА и сданы в электронный архив, из которого копии дампов должны быть выданы инженерам, осуществляющим сборку и испытания БТА.

Однако такой подход не может гарантировать безошибочности в программировании блоков.

Во-первых, составление бинарных дампов вручную часто приводит к наличию в них трудно обнаруживаемых ошибок. Дамп может быть сдан в архив и выдан на производство как готовый к прошивке в блок, но содер-

жащиеся в нём ошибки приведут в итоге к неправильной работе этого блока и, как следствие, к неправильной работе комплекта БТА.

Во-вторых, бинарные дампы по определению проблематично различать между собой. Если дамп, содержащий ошибки, был откорректирован и повторно выдан на производство, не всегда можно гарантировать, что уничтожены все неверные его копии, выданные на производство ранее. Попытка различать версии бинарных дампов через задание, например, отличающихся имён файлов способна в конечном итоге только ещё больше запутать ситуацию. Тем более, что в технологических документах, касающихся прошивки конкретного прибора, обычно указывается только одно имя файла его бинарного дампа. И инженеры на производстве обязаны прошивать в приборы только файлы с указанными в документации именами.

В-третьих, при разработке блоков БТА сказывается типичный «человеческий фактор». Обычно разные блоки БТА разрабатываются разными людьми. И каждый разработчик закладывает в блоки принципы, удобные только ему. Для реализации программной поддержки блоков также приглашаются разные программисты, каждый из которых имеет своё представление о том, как должно выглядеть программное обеспечение поддержки программирования конкретного блока. В результате задача управления собираемыми комплектами БТА может оказаться для потребителей весьма непростой.

Далее в настоящей статье рассматривается принцип разработки программного обеспечения (ПО) поддержки программирования блоков БТА, призванный свести к минимуму описанные выше проблемы [2].

Прежде всего, необходимо отметить, что в хорошо спроектированной БТА, несмотря на то, что способы составления бинарных дампов, прошиваемых в разные блоки, сильно отличаются, сам процесс прошивки стандартизован и обычно может быть выполнен одним единственным программатором, входящим в состав наземного комплекса сопровождения БТА.

Поэтому ПО, предназначенное для поддержки процесса программирования БТА, должно включать в себя программу управления программатором, реализующую функцию прошивки готового бинарного дампа в блок, подключённый к программатору в настоящий момент. Несмотря на существовавшее в среде программистов мнение, эта программа не должна иметь сложного графического интерфейса. Не должна она иметь и каких-либо средств по вводу или составлению программы для прошивки конкретного блока. Наилучшим решением для программы управления программатором является запуск из командной строки с указанием имени файла с прошиваемым бинарным дампом в командной строке программы (который, как было сказано выше, должен быть просто выдан инженеру как готовый документ).

Такое решение позволяет до предела упростить и формализовать процесс сборки и настройки комплекта БТА. Инженерам, осуществляющим сборку, необходимо освоить лишь запуск программы управления программатором – команду, которую нетрудно описать в технологической документации.

Для составления и контроля бинарных дампов необходима разработка специализированного ПО. Как было показано ранее, любой бинарный дамپ может, конечно, быть сформирован и вручную подготовленным специалистом. Но для современных блоков БТА этот процесс требует много времени и чреват трудно обнаруживаемыми ошибками.

Проблема кроется в том, что бинарный дамп каждого блока описывает программу его работы на языке схмотехники, никак не соответствующем языку предметной области, для задач которой предназначен блок. Человеку, даже большому специалисту, крайне сложно ориентироваться в наборе нулей и единиц (в крайнем случае, шестнадцатеричных цифр). Ему требуется запись в форме, соответствующей цели работы блока.

Например, для центрального формирователя программа прошивки блока с точки зрения человека, разрабатывающего программу, должна представлять собой набор записей о порядке и частотах опроса коммутаторов и/или отдельных измерительных каналов. Для блока выдачи команд – список команд и моментов времени их выдачи и т.д.

Составленные таким способом программы работы блоков должны самими компьютером переводиться в форму бинарных дампов. Важно при этом иметь возможность обратного перевода имеющихся бинарных дампов в читабельную человеком форму, чтобы была возможность проверить содержание готовых бинарных программ, вызывающих подозрение в корректности.

Имеется, по крайней мере, два способа реализации такого ПО.

Наиболее часто реализуемым сегодня на производстве является способ создания программ с красивым графическим интерфейсом. Причём, для подготовки программ каждого типа блока реализуется свой графический интерфейс с набором собственных управляющих элементов. Если добавить к этому, что обычно подобные программы разрабатываются ещё и разными программистами, то становится понятно, что специалисту, разрабатывающему программы для прошивки блоков БТА, приходится изучать, кроме правил составления программ для блоков, ещё и правила работы с каждой программой для каждого блока.

Более того, возможности таких программ зачастую довольно примитивны и сводятся всё равно к вводу в красивые окошки бинарных или шестнадцатеричных кодов, что явно не способствует упрощению программирования. К этому добавляется сложность документирования программ, составленных таким способом.

Вторым, и наиболее удобным подходом является разработка для каждого типа блока специализированного языка программирования, позволяющего описать программу работы блока в терминах предметной области.

Программа, составленная на таком языке должна быть записана в файл, что позволяет легко её задокументировать, поместив распечатку в текстовую документацию, и/или сдав файл в архив на электронном носителе.

Каждый специализированный язык должен быть поддержан транслятором в форму бинарного дампа и декодером из бинарного дампа в форму на исходном языке. Это позволяет легко получить бинарный дампы для прошивки блока из исходной, однажды составленной и записанной в файл, программы. Причём, если есть подозрения в правильности бинарного дампа, достаточно выполнить повторную трансляцию и получить бинарный дампы повторно, а при необходимости и декодирование бинарного дампа в исходную форму и сравнить полученный текст программы с исходным.

Предложенный подход имеет ещё одно важное преимущество. Составленная на языке программа в терминах предметной области легко может быть проверена человеком. Обнаружить в ней ошибки составления значительно легче. Да и исправить их можно гораздо быстрее и с меньшими затратами труда. После чего получение бинарного дампа для прошивки в блок выполняется простой трансляцией.

Для уверенной реализации описанного подхода в рамках конкретной БТА необходимо потребовать от всех разработчиков строгого следования описанной концепции, а именно:

- сам процесс программирования блоков БТА должен представлять собой прошивку заранее подготовленного бинарного дампа в блок с помощью стандартного программатора и единственной управляющей программатором программы;
- бинарные дампы должны получаться в результате трансляции программ работы блоков, написанных на специализированных языках;
- для программирования каждого блока должен быть разработан свой специализированный язык, учитывающий специфику предметной области;
- необходима реализация как транслятора с языка, так и декодера, выполняющего обратное преобразование из бинарного дампа в форму на исходном языке.

По описанному принципу реализовано ПО программирования блоков БТА «Орбита-IVМО» [3].

В системе «Орбита-IVМО» программированию подлежат:

- центральный формирователь МБУ;

- блок выдачи команд БВК;
- запоминающее устройство СЗУ.

Программа работы центрального формирователя записывается в ПЗУ ёмкостью 1 Мбит. Каждые два слова ПЗУ описывают один цикл опроса коммутатора (при этом задаётся номер шины опроса, адрес и подадрес коммутатора), либо опроса СЗУ (задаётся шина опроса СЗУ), либо опроса внешнего источника сигнала. Вся ёмкость ПЗУ позволяет записать 8 программ опроса. 1/8 часть ПЗУ представляет собой полный цикл опроса. Опросы всех источников должны быть распределены равномерно по циклу, причём таким образом, чтобы программа могла быть закольцована.

Разработанный язык описания программы опроса МБУ позволяет задать расстановку опроса источников, используя форму записи распределения информативности системы, принятую для выборки и обработки информации потребителем. В основе языка лежит возможность описания коммутаторов, входящих в состав комплекта БТА, и присвоенных им телеметрических адресов в системе, дополненных признаками чётности, записи в ЗУ, воспроизведения из ЗУ, чтения внешнего абонента.

Проведённые испытания показали, что применённый способ программирования позволяет легко проверить и при необходимости скорректировать программу работы МБУ, полностью исключив ошибки на этапе получения бинарного дампа прошивки.

Для программирования БВК был предложен язык, позволяющий описать начальное состояние и моменты срабатывания каждой команды. Язык позволяет задать как интервал действия команды, после чего команда должна автоматически вернуться в исходное состояние, так и момент времени, до которого сработавшая команда не должна менять своего состояния. В результате трансляции составленной программы формируется бинарный дамп объёмом 512 Кбит. Полная программа прошивки представляет собой два таких дампа.

Разработанный язык легко осваивается операторами и не вызывает трудностей при подготовке программ работы блока.

СЗУ имеет небольшую программируемую память (всего 8 байт), но разработка для него специализированного языка позволила формализовать процесс подготовки и документирования программ его работы в конкретных комплектах БТА. В результате документация на систему приобрела стройный вид, а процесс программирования блоков всей БТА «Орбита-IVMO» стал единообразным и приобрёл универсальный характер.

Описанное ПО в настоящее время внедрено на предприятиях, производящих и эксплуатирующих БТА «Орбита-IVMO».

Список литературы:

1. Цифровые информационно-измерительные системы: Теория и практика / А.Ф. Фомин, О.Н. Новосёлов, К.А. Победоносцев, Ю.Н. Чернышов. – М.: Энергоатомиздат, 1996. – 448 с.
2. Чернышов А. В. Программное обеспечение рабочего места контроля бортовой телеметрической аппаратуры: Монография. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2007. – 160 с.
3. Бортовая аппаратура «Орбита-IVМО», опыт её производства и применения для натурной отработки ракет различных классов. / Л.Е. Горбатьюк, С.Н. Недошивин, К.А. Победоносцев и др. // Радиотехнические тетради. – 2006. – №33. – С. 30-34.

Раздел девятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОГО МИФА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ

© Айданова Ю.Ф.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

В статье рассматривается проблема репрезентации советского сверхтекста в постмодернистской прозе. На примере произведений В. Пелевина автор выявляет основные приемы, используемые в отношении знаков советского прототекста (идеологических штампов, идиом тоталитарного языка, прецедентных образов и текстов исследуемого периода) и анализирует продуцируемый посредством иронического переосмысления эффект десакрализации советской мифологической реальности.

Отечественный постмодернизм, имеющий, в силу определенных социальных и политических причин, сравнительно недолгую историю, вызывает в настоящее время повышенный исследовательский интерес (И.П. Ильин, В.П. Руднев, Н.А. Фатеева, И.С. Скоропанова, М.Н. Эпштейн и др.). В центре нашей работы – проза В. Пелевина. Естественно, что в текстах современных авторов переосмыслению в первую очередь подвергается недавняя общественно-политическая ситуация – советское тоталитарное пространство. В работе вводится термин *советский прототекст*, под которым мы понимаем совокупность знаков, репрезентирующих сверхтекст советского тоталитарного государства (т.е. текст в семиотическом смысле) в художественных произведениях (метатекстах).

Пелевин В. – писатель, пришедший в русскую литературу на рубеже 80-90-х годов XX века. В вопросе о принадлежности творчества автора к определенному литературному течению критики не приходят к единому мнению, однако большинство исследователей относят писателя к постмодернистской школе (В. Курицин, М.Н. Лейдерман, Н.А. Нагорная, Н.А. Лихина, И.С. Скоропанова). При этом традиционную номинацию снабжают уточняющим определителем: «позднесоветский постмодернист» (С. Беляков). Прозу В. Пелевина рассматривают также в рамках концептуализма (С.С. Жогов). Нефагина Г.Л. отмечает, что «сам писатель придумал стилю название – турбо-реализм, весьма расплывчато выразив его «сущность»: используя нормы литературного языка, автор пишет так, как пишется, сочиняя некую программу, набор сообщений» [10, С. 238]. По мнению Г.Л. Нефагиной, творчество В. Пелевина настолько разнообразно, что не укладывается в строгие рамки какого-либо одного литера-

турного направления. Произведения писателя включают «элементы остросюжетного триллера и сатирической фантазии», автор использует «приемы условно-метафорической прозы (гротеск, ироническая игра), соц-арта и концептуализма (выворачивание и обыгрывание идей, лозунгов и концептов соцреалистической культуры)» [10, С. 242].

Однако «упор на воспроизведение сознания и особенно подсознания, порождающий причудливо-искаженные сочетания реальных и нереальных предметов» [12, С. 209], а также звучащий лейт-мотивом в художественном пространстве писательской прозы тезис об ирреальности мира, отмеченный подавляющим числом исследователей творчества В. Пелевина, позволяет рассматривать его произведения в рамках сюрреализма (Б. Тух, С. Беляков). Согласно Н.А. Нагорной, пелевинский подход к соотношению «реальность-иллюзия» не противоречит постмодернистским теориям, в соответствии с которыми «нет мира как такового», «его заменяет набор равнозначных возможных миров, созданных предшествующей общечеловеческой культурой или современными средствами массовой информации, кино, телевидением, поп- и рок-музыкой, рекламой, коммерческой литературой», «по их мнению, существуют лишь муляжи реальности» [9, С. 45].

Беляков С. отмечает, что «средой обитания Пелевина, равно как и других постмодернистов, были гниющие останки советского мифа» [1]. Однако, по мнению исследователя, «Пелевин сумел подняться над общей массой постмодернистов. Последние со временем стали мельчать, их игры, некогда нахальные и озорные, стали все больше напоминать стариновские чудачества. Но Пелевина в этом постмодернистски-ироничном контексте уже давно не воспринимали. Он обрел особую судьбу» [1]. По мнению С. Белякова, «феномен Пелевина не столько литературный, сколько социо-психологический. Его считают писателем поколения тридцатилетних. Это сравнительно успешное поколение, воспитанное в советское время, успевшее к советскому привыкнуть, но не застыть в советском. Раствор еще не затвердел, а потому смерч Перестройки довольно легко разметал непрочные сооружения. Осталась пустота, именно пустота! Нет четких принципов, незыблемых авторитетов. Человек ощущает иллюзорность мира и старается найти спасение от иллюзии. На перестройку мира сил уже нет. Да и какой перестройке можно говорить в таком мире?!» [1].

Маркова Т.Н. также называет определяющим принципом прозы В. Пелевина «*деконструкцию советского мифа*» [6, С. 48]. Мережинская А.Ю., описавшая разнообразные модели деидеологизации и демифологизации в русской прозе 80-90-х годов, отмечает, что «современная литература отражает процессы десакрализации старых идеологических мифов и одно-

временное создание новых. Однако первые сейчас явно доминируют» [7, С. 272].

Согласно М. Липовецкому, в постмодернистском тексте история «ре-лятивна и патологична, она рождается из культурных мифов и травестирующих эти мифы анекдотов <...> мир истории «уже сделан» – герой лишь вступает в него, подчиняясь логике игры в историю, логике деми-фологизирующего воспроизводства мифологии, истории и культуры» [5, С. 252]. По мнению Н.А. Нагорной, выдвижение принципов деканонизации и пародирования концепций исторического процесса в постмодернистских текстах объясняется «снятием цензуры на запретную ранее область идеологических постулатов о героическом прошлом» [9, С. 47].

Было бы несправедливо утверждать, что ведущие мотивы прозы В. Пелевина ограничиваются иронией по поводу всего советского. Так, С. Беляков отмечает, что одной из особенностей последних произведений писателя является отсутствие «антисоветских выпадов»: «Эта тема стала просто неактуальна. Время насмешек, время, когда ёрничество было в моде, прошло. Пелевин освоил новую российскую реальность, её атрибуты: Путина, ФСБ, чеченцев и т.п.» [1]. Иванова Н. также отмечает наступающую усталость от деконструкции социалистической реальности и констатирует практическую исчерпанность обыгрывания соцреализма в современной литературе [3].

Однако, принимая во внимание объект настоящего исследования, считаем целесообразным рассмотреть используемые В. Пелевиным приемы «разрушения советского новояза» и «деконструкции советского мифа» [6, С. 46].

Нагорная Н.А. отмечает, что «за постмодернистской пародией кроется проблема проникновения профанного начала в начало сакральное» [9, С. 47]. Соглашаясь с цитируемым автором, мы выделяем наиболее частотный прием, используемый В. Пелевиным в отношении знаков советского прототекста, – помещение последних в окказиональный контекст в окружении лексически-сниженных единиц. Подобное смешение стилистических пластов приводит к десакрализации высоких концептуальных и идейных смыслов анализируемых знаков, постулируемых с позиции идеологов власти в советскую эпоху. Рассмотрим пример реализации этого принципа во фрагменте повести «Омон Ра»:

В поезде мы с Митьком бежали по вагонам и сбрасывали в унитазы все бутылки, которые мне удавалось найти, – они падали на несущееся под крохотным люком железнодорожное полотно; привязавшаяся ко мне песенка придавала этой простой процедуре привкус борьбы за свободу Вьетнама.

В данном случае В. Пелевин иронизирует по поводу стереотипизации речи простых советских людей, формировавшейся в условиях «необходимости повсеместного соблюдения идеологической правильности и умест-

ности» [4, С. 91]. Вкладывая в уста школьника Омона идеологический штамп *борьба за свободу*, автор доводит до абсурда отсутствие смысла и автоматическое воспроизведение большинства подобных формулировок тоталитарного языка. С другой стороны, В. Пелевин использует свой излюбленный прием – контекстная связь языкового знака советского прототекста и стилистически сниженной лексики (*унитазы, бутылки*), что также приводит к ироническому переосмыслению известного штампа.

Цель В. Пелевина – актуализация в памяти высокого идеологического наполнения исследуемых знаков и их ироническое переосмысление, воспроизводимое подобным контекстным соседством, по словам Г.Л. Нефягиной, «резкая – на грани сатиры – демифологизация советских идейных стереотипов» [10, С. 241].

Еще один из наиболее частотных приемов – нарушение характерной для тоталитарного дискурса фразеологической сочетаемости. Т.Н. Маркова отмечает, что «разрушение советского новояза Пелевин осуществляет, используя испытанные приемы пародии» [6, С. 48]. Рассмотрим примеры парадоксального преобразования лексического состава идиом и идеологических штампов тоталитарного языка на примере двух фрагментов романа «Жизнь насекомых»:

Знаешь, если бы я писал роман о насекомых, я бы так и изобразил их жизнь – какой-нибудь поселок у моря, темнота, и в этой темноте горит несколько электрических лампочек, а под ними отвратительные танцы. И все на этот свет летят, потому что ничего больше нет. Но полететь к этим лампочкам – это ...

Митя щелкнул пальцами, подыскивая подходящее слово.

– Не знаю, как объяснить.

– А ты уже объяснил, – сказал Дима. – Когда про Луну говорил. Луна и есть главная танцплощадка. И одновременно главная лампочка главного Ильича. Абсолютно то же самое. Свет не настоящий.

В данном случае авторской рефлексии подвергается языковой знак советского прототекста *лампочка Ильича* – Патет. О первых электрических лампочках в домах крестьян, колхозников [8]. Преобразование языковой формы устойчивой единицы достигается путем лексического повтора прилагательного *главный*, которое в рамках тоталитарного языка обладало высокой номинативной способностью (в Толковом словаре языка Совдепии [8] зафиксировано около 70-ти аббревиатур с корневой морфемой слова *главный*: ГЛАВБАМСТРОЙ, ГЛАВЗЕМХОЗ, ГЛАВЗОЛОТО, ГЛАВК и т.д.), а также многократно воспроизводилось в официальных текстах (Ср. *главная задача дней...*, КПСС – *главная руководящая сила советского общества*). Пелевин В. одновременно подвергает игровому переосмыслению языковой штамп и пародирует патетику официального тоталитарного дискурса.

Второй пример:

Но театр удивительно напоминал здание, возле которого она когда-то вырыла нору, и даже лепные снопы на фронтоне были те же самые, только сейчас большая их часть была завешена широкой кумачовой полосой с белой надписью:

МУРАВЕЙ МУРАВЬЮ – ЖУК, СВЕРЧОК И СТРЕКОЗА

В анализируемом фрагменте трансформация популярного лозунга советского времени (*Человек человеку друг, товарищ и брат*) осуществляется по принципу «имитации» (Т.А. Гридина) (в данном случае окказиональной реализации языковой схемы, служащей для образования лексических единиц однотипной структуры) [2, С. 24]. Результат данной игровой замены напоминает фразеологический перевертыш. План выражения рассматриваемого высказывания содержит некоторое закодированное содержание: два представителя одного класса являются по отношению друг к другу представителем второго класса, представителем третьего класса и представителем четвертого класса. Данное грамматическое значение передается фиксированным порядком слов: субъект субъекту – субъект 2, субъект 3 и субъект 4. Восстановление лозунга, таким образом, осуществляется по фразеосхеме.

Пародийному переосмыслению подвергаются прецедентные образы советской истории и литературы, которые, по замечанию Г.Л. Нефагиной, «от постоянного употребления в идеологических целях потеряли человеческое измерение и превратились в выхолощенные штампы» [10, С. 239]. Приведем два фрагмента повести «Омон Ра» с целью выяснения механизмов функционирования и трансформации прецедентных феноменов советского прототекста:

Урчагин наклонился ко мне и, поглаживая меня по шее, заговорил совсем тихо и ласково:

– Вот ты дурачок-то какой, Омка. Ты пойми, милый, что этом и суть подвига, что его совершает не готовый к нему человек, потому что подвиг – это такая вещь, к которой подготовиться невозможно. То есть можно, например, наловчиться быстро подбегать к амбразуре, можно привыкнуть ловко прыгать на нее грудью, этому всему мы учим, но вот самому духовному акту подвига научиться нельзя, его можно только совершить.

Согласно результатам пилотажных опросов, наиболее частотными реакциями на слово-стимул *подвиг* являются фамилии легендарных героев Великой Отечественной Войны (Матросов, Кошевой, Космодемьянская). По мнению Г. Почепцова, множество героев, являвшихся символами самоотверженности, многократное тиражирование их имен служило одним из механизмов создания модели человеческого поведения в рамках тоталитарного общества. Все эти герои «представляют примеры определенно-

го жертвования ради победы иерархически высшего уровня – государственного» [11, С. 81].

В речевом обращении замполита космического городка полковника Урчагина аллюзия на подвиг Александра Матросова представлена с явным сдвигом в сторону пародии. Аппелируя к известной прецедентной ситуации с устойчивым смысловым наполнением в рамках российской лингвокультуры (символизация мужества, воинской доблести, бесстрашия и любви к Родине), персонаж романа неосознанно переводит ее в комический регистр, используя просторечные единицы *наловчиться, ловко прыгать* с семьей многократного действия в противовес однократности подобного героического поступка. К тому же использованная В. Пелевиным вводная конструкция *этому всему мы учим* (в которой *мы* – преподавательский состав летного училища), заключающая перечисление, доводит до абсурда иносказательность и эвфемизацию, характерную для стиля идеологической обработки.

Рассмотрим пример трансформации текста знаменитой песни времен Гражданской войны «Там, вдали за рекой» Н.М. Кооля:

*Чтобы успокоиться, я включил «Маяк» и послушал тихую песню об
огнях, которые загорались там вдали за рекой, о поникшей голове, про-
битом сердце и белогвардейцах, которым нечего терять, кроме своих
цепей. Я вспомнил, как давным-давно в детстве полз в противогазе по
линолеуму, неслышно подпевая далекому репродуктору, и тихим голосом
запел:*

– Это бе-ло-гвардей-ски-е цепи!

Пелевин В. представляет читательскому вниманию своеобразный пересказ текста упомянутой песни в жанре прозы, оканчивающийся эффектом обманутого ожидания. Так, заключительная часть «резюме» песни представляет собой усеченную цитату из «Манифеста Коммунистической партии» (1848), написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом: *«Пролетариям нечего в ней (революции – Сост.) терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»*, преобразованную советскими идеологами в популярный лозунг: *Пролетариям (рабочим) нечего терять, кроме своих цепей!* Таким образом, «ассоциативная интеграция» (частный конструктивный принцип языковой игры) [2, С. 17] в анализируемом фрагменте построена на контаминации прецедентного текста и идеологического лозунга, моделируемой на основе актуализации обоими ассоциатами лексемы *цепи*.

Итак, несмотря на происходящее в современном дискурсе перемещение маркеров тоталитарного языка на периферию речевого оборота, их регулярная актуализация, зачастую в ироническом свете, наблюдается в современной российской прозе. В отношении идеологических штампов и лозунгов используются приемы трансформации, пародийного преобразования лексического состава, что приводит к переосмыслению их высокого

идейного наполнения. Обращение постмодернизма к прецедентным соц-реалистическим образам и текстам продуцирует эффект десакрализации моделируемой посредством советского идеологического дискурса мифологической реальности.

Список литературы:

1. Беляков С. Крошка Цахес по прозвищу Пелевин // <http://magazines.russ.ru/ural/2004/2/c9/html>.
2. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
3. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. – 1998. – № 4. – С. 193-204.
4. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург, 1995.
5. Липовецкий М. Русский постмодернизм. – Екатеринбург, 1997.
6. Маркова Т.Н. «Особый язык» прозы В. Пелевина // Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 46-51.
7. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов. – Киев, 2001.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – М., 2005.
9. Нагорная Н.А. Сновидения и реальность в постмодернистской прозе В. Пелевина // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 44-51.
10. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. – М., 2005.
11. Почепцов Г. Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. – Киев, 1994.
12. Тух Б. Первая десятка современной русской литературы. – М., 2002.

ЖАНРЫ В ЭЛЕКТРОННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВОЕ VS СТАРОЕ

© Воротникова Ю.С.

Тобольский государственный педагогический институт
им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск

Стремительное развитие сети Интернет как коммуникативной среды привело к видоизменению ряда традиционных текстотипов, которые в электронном пространстве стали восприниматься как новые жанры, получившие соответствующее терминологическое оформление. Между тем анализ теорий жанров доказывает неправомерность акцентирования дискурсивных Интернет практик как новоявленных жанровых образований, поскольку архаика традиционных жанров сильна в электронных текстах, несмотря на специфику сетевой среды как в плане текстопорождения, так и в плане текстовосприятия.

Бешеный ритм современного общества влечет за собой активное развитие не только культуры того или иного народа, вовлеченного в информационный водоворот, но и языка, обслуживающего как коммуникацию внутри отдельно взятого социума, так и интеракцию представителей разных наций.

Как справедливо отмечает Е.П. Савруцкая в своей работе, посвященной анализу современной коммуникации, «одними из ведущих признаков нового формирующегося общества являются быстротечность и фрагментарность, отмечаемые, в первую очередь, в сфере межличностных коммуникаций, а также в сфере потребления и услуг. ... Современное коммуникативное поле (поле взаимодействия людей) характеризуется высокой мобильностью не только человека, но и социальных систем и социальных институтов, сокращением времени, отводимом на межличностное длительное общение, появлением новых информационно-коммуникативных технологий, способствующих сокращению времени связей между людьми» [Савруцкая, 2004:79].

В связи с вышеуказанными тенденциями в организации межличностного общения сеть Интернет стала наиболее удобной коммуникативной средой, обеспечивающей возможность реализации интеракции в любой форме и в любое время.

Практика подобной коммуникативной свободы привела к тому, что в лингвистическом и психологическом планах Интернет стал признаваться учеными как своеобразная жанропорождающая среда, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и

возникновению новых, свойственных только этому информационному пространству, жанров – дигитальных или Интернет-жанров, как их называют современные лингвисты [Горошко, Саенко, 2006].

В большинстве работ, посвященных анализу языка Интернет сообщества, выделяются определенные форматы или речевые жанры, типические формы речи, представляющие функциональный стиль с определенным перечнем конститутивных признаков: например, электронная почта, электронные разговоры – чаты, электронные доски объявлений (BBS) и компьютерные конференции [Галичкина, 2001]. Между тем эта классификация весьма условна, т. к. по многим конституционным признакам эти жанры могут пересекаться. Выходом из данной противоречивой ситуации стал следующий терминологический прием: английский лингвист Д. Кристал в монографии «Язык и Интернет» выделяет на 2001 год пять жанров, называя их при этом *ситуации использования Интернета* (broad Internet-using situations) [Crystal, 2001: 10]. При этом в указанные ситуации включены: электронная почта; синхронные и асинхронные чаты, включая BBS; виртуальные миры (MOOs, MUDs, MUCKs, MUSEs и т. д.); ВЕБ – тексты, к которым относятся электронные тексты с гипер- и линейной структурой (например тексты в формате *pdf.*).

Другие же ученые, как западные, так и отечественные предпочитают использовать термин «жанр» применительно к любому дискурсу, реализующемуся на электронных страницах, вне зависимости от того, имеет ли данный вид речетворчества «бумажный» аналог или нет. В результате наблюдается достаточно вольное приложение и оперирование теорией жанров применительно к электронному общению, которое приобретает, судя по работам некоторых авторов, уникальные черты, позволяющие вывести дискурсивные Интернет практики в самостоятельный класс, требующий разработки специального терминологического аппарата и методологии.

Насколько данный подход справедлив, можно проследить посредством сопоставительного анализа «новых» жанров со «старыми» через призму классической теории жанров М.М. Бахтина.

Несмотря на то, что в лингвистике традиционен подход к жанру как к устойчивому типу высказывания в потоке речи, в научной литературе представлено множество определений жанра, которые можно разделить на три группы:

- к первой группе относятся концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель).

Данный подход лишен гибкости, так как в рамках классического направления жанр понимается или очень узко (БСЭ – только применительно к произведениям художественной литературы), или наоборот, слишком широко. Например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре, эн-

циклопедии «Русский язык» (1979) речь идет лишь о жанрах монолога, полилога.

– вторая группа исходит из описания отдельных аспектов жанровой организации речи.

Работы этой группы отличает некоторая размытость определения речевых жанров. В частности, Шведова, Скребнев, Тарасов в своих исследованиях отмечают существование устойчивых форм речи и речевого поведения; вторичность составных элементов базовой единицы (Пешковский, Жинкин); структурность (Демьяников, Евтихеева); связь с речевым этикетом (Акишина, Формановская).

– третью группу составляют исследования, опирающиеся на концепцию речевых жанров М.М. Бахтина. К ним относятся работы самого М.М. Бахтина и его последователей: А. Вебижицкой, Н.Д. Арутюновой, Ст. Гайды, В.Е. Гольдина, Т.В. Матвеевой, Т.В. Шмелевой и др. Именно в рамках данного направления в исследовании жанров было выработано четкое понимание сущности жанра и описаны жанрообразующие параметры.

Согласно М.М. Бахтину, человеческая речь отливается в готовые формы речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык». Богатство и разнообразие речевых жанров так же велико, как «неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности» [Бахтин, 1986:428].

Бахтин М.М. стал одним из первых ученых, который написал о том, что устная речь не хаотична: «Все многообразие области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Использование языка осуществляется в форме единичных, конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы называем речевыми жанрами» [там же]. «Языковые, или функциональные стили, – писал М.М. Бахтин, – есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [там же].

Жанрология М.М. Бахтина, методологическая модель которой сформировалась в трудах ученого 1920-х годов, зиждется на основной мысли ученого о том, что жанр представляется «сложной системой средств и способов *понимающего овладения и завершения действительности*» (выделено автором) [Медведев, Бахтин, 1926:181]. Исследовать явления литературного процесса без опоры на анализ онтологии понимания (понимания как способа существования жанра) невозможно, поскольку писатель «мыслит и понимает едиными в себе комплексами – высказываниями» [там же], то есть на языке жанра: жанры – это выработанные культу-

рой формосодержательные системы художественного понимания и познания.

В любом исторически сложившемся виде литературного произведения есть некая «неизменная сущность», отличающаяся «устойчивостью», «стабильностью». Это то, что М.М. Бахтин называл «архаикой» жанра, при этом рассматривал ее как «архаику» не «мертвую», а вечно живую, способную обновляться. «Жанр живет настоящим, – писал он в книге о поэтике Достоевского, – он всегда помнит свое прошлое, свое начало... Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность литературного развития» [Бахтин, 1963:142]. «Архаика» жанра это не просто устойчивая форма, традиционная структура, а «знак», информационный код той «духовности», которая связана с его специфической познавательной сущностью, определяющей формы именно такого, а никакого иного «понимания» действительности. Оно (понимание, доступное именно данному жанру) воспринимается как «культурная традиция», которая обеспечивает единство текста и объекта, о котором говорится в тексте [Борев, 1975: 47].

Следовательно, в концепции М.М. Бахтина природа жанрового понимания неотделима от понимания того, что онтологический аспект не абстрагируется от эпистемологического. Понимающие возможности жанровой структуры ученый связывал с «внутренним тематическим отношением к действительности и ее становлению». При этом подчеркивал: «Понять определенные стороны действительности можно только в связи с определенными способами ее выражения», а эти способы выражения «применимы лишь к определенным сторонам действительности» [Медведев, Бахтин, 1928:182]. Таким образом, путь к понимающему потенциалу жанра лежит через понимание способов его выражения. Так в компетенции онтологии понимания жанра оказывается «оформляющее понимание действительности и жизни» [там же].

Содержательная «память жанра» в читательской рецепции уже заранее моделирует систему высокосложных типизаций романа, новеллы, баллады и т.д. Именно это имел в виду М.М. Бахтин, когда подчеркивал, что «формы целого, то есть жанровые формы, существенно определяют тему» [Медведев, Бахтин, 1928: 179].

Жанроформирующие факторы придают произведению определенную форму, вид, то есть обеспечивают самодостаточность, завершенность жанровой структуры, «вырабатывают» жанр, воплощают его «сущность», «идею». На этом уровне реализуются законы художественно - завершающего оформления действительности в том или ином жанре. Ими создается конструктивный тип эстетического целого. Формирующими факторами (если уточнить и привести к целесообразному единству разноречивые данные исследований в этой области) являются: принцип сюжетно-

композиционной организации, концептуальный хронотоп и тип повествования [Головко, 1995].

Специфическое бытие жанра заключается в осуществлении присущего именно ему понимающего потенциала: «Каждый жанр способен овладеть лишь определенными формами действительности, ему принадлежат определенные принципы отбора, определенные формы видения и понимания этой действительности, определенные степени широты охвата и глубины произведений» [Бахтин, 1975: 178].

Следовательно, жанровая парадигма строится на деятельностном принципе: жанр это не застывшая «устойчивость», а «устойчивая тенденция развития литературы». «Речевые жанры, будучи, в общем, гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка [Бахтин, 1979:449], в тоже время безличны, так как являются типической формой высказываний, но не самими высказываниями.... Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и над-адресата» [там же].

Описанная теория М.М.Бахтина прекрасно себя зарекомендовала при анализе «бумажной» литературы различных стилевых направлений, неоднократно являясь веским аргументом при отнесении того или иного нового художественного или публицистического языкового образования к парадигме базовых жанров.

Окунаясь в безграничный мир Интернет, в пространство коммуникантов разных возрастов, уровня образования, статуса и национальности, проанализируем, насколько верно утверждение о появлении в этой среде новых жанров, учитывая жанрообразующие параметры, речь о которых велась ранее.

Безусловно, Интернет – нечто большее, чем просто суперсовременная технология, ускоряющая прохождение и распространение информации. Благодаря Интернету существенно расширилась как межличностная, так и социально значимая коммуникация, которая представляет собой разновидность непрямого общения, т.е. коммуникации, опосредованной особым техническим средством – компьютером, ставшим новым звеном исторической цепи опосредствования человеческого общения после изобретения письма, телеграфа, радио, телефона, телевидения. Между тем общение в Интернете опосредуется не просто компьютером, а глобальной компьютерной сетью, что создает совершенно особые условия для порождения и восприятия речи, для обмена текстами.

Взаимодействие людей при помощи компьютера и глобальной электронной сети создало особую медиальную коммуникационную среду, в которой зарождаются и закрепляются особые формы и виды общения,

постоянно пополняющие и видоизменяющие сенсорный, коммуникативный, ментальный, психологический и культурный опыт социума.

Сетевая среда коммуникации сегодня представляет собой особую разновидность искусственной (техногенной) медиасреды, конститутивными признаками которой являются:

- опосредованность канала связи благодаря персональному компьютеру и компьютерной сети;
- специфический характер канала связи: электронный, аудиовизуальный, экранный;
- наличие международной и / или национальной компьютерной сети и доступа к ней массового пользователя;
- пространственная (а часто и временная) дистантность партнеров по коммуникации, что предполагает возможность отложенного контакта;
- наличие визуально-текстового контакта взамен визуально-личного; этот признак подразумевает:
 - а) виртуальность (анонимность, заочность) собеседников вследствие ограниченности сенсорного восприятия друг друга, т.е. их идентификацию не на основании реальных характеристик, а на основании виртуального образа, зафиксированного в текстах;
 - б) письменный способ передачи речи и вербальный текст как основную форму коммуникации;
- интерактивность (интеракциональность, обмен информацией), понимаемая как технически обеспеченная возможность смены / чередования коммуникативных ролей отправитель / получатель (адресат / адресант) и зависимость коммуникативного поведения и качеств речи одного речедеятеля от тех же параметров другого;
- преобладание неформального, нерегламентированного общения (неинституционального дискурса), вызванное нерелевантностью статусных офф-лайнных ролей коммуникантов для сетевого общения;
- наличие гипертекста (возможности свободного перемещения в текстовой среде) и некоторые другие [Галичкина, 2001].

Погружаясь в сетевую коммуникационную среду, человек испытывает на себе ее интенсивное воздействие, которое налагает отпечаток на всю его речеповеденческую деятельность не только в данной среде, но и за ее пределами, в других средах общения.

Результаты различного рода социологических и психолингвистических исследований ярко иллюстрируют тот факт, что сетевая среда – это огромное поле творческой речевой деятельности, на котором каждый участник общения имеет возможность реализовать свой личностный языковой и коммуникативный потенциал, вследствие отсутствия каких-либо огра-

ничений на речевое поведение теми статусно-ролевыми рамками, которые налагает на него сетевая среда.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать факт изменений условий коммуникации, как в плане самой ситуации общения, так и в плане характеристик адресата, который стал свободнее в своем речетворчестве. Вспоминая теорию жанров М.М. Бахтина, в которой коммуникативные условия реализации жанра постулировались как неотъемлемый жанрообразующий параметр, становится очевидным факт неизбежности трансформаций жанров, бытующих в электронной среде, будучи перенесенными с плоскости бумажного листа в безмерное пространство сети.

Ранее был приведен перечень так называемых «новых» жанров, к которым ряд исследователей относят электронную переписку, сетевые конференции и форумы, дистанционное обучение, непринужденное общение в режиме реального времени (чат) и блоги (О.А. Усачева, Е.Н. Галичкина, О. Дедова и др.).

Более того, термин жанр в некоторых научных статьях «обрастает» уточнениями, которые усложняют и без того достаточно громоздкую систему жанров современного лингвистического знания. Так, в ряде журналистских работ можно встретить понятие «жанр «сетевой» прессы», который выделяется авторами на основе отличной от традиционной печатной газеты среды существования и наличия в тексте электронной публикации гиперссылок, обеспечивающих навигацию по сайту или новостному блоку одной тематики.

Между тем хочется отметить тот факт, что изменения коммуникативного пространства не повлекли за собой глобальных изменений жанра новостей: прототипичная модель новостного дискурса сохранила свою целостность и структуру даже в сети.

Подробный анализ новостей, представленных на сайтах различных изданий, как имеющих печатный аналог, так и тех, которые доступны только в сетевом пространстве, показал, что всем электронным публикациям свойственно следование классической схеме новостного дискурса, описанной ранее для традиционной прессы Т. ван Дейком [van Dijk, 1988]. Отличия сетевых и печатных новостей, как правило, заключались в большей категоричности и лаконичности подачи информации первыми по сравнению с образностью и «игривостью» языка вторых. Но не является ли это прямым следствием тенденций развития самого общества, приоритетной целью существования которого становится непрерывное получение информации?

Если обратиться к сущности таких видов сетевой коммуникации как электронная переписка и Интернет конференции, то уже в названиях очевидна прямая связь указанных так называемых «новых жанров» с жанрами традиционного общения – с эпистолярной интеракцией и обменом ин-

формацией в рамках привычных для понимания обывателя конференций. Изменения коснулись канала передачи данных, но «архаика» жанров сохранилась: участники электронной переписки или Интернет конференций, равно как участники обмена бумажными письмами или докладчики на конференциях традиционного типа, преследуют одинаковые цели и стараются соблюдать одни и те же каноны поведения как вербального, так и невербального. Изменились ли разительно характеристики адресата текстов электронных писем или веб-докладов? Положительный ответ на этот вопрос маловероятен: электронные письма, например, могут варьироваться по своей тематике и стилистике в зависимости от степени официальности адресата и его психологической близости адресанту, равно как и в традиционной эпистолярной коммуникации. Объем писем в сети также вариативен в зависимости от индивидуальных особенностей переписывающихся, для которых e-mail – это комфортный и менее затратный способ обмена информацией, в отличие от услуг традиционной почты. Тот факт, что эпистолярный жанр в сети не уступил свои позиции интерактивному общению посредством чата или форума лишний раз доказывает, что сама сущность обмена письмами в Интернет сохранена, следовательно, и жанр переписки активно используется с единственной оговоркой на технические новшества его реализации.

Анализ речевых фрагментов чатов и блогов также показал, что прототипом для обозначенных видов электронного общения являются соответственно бытовой диалог, личный дневник и мемуары [Воротникова, 2006, 2007]. Идея выделения блогов в отдельный жанр кажется довольно безрассудной еще и потому, что сами авторы блогов не определились в форме подаче информации и цели блога: в одних случаях можно идентифицировать блог с новостной статьей, в других под именем блога подается хронология событий, переживаемых автором, в то время как в третьих представлены лишь размышления создателя блога о различного рода философских проблем.

Таким образом, продолжая начатую в последнее время в лингвистике дискуссию о жанровом богатстве Интернет коммуникации, можно сделать вывод о том, что формы общения в сети представляют собой не что иное, как модификации традиционных жанров, которые видоизменились в плане выражения, отражая социальные, культурные и, не в последнюю очередь, технические изменения современного общества.

В подтверждение высказанного предположения о том, что Интернет-тексты в большей своей массе – это вариант прототипических жанровых образований, описанных для традиционных медиа, выступает теория жанров В. Орликовски и Дж. Йетса, которые определяют жанр как институализированную платформу (template), предназначенную для социального взаимодействия, особенно в отношении вербальной информации. Жанры, согласно их теории, создают «рамку» для коммуникации и внутренне свя-

заны с дисциплинарной методологией и профессиональными практиками [Yates&Orlikowski, 1992; 1999; 2004].

Продолжая рассмотрение сути жанра как лингвистического феномена, С. Беркенкоттер и Т. Хукин в рамках социокогнитивного подхода выделяют пять основных жанроопределяющих признаков:

1. *динамизм*, считая жанры динамически гибкими и быстроменяющимися в зависимости от социокогнитивных потребностей, формами;

2. *ситуативность*, связанную с профессиональной или иной человеческой деятельностью. Знание о жанре является ситуативным когнитивным актом, которое может развиваться в зависимости от нашего участия в окружающей культуре.

3. *форму и содержание*, включая понимание того, какое содержание уместно вкладывать в текст при определенных целях, в определенное время и при определенных обстоятельствах;

4. *двойственность*, имея в виду то, что, используя определенные правила жанра в профессиональной деятельности, мы одновременно порождаем и воспроизводим некую социальную структуру;

5. *зависимость от социума*: жанры сигнализируют о дискурсивных речевых практиках, их эпистемологии, идеологии и социальной онтологии [Berkenkotter & Huckin 1995: 4].

Принимая во внимание вышеперечисленные параметры жанра как самостоятельного явления и применяя данную точку зрения по отношению к сетевым продуктам речетворчества, можно проследить явные черты традиционных жанров за оболочкой электронного интерфейса сетевых текстов.

Так, при характеристике таких новообразований как Интернет-конференции, электронная почта, чат, блог или электронный новостной дискурс не вызывает сомнения, что стремление к учету характеристик новой коммуникативной среды, вылившееся в более жесткий и категоричный язык текстов отмеченной направленности, отражает как раз черту динамичности, присущую жанрам как языковому феномену, которому свойственно как и языку в целом адаптироваться под изменения общества и коммуникативную ситуацию.

Сохранение коммуникативной цели сетевых проекций традиционных жанров – не что иное, как реализация параметра ситуативности, когда несмотря на возраст, статус, образование и знание языка пользователи интуитивно структурируют результаты своего речетворчества сообразно прототипическим правилам оформления текстов, их *формы и содержания*, принятых в рамках того или иного «бумажного» жанра, пусть иногда и не в очень грамотной манере.

Определенного рода новаторство тексто-продуцентов в сети Интернет, происходящее на базе увиденного, прочитанного или услышанного ими

ранее в «за-сетевой» реальности, есть то самое проявление двойственности жанров, их способности подстраиваться под изменяющуюся жизнь общества и индивидуума в частности.

Если привести еще одну теорию жанра, разработанную Т. Эриксоном, то результат анализа «дигитальных» жанров снова приведет к очевидному выводу о том, что сегодняшнее новое – это лишь вариация старого, доказывающее имманентное свойство самой лингвистической системы (будь она англоязычной, испаноязычной, русскоязычной или любой иной, известной человечеству) быть динамичной, кумулятивной и коммуникативно-ориентированной.

Так, Т. Эриксон полагает, что, подход к коммуникативной практике как к жанру, означает знание и понимание:

- коммуникативных целей, поддерживаемых жанром;
- конвенциональности жанра как по форме, так и по содержанию;
- того, что жанр акцентирует «обслуживаемую» им коммуникативную обстановку как в технологическом, так и в социальном планах;
- отношений между коммуникативной обстановкой и конвенциональностью жанра;
- дискурсивного сообщества, которое использует тот или иной жанр [Erickson 2005: 4].

Применительно к Интернет-жанрам можно с уверенностью сказать, что:

- все они сохранили коммуникативные цели, свойственные их «до-сетевым» прототипам,
- конвенциональность «бумажных» жанров присутствует в сети и знакома пользователям как симплифицированная схема для текстоворождения,
- ситуации, «обслуживаемые» дискурсивными Интернет практиками, схожи по своим имманентным условиям и целям тем, в рамках которых реализовывались традиционные жанры (эпистолярный, разговорный, или жанр дневника и т.д.),
- равно как и «вне-сетевые» жанры, «Интернет новообразования» используются пользователями дифференцированно, в зависимости от социального и дискурсивного контекста, что доказывает сознательный выбор он-лайн коммуникантов своего дискурсивного сообщества и приемлемый для этого сообщества жанр интеракции.

Таким образом, своеобразный антураж современной лингвистики отнесенительно «плодовитости» Интернет среды представляется несколько необоснованным, поскольку новые условия реализации коммуникации, результировавшиеся в определенного рода симбиозе устных и письменных практик, привели к некоторым изменениям формы, не затронув самой сути привычных жанровых типов.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. – М., 1986.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
5. Боров Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции. / Критические анализы: Художественная рецепция и герменевтика. – М., 1985.
6. Воротникова Ю.С. Жанровое своеобразие Интернет-коммуникации на примере информационных блогов и чат-общения. // Материалы II международной научно-практической конференции (21-22 апреля 2006 года, г.Тобольск) Межкультурные коммуникации в сфере международного и регионального туризма в историческом городе. – Тобольск, 2006. – С. 25-28.
7. Воротникова Ю.С. К вопросу о лингвистической сущности блога // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: «Грамота», 2007, №3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3 ч. Ч. 1. – С. 63-64.
8. Воротникова Ю.С. Параметры новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ.// Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Орел: ОГИИК, 2006. – С. 39-45.
9. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
10. Головки В.М. Герменевтика жанра как проблема теоретической поэтики // Вестник Ставропольского государственного пед. университета. – 1995. – №1.
11. Головки В.М. Интерпретация литературного произведения в парадигме автора: дискуссионные аспекты // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. – Ч. I. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2004.
12. Головки В.М. Герменевтика жанра: проектная концепция литературоведческих исследований // Литературоведение на пороге XXI века. – М., 1998.
13. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. – Орел, 2006. – С. 165-175.
14. Горошко Е. И., Саенко Н. А. Жанровая экология Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.6. – Т.3. – Серія «Філологічні науки»: 36. наук. праць [Норми та парадокси

свідомості й мислення]/ Луган. Нац. Пед. Ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер, 2006. – С. 312-331.

15. Медведев П.Н., Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. – Л.: Прибой, 1928.

16. Москвина Р.Р., Мокроносов Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск, 1987.

17. Савруцкая Е.П. Феномен коммуникации в современном мире. //Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 75-85.

18. Berkenkotter, C., Huckin, T. N. Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition/Culture/Power. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.

19. Breure, L. Development of the Genre Concept. Available on: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html> - 2001.

20. Crystal, D., Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

21. Erickson, T. Rhyme and Punishment: The Creation and Enforcement of Conventions in an On-Line Participatory Limerick Genre. Available on: <http://www.visi.com/snowfall/limerick.html>. – 2005.

22. van Dijk T. A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.

23. Yates, J., Orlikowski, W. J. Genres of Organizational Communication: A Structural Approach to Studying Communication in Media // Academy of Management Review.- vol.17. – N2. – 1992. – P. 299-326.

ПРОБЛЕМА АВТОРА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЗЕ С. ПЕСТУНОВА

© Янковская О.В.

Хакасский государственный университет им Н.Ф. Катанова,
г. Абакан

В статье сделана попытка всесторонне изучить образ автора в системе прозы С. Пестунова. Для чего кратко охарактеризованы точки зрения ведущих литературоведов на данную проблему, затем проанализированы различные рамочные компоненты авторского текста, лирические отступления, особенности языка и др. Материалы статьи могут быть использованы учителями-словесниками, студентами высших учебных заведений при изучении современной литературы, в частности, региональной прозы.

Слово «автор» (от лат. *auctor* – субъект действия, основатель, устроитель, учитель и, в частности, создатель произведения) имеет в сфере искусствоведения несколько значений. Это, во-первых, творец художественного произведения как *реальное лицо* с определенной судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт. Во-вторых, это *образ автора*, локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя. И, наконец, в-третьих <...>, это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению [15, С. 61].

Понятие «образ автора» давно известно филологической науке. Этот вопрос активно обсуждался как в отечественной, так и в европейской критике с начала XIX века. Огромный вклад в раскрытие проблемы образа автора внес В.Виноградов еще в 30-е годы XX века. Обозревая историю проблемы, он писал: «О субъекте литературного произведения говорили многие, почти все, кто старался глубже понять формы словесного искусства – Белинский, Шевырев, И. Киреевский, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Ап. Григорьев, К. Леонтьев и др., каждый в меру своей оригинальности проявлял особенный и притом острый философский, эстетический интерес к этому вопросу» [2, С. 309]. Среди «предшественников», изучавших данную проблему нельзя обойти вниманием труды А. Потебни, которые В. Виноградов, несомненно, знал и ценил. Практически одновременно с В. Виноградовым проблемой автора занимались М. Бахтин, А. Веселовский, А. Бушмин, Б. Корман, Г. Винокур и др.

Несмотря на огромное количество литературоведов и ученых, уделявших внимание раскрытию понятия, полной ясности здесь до сих пор нет,

и сегодняшнее состояние проблемы отличает плюрализм прочтений в ходе конкретного анализа. Молодой литературовед А. Соловьева утверждает, что «оппозиционность, полярность существующих точек зрения: В. Виноградов – М. Бахтин – Б. Корман – снимается рядом современных ученых, представляющих отдельные концепции не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие» [13, С. 163]. И еще: «современными исследователями актуализируется понятие «образ автора», что связывается с возможностью сознательного создания писателем такого образа в тексте. Целесообразным здесь видится дифференциальный подход: «образ автора» – не универсальная категория; обращение / отказ от нее диктуется самим материалом» [13, С. 163].

В прозе С. Пестунова мы встречаемся с персонифицированным повествователем, ведущим рассказ от первого лица – рассказчиком.

Рассказчик повести «Сватова деревня» в 19 из 26 рассказах обозначен местоимением «я» и назван (Алехин Сергей Андриянович). Он предстает перед нами сначала ребенком, затем – во время войны, которая диктует ему повышенный ритм жизни, мы становимся свидетелями быстрого взросления героя.

Перед читателем появляется множество героев как эпизодических, так и главных, ведущих. Тем не менее, ощущения хаоса при знакомстве с текстом повести не возникает. Ясному и четкому прочтению способствует искусная организация текста. «Скрепляет», порождает художественную целостность произведения образ автора.

То же самое можно сказать как о вышедшем несколькими годами позже сборнике рассказов и повестей «Чудный месяц», так и о последней книге С. Пестунова «Жизнь бы текла да людей радовала», отдельные произведения которых «сцементированы» в целое при помощи образа автора. Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ автора пронизывает все прозаическое наследие С. Пестунова и объединяет его.

В сборниках «Чудный месяц» и «Жизнь бы текла да людей радовала» практически все рассказы и повести написаны от первого лица. Повзрослевшего автора остальные действующие лица уже не кличут Сергухой, а уважительно и по-дружески называют Андреичем.

Почти во всех событиях, происходящих в книгах, автор не посторонний наблюдатель, а самый живейший участник. Именно это обстоятельство придает особое значение анализу внутреннего мира рассказчика: за ним читатель может легко увидеть внутренний мир самого автора.

Рассказчик в творчестве С. Пестунова – одно из главных действующих лиц, жизнь его мало-помалу, фрагментарно выстраивается на страницах его книг.

В детстве это был обычный мальчишка: «мы с Петькой после обеда бежали на озеро купаться, ловили капканами уток, плели из пикулек

длинные цыганские бичи, пили у моей матери на колхозной ферме через камышинки парное молоко, росли от него как на опаре» [12, С. 41].

Мы узнаем о больших и маленьких радостях и горестях, которые сопровождали детство рассказчика: «В то лето я поймал более трех тысяч сусликов. И не потому, что был лучшим на деревне суслоловом, а потому, что влюбился» [11, С. 28]. И еще: «я тут же поклялся отомстить ему... И за того лисенка, которого я нашел в степи слепого, выкормил, а он по осени убил его лопатой..., за всех ребят, которых он нещадно бил; за Гальку, которую обманул, и, конечно же, за Марусю, которую под страхом держит, от меня отлучил..., за тот невыносимый позор, когда он бросил меня, безотцовщину, в лужу, и я чуть было не утонул, за все насмешки и издевательства» [11, С. 32].

Рассказчик – писатель, журналист, и профессии своей не скрывает: «И вот я уже представляю, как держу в руках сигнальный экземпляр книги, в которой слились воедино и тяжесть крылатого металла, и разливность моей души. Целую книгу, что икону, самозабвенно шепчу: «Текла бы жизнь да людей радовала...». А сам дрожу сердцем, как же слово мое отзовется, станет ли оно крылатым, совет ли гнездышко в сердцах моих поклонников...» [10, С. 346].

Итак, перед нами тот композиционный тип художественного произведения, когда рассказчик обозначен местоимением «я» и назван – это сын доярки Надежды Михайловны Сережа, впоследствии студент, муж и зять, и, наконец, писатель и журналист. Но стилистически рассказчик не выделяется, напротив, он максимально приближен к образу автора. Впрочем, утверждая это, мы имеем в виду все прозаическое наследие С. Пестунова в целом. В каждой же отдельно взятой повести (рассказе) соотношение образа автора и образа рассказчика неодинаково. Рассмотрим подробнее это соотношение на примере нескольких рассказов из его повести «Сватава деревня».

В первом рассказе повести «Ах ты степь, ты степь» образ рассказчика явно «перевешивает» образ автора, подменяет его. В следующем рассказе «Бабушкина звезда» образ рассказчика практически пропадает, но цельность книги сохраняется благодаря, во-первых, стилистической общности текстов всех рассказов, во-вторых, наличию послесловия, где мы слышим слова автора, вспоминающего бабушку у ее могилы. В рассказе «Темный ключ» главенствует образ автора, а образ рассказчика появляется лишь в самом конце произведения, чтобы в следующем («Макарыч») исчезнуть совсем. Но для читателя рассказчик теперь есть и в тех вещах, где он не был назван. Он как бы возвращается в «авторские» рассказы, незримо присутствует в них. Поэтому рассказчик желаем и ожидаем в очередном произведении. И он не заставляет читателя ждать. Уже в следующем рассказе «Песня отца» образ рассказчика возвращается, и мы можем гово-

речь о «равноправии» его с образом автора. Это «равноправие» образа автора и образа рассказчика в дальнейшем будет использоваться С. Пестуновым все чаще.

Поскольку в большинстве случаев рассказ идет от первого лица, у читателя возникает естественный вопрос: насколько созданный в книге образ автора приближен к самому писателю, человеку – С. Пестунову? Известно, что всякое «я» в художественном произведении, в том числе и авторское, есть образ, который как и все остальные образы является своего рода «творческим построением» (Л. Гинзбург). Образ не равен смертному человеку, образ – если он написан большим художником – может намного пережить своего творца. Как отмечает литературовед А. Левидов: «Персонажа и автора можно иногда *сближать*, но нельзя *отождествлять*» [6, С. 95].

С другой стороны, образ автора – это «выражение личности художника в его творении» (В.Виноградов) [2, С. 203]. Можно привести множество высказываний относительно проявления личности автора в его творении, его отношения к тому, что изображается в произведении:

«Творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей» (Н. Карамзин) [5, С. 60];

«Истинный писатель так или иначе герой своего произведения. Литературный герой никогда не получит сверх того, что есть в писателе, что заложено в его личности» (И. Золотусский) [4, С. 88];

«Перед нами род автобиографии – автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора. <...> И, тем не менее, автор (Пастернак) пишет о самом себе, но пишет как о постороннем, он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы наиболее полно раскрыть перед читателем свою внутреннюю жизнь» [7, С. 6].

Итак, наличествующий в произведении автор не тождествен облику автора реального, однако образ автора в произведении и облик реального автора непременно связаны.

Что же касается образа рассказчика, то обычно он вводится в повествование «для создания самостоятельной, отдельной от автора позиции героя, для дистанцирования автора от героя. Но рассказчик может быть как четко отделен от образа автора, так и близок к нему, расширяясь почти до его пределов, являясь его творческим самовыражением, его alter ego» [13, С. 163]. Именно последнее характерно для прозы С. Пестунова и позволяет говорить об авторе – рассказчике, а сами книги считать автобиографическими.

К тому же автор сам делает подчеркнуто явной для читателя автобиографичность своих произведений, и то, что в главном герое он воплотил себя. Так, в предисловии к сборнику стихов «Заповедная обитель» С. Пестунов рассказывал: «С утра отца проводили на фронт, а с обеда я уже си-

дел на старом мерине Пужике и подвозил молодым солдаткам волокуши сена жарким июльским днем. Подсчитайте, сколько же мне было в то время, если я родился 20 марта 1934 г., а война началась в сорок первом... Верно, семь с небольшим, а в двенадцать я уже носил на свой крепенькой груди медаль: «За доблестный труд...». Сейчас в двенадцать лет парня считают недоростком, а в ту-то пору уже были мудрыми, дошлыми и понимали вкус жизни, видели, с которого боку горе лежит, с которого – счастье нежится» [9, С. 5].

Следовательно, автор-рассказчик в прозе С. Пестунова выступает в первую очередь как художественный образ, который похож на реального биографического автора.

Итак, в произведениях С. Пестунова мы встречаемся не с отвлеченным рассказчиком, а с образованным человеком, вышедшим из самой народной гущи, но изображающим жизнь и дающим ей соответствующую нравственную оценку с позиции этой же народной жизни. Выбор такой позиции, обусловивший и отбор героев, и языковые особенности прозы, позволяет говорить о народности творчества С. Пестунова и роднит его рассказчика с рассказчиком В. Астафьева (см. повествование в рассказах «Царь-рыба»).

Несомненна также тождественность образа рассказчика и образа автора в прозе С. Пестунова, которая не сводится, однако, к их совпадению. Рассказчик близок автору социально и психологически, их оценки происходящего лежат в одной плоскости, близко соприкасаются.

На наш взгляд, рассказчик, которого нередко называют в данном случае автобиографическим героем, становится стержнем, центром повествования, его изучение ведет к углубленному восприятию художественного смысла произведения. Близость биографического рассказчика автору определяет стилистику его речи.

Повествование автора – рассказчика оставляет впечатление звучащей разговорной речи. Это устная разговорная речь человека, владеющего литературным языком. Автор рассказывает сам, никого не «подставляя» вместо себя, речь его сохраняет естественность устного высказывания; это речь произносимая, непринужденная, возникающая непосредственно в момент говорения.

Анализ текстов рассказов С. Пестунова дает возможность обнаружить те приемы, которыми в их совокупности формируется впечатление, что речь рассказчика возникает в условиях не письма, а произнесения. Для такой речи характерна, например, синхронность обдумывания и произнесения. Ощущение речи неподготовленной, возникающей в порядке ее непосредственного говорения, создают отходы от основной линии рассказа и возвращения к ней. Так написан, например, рассказ «Каменное солнце». Рассказчик начинает с предисловия, в котором объясняет причины, по

которым решил поведать слушателям эту историю: «Я бы никогда не решился рассказать об этой истории, если б не два, казалось бы, совершенно не связанных между собой обстоятельства...» («Чудный месяц», 116). Сам рассказ начинается с описания праздничного утра – утра дня рождения Сергея. «По традиции в день рождения семнадцатилетнему парню позволялось прокатиться на знаменитом колхозном иноходце Заветном. <...> Ждал и я своего дня рождения. Даже во сне видел себя на этом красавце. Утро моего праздника началось веселым переключением петухов и весенним солнцем» (116). Затем автор упомянет множество подробностей, которыми сопровождалось это утро (рассказ конюха Алексея о любви отца Сергея и цыганки, реакция девочек на Сережу, гарцующего на Заветном), вспомнит, как подростками они каждую весну бегали к цыганам, в оставляющийся неподалеку в степи табор. Но вот опять он возвращается к рассказу о праздничном дне. Иноходец приносит его в цыганский табор, где Сергей знакомится со старой цыганкой, той самой, которую хотел украсть из табора его отец, и ее дочерью Таней. И опять нить повествования уходит в сторону: «Я недавно был в этом селе. В центре его стоит мраморный обелиск на братской могиле, где похоронен и мой отец» (121). Затем следует «временной скачок» – автор читает письмо Тани, в котором она сообщает, что похоронила свою мать в той же далекой деревне Дубравы под Ленинградом, где находится могила отца Сережи...

Эти отступления от основной линии рассказа, возвращения к ней и создают характерный ритм повествования, свойственный обычному живому рассказу.

Впечатление неподготовленной речи углубляется тем, что рассказ ведется так, будто говорящий в процессе речи припоминает события давних лет. Это впечатление поддерживается соответствующими ремарками в тексте («В это время мы, деревенские подростки, прихватывали с собой, конечно тайно от родителей, по краюхе хлеба, по кринке молока или сметаны, сало, картошку, брали гармонику – веселуху, запрягали в телегу колхозную клячу, какая похуже, и отчаянной ватагой отправлялись к цыганскому табору на вечеринку. <...> Такие вечера были для нас сказкой» («Каменное солнце»/ «Чудный месяц», 118)).

В языке и стиле прозы С. Пестунова сказовость выявляется в особом интонировании, ориентации на разговорные (пособить, загоя, малолетство, ознобить, полешко) и местные сибирские (бодучая, понужали, мокро, стайка, ограда, колеть) словоупотребления. Причем, многочисленные областнические слова и выражения включаются в речь рассказчика свободно, без всяких комментариев. Это как бы следы речевых навыков, усвоенных писателем в детстве. И лишь в отдельных случаях автор указывает на областной характер слов: «Новоселья в нашей деревне, как и свадьбы, справляются шумно. В селе их зовут влазенами» («Ах ты степь, ты степь»/ «Сватова деревня», 7).

Рассмотрим проявления авторской субъективности в произведениях С. Пестунова. Как правило она отчетливо проявляется в рамочных компонентах текста: посвящениях, эпиграфах, заглавиях, начале и концовке основного текста.

Так, уже первая страница книги «Сватова деревня» – своеобразный эпиграф ко всему творчеству С. Пестунова: «У каждого писателя есть исток его жизни и творчества, имя которому – родимая сторонка... Потому и родилась давным-давно, как бы сама по себе мысль о создании книги о моих земляках под названием «Сватова деревня»... Мне кажется такую книгу, книгу трудную, но радостную, я буду писать долго, дополняя ее все новыми и новыми рассказами из жизни села, новыми героями, которые тянут за собой общую цепь событий и новизны каждого нашего дня» [12, С. 3].

Здесь же посвящение: «Матери моей – Надежде Михайловне – с поклоном». Таким образом, еще не начав знакомство с творчеством С. Пестунова, внимательный читатель уже может представить себе некоторые характерные его черты – огромную любовь к родине и матери.

Практически все произведения этого автора имеют своеобразные послесловия, а во многих есть и предисловия. Но если предисловия нужны в основном для того, чтобы ввести читателя в курс происходящих событий, либо настроить на нужный лад, то функции послесловий различны. В большинстве своем это авторские отступления в каждом из которых жато, часто одной ключевой фразой, автор дает читателю ясный вывод – свое точное и бескомпромиссное понимание ситуации.

Есть послесловия – подтверждения, в которых автор сам, либо устами кого-либо из героев еще раз утверждает мысль, выраженную всем произведением. В шуточном рассказе «Зять любит взять» (повесть «Сватова деревня», 158) в качестве послесловия мы читаем: «Не-ет! Не зря народ такую мудрость: «Зять любит взять» – по свету пустил. Совсем не зря. Народ не ошибается. Проверено на опыте». Мысль о ненужности существования на свете людей, подобных Петровану, вложена автором в уста старика Макарыча, который узнав о том, что Петрован застрелился принимает это как должное: «Ну и чо такого, – запросто ответил Макарыч. – Ему давно надо было такое сделать!» («Сватова деревня», рассказ «Чужак», 148).

Иногда послесловие призвано, чтобы, наоборот, в туманной и слегка завуалированной форме дать понять читателю, что же в дальнейшем ожидает героя, покинутого в конце рассказа в сложной ситуации. Герой рассказа «Ласточки», Иван, запутавшись в своих отношениях с любимой женщиной, родившей ему ребенка, и нелюбимой женой, начинает пить. В самом конце рассказа он встречает рассвет в полевом тракторном вагончике, где ласточки дружно вьют гнездо, которое разрушил пьяный Иван

ночью: «Его мысли упрямо возвращались к Сергею, к Зине. Неужели все разрушено, как это гнездо? И теперь только Иван почему-то с особой силой почувствовал глубокий смысл материнных слов, сказанных ему еще в далеком детстве: – Где ласточка гнездится – там счастье ютится...» («Сватова деревня», 189). Именно эта дружная работа ласточек дает нам понять, что все в жизни Ивана еще наладится. Здесь следует также отметить важную черту Пестунова – автора – оптимизм. Во всех подобных послесловиях он дает нам надежду на благополучный исход помощи авторской подсказки. В повести «Зинка – ягодинка» («Жизнь бы текла да людей радовала», 298), бросивший свою подругу беременной, Митя возвращается из армии и встречает «загорелого крепыша в пестрых трусиках», от которого и узнает, что Зина все эти годы его ждала. «– Значит, куражится? – *задыхаясь от радости*, проговорил Митя, сжимая ручку мальчика в своей крутой мужской ладони. – Да это бабка так говорит,... – уклончиво ответил серьезный малыш».

С. Пестунов часто использует в послесловиях пейзажные зарисовки, которые отражают состояние души автора: «Я снова захотел пить. Видно, меду съел много. Зачерпнул ковшом воды. Ручей возмущился, но быстро согнал рябь, снова заблестел на солнце живой улыбкой. Вода перекачивала золотые песчинки. Пчелы нескончаемой вереницей подлетали к роднику пить живительную влагу. Сияющий ключ отражал их в себе и был невозмутимо чист, как остудняя медвяная роса на восходе...» («Сватова деревня», рассказ «Темный ключ», 28); «А теперь над зыбью осенней степи, раздвигая тоскливое хмурое небо, давившее на землю, каменное солнце горело так светло и доверчиво, что я снова увидел тот весенний радостный день своего праздника. Солнце светило широко и вольно, возвращая к жизни легенды прошлых и наших дней, рождая и молодость, и любовь, и саму жизнь» («Сватова деревня», рассказ «Каменное солнце», 71).

Можно также выделить в творчестве С. Пестунова довольно часто встречающееся послесловие – благодарность, обычно посвященное близким: «Я иду к бабушкиной звезде с огромным букетом полевых цветов, иду словно к живому человеку» («Сватова деревня», рассказ «Бабушкина звезда», 22), «Я смотрел на отчима и благодарно думал: «Спасибо тебе, отец, за твою любимую песню, в которой душа твоя и вся твоя жизнь...» («Сватова деревня», рассказ «Песня отца», 47), а иногда – просто хорошим людям: «А я еще улыбался про себя, радуясь бабулиной чистоте и ясности, как будто испил из святого родника...» («Жизнь бы текла да людей радовала», рассказ «Каждая ягодка...», 23), и даже самому автору: «– Золото?! Спасибо дорогой свекор! Спасибо! Нашла я все же его, это самое золото! Откопала! Оно дороже, как и сама жизнь... Оно в моих чудесных помидорах, огурцах, арбузах и даже в этой вот клубнике! Я не сразу разгадала твою мудрость, но потом сама себе смеялась и радовалась. Мой

старательный труд – это и есть две бутылки золота. И даже – выше!...» («Жизнь бы текла да людей радовала», «Две бутылки золота», 251).

Многое в понимании образа автора может пояснить и такая форма авторского присутствия в тексте, как авторские отступления, в частности, пейзаж, который тесно связан с характером авторской речи и образом автора. Е. Себина пишет о том, что «писатель, когда он не стремится навязывать свою точку зрения читателю, но при этом хочет быть правильно услышанным и понятым, часто именно пейзажу доверяет стать выразителем своих взглядов» [1, С. 187]. В произведениях С. Пестунова пейзаж является в первую очередь носителем патриотических чувств автора. Он изображает родную деревню, птиц и животных, грозный Енисей и могучий тополь, спасший их дом во время потопа. «И вот я снова в родных курганных степях, и куст черемуховый на склоне той же змеиной горы, и Беленькая горочка, как треснутое яйцо, облупилась на холодном ветру, и тот же сыпучий яр от сельского кладбища, и пруд на Песчаной речушке... Бросишь взгляд на дома, после городских они, мои сельские, как воробы на мякине, серенькие, маленькие. Мороз в окнах кружева вяжет да дремучую тайгу рисует, дымок из труб синими столбами небом подпирает, блинами пахнет, жареной картошкой...» («Сватова деревня», рассказ «Ах ты степь, ты степь...», 5-6). Огромная любовь к родине, восхищение таким, кажется, пустяком, как обыкновенная куропатка, звучит в рассказе «Пиалы под солнцем» («Жизнь бы текла да людей радовала...», 107). Читателя поражает глубокое знание автором природы родного края, его трепетное к ней отношение: «Куропатка – это единственная степная птица, которая своих питомцев, уводя из гнезда, кормит сразу же семенами с пожухлых трав. А семена – то твердые, сухие... Вот и ставит куропатка свои пиалочки под небо, чтобы и росу, и дождь, каждую Божью каплю влаги собрать и хранить до времени, пока не прибегут с наполненными семенами зобиками эти крохотные пушистые колобочки к своему гнезду – водопою. Боже! Да как же это мудро, как это просто! ... Я сам в детстве не раз, когда пас с дедушкой овец, пил из этих кубков живительную влагу, но со строгим напутствием старика: – Пей, но не изо всех! Оставь малюткам! А в пустые опять Боженька добавит росинку или дождинку».

Осознание красоты родной природы, любовь и бережное отношение к ней автор делает характерной чертой многих своих персонажей. Например, Анна – главная героиня повести «Белая птица – лебедь» – черпает силы для дальнейшей жизни в природе. «Я ведь здесь как дома. Каждую травиночку и гнездышко знаю. Если бы не этот простор, – Анна обвела рукой островные дали, прибрежный бор, стремнину Енисея, тихую заводь, – умерла бы с тоски. А так вот это все и врачует, и тянет к себе голосами да песнями птиц, красотой да запахом цветов» [8, С. 187].

Это обостренное чувство родной земли характерно для всех героев этого произведения. Природа у С. Пестунова – не просто средство художественной изобразительности, а своеобразное нравственное мерило, важнейший фактор духовности человека. В уста бакенщика Михаила Павловича (из той же повести) он вкладывает призыв к бережному отношению к родной природе: «Надо всем сообща заботиться о нашей красе-природе. А что с ней подеется, ежели мы руки опустим и глаза зажмурим? В пустыню все обернется. Острова, как бубны, голыми станут, рыбка в воде играть не будет. Птицы петь перестанут – и загрустит человек, озвереет, лютым станет, для души добра негде будет взята» [8, С. 166].

Пейзаж как форма присутствия автора существует в творчестве С. Пестунова как оценка героя или происходящих событий, как способ выразить авторское отношение к происходящему.

Автор – поэтическая душа. Эту сторону его образа С. Пестунов акцентирует уже в первом рассказе цикла «Сватова деревня» («Ах ты степь, ты степь»). Читатель воспринимает как должное то, что его то и дело отвлекают от сюжетной линии для того, чтобы полюбоваться красотами родной природы, которая в свою очередь не остается безучастной к происходящим с героями событиям. В рассказе «Проводы» («Сватова деревня», 88) сама природа скорбит об уходящих на фронт отцах и печалится о наступлении трудной жизни для остающихся детей и женщин: «Во всех домах были наглухо закрыты ставни, на наличниках под застрехами сидели оглушенные громом воробьи, улицы пустынные и тихи, в сизых накрапах градин, и только куры суетливо разгребали на улице размоченные дождем конские шевляки. Тишина обручем сжимала голову. Хотелось истошно закричать, завизжать, разорвать на себе сатиновую рубашку. Неожиданно резко захлопал крыльями грудастый петух, взгромоздился на прясло из березовых жердин и заорал во всю глотку, разрывая тишину, оповещая деревню о новой, тяжелой сиротской жизни: в этот день ушли на фронт все наши мужики. В деревне остались бабы, старики да мы, пузатые еще голышата».

Отношение автора к изображаемому персонажу читатель может проследить по отношениям, сложившимся у данного персонажа с природой: Петрован Ламский скрывает страшную тайну – его бояться лошади («Чужак», «Сиротка»), Семен Дрыга боится увидеть в поле пастебуху – «одинокый колос, что отбилсЯ от своих братьев... пустотел» («Пастебуха»), бабушка Татюша знает все лечебные травы и слывет в Сватовой деревне знаменитым лекарем («Бабушкина звезда»), маленький Сережа с друзьями вырастил жеребушку, мать которой пала в схватке с волчьей стаей («Сиротка»)...

Авторские отступления в последнем произведении С. Пестунова («Жизнь бы текла да людей радовала...») заметно отличаются от тех, которые присутствуют в книгах, написанных в начале его творческого пути.

И главное их отличие заключается в появлении откровенной публицистичности, которая связана, по нашему мнению, с постперестроечными изменениями, произошедшими в жизни нашей страны.

Если раньше авторские отступления носили лирический характер и были посвящены изображению картин природы или внутреннего состояния героя, то теперь некоторые из них носят публицистический характер и содержат замечания экономического характера или размышления о наступившем времени, прямо скажем, не лучшем для литературы, что и выразил автор в рассказе «Поэзия и бизнес»: «Вот и выбирай, поэт: или тебе муки творчества, или сладость бизнеса. Там мучения и – нищета, здесь же с приправкою анекдотов – красивая жизнь, черт тебя побери!... Ну, слава Богу, что в нашей жизни есть еще выбор...» (48).

Автор рассуждает о писательском труде, о правде: «Не обижай, друже, писательскую братию. Он, писатель, за свое слово на костер шел, на дуэль бросался, гнил в казематах...» («Жизнь – не разбитое корыто», 130), «До чего же мы глупые, каждый старается сохранить свою святую невинность, каждый бросается словами, как бомбами, что могут запросто сразить человека наповал. Боимся сказать друг другу уже неистребимую ничем правду...» («Преступная невинность», 262-263).

О трансформации образа автора свидетельствует уже посвящение последней книги: «С искренней признательностью сердечно благодарю коллектив Саянского Алюминиевого завода за бескорыстную помощь в издании моей книги. С поклоном автор Сергей Пестунов» (2).

И, пожалуй, самое горькое из произведений С. Пестунова – предисловие к этой книге. В нем он приводит два своих письма, адресованных директору Красноярского издательства, обращаясь к читателю как к последней инстанции, «по велению сердца»: «...Убежден я, что эти письма теперь – не просто история части моей писательской судьбы, а маленькие законченные произведения на голой, хотя и жуткой правде.

Этими письмами я хочу вам показать, что быть писателем – это совсем не то, что получать пироги да пышки, а чаще всего – синяки да шишки. И не где-нибудь, а на душе и сердце...» (3).

Литература в этот момент перестала интересовать если не все общество, то значительную его часть, телевидение почти прекратило показ отечественных кинофильмов, классическую музыку и сегодня практически невозможно услышать как по телевидению, так и по радио. Поэты стали «угрюмыми» – промучившись всю ночь над рифмами и выстояв огромную очередь, они получали гонорар в 40 рублей, и тут же, доведя «коробейника-челнока» до вокзала, могли заработать 100 (См. рассказ «Поэзия и бизнес»/ «Жизнь бы текла да людей радовала»). Дух коммерциализации всего и вся был невыносим для С. Пестунова: «Унизительное, прямо скажем, положение писателя на этом черном диком рынке. Уборщица полу-

часть больше, ежели она работает в приличной фирме. <...> Очень страшно быть русским писателем. Россия-матушка. Оглянитесь, и все поймете» («Тяжесть крылатого металла»/ «Жизнь бы текла да людей радовала», 346).

Тоска по нравственным устоям уходящей деревни выражается в любовании образами стариков, высказывания которых С. Пестунов охотно приводит в качестве жизненного кредо, вложив их в мамины уста: «Человек потому и человек, сын мой, что работает. Без работы, без труда человека нет, одна лишь видимость» («Гром среди ясного неба»/ «Жизнь бы текла да людей радовала», 157). Их неприятие происходящих в стране негативных перемен находит отклик в душе автора, когда он приводит простой мамин способ «решения» всех проблем современности: «Вот смотрю у вас в городе, сколь же тунеядцев обшаркивают боками пивные ларьки, <...> диву прямо даюсь, пошто их милиция не ловит и не наказывает? Раз ты не работаешь – не ешь! А он еще, зараза пьяная, мало, что до отвала ест-пьет из бочки, бьет прохожих, грабит и насилует. Не пойму, зачем такая маята, зачем такую волю паразитам дали? Мы что, совсем ослепли? <...> Да разве ж это демократия? Одни гужуются, как хотят, другие гуж натягивают, аж пуповина лопається. Нам бы, бабам, вот таких в войну препоручали, мы бы их суслоном всех посвязали да в помойную яму забросили. Туда им и сейчас дорога» (Там же).

И все же, несмотря на все трудности «нового» времени, С. Пестунов остается оптимистом. Заканчивает свое обращение к читателю он такими словами: «А что остается писателю?! Опять же боготворить слово, чтобы оно дошло до сердца читателя – это моя главная мечта. Ну, что ж, через тернии – к звездам...» (3).

Именно наличие образа автора в творчестве позволило писателю С. Пестунову свидетельствовать о русской истории XX века, участником которой был он сам. Как летописец, он черпает материал из своего личного опыта. Все его творчество – это книги об исторических, переломных моментах русской истории. Именно о подобных произведениях рассуждает Л. Гинзбург: «Задуманное произведение – не только месть и искупление, но также и акт художественного познания, спасающий прошлое для будущего, превращающий прошлое в историю, искусство. Это чувство прошедшего, которому творческий человек *не имеет права* дать исчезнуть бесследно, этот историзм в самом детальном, самом личном его проявлении соотносится с герценовским чувством истории как общего прошлого, живущего в общем сознании» [3, С. 268].

Но были ли востребованы обществом все грани той писательской личности, которую стремился воплотить в своем творчестве С. Пестунов? На этот вопрос трудно ответить хотя бы потому, что мы еще не знаем суда будущих поколений русских людей, а суд современников, хоть и имеет огромное значение, все же не является абсолютным.

Вот что пишет о С. Пестунове Анатолий Иванов – Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького: «Сибиряк С. Пестунов относится к той категории молодых авторов, которые не очень бойко входят в литературу, но зато приходят в нее со своим, только им присущим художническим видением мира. Таким молодым авторам порой нелегко отстоять свою манеру отображать жизнь, строй своих образов, художественную концепцию, им порой приходится труднее, чем некоторым их литературным сверстникам, но зато когда временные сложности преодолеваются, они навсегда приобретают своих читателей, а вместе с ними и свое имя ...» [14].

Что же касается «простых» – не имеющих отношения к литературному труду – современников, то их отношение к писателю и, главное, к его творчеству, мы можем выявить из его произведений, в которых хотя и очень редко, но мелькают буквально единичные высказывания подобного рода: «Прочитал все твои вещи. Скажу честно: ядрено» («Жизнь – не разбитое корыто», 127). Особое внимание в связи с этим хочется обратить на рассказ «Безделушка токаря» из книги «Жизнь бы текла да людей радовала...» – это единственное в творчестве С. Пестунова произведение, в котором он, безусловно, с тайной гордостью, повествует нам о том, как токарь Федор Иванович Шерстобитов поставил его в один ряд с Б. Полевым и В. Катаевым, от души подарив ему бронзовую «безделушку». Автор с гордостью передает нам слова токаря, от которых «растекается мед» по его сердцу: «Автору бы этой книги сходу подарил. Читаю как про себя: и смеюсь, и плачу» (19).

Таким образом, можно говорить о том, что отношения писателя с читателями были постоянными, тесными и добрыми, его произведения были достаточно признанными и востребованными. Мучила С. Пестунова лишь необходимость искать людей, которые могли бы стать спонсорами и дать его рукописям «зеленый свет». Ведь писатель, «как нерпа. Зверьку нужна позарез отдушина. Обитательница морской глубины отлично знает, что над ее отдушинкой – лункой сидит белый медведюга с занесенной для удара лапой. Знает! И все же выныривает на свой страх и риск хватить глоток свежего воздуха. Иначе морская глубина тоже станет для нее могилой» («Тяжесть крылатого металла», 346).

Итак, образ автора–рассказчика, на наш взгляд, является ведущим и действенным художественным образом творчества С. Пестунова. Авторское «я» не просто присутствует в романах, но, доминируя, пронизывает и организует все повествование.

Функции, выполняемые образом автора, необыкновенно разнообразны: он и летописец, и главный герой, выражающий прямую авторскую оценку происходящего, и автор – рассказчик.

Авторская субъективность наиболее отчетливо проявляется в таких рамочных компонентах текста, как предисловия, послесловия и посвящения, а также в авторских отступлениях (особенно пейзажах).

Практически все рассказы и повести написаны от первого лица, рассказчик назван Сергеем Андреевичем, и реальные факты биографии С. Пестунова совпадают с событиями, описанными в его произведениях, что свидетельствует о том, что его книги отличаются явной биографичностью.

Довольно заметные изменения в структуре образа автора появляются в последней книге С. Пестунова в связи с эволюцией его мировоззрения, обусловленной прежде всего переходом нашего общества к рыночным отношениям. И все же он продолжает писать, ставя и разрешая в своих произведениях актуальные во все времена проблемы. Предмет исследования С. Пестунова, как и у многих его современников, писателей-сибиряков (В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина) – сложная, противоречивая русская действительность XX века.

Список литературы:

1. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. Пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2000.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977.
4. Золотусский И.П. Исповедь Зоила: Статьи, исследования, памфлеты. – М.: Сов. Россия, 1989.
5. Карамзин Н.М. Что нужно автору? // Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т., 1984. Т.2.
6. Левидов А.М. Автор – образ – читатель. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977.
7. Лихачев Д. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго: Роман. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 6.
8. Пестунов С. Белая птица – лебедь: Повести. – М.: Современник, 1975.
9. Пестунов С. Живу, забывая умереть: [Писатель о себе] // Пестунов С. Заповедная обитель: Сб. стихов. – Абакан, 1995. – С. 5.
10. Пестунов С. Жизнь бы текла да людей радовала: Повести и рассказы. – Абакан, 1997.
11. Пестунов С. Чудный месяц: Рассказы и повести. – Красноярск, 1982.
12. Пестунов С.А. Сватова деревня: Повесть. – Красноярск, 1979.

13. Соловьева А.В. Автор и герой в автобиографических романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М. Осоргина «Времена». – М.: Изд-во Нового Государственного ун-та Н. Нестеровой, 2001.

14. Страницы памяти листая...: Рукописная книга воспоминаний о С.А. Пестунове / Сост. Л.А.Соснина, Н.Г. Капитонова.

15. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. – М.: Высшая школа, 2005.

Раздел десятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

ПОРЯДОК И ФОРМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОТАЦИЙ НА ВЫРАВНИВАНИЕ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ, ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

© Корень К.С.

Байкальский Государственный Университет
экономики и права, г. Иркутск

Анализируя существующую практику предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальным образованиям в Иркутской области, автором были сделаны выводы, на основе которых предлагается новый подход к определению форм межбюджетного взаимодействия между муниципальным районом и поселением с закрепление порядка этого взаимодействия в законе субъекта РФ с целью защиты интересов каждого конкретного поселения от возможных недобросовестных действий администраций муниципальных районов.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений предусматриваются в составе областного бюджета в целях выравнивания финансовых возможностей поселений по осуществлению полномочий по решению вопросов местного значения исходя из численности жителей и бюджетной обеспеченности.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений образуют Фонд финансовой поддержки поселений (ФФПп), средства которого подлежат к зачислению в Фонд компенсаций с целью перечисления данных средств в муниципальный район в виде субвенций для дальнейшего распределения среди поселений района. Поскольку Фонд компенсаций предполагает финансирование передаваемых государственных полномочий из вышестоящего бюджета, то перевод средств ФФПп в состав Фонда компенсаций с последующим предоставлением субсидий муниципальным районом позволит защитить бюджеты поселений от уклонения администраций муниципальных районов от распределения полученных для поселений средств, так как субсидии – это средства, имеющие целевой характер, а нарушение целевого использования бюджетных средств повлечет за собой административную или уголовную ответственность.

Субвенции, полученные бюджетом муниципального района на исполнение полномочий по расчету и предоставлению дотаций поселениям за

счет средств областного бюджета, включаются в дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений формируются в областном бюджете за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита областного бюджета. Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и их распределение между муниципальными образованиями области рассчитывается в соответствии с единой методикой, закрепленной законом области об областном бюджете.

*Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности
городских округов*

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов предусматриваются в составе областного бюджета в целях выравнивания бюджетной обеспеченности городских округов и образуют Фонд финансовой поддержки городских округов (ФФПГО). Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов формируются в областном бюджете за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита областного бюджета. Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов и их распределение по получателям рассчитывается в соответствии с единой методикой, которая утверждается законом области об областном бюджете.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов для отдельных муниципальных образований из числа городских округов, которым на начало предшествующего года указанные дотации не утверждались, могут быть полностью или частично заменены по согласованию с главами указанных муниципальных образований области дополнительными нормативами отчислений в бюджеты городских округов от налога на доходы физических лиц. Размеры дополнительных нормативов утверждаются законом области об областном бюджете.

Дополнительный норматив рассчитывается как процентное отношение расчетного объема дотации (части расчетного объема дотации) на выравнивание бюджетной обеспеченности бюджету городского округа к прогнозируемому объему налога на доходы физических лиц по территории соответствующего городского округа, определяемому исходя из прогноза социально-экономического развития Иркутской области и прогноза социально-экономического развития соответствующего городского округа и изменения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах. Средства, полученные городским округом по дополнительному нормативу отчислений от налога на доходы физических лиц сверх объема расчетной дотации (части расчетной дотации) на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов области, изъятию в областной бюджет

и (или) учету при последующем распределении межбюджетных трансфертов бюджетам городских округов не подлежат. Потери бюджета городского округа в связи с получением средств по дополнительному нормативу отчислений от налога на доходы физических лиц ниже объема расчетной дотации (части расчетной дотации) на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов компенсации из областного бюджета и (или) учету при последующем распределении межбюджетных трансфертов бюджетам городских округов не подлежат.

*Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности
муниципальных районов*

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов предусматриваются в составе областного бюджета в целях выравнивания бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов. Эти дотации образуют региональный фонд финансовой поддержки консолидированных бюджетов муниципальных районов (ФФПмр). Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов формируются в областном бюджете за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита областного бюджета.

Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов и их распределение по получателям рассчитывается в соответствии с единой методикой, утверждаемой законом области об областном бюджете.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов для отдельных муниципальных образований из числа муниципальных районов, которым на начало предшествующего года указанные дотации не утверждались, могут быть полностью или частично заменены по согласованию с главами указанных муниципальных образований области дополнительными нормативами отчислений в бюджеты муниципальных районов от налога на доходы физических лиц. Размеры дополнительных нормативов утверждаются законом области об областном бюджете.

*Порядок проведения расчетов по распределению дотаций
на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений, городских
округов, муниципальных районов на очередной финансовый год*

Финансовые органы городских округов и муниципальных районов Иркутской области до 1 августа текущего финансового года для проведения расчетов распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспечен-

ности муниципальных образований области на очередной финансовый год направляют Главному финансовому управлению администрации Иркутской области следующие исходные данные, характеризующие муниципальные образования:

а) начисленные суммы налогов по территории соответствующего муниципального образования области в разрезе отдельных налогов, включаемых в расчет налогового потенциала согласно методике определения расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности бюджетов городских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов области;

б) площадь территории на начало отчетного года;

в) численность постоянного населения на начало отчетного года;

г) размер фонда оплаты труда в отчетном году;

д) розничный товарооборот, оборот общественного питания, объем реализации платных услуг населению по всем каналам реализации;

е) кадастровая стоимость земли, находящейся на территории муниципального образования, на начало текущего года;

ж) возрастная структура населения на начало отчетного года;

з) численность сельского населения на начало отчетного года;

и) численность населения, проживающего в населенных пунктах с численностью менее 500 человек на начало отчетного года;

к) размер средней заработной платы в отчетном году;

л) объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ в отчетном году;

м) протяженность улично-дорожной сети, находящейся в ведении муниципальных образований, на начало текущего года;

н) протяженность улично-дорожной сети для проезда транзитного транспорта, находящейся в ведении муниципальных образований на начало текущего года;

о) протяженность зимних автомобильных дорог (автозимников), находящихся в ведении муниципальных образований на начало текущего года;

п) численность учащихся в общеобразовательных школах-интернатах (за исключением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) на конец последнего учебного года;

р) прогноз на очередной год величины предельной стоимости предоставляемых жилищно-коммунальных услуг на 1 кв. метр общей площади жилья в месяц (без учета газа и коммунального ремонта);

с) объем фактических поступлений доходов в отчетном году в областной и местные бюджеты с территории всех муниципальных образований области в разрезе отдельных налогов и платежей, включаемых в расчет налогового потенциала согласно методике определения расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности бюджетов го-

родских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов области;

г) средние и общие показатели по муниципальным образованиям области, участвующие в расчетах индекса бюджетных расходов каждого муниципального образования;

у) прогноз общего объема суммарных собственных доходов бюджетов муниципальных образований области на планируемый год, за исключением финансовой помощи, предоставленной из других бюджетов бюджетной системы;

ф) прогноз структуры консолидированных доходов бюджетов муниципальных образований области на очередной год (в разрезе налогов и платежей, включаемых в расчет налогового потенциала);

х) прогноз структуры консолидированных расходов бюджетов муниципальных образований области на очередной год;

ц) коэффициенты нормирования по индексам бюджетных расходов, подлежащих нормированию.

Главное финансовое управление администрации Иркутской области до 1 сентября текущего финансового года проводит сверку исходных данных, указанных в пунктах «а» – «р», с главами городских округов и муниципальных районов в установленном им порядке.

Внесение изменений в исходные данные после 1 сентября текущего финансового года не допускается.

Акт сверки исходных данных, указанных в пунктах «а» – «р», для распределения средств из регионального фонда финансовой поддержки муниципальных образований области и фонда компенсаций представляется Губернатором области в Законодательное Собрание области в составе бюджетного послания при внесении проекта закона области об областном бюджете.

Главы муниципальных районов в срок до 1 сентября текущего финансового года представляют в Главное финансовое управление администрации Иркутской области расчетный объем средств с разбивкой по поселениям.

Определение объема финансовой помощи бюджетам муниципальных образований области на выравнивание бюджетной обеспеченности осуществляется в следующей последовательности:

а) в соответствии с методикой определения расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности бюджетов поселений, городских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов области определяется объем средств, необходимых для выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований области;

б) в соответствии с методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений определяется объем дотаций бюджетам поселений;

в) в соответствии с методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности городских округов определяется объем дотаций бюджетам городских округов;

г) в соответствии с методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов муниципальных районов определяется объем дотаций бюджетам муниципальных районов.

д) дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений из бюджета муниципального района образуют районный фонд финансовой поддержки поселений, который формируются за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита бюджета муниципальных районов, а также за счет субвенций из областного бюджета (Фонд компенсаций). Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений из бюджета муниципального района и их распределение утверждаются решением представительного органа местного самоуправления муниципального района.

Перераспределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений, городских округов или муниципальных районов при рассмотрении проекта закона области об областном бюджете без внесения изменений в методику распределения соответствующих дотаций, утвержденную законом области, не допускается.

МИРОВОЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ В БАНКОВСКОМ БИЗНЕСЕ

© Кох Л.В.

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, г. Владивосток

В статье рассмотрен мировой опыт использования Интернет в банковском бизнесе. Обозначены два варианта организации банковской деятельности с использованием Интернет: виртуальный банк и технология Интернет-банкинга. Дана история появления первых виртуальных банков в мире и проанализировано состояние Интернет-банкинга в странах Северной Америки, Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Одним из перспективных направлений инновационной деятельности для коммерческих банков является использование возможностей Интернет.

В настоящее время существует два варианта организации банковской деятельности с использованием Интернет:

- классический банк, который имеет свои офисы и операционные залы и предоставляет клиентам возможность управлять своими счетами посредством сети Интернет;
- виртуальный банк, который осуществляет свою деятельность только во всемирной компьютерной сети.

Рассмотрим особенности работы виртуальных банков и их присутствие на мировом финансовом рынке.

Виртуальное предприятие означает сетевую, компьютерно интегрированную организационную структуру, объединяющую неоднородные ресурсы, расположенные в различных местах.

Виртуальное предприятие не существует в реальном мире. Подходя с таких позиций к виртуальному банку, имеем следующее: следов виртуального банка в реальном мире не найти.

В современной банковской научной и популярной литературе происходит очевидная путаница в терминологии. Большинство авторов, рассуждая о виртуальных банках, путают их с банками, применяющими в своей деятельности Интернет-технологии.

Виртуальным может называться банк, работающий с клиентами исключительно через Интернет. Ему не нужны филиалы. Обслуживание клиентов осуществляется через «всемирную паутину», которая дает возможность создавать виртуальные частные сети практически любой слож-

ности. Виртуальный банк имеет полное право называться Интернет-банком. Виртуальный банк, имеющий много миллиардный оборот, может находиться в маленькой комнате, оборудованной современной компьютерной техникой, подключенной к глобальной сети. Он не располагает ни back, ни front офисами. Все его департаменты, управления, отделы и службы смоделированы в виртуальном пространстве. Намериваясь осуществить ту или иную банковскую операцию, клиент через Интернет выходит в виртуальный мир и размещает свои свободные средства на депозитном счете, или покупает ценные бумаги, или берет в банке ссуду.

Идея создания виртуального банка возникла в Соединенных штатах Америки. Это объясняется тем, что, с одной стороны, в этой стране существует ограничение на открытие банками филиалов в других штатах, а с другой, вследствие высокой миграции населения США, переезд клиента из одного штата в другой влечет за собой негативные последствия как для банка, так и для клиента. Банк теряет клиента, а клиент теряет все привилегии, приобретенные им в банке, и должен доказывать свою платежеспособность заново. Банкам пришлось искать варианты предоставления услуг клиенту, находящемуся в другом штате или стране.

Первый виртуальный банк Security First Network Bank открылся 18 октября 1995 г. в США. В реальном мире он не имел ни офиса, ни филиалов, ни сколько-нибудь привычных атрибутов банка – операции клиенты банка осуществляли через Интернет. За первые полтора года существования средний прирост капитала Security First Network Bank составлял 20 % в месяц, активы достигли \$40 млн., а число клиентских счетов – 10 тысяч. Сегодня банк успешно работает, являясь одним из лучших виртуальных банков в мире.

В Европе первым виртуальным банком был Advance Bank, дочерняя структура Дрезденской банковской группы (Германия), который начал свою деятельность в 1996 году. Одним из первых виртуальных банков Германии был Consors банк, являющийся дочерним банком Schmidt. С самого начала своей работы банк Consors специализировался исключительно на операциях с ценными бумагами и отдавал предпочтение такому каналу распределения своих услуг как Интернет. Примерами виртуальных банков могут также служить банки BankDirect – основан в 1999 году, CoinpuBank – основан в 1998 году, E-bank – основан в 1999 году, NetBank – основан в 1996 году и ряд других.

Японский лидер электронной промышленности – корпорация Sony занялась банковской деятельностью в Интернете и открыла в 2002 году собственный виртуальный банк, стремясь противопоставить себя традиционным банкам. Популярность нового виртуального финансового предприятия оказалась вне конкуренции. Только за первый час искомую страницу посетили 13 570 человек, причем 340 из них открыли в банке собственный

счет, а за первый месяц работы Интернет-банка корпорации Sony было открыто 21 тыс. счетов.

Однако на современном уровне проникновения электронных технологий в мировую экономику виртуальные банки не могут заменить традиционные банки, так как удовлетворить все потребности клиентов на сегодняшний день виртуальные банки не в состоянии, с одной стороны. С другой стороны, далеко не все клиенты банков готовы отказаться от традиционного банковского обслуживания. Виртуальных банков в мире немного. В 2000 г. их насчитывалось 3 тысячи [5].

Современные банки предпочитают сочетать в своей деятельности виртуальные и традиционные технологии.

Банки, применяющие Интернет-технологии, являются по своей сути традиционными банками. С нашей точки зрения, нельзя называть подобные банки виртуальными или Интернет-банками. В данном случае можно говорить об Интернет-банкинге (Internet banking) как технологии, с помощью которой банк осуществляет свою деятельность. Окончание «ing» в английском языке означает наличие процесса, таким образом, подчеркивается, что речь идет не о банке, а о банковской деятельности с использованием различных способов ее ведения.

Интернет-банкинг становится одной из наиболее перспективных форм банковской деятельности. Его основное преимущество заключается в скорости и дешевизне обслуживания. Себестоимость банковских услуг в Интернете снижается по сравнению с традиционным обслуживанием в 8-10 раз. Таким образом, использование Интернет помогает банкам сократить расходы на проведение банковских операций. Это побудило большинство банков войти в сеть, а некоторые из них – начать сетевое обслуживание клиентов.

Наиболее распространен Интернет-банкинг в США. Уже в конце 1997 г. свои услуги в Интернете предлагали 60 финансово-кредитных денежных институтов Америки, через 2 года, согласно полученным исследовательским институтом Meridien Research данным, уже 90 % от 120 крупнейших американских финансовых учреждений предлагало свои услуги в режиме on-line [6]. На данный момент получение банковских услуг через Интернет предоставляют все крупные банки США и 10 % мелких. Общая сумма банковских инвестиций в технологии в 2002 году составила 34 млрд. долларов США [3, С. 14]. Количество пользователей Интернет-банкинга в США постоянно растет. Последние исследования, проведенные некоммерческой организацией Pew Internet and American Life Project, показали, что на конец 2005 года число пользователей Интернет-банкингом достигло 53 млн. человек, что составило 44 % от числа всех пользователей Интернетом. В 2002 году таких пользователей насчитывалось 37 млн. Самыми активными пользователями являются клиенты бан-

ков в возрасте 28-39 лет, их число за период 2003-2005 гг. увеличилось на 60 %. Число пользователей-женщин увеличилось на 39 %, а мужчин – на 49 % [4, С. 21].

Лидером в области Интернет-банкинга является Bank of America. Число пользователей банковских Интернет-услуг на конец 2001 года составило 3 млн. клиентов (почти 20 % всей клиентской базы банка), в августе 2002 года их было уже 4,2 млн., а в августе 2003 года число пользователей увеличилось до 6 млн. Специалисты банка прогнозируют ежегодный 50 процентный рост пользователей Интернет-банкингом в Bank of America [3, С. 14-21]. В августе 2005 года журнал Global Finance называет Bank of America лучшим Интернет-банком в Северной Америке и оценивает его долю на рынке банковских Интернет-услуг в США в размере 34 %. Более 10 млн. оплаченных счетов и более 2 млрд. посетителей веб-сайта банка ежегодно. В 2005 году доходы от предоставления банковских услуг и продажи банковских продуктов в Bank of America через веб-сайт составили 3,8 млн. долларов США, прирост по сравнению с предыдущим 2004 годом равнялся 69 % [4, С. 21].

Другим крупным представителем Интернет-банкинга на американском континенте является Канада. Однако ее инвестиции в банковские Интернет-технологии значительно скромнее инвестиций США. Например, в 2001 году каждый из двух банков США – Citigroup и JP Morgan Chase – инвестировал в банковские технологии в два раза больше, чем шесть крупнейших банков Канады вместе взятых. Интерес пользователей в Канаде к Интернет-банкингу постоянно растет. Согласно официальной канадской статистике, 5,8 млн. семей, составляющих 49 % всех домохозяйств Канады, отметили, что в 2001 году, по крайней мере, один член семьи регулярно использует Интернет, в 2000 году эта цифра была на 1,1 млн. меньше. Услугами Интернет-банкинга в 1998 году пользовались всего 5,2 % от общего числа домохозяйств. В 1999 году их было уже 8 %, в 2000 году – 14,7 %, в 2001 году – 21,6 %, а в 2002 году цифра достигла 26,2 % [3, С. 19]. По данным Канадской Банковской Ассоциации (СВА) на 2002 год процент канадцев, которые пользовались банковскими услугами через Интернет за два года удвоилось (с 8 % в 2000 году до 16 % в 2002 году), а те, кто собирается подключиться к Интернет-банкингу в течение двух ближайших лет составило 56 % опрошенных. Количество транзакций через Интернет-банкинг в 2002 году достигло 147 млн., из них 43,3 млн. приходится на переводы, а 103,7 млн. – на оплату счетов [3, С. 19-20].

Широкое распространение получил Интернет-банкинг и в Европе. Инвестиции европейских банков в информационные технологии в 2005 году выросли на 2,5 % за год и составили 45,7 млрд. евро (55,09 млрд. долларов США), это больше чем северо-американские и азиатско-тихоокеанские банки. В 2005 году список лидеров среди инвесторов в информационные

технологии возглавил HSBC (Великобритания) с бюджетом более 3 млрд. евро (US\$ 3,62 млрд.), за ним следует UBS с бюджетом 2,8 млрд. евро (US\$ 3,38 млрд.), далее идут Deutsche Bank – 2,6 млрд. евро (US\$ 3,13 млрд.) и ABN AMRO (Нидерланды) – 2,28 млрд. евро (US\$ 2,75 млрд.) [1, С. 14].

Согласно отчету известной рейтинговой и аналитической компании Fitch IBCA доля клиентов ряда крупнейших европейских банков, пользующихся Интернет-банкингом, превышает 500 тыс. человек (10 % от общего числа клиентов): Merita Norbanken (Финляндия/Швеция) – 1 млн. человек (15 %), SE Banken (Швеция) – 380 тыс. (25 %), Deutsche Bank (Германия) – 650 тыс. (8 %), Barclays (Великобритания) – 540 тыс. (4 %), BSNH (Испания) – 500 тыс. (2 %).

Согласно исследованиям, проведенным в середине 2003 года компанией Forrester Research, каждый пятый европеец пользовался услугами Интернет-банкинга. Аналитики компании Forrester прогнозируют в ближайшее 5 лет рост примерно 21 % ежегодно, наименьший рост будет отмечен в тех странах, где уже сильно развит рынок банковских Интернет-услуг (например, для Германии этот показатель составит всего 11 %).

Таблица 1

Состояние рынка Интернет-банкинга в Европе

Страна	Банки, оказывающие интернет-услуги*	Количество банков в стране	Доля банков, оказывающих интернет-услуги	Пользователи интернет-банкинга**
Германия	285	1042	27,35 %	50,50 %
Австрия	97	965	10,05 %	35,00 %
Великобритания	н/д	679	н/д	45,00 %
Ирландия	70	106	66,04 %	29,30 %
Швеция	45	122	36,89 %	57,20 %
Дания	15	207	7,25 %	44,80 %
Финляндия	12	102	11,76 %	52,80 %
Голландия	62	150	41,33 %	36,70 %
Бельгия	102	235	43,40 %	35,30 %
Люксембург	152	280	54,29 %	38,30 %
Франция	143	609	23,48 %	42,40 %
Италия	32	633	5,06 %	30,50 %
Испания	29	339	8,55 %	37,90 %
Португалия	44	244	18,03 %	27,20 %
Греция	35	77	45,45 %	17,20 %
В среднем по Европе			28,50 %	42,60 %
США	1532	7800	19,60 %	35 %

* По данным Euro Internet Banking на январь 2003 и Online Banking Report.

** От общего числа Интернет-пользователей, данные Jupiter Media на 2003 год.

Наибольшей популярностью банковский Интернет-сервис пользуется в таких странах как Германия, Великобритания, Швеция. За последний год самый значительный рост произошел в Италии, где количество клиентов работающих с банком через Интернет, выросло на 88 % и составило 10 % от всего взрослого населения. В среднем данный показатель по Европе на середину 2003 года составлял 18 %. В некоторых европейских странах на данный момент более половины банков в стране предоставляют услуги онлайн.

По доле банков, оказывающих Интернет-услуги, лидируют такие страны как Ирландия, Люксембург, Греция, Бельгия (табл. 1). Как видно, не всегда этот показатель коррелирует с долей Интернет-пользователей, работающих с банками через Интернет. Так, например, в Греции 45 % банков предоставляют Интернет-услуги, а доля Интернет-пользователей составляет всего 17 %, в то время как для Финляндии данные значения составляют 12 % и 53 % соответственно. Это ситуация отчасти объясняется тем, что в некоторых странах существует большое число специализированных банков и их клиентам не требуется Интернет-сервис.

В табл. 2 представлена статистическая информация по данным Jupitermedia Corporation о количестве пользователей Интернет-банкинга в Европе.

Таблица 2

Доля пользователей Интернет-банкингом в Западной Европе, %

Страна	2001 год	2004 год	2007 год
Германия	44,0	53,2	57,8
Великобритания	35,0	48,8	55,4
<i>Швеция</i>	50,6	59,6	63,7
<i>Норвегия</i>	45,5	55,7	59,8
<i>Финляндия</i>	45,3	55,1	58,1
Франция	32,6	45,3	49,2
Италия	20,4	35,5	43,9
В среднем по Европе	34,3	45,9	51,2

Как видно из табл. 2, на данный момент практически во всех странах Западной Европы удельный вес пользователей Интернет-банкинга превысил 50 %, исключение составляют Италия с почти 44 % и Франция с 49 %. В среднем по Западной Европе пользователи Интернет-банкинга составили более половины от общего числа Интернет пользователей. Наибольшее число клиентов Интернет-банкинга приходится на страны Скандинавии (Швеция, Норвегия и Финляндия). Здесь банковские Интернет-услуги оказывают приблизительно 90 % банков и ими охвачено 20 % клиентов. Согласно данным Шведской ассоциации банков, в этой стране услугами Интернет-банкинга пользуются более 3 млн. человек (почти 30% населения), что делает Швецию одним из мировых лидеров в развитии Интер-

нет-систем. Достаточно высокая для Европы степень интернетизации населения (60 % домашних хозяйств пользуются сетью) привела к тому, что шведские банки одними из первых стали предлагать свои услуги через Интернет. Безусловным лидером Интернет-банкинга в Швеции признан Skandia Banken, количество Интернет-клиентов которого составляет 50 % от их общего числа. Высока доля клиентов Интернет-банкинга и в Германии. Однако в отличие от банков США, пакет предоставляемых банковских услуг в режиме on-line в Германии ограничивается только денежными переводами, получением справки о текущем состоянии счета и заказами в банке различных ценных бумаг. Американские банки в режиме on-line предлагают своим клиентам более широкий спектр услуг. Например, их клиенты могут подать заявку на предоставлении ипотечной ссуды или заказать кредитную карточку. Поэтому на данном этапе основной задачей немецких банков является расширение спектра Интернет-услуг, вслед за которым можно ожидать еще большее увеличение числа пользователей Интернет-банкинга.

По мнению аналитиков различных компаний, в Азии уже сформировался класс клиентов банков, склонных реже посещать традиционные банки и их филиалы, перейдя на онлайн-обслуживание, в т.ч. и посредством Интернет. В банковском секторе Азиатско-Тихоокеанского региона зарегистрировано порядка 4 млн. человек, управляющих собственными финансами через Интернет.

Южнокорейские банки начали предоставлять своим клиентам услуги по осуществлению онлайн-операций в июле 1997 года. В 2001 г. в Корее зарегистрировано 1,23 млн. активных пользователей систем интернет-банкинга (для сравнения – 470 тыс. в марте 2000 г. и 120 тыс. в декабре 1999 г.). Таким образом, ежемесячный прирост составляет в среднем 10 тыс. клиентов, остановивших выбор именно на интерактивном банковском обслуживании. Активными пользователями можно считать тех, то подключается к Интернету хотя бы раз в месяц. Компания отслеживала их действия вплоть до того момента, как они входили в режим шифрования данных и подключались к сети банка, т.е. явно проводили платежи. Если же учитывать всех клиентов, которые хотя бы один раз вошли на сайт банка, то согласно статистическим данным компании Net Value, банки Южной Кореи привлекли только в 2001 года 7,4 млн. пользователей, что превысила соответствующий показатель предыдущего года на 72,2 %. По данным The Asian Banker, в Южной Кореи интернет-банкингом пользуются 9 % клиентов банков, такой же показатель имеют банки Японии и Сингапура. На конец марта 2002 года все национальные банки Южной Кореи, а также зарубежные банки, работающие на территории страны (Citibank, Hong Kong и Shanghai banking Corporation), предоставляли возможность совершать ряд операций, используя технологию Интернет-

банкинга, а именно, проверка баланса счета, платежные операции, конверсионные операции, открытие кредитных линий по банковским кредитным карточкам, проведение налоговых и других обязательных платежей. Количество пользователей Интернет-банкинга в марте 2002 года достигло почти 12,5 млн. человек. В 2003 году число клиентов онлайн-банков в Южной Корее впервые превысило 20 млн. человек. Точнее, согласно данным Банка Кореи, по состоянию на конец июня 2003 года в стране насчитывалось 20 млн. 30 тысяч пользователей сетевых банковских услуг. Это на 38 % больше, чем год назад. Основную долю этих пользователей составляют частные клиенты. Быстрыми темпами в последнее время растет не только число клиентов онлайн-банков, но и интенсивность использования сетевых банковских услуг. За период с марта 2000 по март 2001 темп прироста использования Интернет-банкинга в его различных формах составил 821,22 %, в следующем анализируемом периоде – 198,71 %. Максимальный удельный вес имеют банковские консультационные услуги, осуществляемые через web-сайты банков. Количество банковских операций, осуществленных жителями Южной Кореи через Интернет в июне 2003 года, уже превысило 218 миллионов. Это на 66% больше, чем в июне 2002 года. В настоящее время на долю интернет-банкинга в Южной Корее приходится более 22 % всех совершаемых клиентами банковских операций.

Согласно данным Народного банка Китая более 50 отделений национальных банков предоставляют на своем веб-сайте услуги Интернет-банкинга, которыми пользуются примерно 400 тыс. клиентов. Ведущим сетевым банком является Китайский торговый банк. Сайты 95% китайских компаний, предлагающих совершить покупку в режиме онлайн, подключены к системе Интернет-расчетов этого банка.

В Японии в системе Интернет-банкинга совершается уже более 90 % финансовых операций.

В Австралии зарегистрировано 1,37 млн. пользователей банковских Интернет-систем, или 18 % от общего количества подключенных к Интернету.

Таким образом, проведенный анализ использования Интернета в мировом банковском бизнесе доказал перспективность данной технологии. Используя технологии Интернет-банкинга, банки смогут помимо традиционных банковских услуг предоставлять своим клиентам услуги по созданию систем электронной торговли товарами и услугами, систем электронной торговли ценными бумагами в режиме реального времени, выпуск ADR и привлечение инвестиций, оказывать операции по Интернет-консалтингу и т.п.

Список литературы:

1. Industry Report – Banking – February 2006.
2. Industry Report – Banking – November 2003.
3. Industry Report – Banking – November 2003.
4. Industry Report – Banking – October 2006.
5. Online Banking Report. Five Years of Web Banking. June 2000.
6. Stein I. «Nur eine Frage der Zeit» \\ Wirtschaftswoche, №25, 1998.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© Мелихов В.Ю.

Курский институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета, г. Курск

В статье рассматриваются количественные и качественные характеристики кадрового потенциала российской высшей школы. Проведен анализ изменений условий труда и его оплаты с советского периода по настоящее время, сформулированы предложения по совершенствованию кадрового обеспечения высшего профессионального образования.

Важнейшей ресурсной составляющей деятельности высшей школы являлся и является ее кадровый состав. Именно качество профессорско-преподавательского состава определяет качество подготовки специалистов как в отдельном ВУЗе, так и в системе высшей школы в целом. Поскольку, как будет показано ниже, кадровый потенциал современной российской высшей школы был сформирован в советский период нашей истории, представляется целесообразным рассмотреть процесс его формирования и трансформации в определенной временной ретроспективе.

Образование всегда было в центре внимания советского правительства, являлось составной частью его промышленной политики и обеспечивалось привлечением к преподавательскому труду наиболее способной и квалифицированной молодежи. Престижность преподавательского труда на протяжении многих десятилетий, даже в тяжелые 30-е и послевоенные годы, поддерживалась государством различными социальными льготами и высокой, относительно других профессий, заработной платой. Так, Постановлением СНК СССР № 364 от 22 августа 1930 г. была введена штатно-окладная система оплаты преподавательского персонала и установлены должности профессора, доцента и ассистента [1, С. 829].

Норма нагрузки на профессоров была установлена в объеме 360 часов в год, доцентов – 390 часов, ассистентов – 480 годовых часов.

Постановлением ВЦИК и СНК СССР «О праве пользования дополнительной жилой площадью» (1930) преподавателям предоставлялась дополнительная жилая площадь в виде отдельной комнаты или, при ее отсутствии – дополнительная площадь в размере 20 кв. м. [1, С. 806].

Постановлением СНК СССР № 79 «Об ученых степенях и званиях» от 1934 г. в высшей школе были вновь восстановлены ученые степени и зва-

ния, упраздненные в 1918 г., Постановлением СНК СССР № 2000 «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» (1937) была введена система штатных должностей (профессор – заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент кафедры, ассистент кафедры, старший преподаватель и преподаватель, старший лаборант и лаборант) и соответствующих должностных окладов, разрешены и оговорены условия работы преподавателей по совместительству и хоздоговорам.

В 1946, 1947, 1956 гг. и вплоть до начала реформ принимались постановления Правительства, поддерживающие уровень заработной платы преподавателей вузов значительно более высоким, чем в других отраслях экономики (рис. 1), что создавало престижность труда преподавателей, обеспечивало воспроизводство преподавательского состава за счет наиболее талантливой молодежи.

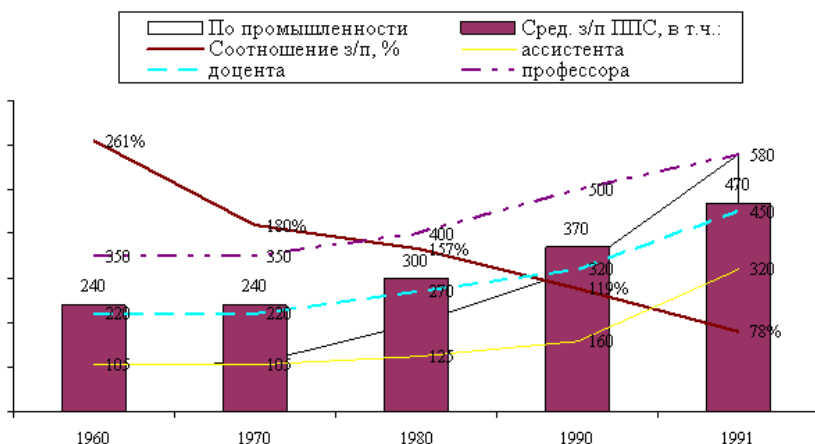

Рис. 1. Соотношение среднемесячной заработной платы профессорско-преподавательского состава и работников промышленности в 1960–1991 гг., руб.¹

Именно в этот период был заложен фундамент, обеспечивший достижения советской науки и советского образования.

С началом рыночной трансформации в системе оплаты труда профессорско-преподавательского состава начали развиваться отрицательные тенденции, влекущие за собой ухудшения качества российского высшего образования.

¹ Ист.: Высшее и среднее профессиональное образование в Российской Федерации. Стат. сб. М, 1996. – С. 59.

Пользовавшаяся огромным престижем профессия преподавателя за время реформ потеряла свою привлекательность, престиж – заработная плата ППС, составлявшая 219 % от зарплаты в промышленности в 1987 г., упала до 62 % в июле 1993 г. [2]. Как видно из рис. 2, уровень оплаты труда в отрасли «Образование» все годы перестройки был даже ниже чем в других отраслях бюджетной сферы. Началось обнищание вузовской элиты, и молодежь стала переходить в другие, более высоко оплачиваемые отрасли, преимущественно – в коммерческие структуры. При этом нельзя сказать, что в промышленной политике правительства отсутствует проблема подготовки специалистов – практически ежегодно принимаются решения по высшей школе.

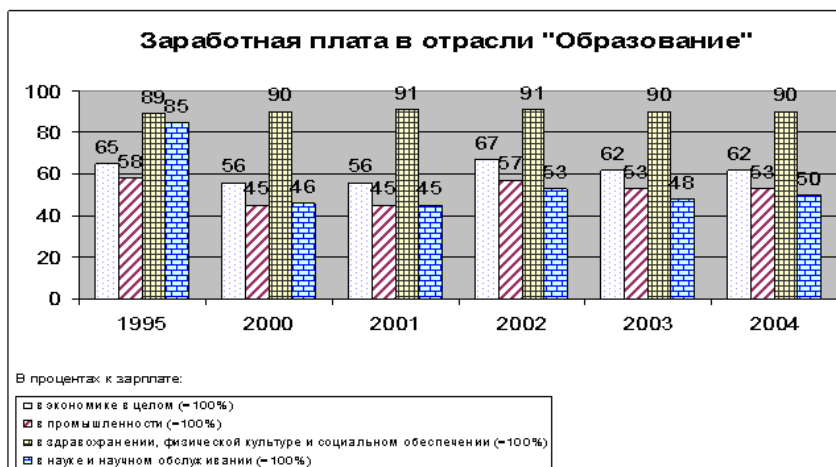

Рис. 2. Динамика заработной платы в отрасли «Образование»

Однако реальная экономическая обстановка, сложившаяся в связи с переходом от государственного управления капиталом к частному, кризис и дефицит бюджета не позволяют реализовать принимаемые решения. Так, согласно ст. 7 Закона РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», принятого 19.07.1996 г., средние должностные оклады работников вуза устанавливаются на уровне: для педагогических кадров из числа ППС – в два раза превышающем уровень средней заработной платы в промышленности в РФ, для прочих работников вузов – на уровне заработной платы аналогичных категорий работников в промышленности РФ. Согласно ст. 4 Закона, минимальные размеры ставок для педагогических работников из числа ППС вузов устанавливаются в размере не ниже восьмикратного минимального размера оплаты труда, установленного Федеральным Законом», т. е. не менее $83,4 \times 8 = 667,2$ руб.

Согласно постановлению Правительства РФ от 19.03.1999 г. № 311 «О повышении должностных окладов работников отдельных организаций бюджетной сферы» тарифная ставка 1 разряда повышена до 110 руб., но одновременно снижен межразрядный коэффициент (для 13 разряда – с 5,76 до 4,73), в результате минимальная оплата преподавателя 13 разряда выросла с 345,6 руб. до 520 руб., т. е. осталась меньше 667,2 руб. Впрочем, и при неизменном коэффициенте она не достигла бы установленного законом минимума. В этих условиях вузы не могут полагаться, как это было в предреформенные годы, на государственное финансирование и, адаптируясь к сложившейся экономической ситуации, вынуждены искать иные источники финансирования для самосохранения и минимальных потерь в кадровом потенциале – заниматься не свойственной в дореформенный период коммерческой деятельностью, в том числе широко использовать систему целевой контрактной подготовки.

За первый период реформ, период экономического спада, реальная, т.е. скорректированная на индекс потребительских цен, заработная плата работников промышленности с 1990 г. по 1998 г. упала в 2,67 раза, профессоров – в 4,2, доцентов – в 3,9, ассистентов – в 4,6 раза (рис. 3).

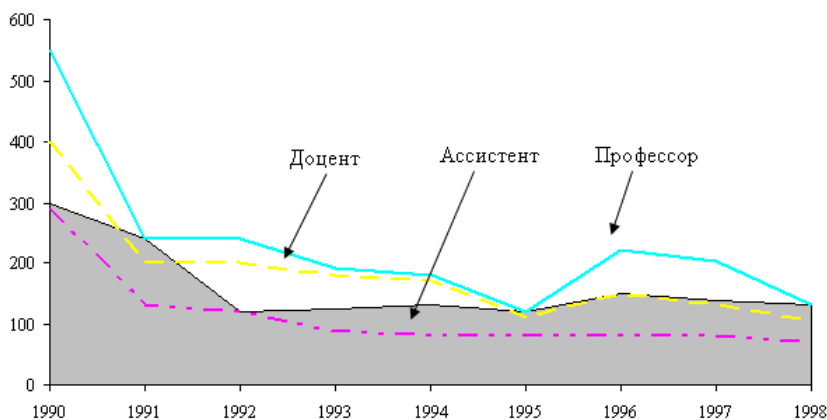

Рис. 3. Реальная (скорректированная на индекс потребительских цен) средняя заработная плата за месяц по промышленности и профессорско-преподавательскому составу в 1990–1998 гг., руб.

Таблица 1

Заработная плата в отрасли «Образование»: среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в отрасли «Образование»

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата:	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Рубли, до 1998 г. – тыс. руб.	309	552	616	661	885	1235	1821	2922	3384	4254
В процентах к предыдущему году	...	178	112	107	134	140	148	161	116	126
В процентах к прожиточному минимуму трудоспособного населения	104	133	133	119	88	94	112	149	147	164
Доллары США	67	99	103	32	33	44	60	92	115	148

Падение жизненного уровня ППС высшей школы особенно прослеживается в сравнении с ростом цен за 1990–1999 гг., если учесть, что начисленная заработная плата за этот период увеличилась у профессора в 3,1 раза и составила в июле 1999 г. 1721 руб., у доцента – в 3 раза (1174 руб.), у ассистента – в 2,5 раза (710 руб.), в то время как цены выросли в 21,6 раза (табл. 1). В целом по экономике номинальная заработная плата за первое полугодие 1999 г. составила 1619 руб. (рост – в 5,45 раза) [3].

Во второй период реформ, период экономического роста принципиального изменения ситуации не произошло. Как было показано на диаграмме 1 в 2004 году уровень оплаты труда в отрасли «Образование» составил 62% от уровня оплаты труда в экономике в целом. Хотя необходимо отметить и определенные положительные сдвиги. Так, с 1999 года начался относительный рост оплаты труда педагогических работников к прожиточному минимуму. Если в 1999 году данная оплата составляла 88,3% от прожиточного минимума, то к 2004 это соотношение достигло 163,5%. Можно констатировать, что работники отрасли «Образование» за период экономического роста перешли от нищеты к бедности.

Социологические исследования показали, что сложившейся заработной платой совершенно не удовлетворены 33,3 % – докторов наук, 72 % – доцентов, 73 % – старших преподавателей, 80 % – ассистентов. Среди заведующих кафедр не удовлетворены заработной платой 14,3 % [1].

Процессы снижения реальной заработной платы происходили на фоне повышения нагрузки на профессорско-преподавательский состав, что повлекло за собой еще большее обесценение педагогического труда в высшей школе.

Так, несмотря на увеличение как числа докторов наук, так и кандидатов, практически (за исключением 1994-1996 гг. для докторов наук) про-

исходило увеличение числа студентов приходящихся на одного профессора (доцента) (рис. 4.).

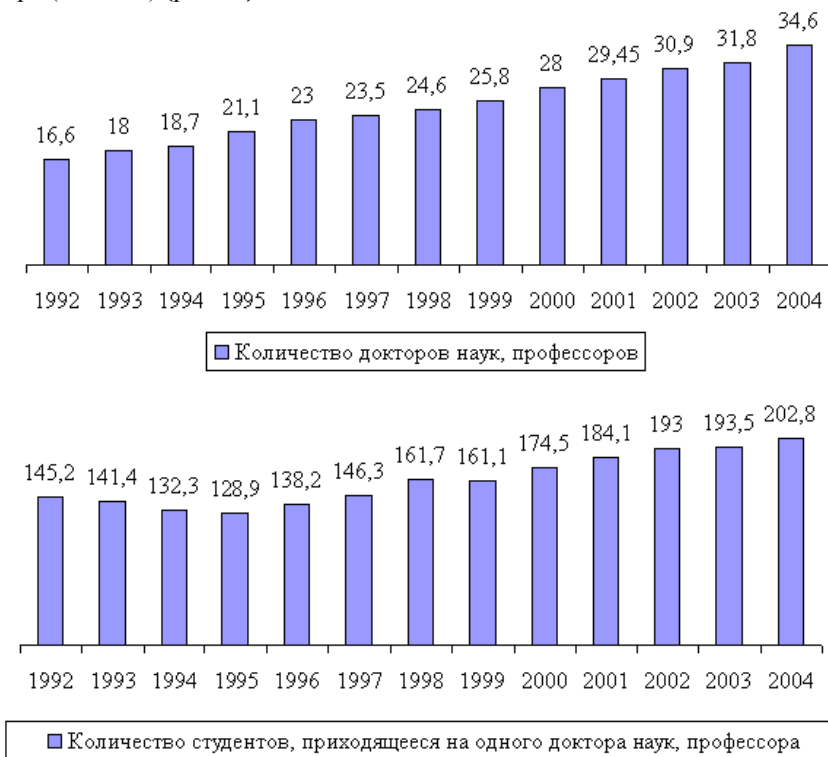

Рис. 4. Динамика изменения численности профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений (тыс. чел.)

Так, несмотря на то, что количество докторов с 1992 года увеличилось вдвое, в расчете на 1 доктора наук стало приходиться уже 202 студента (2004 год) вместо 145 в 1993 году. Число студентов на одного кандидата наук выросло с 22 до 49, то есть более чем вдвое [4]. Очевидно, что подобная «интенсификация» педагогического труда сказывается на его качестве не самым лучшим образом.

К сожалению, процессы количественного роста высшей школы не были подкреплены процессами адекватной подготовки высококвалифицированных педагогических кадров. Свидетельством недостаточности кадрового потенциала высшей школы могут служить следующие факты:

К концу периода экономического спада (1999 год) 1056 должностей профессора были заняты лицами без ученых степеней, а 1384 должности –

преподавателями без ученых званий. Причем в отдельных регионах особенно высока доля профессоров без ученой степени: Амурская область (20 %), Орловская (10,9 %), Белгородская (10,6 %) [5].

Эти тревожные факты свидетельствуют о девальвации звания профессора высшей школы как основы университетской культуры, университетского образования.

Анализ статистических данных социологических опросов показывает, что большая часть работников ВШ вынуждена приспосабливаться и не приспосабливается к экономическим и социальным условиям своей деятельности, о чем свидетельствует сокращение текучести профессорско-преподавательских кадров. Если в первые годы перехода к рыночным отношениям многие преподаватели, особенно из числа молодых, ушли из вуза, главным образом, в коммерческие структуры, то к 1998 г. наблюдается некоторая стабилизация (заметим, что в дореформенный период текучесть кадров ППС практически отсутствовала). Стабилизация текучести кадров связана, вероятно, с окончанием процесса флюктуации сложившегося в предреформенный период преподавательского состава в область коммерческой деятельности – оставшийся работающий контингент может поменять учебное заведение, но вряд ли уже изменит сферу деятельности, несмотря на низкую оплату труда.

В условиях низкой оплаты труда, резкого ограничения (по сравнению с дореформенным периодом) научной хоздоговорной тематики главным источником дополнительного дохода преподавателя и предпочитаемой формой адаптации к сложившимся условиям, по данным социологического опроса, можно считать работу по совместительству.

За первый период реформ произошел наиболее существенный рост числа совместителей в высшей школе. К 1999/2000 учебному году доля внешних совместителей составила 12,1 %, доля преподавателей, работающих на неполной ставке – 11,9 % [5].

Совместительство далеко не всегда связано с преподавательской деятельностью, отнимает время от подготовки к занятиям, заставляет преподавателя «работать на износ» для того, чтобы выжить и содержать семью.

В связи со снижением оплаты труда в вузах относительно других отраслей экономики значительно выросла доля внешних совместителей в системе высшего профессионального образования. Это объясняется с одной стороны, желанием этих лиц заниматься преподавательской деятельностью, с другой – невозможностью перехода в ВУЗ на постоянную основу в связи с огромной разницей в оплате труда (в первую очередь для экономистов и юристов).

Данные по внешнему совместительству, с одной стороны, позволяют предположить, что кафедры привлекают совместителей-практиков для чтения прикладных курсов, требующих практического опыта у преподавателей. С другой стороны, совместительство может быть подвергнуто и

другому анализу – на предмет привлечения в качестве совместителей-практиков лиц из сферы бизнеса, приносящих кафедре дополнительные доходы в виде оргтехники, дополнительных заработков в виде коммерческих проектов и т. п. Именно это можно рассматривать как специфическую форму адаптации профессорско-преподавательского персонала к нынешним условиям.

Наибольшее количество совместителей проходит по кафедрам: банковского дела, финансов, бухгалтерского учета и аудита, что вполне коррелирует и с уровнем заработной платы в соответствующих сферах деятельности вне высшей школы, т.е. связано с отсутствием интереса представителей этих профессий в переходе в университет на полную ставку. Использование совместителей, с одной стороны, приближает подготовку специалистов к практической работе, с другой – снижает ответственность за проведение занятий, так как она не является основной работой для совместителя, а также не способствует формированию коллектива кафедры как подразделения, имеющего свой творческий коллектив, свои научные традиции и тенденции, используемые в формировании молодого специалиста в соответствующей области.

Потеря престижа преподавательского труда привела к старению кадрового персонала вузов – средний возраст докторов наук, работающих в вузах, составляет 57–58 лет, т.е., по образному выражению Президента Российского союза ректоров академика РАН В. Садовниченко, «он вплотную приблизился к средней продолжительности жизни мужского населения России» (61,8 г.). Даже в ведущих ВУЗах страны средний возраст профессорско-преподавательского состава является достаточно значительным – МГУ (50,9), РУДН (51,6), МЭИ (53,9) и т.д. [5].

Проведенный анализ показывает, что высшая школа России переживает нелегкие времена. Несмотря на то, что для существования высшей школы необходимо финансирование, достаточное для покрытия всех расходов, в том числе достойной заработной платы, в настоящее время и в ближайшем будущем государство будет не в силах покрыть из бюджета расходы на ее содержание. Поэтому так остро стоит вопрос о внебюджетном зарабатывании денег даже для государственных вузов.

Пути дополнительного зарабатывания денег использовались и при плановой экономике, например, при заключении прямых договоров с предприятиями, так называемых работ по хоздоговорам. При переходе к рыночным отношениям значительно расширились формы и методы пополнения бюджета вузов. Это и прием студентов по контрактам, и консалтинговые работы, и аренда свободных помещений, и платные услуги и т.д. Многим вузам помогают выпускники, занимающиеся коммерческой деятельностью в виде спонсорской помощи.

По-видимому, для более эффективного получения дополнительных доходов и правильного их использования, для проведения маркетинговых исследований рынка услуг, в вузах необходимо иметь отдел (группу экспертов) по изучению возможных путей зарабатывания внебюджетных средств и рациональному их использованию. Этот отдел должен предоставлять данные руководству вуза по анализу положения на финансовом рынке и рынке услуг, подготавливать рекомендации для улучшения финансового положения, в том числе по рациональному расходованию финансовых средств, особенно – на социальную помощь профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и ветеранам вуза. При этом дополнительная оплата должна учитывать личный, конкретный вклад работника в достижения вуза. Это будет стимулировать более качественную работу и большую отдачу в подготовке специалистов.

Высшая школа сохранила профессорско-преподавательский состав для обучения потока студентов, близкого к дореформенному периоду, однако крайне низкая, относительно других отраслей экономики, оплата труда резко снизила приток молодежи в сферу преподавания, а это, во-первых, ограничивает возможности вузов отбирать для преподавания наиболее талантливую молодежь, во-вторых, заставляет широко использовать труд совместителей, в-третьих, приведет к нехватке квалифицированных преподавательских кадров и, соответственно, к потере накопленного десятилетиями опыта подготовки специалистов.

Подводя итог, необходимо отметить, что резкое снижение воспроизводства преподавательских кадров в недалеком будущем может иметь негативные последствия как в подготовке молодых специалистов, так и в развитии отечественной науки в целом. В конечном счете, может повлечь за собой резкое снижение интеллектуального потенциала нации.

Список литературы:

1. Отчет по НИР по теме: «Адаптация коллектива высшей школы к современным условиям». Г/б тема № 280. – М., 2006.;
2. Отечественная высшая школа и российская государственность (Доклад на V съезде Российского союза ректоров. М., 26 июня 1998 г.) // Вестник высшей школы. – 1998. – № 6.
3. Финансовая неделя, 1999, 9–15 августа.
4. Геворкян Е. Кадры высшей школы: актуальное состояние // Экономика образования. – 2006. – № 9. – С. 23–31.
5. Романкова Л.И. Динамика кадрового потенциала высшей школы России // Экономика образования. – 2002. – № 1. – С. 32–43.

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

© Носкова Е.Ю.

Сахалинский государственный университет,
г. Южно-Сахалинск

Рассмотрены основные методики анализа инновационных систем. На их основе автором была предложена собственная система показателей инновационного развития территории для оценки региональной системы, а также проведен собственный анализ на примере федеральных округов.

Поскольку тема исследования региональной инновационной системы не достаточно разработана, то хотелось бы рассмотреть основные методики исследования национальных инновационных систем, принятых в мировой практике и затем экстраполировать наиболее приемлемую из них на региональный уровень. Данные методики были отобраны в зависимости от того, насколько разные используются показатели оценки НИС страны. Это отражает точку зрения автора методики на основные характеристики НИС и тот факт, что нет единого мнения о том, какие параметры в наибольшей степени помогут описать состояние НИС.

Обоснованность экстраполяции определяется тем, что при анализе инновационной системы страна рассматривается как регион, т.е. определенная территория, имеющая свое население, экономические, политические, культурные и др. особенности. Уменьшая границы территории до уровня субъекта РФ, можно некоторые параметры использовать и для исследования региональных инновационных систем. В пользу данной экстраполяции говорит и фактор регионализации экономики.

Существует множество способов исследования национальной инновационной системы через факторы, которые позволяют выявить различные тенденции, оценить деловую среду, определить количественные характеристики явлений, выдвинуть свои предложения. В общем, все эти исследования можно подразделить на «жесткие» и «мягкие». К «жестким» можно отнести статистические данные (ВВП, ВВП, расходы на науку, количество научного персонала, уровень экспорта и т.д. К «мягким» данным относятся данные, полученные в ходе исследований, интервью, изучения отдельных случаев и т.д. [11]. Как правило, для исследования национальных инновационных систем используются «жесткие» данные.

С 1987 г. Американский научный фонд (National Science Foundation) проводит исследования 33 стран по 5 обобщающим показателям технологической конкурентоспособности. Эти индикаторы обобщаются в индикаторы уровня развития хай-тек (НТИ), позволяющие оценить изменения показателей в течение периода времени (оценка проводится каждые три года). В данном случае первые четыре показателя рассматриваются как «входные», определяющие условия для обеспечения инновационного развития и конкурентоспособности, а пятый считается «выходным», характеризующий результат инновационной деятельности, т.е. техническое и технологическое состояние общества:

1. индикатор национальной ориентации (National Orientation – NO) – предназначен для оценки действий правительства и бизнес-сообщества, направленный на достижение технологической конкурентоспособности страны (Россия на 32 месте);

2. индикатор социально-экономической инфраструктуры (Socioeconomic Infrastructure – SE) характеризует развитие институтов, поддерживающих материальные, организационно-экономические и человеческие ресурсы, существенные для функционирования современных в технологическом отношении стран (Россия на 25 месте);

3. индикатор технологической инфраструктуры (Technological Infrastructure – TI) характеризует наличие социально-экономических институтов, обеспечивающих потенциальную возможность разработки, производства, внедрения и продажи новых технологий (Россия на 16 месте);

4. индекс производственного потенциала (Production Capacity – PC) позволяет оценить материальные и человеческие ресурсы, обеспечивающие производство и эффективность высокотехнологичной продукции, в том числе отечественными материалами и комплектующими (Россия на 26 месте);

5. показатель технологического состояния (Technological Standing – TS) отражает уровень экспорта высокотехнологичных продуктов (Россия на 25 месте) [13].

Для России эти показатели показаны в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели конкурентоспособности
для Российской Федерации [17]

индикатор год	NO	SI	TI	PC	Суммарный
1993	46,5	46,9	66,7	35,5	49,0
1996	64,7	59,5	58,7	47,6	57,3
1999	62,3	60,2	52,5	40,4	53,6
2003	60,8	69,9	55,2	56,2	60,4
2005	53,0	70,3	47,7	50,8	55,3
2007	73,9	74,5	50,1	53,5	62,3

Как видно, эти показатели не являются стабильными – рост сменяется падением. Некоторые авторы связывают это с ресурсозависимостью российской экономики [12], в связи с чем рост носит временный характер.

Индикаторы сфокусированы на количество произведенной продукции для экспорта. Кроме того, поскольку происходит информатизация экономики, то хай-тек индикаторы также позволяют оценить уровень информатизации экономики страны.

Одной из возможностей исследования национальной инновационной системы является так же исследование патентной системы страны. Так, исследование, которое проводит Мировая организация интеллектуальной собственности (WIPO) показал, что по состоянию на 2004 г. Россия входила в двадцатку стран, в которой было выдано больше всего патентов (9 место), кроме того, общее число поданных заявок на патенты выросло на 36 % по сравнению с предыдущим годом. Для более детального анализа необходимо рассмотреть соотношение числа патентов и населения, числа патентов и ВВП, числа патентов и расходов на науку. Таким образом, число патентов на 1,000,000 населения составило 160, что составляет 14 место в мире (среднее в мире – 148), число патентов на 1,000,000,000 долларов США составил 17,6 – 6 место в мире (среднее в мире – 19,0). В то время как соотношение расходов на науку и количества патентов составило 1,46 – 5 место в мире [14]. Также необходимо проанализировать и те типы нововведений, на которые были выданы патенты. Так, существенный количественный перевес имеют заявки на патенты на товарные знаки и знаки обслуживания, затем заявки на изобретения и совсем низкие показатели имеют заявки на полезные модели и промышленные образцы (в три и девять раз меньше соответственно) [6].

Кроме того, исследования инновационной системы страны отчасти позволяет проанализировать состояние всей экономики. Так, например, в Ежегоднике мировой конкурентоспособности (World Competitiveness Yearbook) проводится исследования 72 стран по 4 факторам, каждый из которых исследуется по нескольким критериям. К этим факторам относятся: экономические показатели (79 критериев), эффективность деятельности правительства (72 критерия), эффективность деятельности бизнес-сообщества (71 критерий), инфраструктура (101 критерий). Третий и четвертый фактор включают в себя показатели развитости инновационной системы – способность предприятий к инновациям, стимулирование инноваций, технологические, научные кадры, технологическая, научная инфраструктура, образование [15].

Организация экономического сотрудничества и развития в своем Руководстве по инновациям (Oslo Innovation Manual) предлагает использовать в качестве основного критерия затраты на науку [16].

В российской практике для анализа научно-технического потенциала страны используются объем расходов НИОКР и их удельный вес в ВВП [5, С. 22].

Сайфиева С.Н. отмечает, что инновационная характеристика отраслей базируется на обобщении значений трех показателей по видам инновационной и экономической деятельности: число промышленных организаций, затраты на технологические инновации в промышленности и объем инновационной продукции по уровню новизны [10].

Архангельский В.Н. сформулировал четыре правила определения основных направлений территориального развития науки на основе учета сложившейся специализации сферы НИОКР региона, его природных условий, промышленной и сельскохозяйственной специализации, отраслевой структуры народного хозяйства. В количественном отношении автор определяет также направления исключительно на основе индексов наукоемкости (J_H), которые определяются как отношение какого-либо ресурса научной отрасли региона к величине этого ресурса в регионе, деленное на аналогичное отношение в стране, т.е.

$$J_H = \frac{S_{io}}{S_o} \div \frac{S_i}{S},$$

где S – величина отраслевого параметра;

i – обозначение отрасли народного хозяйства;

o – обозначение региона.

Архангельский предлагает на основе системы таких индексов определять специализацию науки региона и концентрировать ресурсы прежде всего тех направлений, которые являются профильными для региона [1, С. 25-30].

Егоров Е.Г. и Бекетов Н.В. используют индекс региональной специализации для оценки направленности НИС региона на удовлетворение потребностей самого региона. Индекс представляет собой отношение той части потенциала НИС, которая обслуживает регион к уровню этих показателей в стране.

$$I_{Qi} = \frac{\frac{Q_{oi}}{Q_o}}{\frac{Q_i}{Q}} \qquad I_{Ri} = \frac{\frac{R_{oi}}{R_o}}{\frac{R_i}{R}}$$

где I_R – индекс региональной специализации НИС по кадрам;

R – численность работников;

I_Q – индекс наукоемкости по основным фондам;

Q – стоимость основных фондов;

- i – обозначение межотраслевого производственного комплекса (отрасли);
o – обозначение региона.

Значение >1 означает специализацию НИС региона.

Индекс эффективности специализации:

$$I_{CRi} = \frac{I_{wi}}{I_{Ri}} \quad I_{CQi} = \frac{I_{wi}}{I_{Qi}},$$

где I_{CRi} – эффективность специализации по кадрам;

I_{wi} – индекс специализации по стоимости инновационной продукции;

I_{Ri} – индекс специализации по кадрам;

I_{CQi} – эффективность специализации по основным фондам;

I_{Qi} – специализация по основным фондам [4, С. 110-113].

Полдина Т.В. использует следующую модель оценки инновационной активности и конкурентоспособности регионов с использованием следующей системы статистических показателей:

X_1 – внутренние затраты на исследования и разработки в процентном соотношении к ВВП и ВРП;

X_2 – доля занятых исследованиями и разработками к общему числу;

X_3 – доля основных фондов исследований и разработок в общей их стоимости;

X_4 – затраты на технологические инновации в процентах к ВВП и ВРП.

В связи с этим получается функциональная модель рейтинга инновационной активности: $R=0,3X_1+0,2X_2+0,2X_3+0,3X_4$

Параметры 0,2-0,3 характеризуют значимость статистических показателей [7, С. 35].

С точки зрения автора, поскольку составляющими инновационной системы являются ее субъекты (инновационные предприятия и кадры), инфраструктура, а результатом инновационной деятельности – количество внедренных нововведений и, как следствие, экономический рост, социальное и научно-техническое развитие. Соответственно, чтобы в полной мере описать эти моменты можно использовать следующие показатели:

- количество социально-экономических институтов, обеспечивающих инновационную деятельность (финансовые институты, территориальные образования и т.д.)
- количество научных кадров, научных организаций;
- валовой региональный продукт, объемы затрат на НИОКР;

– уровень образования и жизни населения.

Поскольку инновации могут быть подразделены на технологические и нетехнологические (в данном случае возьмем эту классификацию как наиболее общую), то соответственно этим критериям и должна выбираться особая система показателей, которая смогла бы охарактеризовать региональную систему в целом. Нетехнологические инновации поддаются оценке довольно сложно, поскольку включают в себя инновации организационного и управленческого плана. Как отмечается в упомянутом Руководстве по инновациям (Oslo Innovation Manual), мировой опыт проведения подобного рода исследований очень беден [16]. Таким образом, можно выделить пять следующих основных критериев:

- особенности развития инновационной и технологической инфраструктуры региона. Этот показатель может включать в себя статистические данные такие, как количество высших учебных и научных заведений в регионе, занимающихся инновационными и научными разработками; обеспеченность научными кадрами и работниками, занятыми в сфере разработок, наличие и доступ к информационным сетям, наличие институтов, способствующих внедрению инноваций;
- инновационная деятельность бизнес-структур, включающая в себя также оценку статистических данных, которые могут включать в себя количество и структуру выданных патентов;
- оценка действий региональных правительств, которая будет включать в себя проведениям нестатистических исследований («мягкие» данные) и расчет финансовых показателей. Примерами могут служить следующие показатели: расходы, получаемая прибыль от инвестирования в инновации, источники инновационных идей, а также исследование общественного мнения относительно происходящих изменений, а также внешняя региональная политика – взаимодействие с другими регионами в научной деятельности, в обмене идеями;
- источники финансирования инноваций, степень их устойчивости. Принимая во внимание перечисленные выше источники, в российской реальности следует также прибавить и средства кредитных организаций;
- показатели экологического развития региона.

Эти критерии обобщены в следующей табл. 2.

Еще одно мнение по оценке инновационных систем сформировано на основе географического фактора. На состояние экономических систем также влияет и то, что определенные точки пространства, по мнению В.Л. Бабурина, обладают более высоким инновационным потенциалом. В российской науке это называется выгодным экономико-географическим по-

ложением для определенной инновации. Поскольку для каждой конкретной инновации понятие выгодности (невыгодности) экономико - географического положения будет различным, а значит, будут различными и факторы диффузии нововведений в пространстве [2, С. 7]. Этот фактор выгодного экономико-географического положения формируется исторически в рамках деятельности человека. Как примеры можно привести технопарки, наукограды, особые зоны.

Таблица 2

Основные показатели для оценки инновационной системы

КРИТЕРИЙ	ПОКАЗАТЕЛИ
<i>статистические</i>	
1. Развитие инновационной и технологической инфраструктуры	– количество инновационных предприятий; – количество научных кадров; – количество организаций, занимающихся исследованиями и разработками.
2. Инновационная деятельность бизнес-структур	– количество заявок на выдачу патентов; – количество внедренных патентов.
3. Источники финансирования инноваций	– объемы финансирования из различных источников.
<i>нестатистические</i>	
4. Действия региональных властей	– финансовые показатели; – исследование общественного мнения.
5. Экологическое развитие региона	– данные экологического мониторинга.

Особое географическое положение инновационных процессов подтверждают и исследования, проводимые учеными в 1989 г. Тогда все регионы СССР были разделены на 6 типов:

1. креативные регионы (использующие изобретений намного меньше, чем их создают, при существенно выше средние российской их плотности);

2. субкреативные (использующие изобретений меньше, чем потребляют при выше средней плотности инноваций);

3. акцепторно-креативные (с выше средней генерацией нововведений, но с высокой долей использованных изобретений);

4. сильные акцепторы (с относительно низкой генерацией нововведений, но с высокой долей использованных изобретений);

5. слабые акцепторы (с низкой генерацией нововведений и с долей использованных изобретений выше среднего российского уровня, но менее 100 %);

6. инновационная периферия (с крайне низкими показателями, как плотности изобретений, так и их использования) [2, С. 85-90].

Для такой типологии использовались статистические данные по патентованию изобретений, количеству внедренных изобретений и численно-

сти населения. Обосновано это, тем, что именно патентование изобретений и открытий, как способ регистрации интеллектуальной собственности в наиболее концентрированном виде, отражает инновационные процессы в сфере науки и техники. Это позволяет использовать патентную информацию для анализа как интенсивности инновационной деятельности в этих сферах народного хозяйства, так и для выявления особенностей ее территориальной дифференциации. Результаты использования данной методики не являются показательными в современной ситуации. С нашей точки зрения наиболее удачная другая методика.

В настоящее время Институт реформирования общественных финансов при поддержке Минрегионразвития на основе Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации провел собственной исследование и выявил следующую классификацию: локомотивы (мировые города, центры федерального значения), опорные (сырьевые, старопромышленные), депрессивные (фоновые, кризисные), особые регионы (Чечня, Ингушетия). Для отнесения региона к тому или иному виду использовались такие показатели: отраслевая структура ВРП, валовое накопление основного капитала, инновационно-активные организации, доля лиц имеющих выше профессиональное образование в общем числе занятых [18].

Приведенная методика описывает гораздо более широкий аспект инновационного развития регионов. Но, с нашей точки зрения, такой показатель, как доля лиц, имеющих высшее профессиональное образование, в общем числе занятых, является несостоятельным. Поскольку данный показатель характеризует общий уровень образованности населения (человек с высшим образованием не обязательно будет заниматься инновационной деятельностью). Кроме того, к основным показателям следует добавить уровень инвестиций и ситуацию в области патентования.

Любые критерии отбора показателей должны удовлетворять следующим условиям:

- система показателей должна наиболее полно описывать рассматриваемый процесс;
- показатели должны быть измеримы;
- показатели должны собираться официальными органами государственной статистики и наблюдаться не менее трех лет.

На основании этого для оценки инновационного потенциала региона можно использовать следующие показатели:

- уровень креативности и акцепторности региона (количество поданных заявок на патенты и количество использованных передовых технологий на 100 000 городского населения);

- уровень научного потенциала региона (количество научных кадров на 100 000 городского населения, количество инновационно активных организаций, расположение наукоградов, особых зон);
- объемы поступления инвестиций;
- внутренние затраты на исследования и разработки.

Понятие «регион» в современной политической, экономической и географической литературе трактуется по-разному, но в любом случае, это некая территориально выделенная структура, наделенная политическими, экономическими и/или социальными функциями. Причем в зависимости от предмета рассмотрения в указанное понятие может входить целый континент, группа стран, часть территории отдельного государства, а, например, для Российской Федерации – ранее принятая совокупность географически близких областей, федеральный округ, несколько или один субъект федерации [18]. Для удобства анализа в данном случае будем использовать понятие «регион» как федеральный округ.

Таблица 3

Распределение федеральных округов
в зависимости от инновационного потенциала

Показатель Место	уровень креативности	уровень акцепторности	уровень научного потенциала		объем инвестиций	внутренние затраты на науку	наличие особых территориальных образований
			кол-во научных кадров	кол-во инновационно-активных предприятий			
1	Центральный	Приволжский	Центральный	Уральский	Центральный	Центральный	Центральный
2	Уральский	Уральский	Северо-Западный	Приволжский	Уральский	Приволжский	Сибирский
3	Северо-Западный	Центральный	Уральский	Центральный	Приволжский	Северо-Западный	Уральский
4	Приволжский	Дальневосточный	Приволжский	Северо-Западный	Северо-Западный	Сибирский	Северо-Западный
5	Сибирский	Северо-Западный	Сибирский	Южный	Сибирский	Уральский	Дальневосточный
6	Дальневосточный	Сибирский	Дальневосточный	Сибирский	Южный	Южный	Приволжский
7	Южный	Южный	Южный	Дальневосточный	Дальневосточный	Дальневосточный	Южный

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. уровень инновационной активности региона не зависит от количества городского населения (как это было отмечено у В.Л. Бабурина);
2. наличие в регионе особых территориальных образований (наукограды, технограды и пр.) не означает наличие высокого инновационного потенциала;

3. чем выше уровень научного потенциала региона, тем выше уровень креативности и ниже уровень акцепторности;

4. уровень креативности региона приблизительно равен уровню объема инвестиций в регионе и внутренним затратам на исследования.

В общем, по уровню инновационного потенциала, регионы можно расположить следующим образом: 1 место – Центральный, 2 – Уральский, 3 – Северо-Западный, 4 – Приволжский, 5 – Сибирский, 6 – Дальневосточный, 7 – Южный.

В данном случае регионы можно сгруппировать в несколько видов:

1. научные центры (генераторы идей) – Центральный, Уральский, Северо-Западный;

2. Акцепторы – Приволжский, Сибирский;

3. Развивающиеся – Дальневосточный, Южный.

Данное распределение регионов подтверждает теорию диффузии нововведений – чем более отдален регион от центрального, тем ниже его уровень инновационного потенциала. В данном случае важную роль играют региональные органы власти. На региональном уровне государственного управления, тесно связанного с социально-экономическим развитием конкретной территории, эффективным использованием имеющегося материально-технического, сырьевого и трудового потенциала, а также удовлетворением потребностей внутреннего рынка, прерогатива должна быть отдана деятельности, связанной с диагностикой конкурентоспособности производств [3]. Согласно данным, собираемым American National Science Foundation, Россия находится на 33 месте по уровню развития технологической конкурентоспособности. До сих пор одним из главных факторов, ограничивающих деловую активность организаций, остается «отсутствие современного оборудования» [9].

Таким образом, при анализе рассмотренных методик видно, что выделяется российский и зарубежный подходы. В российском авторы используют один-два показателя, в то время как в зарубежной практике их количество может исчисляться сотнями. Соответственно, в первом случае идет упрощение методики, во втором – наоборот, усложнение.

Список литературы:

1. Архангельский В.Н. Территориальное управление развитием науки и техники. – М., 1985. – 149 с.
2. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 85-90.
3. Головач Л.Г., Краюхин Г.А., Шайбакова Л.Ф. Регулирование инновационных процессов в регионе. – СПб.: ГИЭЛ, 1997. – 239 с.
4. Егоров Е.Г., Бекетов Н.В. Научно-информационная система региона: структура, функции, перспективы развития. – М.: Academia, 2002. – 224 с.

5. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. Ред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 526 с.
6. Отчет о деятельности Роспатента в 2006 г. // www.fci.ru.
7. Полдина Т.В. Экономический анализ и оценка инновационной активности и конкурентоспособности регионов Приволжского Федерального Округа. // Региональная экономика: теория и практика. – 2005. – №4. – С. 34-39.
8. Рахматуллин И.Ф. Информационная инновационная экономика как шанс ускорения внутренней модернизации // Инновации. – 2005. – № 10.
9. Россия в цифрах 2007: Крат ст. сб. / Росстат. – М.: 2007. – 494 с.
10. Сайфиева С.Н. Влияние инноваций на развитие ключевых отраслей экономики России / Теория и практика институциональных преобразований в России. Под ред. д.э.н., проф. Б.А. Ернзкяна. Выпуск №7. – М.: ЦЭМИ РАН, 2006.
11. Roessner David, Porter Alan, Newman Nils, Xiao-Yin Jin. A Comparison of Recent Assessments of the High-Tech Competitiveness of Nations // www.tpac.gatech.edu/public_papers/comparison_paper.pdf.
12. Porter M.E., Ketels C. Competitiveness at the crossroads: choosing the future direction of the Russian Economy // http://www.csr.ru/_upload/editor_files/file0029.pdf.
13. Science and Engineering Indicators report// <http://www.nsf.gov/statistics/seind06/>.
14. WIPO Patent Report. Statistics on Worldwide patent activities. 2006 Edition // www.wipo.int/ipstats.
15. World Competitiveness Yearbook 2007. Methodology and principles of analysis. // www.imd.ch/research/publications/wcy/index.cfm.
16. Oslo Innovation Manual // www.oecd.org/dataoecd/35/61/2367580.pdf
17. <http://www.nsf.gov/statistics/seind08/pdf/at06.pdf>.
18. http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/2006-12-21_krugliy_stol_tipologiya_-01-_tipologiya_subjectov_rf.ppt?AttachID=757#420,23.

УПРАВЛЕНИЕ ПОРТФЕЛЕМ БРЕНДОВ

© Рыбченко С.А.

Ульяновский государственный технический университет,
г. Ульяновск

Статья посвящена изучению содержания подходов к управлению корпоративным портфелем брендов, стратегического развития и структуры портфеля брендов, формирования стратегий управления активами бренда.

Решение о количестве брендов в портфеле должно быть тесно связано с анализом функционирования бренда на соответствующем рынке. Каждый рынок может быть сегментирован по товару, ожиданиям покупателей или типу клиентской базы. Количество брендов определяется их функциями (поддерживающие, зонтичные, ассортиментные или товарные). Также важно учитывать долгосрочные корпоративные цели, уровень конкуренции и ресурсы компании. Необходимое число брендов определяется в результате многоэтапного процесса принятия решения с использованием большого числа критериев, в ходе которого рассматриваются и оцениваются различные сценарии [5, С. 303]. Рассмотрим три подхода к управлению корпоративным портфелем брендов (portfolio management):

1. *Азиатская модель бренд-менеджмента* предполагает фокусирование маркетинговой деятельности на корпоративном бренде. Все продукты и услуги, производимые фирмой, имеют одно наименование, одну индивидуальность, один набор ценностей.

В Японии после активного развития рынка в 50-60-е годы XX в. соотношение цены и качества стало определяющим фактором потребительских предпочтений. В этот период японские покупатели начали уделять особое внимание качеству, гарантировать которое могли только крупные производители, способные активно развивать инновационные технологии. Поэтому для большинства японцев качество товара ассоциировалось с крупными фирмами, что и заложило основу развития системы корпоративного брендинга. Впоследствии, по мере развития экономики и насыщения товарных рынков, японские компании стали добавлять новые товары в единый корпоративный портфель, формируя систему *суббрендов*. Общим для всех товарных категорий корпоративный бренд имел зонтичный характер и являлся гарантом компании при выходе на новые региональные и товарные рынки.

Азиатская модель бренд-менеджмента обладает многими преимуществами по сравнению с другими подходами к управлению портфелем брендов:

- сильный корпоративный бренд объединяет весь потенциал «гудвилл»*, он сплачивает сотрудников, работников, акционеров и бизнес-партнеров компании, способствует установлению прочных долгосрочных отношений с поставщиками и гарантирует поступление инвестиций в долгосрочном периоде;
- сильные корпоративные бренды создают общественную поддержку и доверие фирме во время кризисов;
- развитие корпоративного бренда имеет стратегическую направленность и усиливает имидж компании, создавая ей значительное конкурентное преимущество в долгосрочной перспективе;
- процесс разработки и внедрения новых продуктов под одним наименованием требует гораздо меньших затрат и осуществляется быстрее, чем продвижение нескольких брендов одновременно.

Ограниченность использования азиатской модели бренд-менеджмента прежде всего связана с развитием сложных высоко диверсифицированных структур управления, делаая невозможным продвижение единого корпоративного бренда в нескольких товарных категориях. Развитие диверсифицированного производства осложняет распространение корпоративной индивидуальности на все суббренды компании.

Более того, чтобы не противоречить индивидуальностям суббрендов, распространяемая на них корпоративная индивидуальность должна носить общий характер и ничего не символизировать для потребителей. Как следствие, корпоративные бренды имеют абстрактные, сконструированные лингвистически названия – Panasonic, Honda, LG, Moderaterna, благозвучные для национального языка.

Вследствие этих особенностей азиатская модель бренд-менеджмента более эффективна для одноотраслевых, не диверсифицированных компаний. Добиться брендовой идентификации и создать устойчивую репутацию в долгосрочном периоде оказывается легче в рамках одной товарной категории или одного сегмента рынка.

Другой уязвимой чертой азиатской модели является принцип управленческой иерархии «сверху вниз», далеко не всегда отражающий корпоративное видение бренд-менеджмента. Особенно учитывая, что руководящие посты в компаниях традиционно занимают специалисты в области финансов и производства, а не маркетологи и не бренд-менеджеры.

* *Гудвилл* (от англ. *goodwill*) – условная стоимость деловых связей фирмы, цена накопленных нематериальных активов или денежная оценка неосязаемого капитала (престиж торговых марок, опыт деловых связей, устойчивая клиентура), рассчитываемая как разность между ценой предприятий фирмы и ценой ее реального основного капитала

2. *Западная модель бренд-менеджмента* основывается на концепции дифференциации продукта, в соответствии с которой товар наделяется функциональными или эмоциональными отличительными особенностями.

С начала XX в. развитие брендинга на рынках США и Европы основывалось на использовании индивидуальных брендов. Все выпускаемые фирмой товары и товарные линии позиционировались независимо друг от друга и от компании-производителя. Название фирмы-производителя часто вообще не использовалось в маркетинговой деятельности.

Согласно западной модели, корпоративному бренду отводится второстепенная роль в формировании имиджа, а на первый план выходят самостоятельные бренды, принадлежащие фирме. Чаще всего такое решение производителей обуславливается нежеланием переносить имидж компании на все товарные категории или, наоборот, стремлением избежать переноса имиджа отдельных брендов на корпоративный.

Примерами западного подхода к бренд-менеджменту является практика таких фирм, как *Procter&Gamble*, *General Motors*, *Unilever*, *Wimm-Bill-Dann*, которые активно развивают отдельные товарные категории под самостоятельными брендами. Как правило, большим числом различных брендов обладают фирмы-производители товаров повседневного спроса (*Fast Moving Consumer Goods, FMCG*). Например, фирма *Unilever* продвигает продукцию под несколькими брендами – *Lipton* (чай), *Rama* (масло), «Цветы России» (косметика) и более тысячи других.

Корпоративные бренды используются в маркетинговой деятельности компаний гораздо реже, чем товарные, и служат в основном инструментами формирования корпоративного имиджа и репутации фирмы на рынке. Оказанием спонсорской деятельности, участием в благотворительных акциях и мероприятиях паблик рилейшнз компании подчеркивают единство корпорации и силу общего корпоративного бренда. Сложности управления брендами по западной модели:

- разветвленная структура брендового портфеля затрудняет для потребителей понимание сути каждого из суббрендов и негативно сказывается на их индивидуальности, нередко провоцируя внутреннюю конкуренцию;
- большие затраты на продвижение. Фирмы, использующие эту модель бренд-менеджмента, возглавляют рейтинги крупнейших рекламодателей на мировом рынке;
- посреднические сбытовые организации. Стремление торговых посредников усилить собственные бренды, ведет к автономизации их деятельности и негативно сказывается на корпоративной индивидуальности компании-производителя. В итоге производители вынуждены нести дополнительные расходы на реализацию специальных программ по поддержанию корпоративной идентификации.

С учетом данных особенностей управление брендами по западной модели является более эффективным для производителей с меньшим количеством брендов в портфеле и использующих собственные сбытовые сети (или меньшее количество посредников), чем для имеющих сложные многоуровневые структуры и системы сбыта.

3. *Смешанные формы управления брендами* сочетают отдельные элементы обеих моделей. Начало 90-х годов XX в. совпало с мировым экономическим кризисом, затронувшим разные регионы мира. Перестройка мировой системы рекламных коммуникаций выявила различия между базовыми моделями бренд-менеджмента, предложив симбиоз марочного развития. При этом влияние западной модели оказалось более сильным, и «впитавшая» в себя западные традиции японская модель практически перестала существовать в чистом виде. В этот период крупные японские компании, в особенности производители товаров повседневного спроса, начали активно внедрять индивидуальные бренды, позиционируя их независимо от корпоративного бренда (например, бренд Lexus компании Toyota и др.).

В то же самое время ряд европейских компаний, например Philips и Rowenta, напротив, в продвижении своих брендов все чаще стали использовать идею корпоративного единства: «*Philips* – изменим жизнь к лучшему» или «*Rowenta* – радость в вашем доме». Компания *Procter&Gamble*, традиционно использовавшая западный подход к управлению брендами, стала размещать корпоративный знак в рекламе товарных брендов, сопровождая ее титрами: «Продукция компании *P&G*».

Использование комбинированных подходов к управлению брендами позволяет корпоративному бренду усиливать зонтичные и индивидуальные бренды, сохраняя при этом их индивидуальность.

В современных условиях конкуренции, когда коммуникационное пространство перенасыщено, в реальной ситуации границы между подходами к управлению брендами становятся все более размытыми. На сегодня не существует универсальных моделей управления брендами, как нет и однозначных аргументов в пользу выбора того или иного подхода к управлению марочными активами. В каждом конкретном случае такое решение обуславливается многими объективными и субъективными факторами, зависящими от индивидуальности компании и ее брендов. С определенностью можно заключить только одно – чем сложнее структура брендов компании, тем сложнее ее модель бренд-менеджмента [8, С. 106-111].

Стратегическое развитие портфеля брендов

В последнее десятилетие в разных категориях заметно увеличилось предложение товаров. Только на рынке США ежегодно внедряется около

16 тыс. новых товаров, 95 % из которых появились в результате стратегического расширения существующих брендов [7, С. 145]. *Стратегическое управление брендами* направлено на увеличение совокупного марочного капитала фирмы в результате оптимизации структуры портфеля брендов путем определения количества и степени дифференциации брендов. В рамках стратегического управления реализуются две главные цели компании:

- удовлетворить потребности целевых сегментов потребительского рынка лучше, чем конкуренты;
- избежать внутренней конкуренции брендов, не допустив пересечения позиций отдельных брендов в портфеле.

Развитие брендового портфеля фирмы обусловливается маркетинговыми целями фирмы и определяется конкретными условиями рыночной среды, в которой функционирует компания. Стратегическое развитие корпоративного портфеля связано с желанием руководства фирмы увеличить имеющийся капитал путем предложения ценности в новых сегментах.

Одним из инструментов стратегического анализа в управлении брендовым портфелем является *матрица «товар-бренд»*, с помощью которой обосновывается целесообразность стратегических действий в отношении брендов (рис. 1). Заполнение строк и столбцов матрицы дает представление о насыщенности корпоративного портфеля и существовании свободных позиций для его развития.

		ТОВАРЫ			
		1	2	...	N
БРЕНДЫ	A				
	B				
	Z				

Рис. 1. Матрица «товар-бренд» [10, р. 522]

Строки матрицы отображают стратегию расширения бренда, его товарный ассортимент, т.е. все товары, выпускаемые под одним брендом. Столбцы матрицы отражают количество брендов одной товарной группы в корпоративном портфеле. Такое матричное пересечение позиций наглядно демонстрирует стратегические возможности брендового портфеля и является удобным инструментом для оценки целесообразности его стратегического развития.

Оценка возможности стратегического развития портфеля брендов основана на анализе сущности брендов. В этом случае специалисты рекомендуют ориентироваться на степень дифференциации бренда и наличие

у него философской составляющей. Дифференциация бренда акцентирует внимание на тех отличительных признаках товара, которые являются значимыми для потребителей. Бренд с философской основой ориентирован на развитие ценностей, идей и чувств [8, С. 112-113].

Развитие портфеля брендов компании осуществляется в результате *стратегического расширения* существующих и создания новых брендов методами (табл. 1):

- растягивания бренда на новые категории (brand expansion) – формирование ассортиментных брендов;
- расширения семейства бренда (brand extension): расширения ассортиментной линии (line extension); углубления бренда (product extension) – формирование структуры суббрендов.

Таблица 1

Принципы стратегического расширения бренда [3, С. 179]

Дифференциация высокая	Возможно расширение в пределах своей категории	Прекрасная возможность расширения за пределы своей категории
Дифференциация низкая	Расширение затруднено	Возможно расширение за пределы своей категории
	Продуктовая основа бренда	Философская основа бренда

Приоритетность выбора конкретной стратегии для развития портфеля брендов определяется соотношением степени новизны бренда и предлагаемой им ценности и представленностью такой же ценности в товарной категории. Данная зависимость отражена в матрице стратегического развития портфеля брендов (рис. 2) [8, С. 114].

		ТОВАРНАЯ КАТЕГОРИЯ	
		Существующая	Новая
БРЕНД	Существующая	Расширение семейства бренда (brand extension)	Растягивание бренда на новые категории (brand expansion)
	Новая	Многомарочный подход Удлинение товарной линии (line extension)	Расширение товарной номенклатуры (внедрение новых брендов)

Рис. 2. Стратегическое развитие портфеля брендов [7, С. 146]

Растягивание бренда на новые категории предполагает производство и продвижение на рынок новых видов продукции разных товарных групп под одним брендом. Например, под брендом FordCredit продвигаются банковские услуги компании Ford.

Расширение семейства бренда предполагает использование единого бренда для продвижения новых видов продукции той же товарной групп

пы. На практике такое расширение семейства бренда сопряжено с *развитием зонтичных брендов*. Зонтичные расширения использует компания *Wimm-Bill-Dann*, бренд которой «Милая Мила» включает 22 наименования различных продуктов, в том числе молоко, кефир, простоквашу, сметану, творог, масло и др.

Углубление брендов предполагает выпуск дополнительных вариантов и модификаций продукта под одним брендом. Как правило, углубление бренда происходит внутри одной продуктовой линии, назначения и идентичности. Модифицируется только получаемая выгода (размер, вкус, упаковка). В результате линейных и продуктовых расширений появляется подавляющее большинство новых брендов. Так, бренд стирального порошка *Tide* углубляется до суббрендов: *Tide* с запахом лимона, *Tide* альпийская свежесть, *Tide* автомат [8, С. 115].

Таким образом, разновидностью зонтичного бренда является *мультибренд* (*multibrand*), который объединяет товары одной категории и назначения, но предполагает различные выгоды или нацелен на разные потребительские сегменты. К категории мультибрендов относится шампунь *Head&Shoulders* в 31 варианте; российский бренд пива «Невское», объединяющий множество суббрендов: «Невское Светлое». «Невское Классическое», «Невское Крепкое». Четкой границы между понятиями «зонтичный бренд» и «мультибренд» не существует. Разница обусловлена глубиной расширения брендов и зависимостью суббрендов.

Ценовой фактор в стратегическом расширении брендов сохраняет определяющее значение при выборе стратегии развития портфеля брендов. В практике брендинга используются:

- расширение бренда на нижние ценовые сегменты («движение бренда вниз»);
- расширение бренда на верхние ценовые сегменты («движение бренда вверх»).

Расширение бренда на смежные ценовые сегменты обусловливается тремя факторами: усилением конкуренции, появлением нового розничного торгового окружения и технологическими изменениями, а также другими специфическими факторами рыночной среды.

Усиление конкуренции фирм происходит в результате появления новых брендов в традиционных товарных категориях, расширения существующих на рынке брендов, а также вследствие перехода брендов из других сегментов, включая международное продвижение и развитие глобальных брендов. Отсутствие инновационного потенциала у таких брендов заставляет производителей использовать в конкурентной борьбе ценовые методы, переводя бренды в нижние ценовые категории.

Розничная инфраструктура, представленная в настоящее время крупными торговыми сетями, изначально имеет конкурентное преимущество на рынке, обеспечиваемое низкими издержками обращения, что позволяет

таким торговым сетям, как Auchan, вести жесткую ценовую борьбу. Усилению подобных тенденций способствует развитие электронной торговли.

Совершенствование технологий сопряжено с появлением принципиально новых решений и подходов к ценовой политике. Быстрота распространения инноваций на мировом рынке существенно удешевляет все технологические разработки, делая их доступными для массовых потребителей.

Перепозиционирование брендов в нижних ценовых сегментах должно сохранять стандарты воспринимаемого качества для потребителей и не наносить ущерба имиджу и репутации брендов. Согласно проведенным исследованиям, потребители отличают и подсознательно разграничивают родительские бренды и суббренды, полученные в результате расширений. Поэтому если товар обладает таким уровнем качества, который не позволяет ему уравниваться в ценах с конкурентами, то компания создает новую версию продукта – более дешевую с меньшими характеристиками качества. Эффективное расширение на нижние ценовые сегменты основано на четкой дифференциации суббрендов с помощью названия, дизайна, упаковки, рекламы и целостности воспринимаемого качества, поддерживаемого родительским брендом. С целью дифференциации может использоваться числовая маркировка [8, С. 116-117].

Серьезной проблемой при развитии суббрендов на нижние ценовые сегменты становится риск «каннибализма». Когда покупателям предлагают более доступную, а главное, не уступающую по качеству версию уже знакомого и предпочитаемого ими продукта, они могут полностью переключиться с основного бренда на суббренд.

Расширение на верхние ценовые сегменты в ряде случаев оказывается более привлекательным направлением в развитии брендов, поскольку рынок товаров премиум-класса традиционно характеризуется меньшей конкуренцией, низкой ценовой эластичностью и более высокой прибылью операций. Опасность такого расширения скорее связана с недооценкой потенциала нового суббренда потребителями из-за его сильной ассоциативной связи с родительским брендом. Поэтому производители, переводящие свои бренды в премиум-категорию, часто используют индивидуальные бренды, лишённые связи с родительским. Так поступила компания *Toyota*, представив в премиум-классе бренд *Lexus*, отграничив его от имиджа массового автомобиля, присущего в целом автомобилям *Toyota*.

Грамотное применение стратегий расширения способствует эффективному решению маркетинговых задач. В частности, оно обеспечивает:

- расширение рынка за счет новых потребительских сегментов (майонез *Calve* Легкий);
- создание разнообразия (*Colgate* с прополисом, с травами, отбеливающая);

- активизацию традиционных брендов в результате создания новой модификации товара (Diet Coke от компании Coca-Cola);
- выпуск новинок (освежители воздуха Glade Air Fresheners: традиционные аэрозоли, твердые освежители воздуха постоянного действия, освежители в специальной упаковке для автомобилей);
- блокирование или сдерживание конкурентов (благодаря постоянному расширению бренда Gillette – бритва с одним лезвием, бритва с подвижной головкой, бритва с двумя лезвиями и подвижной головкой, бритва с тремя лезвиями и т.д. – компания в течение длительного времени успешно сдерживает основных конкурентов) [8, С. 118].

Расширение и углубление брендов выгодно экономически. Если компания приобрела хорошую репутацию на рынке, а ее основной бренд завоевал доверие потребителей, то продвижение новых суббрендов на рынок потребует меньших усилий и затрат. Развитие бренда в разных товарных категориях добавляет ему свойства, которые способствуют более полному удовлетворению ожиданий потребителей, сформированных на основе позиционирования. Так, вывод на рынок под брендом зубной пасты зубных щеток, зубных нитей и зубочисток будет способствовать более полному удовлетворению ожиданий потребителя в комплексной защите зубов.

Вместе с тем опыт ведущих компаний мира свидетельствует, что расширение границ бренда всегда связано с определенным риском. Избыточное количество дублирующих друг друга товаров на рынке с однотипными свойствами заставляет покупателей усомниться в их уникальности, обещанной изначально брендом. Кроме того, слишком широкий ассортимент выпускаемой под одним наименованием продукции ведет к размыванию престижа бренда [8, С. 119-120].

Структура портфеля брендов: создание архитектуры брендов

В результате стратегических расширений брендов формируются сложные многоуровневые портфели брендов, строение которых определяется следующими факторами:

- маркетинговыми и бизнес-целями фирмы на рынке;
- степенью сегментации рынка;
- дифференциацией продукта;
- моделью бренд-менеджмента;
- системой дистрибуции (развитием дилерских брендов);
- особенностями организационной структуры управления.

Бренды корпоративного портфеля могут находиться в одной или смежных товарных группах, иметь общие ценовые позиции и единые гео-

графические рынки. Отдельные бренды или суббренды представляют собой линейную структуру, вертикальную систему индивидуальных брендов или сложно организованную иерархию зонтичного бренда. Компании, обладающие расширенными брендовыми портфелями, структурируют их, создавая архитектуру каждого из брендов. В вершине структуры находится *корпоративный бренд* – основной родительский бренд, например, Procter&Gamble, Unilever, Nestle, Mars, Wimm-Bill-Dann. Корпоративный бренд представляет собой ключевую компетенцию компании, воплощает основные ценности и миссию. Это самый важный источник идентификации товаров и услуг фирмы.

Ассортиментный бренд охватывает несколько категорий товаров. Это бренд, который поддается расширению или уже является результатом линейного расширения. Так, в случае с General Motors ассортиментный бренд Chevrolet представляет и седаны, и микроавтобусы, и грузовики. *Бренды продуктовой линии* связаны с конкретным видом товара, такие бренды углубляются до суббрендов, которые выделяют часть ассортимента ряда основного бренда и уточняют бренды товарных линий. Это позволяет внедрять на рынке множество модификаций основного продукта. *Родственные бренды* – это зонтичные или суббренды, в названии которых присутствует общее имя: FordFocus – FordFiesta, NesTea – NesQuick. *Индивидуальный бренд* – самостоятельный бренд отдельных товарных линий, или товарного ассортимента (Lexus для Toyota). Как правило, индивидуальные бренды используются для развития товарной категории в разных ценовых сегментах. Так, компания L’Oreal под одноименной маркой продает косметические средства, ориентированные на женщин, достигших в жизни успеха, а под маркой Maybelline позиционируется в более низкой ценовой категории и рассчитана на молодых женщин [8, С. 120-122].

Основная функция расширения бренда – обеспечение экономического роста компании, однако возможности одной торговой марки в этом плане ограничены. Но существует другой способ, позволяющий ей расти, а именно создание новых брендов, отвечающих спросу, который существующая торговая марка не может удовлетворить. Цель портфеля брендов заключается в том, чтобы лучше удовлетворять потребности сегментированных рынков, поэтому любой пересмотр такого портфеля поднимает вопрос, какие сегменты должны быть сохранены [5, С. 303].

а) *Сложный унаследованный портфель брендов*. На сегодняшний день многие фирмы вынуждены управлять большим марочным портфелем. В процессе роста компаний у них наблюдалась естественная тенденция добавлять новые бренды каждый раз, когда возникало желание проникнуть в новые рыночные сегменты или каналы дистрибуции. Это делалось для того, чтобы не создавать конфликтов со старыми сегментами и каналами,

которые могли подвергнуть опасности старые бренды компании. Однако теперь преобладает тенденция к максимально быстрому уменьшению размера марочного портфеля. Для такой смены тенденций существует несколько причин.

1. Для получения значительной доли рынка возможно продвижение только нескольких брендов из портфеля.

В результате концентрации распределительной торговли произошло сокращение числа розничных продавцов. Бренды, работавшие раньше только с определенными каналами дистрибуции, теперь можно найти у какого-либо отдельного оптовика или закупочной группы. Торговля также стала следовать политике создания собственных брендов дистрибьюторов. Их появление одновременно с ограничением пространства на полках супермаркетов приводит к сокращению места, предоставляемого другим торговым маркам, что становится еще одним фактором уменьшения числа брендов.

Международная конкуренция вывела на первый план высокую производительность и низкие издержки, а также привела к перегруппировке производственных единиц и деятельности в области исследований и разработок. Когда товары, какими бы разнообразными они ни были, поступают с одних и тех же фабрик и производственных линий, существование большого марочного портфеля выглядит менее оправданным.

Покупателей сбивает с толку растущее число брендов. По их мнению, компания вводит потребителя в заблуждение, если продает два идентичных товара под двумя разными именами брендов.

5. Интернационализация брендов. На сегодняшний день во многих областях экономики существование национальных барьеров не имеет никакого смысла. Однако не все бренды подходят для международной арены. Размер инвестиций, необходимых для создания серьезного глобального присутствия, предполагает, что компании могут поддерживать только небольшое количество брендов или один для осуществления стратегии монобренда, как это делают Philips, Siemens, Alcatel, Mitsubishi.

Вопрос о количестве включаемых в портфель брендов тесно связан с их стратегической ролью и статусом. Если компания использует только один бренд, можно предположить, что на рассматриваемом ею рынке возможна и уместна политика зонтичного бренда [5, С. 303-304].

б) *Переход от одного бренда к портфелю брендов.* Отношение компаний к брендам меняется: они размышляют над тем, следует ли им использовать политику одного бренда или проникать на рынки с нескольких направлений (множественные входы на рынок)? Некоторые принимают решение сконцентрироваться на небольшом количестве международных брендов, так как это не мешает им продвигать сильные местные бренды в странах их происхождения. Так сделала компания L'Oreal с брендом Dor. Другие сосредотачивают свои усилия на одном бренде (Philips), в то вре-

мя как третьи отказываются от политики одного бренда и создают настоящий марочный портфель, как это сделала компания Michelin [5, С. 305].

в) *Выгоды множественных входов на рынок.* Подход, основанный на использовании портфеля брендов, логическое следствие стратегии дифференциации и, таким образом, не может сосуществовать с политикой низких издержек, принимая во внимание сниженный эффект масштаба, техническую специализацию, специфические торговые сети и необходимые рекламные капиталовложения. Для того чтобы воспользоваться ростом производительности, компании склонны фрагментировать серийное производство в целях дифференциации в самый последний момент, тем самым используя выгоды кривой обучения. Это справедливо для такой отрасли, как бытовые приборы, производства пищевых продуктов, автомобильной индустрии.

С учетом всех преимуществ политики монобренда, что определяет необходимость иметь на рынке одновременно несколько брендов? Прежде всего, это рост рынка. Никакой бренд не может развивать рынок в одиночку. Даже если в самом начале он обеспечивает себе единоличное присутствие, после того как рынок создан, его развитие требует размножения игроков, каждый из которых будет в него инвестировать с целью продвижения своих отличий. Коллективное присутствие ряда брендов, вносящих свой доленой взнос, помогает стимулированию рынка. Множественное присутствие необходимо для поддержки рынка в целом.

Многочисленные бренды обеспечивают лучший охват рынка. По мере его развития возникает необходимость в дифференциации и более широком ассортиментном предложении: рынок становится сегментированным. Бренд не может быть одновременно нацелен на несколько разных качеств, не рискуя при этом потерять свои отличительные особенности. Многочисленные бренды обеспечивают тактическую гибкость, которая позволяет компании ограничить область расширения конкурента. С помощью политики мультибрендов можно остановить любых новых конкурентов, пытающихся выйти на рынок. Надежный барьер на входе на рынок может быть создан за счет предложения розничным продавцам полного ассортимента товаров с именем бренда для каждого сектора рынка. Политика мультибрендов необходима для защиты имиджа основного бренда [5, С. 306-307].

г) *Стратегия глобального портфеля брендов.* В последние несколько лет большие группы компаний проводят политику заполнения своих марочных портфелей дополнительными брендами, делая это за счет приобретений или создания партнерств при одновременном расширении товарного ассортимента некоторых из собственных брендов.

Данная тенденция к увеличению размера компаний частично объясняется теми выгодами, которые можно получить при объединении сил в области исследований и разработок, логистики, производства, дистрибуции и продаж. Еще одна причина возникновения подобной тенденции имеет отношение к уровню финансовых и человеческих ресурсов, на сегодняшний день необходимых для конкуренции на мировом рынке. Третья причина – желание купить себе доминирующее положение и получить возможность ограничить рынок, установив на нем монополию двух конкурирующих компаний или олигополию. И, наконец, последняя причина связана с получением возможности противостоять давлению, возникающему из-за концентрации дистрибьюторов.

Идея марочного портфеля имеет не только количественный аспект, но и предполагает глобальное видение конкуренции на рынке или в рамках категории. Марочный портфель также укрепляет отношения между одним брендом и другими в конкретном портфеле, поэтому принято считать, что ценность бренда может быть повышена благодаря ее принадлежности к более крупному марочному портфелю [5, С. 312-313].

д) *Портфель брендов и сегментирование.* Портфель брендов компании указывает на ее желание как можно лучше удовлетворять потребности рынка не только через дифференцированные товары, но также через различные бренды и, соответственно, разные отличительные особенности. Организация марочного портфеля отражает выбранный компанией тип сегментирования рынка. Рассмотрим особенности связи между портфелем брендов и сегментированием.

- *Социально-демографическое сегментирование.* Полезный инструмент для изучения поведения и предпочтений потребителей и, соответственно, может быть использовано для создания портфеля брендов. Компания Ferrero (Kinder) разработала портфель брендов, строго соответствующий сегментированию по возрасту и учитывающий потребности и ситуации для каждой возрастной группы – от шоколадных яиц Kinder для самых юных покупателей до легких закусок для подростков.
- *Сегментирование по выгодам.* Ключевой критерий сегментирования – основная выгода, которую ищут потребители. Компании могут организовывать свой марочный портфель, позиционируя каждый бренд по одному мотиву, при условии прибыльности своего бизнеса.
- *Сегментирование по отношению.* Обладание двумя параллельными брендами может принести значительные выгоды помимо использования одной производственной базы. Эти бренды нацелены на один и тот же ценовой сегмент, когда одна модель бренда начинает приближаться к концу своего жизненного цикла, другой бренд запуска-

ет свою собственную модель. В результате уровень инновационности группы в рамках каждого ценового сегмента исключительно высокий в сравнении с конкурентами, что становится ключевым фактором успеха на современных рынках.

- *Сегментирование по каналам дистрибуции.* Предоставление различных брендов каждому каналу позволяет избежать конфликтов и проблем, связанных с согласованием цен, а также максимально адаптировать бренд к мотивам клиентов конкретного канала.
- *Ситуативное сегментирование.* Товары приобретаются или потребляются при конкретных обстоятельствах. Соответственно главный вопрос в том, чтобы воздействовать на ситуацию, влияющую на процесс потребления, а не на самих покупателей.
- *Сегментирование по цене.* Это наиболее классический тип организации марочного портфеля. Компания Chanel-Bourjois имеет два бренда: бренд класса «люкс» Chanel и Bourjois для массового рынка [5, С. 308-311].

е) *Соответствие портфеля брендов и организации.* Бренд может добиться успеха только при условии, что факторы, управляющие его созданием, действуют все вместе в координированном и мотивированном порядке. Успех логики группы и портфеля брендов нельзя оценить без анализа условий их разработки и, прежде всего, типа организации. Основной риск для портфеля брендов – постепенное «обессточивание» брендов, опускающихся до состояния все менее и менее дифференцированных «внешних оболочек», выступающих в роли не более чем инструмента известности. Суть бренда состоит в дифференциации. В определенной степени излишняя централизация приводит к потере дифференциации [5, С. 320-321].

Основные правила управления портфелем брендов:

1. координация портфеля брендов. В компаниях возникает тенденция дублирования брендов в рамках одного и того же марочного портфеля, поэтому необходим координатор, который находится выше уровня бренда;

2. размещение инновации в соответствии с позиционированием каждого бренда. Инновации обновляют актуальность и дифференциацию бренда. По этой причине важно иметь ясную и четкую платформу для каждого бренда. Это позволяет размещать инновации в соответствии с ценностями бренда. В связи с этим важно проводить различие между эксклюзивными инновациями теми, которые будут введены в течение определенного периода времени (фазированные инновации), а также определять порядок их распределения между брендами. На размещение инноваций также влияет его позиционирование и доля рынка;

3. портфель брендов – не набор независимых брендов, а отражение глобальной стратегии рыночного доминирования. Корпоративные слияния и поглощения брендов определяются, одной целью – достижением доминирования на рынке, помимо синергизма и снижения расходов, достигаемых за счет объединения ресурсов. Марочный портфель – не просто набор брендов, а хорошо структурированная и согласованная группа, в которой каждый бренд имеет свое место и четко определенную роль;

4. в крупных компаниях существует тенденция к копированию, разрушающая соперничество и воображение бренда. Внутри компании всегда существует основополагающая конкуренция, связанная с ценами, так как в основную задачу групп входит снижение расходов за счет слияния как можно большего числа ресурсов. Основная опасность групп заключается в том, что в интересах экономии они могут ослабить отличительные особенности своего бренда, входящего в марочный портфель. Они делают слишком заметными общие области, которые следовало бы скрывать, или публикуют слишком много информации по факту, что различные модели бренда создаются на основе одной и той же платформы. Важно сделать так, чтобы все видимые части этих брендов отличались друг от друга;

5. фокусирование внимания на тщательно выбранном внешнем конкуренте. Лучший путь завоевания рынка – использование логики портфеля брендов, а не сужение фокуса. Выбор целевого конкурента для каждого бренда повышает шансы на достижение поставленной цели;

6. классический риск портфеля брендов – это его сложность. Чрезмерная фрагментация не позволяет каждому бренду достичь критического размера. Дистрибьюторы также подвержены этому риску, когда они рассматривают свои портфели дистрибьюторами брендов (частных торговых марок) [5, С. 317-320].

Формирование стратегии управления активами бренда

Процесс формирования стратегии управления активами бренда, состоит из следующих этапов: позиционирование бренда, расширение бренда, формирование коммуникаций, развитие каналов распределения; ценообразование бренда.

Позиционирование бренда. В процессе формирования стратегии управления активами бренда концепция позиционирования является стержнем, задающим направление всех маркетинговых коммуникаций, исходящих от бренда. Концепция позиционирования бренда – это система подходов и способов познания явлений и процессов формирования возможных позиций бренда в зависимости от его выгод и преимуществ и актуальности этой позиции для целевого сегмента потребителей. Позиционирование бренда определяет направление, необходимое для ориентации всей организации, и концентрации стратегических усилий компании. Оно происхо-

дит под влиянием внешней среды и не должно осуществляться без самого бренда. Таким образом, позиционирование бренда одновременно является основным источником внутреннего и внешнего развития компании. Позиционирование зависит от ценности бренда, которая делает его отличным от всех остальных брендов. Процесс формирования позиционирования бренда состоит из следующих этапов:

- определение целевого рынка;
- определение бизнеса компании, т.е. с кем она ведет конкретную борьбу (отрасли, компании, товарные группы и т.д.);
- определение отличительных черт и выгод бренда.

Для правильного построения позиции бренда необходимо проводить исследования, для чего составляются тесты по компонентам процесса позиционирования:

1. Изучение целевой сегментации рынка:

- осознают ли покупатели себя частью данного целевого рынка;
- насколько достигаем целевой рынок компанией;
- заинтересован ли целевой рынок в продукции компании;
- обслуживала ли компания этот рынок раньше, почему желает работать сейчас.

2. Определение бизнеса:

- в какой торговой группе отрасли, бизнеса компания конкурирует;
- как изменились конкуренты с течением времени;
- какие силы направляют развитие бизнеса (внутренние или внешние);
- оценит ли рынок участие компании в бизнесе;
- в чем заключаются выгоды и отличия бренда;
- насколько важны для потребителей основные выгоды товара или услуг компании;
- способна ли компания предоставить выгоды потребителям;
- устойчивы ли отличия бренда компании перед конкурирующими брендами;
- какому уровню ассоциаций и ценностей соответствует бренд (уровню выгод или уровню ценностей) [6, С. 134-135].

Чтобы поддерживать позиции бренда в жизнеспособном состоянии, необходимо руководствоваться следующими принципами.

1. Позиция бренда должна обновляться каждые 3–5 лет или чаще, если этого требует изменение стратегии развития компании. Целесообразно рассмотреть пять составляющих успешного позиционирования бренда (рис. 3).

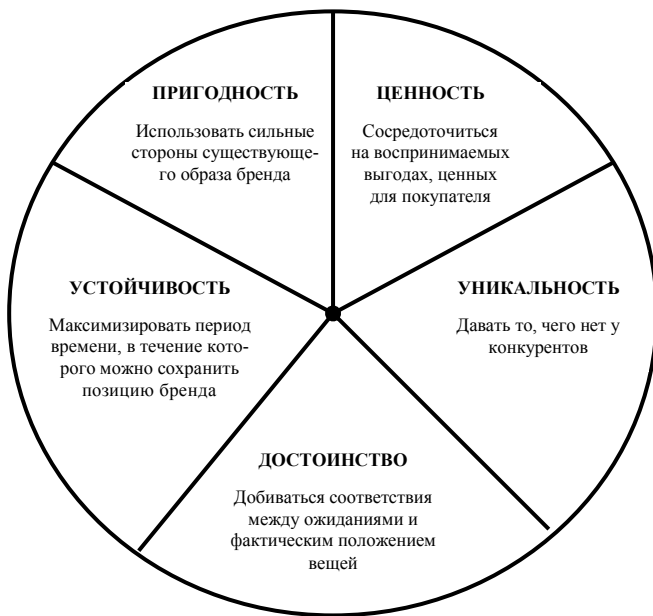

Рис. 3. Основные составляющие позиционирования бренда [6, С. 136]

При пересмотре позиции бренда необходимо исследовать интересы и потребности покупателей, для чего составляются тесты:

а) *доверие* (рассматриваются ли рыночные позиции бренда как адекватные его характеристикам):

- доверяют ли покупатели или целевой рынок заявленной позиции бренда исходя из того, что они знают о нем,
- что необходимо сделать, чтобы позиция бренда выглядела достоверно,
- считают ли покупатели, что позиции других брендов более соответствуют их реальным свойствам,
- способен ли бренд исполнить обещания,
- стоит ли планировать инвестиции на позицию бренда или перестроиться на другой;

б) *устойчивость* (сохранит ли бренд занимаемые позиции в течение длительного периода времени):

- целесообразно ли сохранять текущие позиции и через 3-5 лет.
- в достаточной ли мере осуществляются исследования изменений потребностей и интересов потребителей,
- смогут ли воспроизвести бренд конкуренты,

- чего будут стоять заявленные позиции бренда (внутри и вне компании);

в) *уникальность* (исключает ли позиция бренда предложение конкурентов):

- существуют ли четкие отличия позиции бренда от позиций брендов конкурентов,
- вспоминают ли потребители конкурирующие бренды, если объясняя позицию бренда, не называть его,
- способствует ли позиция бренда четким и ясным коммуникациям, легко ли она воспринимается,
- воспринимает ли рынок позиции как принадлежащие бренду и компании,
- целесообразно ли дифференцировать бренд только потому, что так надо, или в силу того, что он обладает действительно уникальной и ценной позицией;
- соответствует ли занимаемая позиция бренда целям коммуникации,
- будет ли она способствовать повышению рентабельности,
- будет ли способствовать позиция бренда фокусированию планирования в повседневную деятельность,
- будет ли позиция бренда способствовать долгосрочному росту показателей компании и т.д.

2. Позиция бренда должна определять стратегию управления его активами, а также потоками доходов и прибыли – сущность этого принципа состоит в том, что позиционирование является внутренним направлением реализации стратегии во внешней среде. Выбор лучших путей для выхода продукции на целевых покупателей, ценовую стратегию и методы продвижения бренда должны быть непосредственно связаны с определенной позицией.

3. Главенствующая роль руководства в формировании и реализации позиционирования бренда. От действий и поведения высшего руководства зависит успех или неуспех стратегии позиционирования компании. Выполняя свои обязательства, руководство компании должно подтверждать свою заинтересованность на деле, а не ограничивается заявлениями и декларациями.

4. Работники создают позицию бренда, а не рекламные агентства. При формировании позиции бренда необходимо определять направления конкретных действий работников компании с целью выполнения миссии посланников бренда для оживления имиджа, контактов и позиций. При этом необходимо руководствоваться следующими требованиями:

- *осведомленность* – каждый работник должен уметь правильно изложить позицию бренда;
- *направление* – менеджер должен обеспечить свою группу конкретными нормативными правовыми актами, необходимыми для правильного воплощения позиции бренда;
- *понимание* – участники этого процесса должны понимать, почему была выбрана такая позиция и как она затрагивает интересы бренда;
- *вдохновение* – информированность сотрудников о достоинствах и значимости новой позиции бренда (на основе проведенного исследования) и умение смотреть на бренд с точки зрения потребителей;
- *вовлеченность* – позиционирование должно волновать и затрагивать всех, начиная от рядового сотрудника до вышестоящего органа управления компанией, т.е. они должны следовать заявлениям бренда и изменять свое поведение и действия в процессе деятельности;
- *непринужденность* – позиция бренда должна стать естественной потребностью трудовой деятельности сотрудников;
- *критерии* – необходимо определить показатели, по которым сотрудники будут премированы при достижении поставленной цели;
- *обучение* – подготовка и переподготовка сотрудников по реализации позиции бренда снижают риск и увеличивают доходы от его позиционирования.

5. Ориентация сильной позиции бренда на потребителя. При формировании и реализации позиции бренда необходимо тщательно анализировать поступающую информацию о потребностях, интересах потребителей, сильных и слабых сторонах бренда, цели роста, стратегии конкурентов и т.д. При ориентации на покупателя необходимо формировать критерии отбора целевых потребителей, а не только критерии выбора правильной маркетинговой позиции. Уже на этапе формирования образа бренда можно составить несколько позиционных заявлений и протестировать их на рынке. Позиция, составленная без использования составляющих образа бренда, является лишь хорошим заголовком и вместе с тем чем-то второстепенным, несущественным. Поэтому цель исследования заключается не в выборе идеальной позиции, а в интеграции лучших элементов позиционирования. Этот процесс продолжается до тех пор, пока для бренда не будет найдена наилучшая позиция.

Расширение бренда (т.е. капитала бренда) – одна из составляющих стратегии управления его активами. Расширение бренда – это выпуск новых видов продукции под известной торговой маркой основе использования ее сильных черт для удовлетворения потребностей покупателей, а также один из результативных подходов развития и опережения конку-

рентов. Эффективность расширения бренда базируется на доверии к нему потребителей. Основным фактором, определяющим эффективность процесса расширения бренда, является его позиционирование. Оно включает в себя: целевой рынок, определение бизнеса, в котором конкурирует бренд, отличия, уникальность, достоверность, ценные и устойчивые выгоды для компании. При расширении бренда используется один из вышеуказанных факторов [6, С. 135-138]. Каждое расширение должно усиливать индивидуальность бренда, а не ослаблять ее, поэтому нельзя использовать лояльность к бренду для прикрытия слабых сторон продукции. При расширении бренда необходимо учитывать следующие требования:

1. Соответствие расширения видению бренда. Чтобы определить это соответствие, необходимо изучить, как расширение отражается на финансовых показателях и какова его роль в стратегии развития компании.

2. Способность расширять защитные и положительные характеристики образа бренда. Определить эти характеристики очень сложно, так как статус бренда и возможности роста определяются частично восприятием потребителя, и установить, где границы расширения бренда пересекаются с этими возможностями, трудно.

Рис. 4. Обоснование концепции расширения бренда [6, С. 140]

3. Расширение должно соответствовать общей позиции бренда.

Для того чтобы определить соответствие расширения бренда стратегии позиционирования компании, необходимо провести анализ по следующим направлениям:

- способствует или противоречит расширению имиджу бренда;
- способен ли рынок отличить новинку от предыдущих предложений под той же маркой;
- не влияет ли бренд отрицательно на лояльных покупателей, не отпугивает ли он их;
- способна ли новая продукция продаваться по более высокой цене.

Таблица 2

Эволюция торгового портфеля

	Бренд	Продуктовая линия	Продукт-микс
Что это?	Имя или символ	Группа продуктов внутри одной категории	Набор всех продукто-вых линий и отдельных продуктов, которые продает компания
Стратегическая проблема	Брендинг	Координация брендов внутри линии; расширение, сокращение	Размещение ресурсов внутри портфеля. Добавление и удаление продуктовых линий
Управленческий уровень	Бренд-менеджер	Менеджер по категории	Директор по маркетингу
Что анализировать?	Каковы: – лояльность брен-ду? – осведомленность о бренде? – воспринимаемое качество бренда? – ассоциации, свя-занные с брен-дом? – другие активы бренда (патенты, торговые марки, система дистри-буции и т.п.).	<i>Отдача.</i> Процентное распределение продаж по каждому продукту в категории. <i>Длина линии.</i> Оптималь-ное количество предло-жений в рамках одной линии. <i>Позиционирование по сравнению с конкурен-тами.</i> <i>Перспективы расшире-ния.</i> – нисходящее расши-рение (заполнение линии при опасности каннибализма) – восходящее расшире-ние (изменение цено-вых и качественных характеристик това-ров) двухстороннее расширение	Какими должны быть: – ширина: количество продуктовых линий – длина: общее число продуктов в составе микса – глубина: количество вариантов для каж-дого предложения – устойчивость: сте-пень родства про-дуктовых линий

Прежде чем расширять бренд, компания должна выяснить, что он символизирует для потребителей. Основными параметрами, которые определяют потенциал расширения бренда, можно считать:

- видение бренда, которое помогает определить цели и стратегическую роль расширения;
- индивидуальность и контракт бренда, которые дают возможность определить его сильные и слабые стороны;
- модель поведения потребителей, которая определяет потребности, интересы, возможности роста и восприятия бренда, а также границы расширения бренда. Эффективность процесса расширения бренда зависит от правильной разработки его стратегии. Для этого необходимо изучить проблемы и возможности компании (рис. 4) [6, С. 139-141].

Таблица 3

Модели брендинга [4, С. 57]

	Классическая модель бренд-менеджмента	Модель лидерства бренда
<i>От тактического к стратегическому менеджменту</i>		
Перспективы	Тактические и реактивные	Стратегические и на уровне далекой мечты
Статус бренд-менеджера	Мало опыта, короткий горизонт времени (как ожидаемый срок работы в организации)	Высокий статус в организации, длинный временной горизонт
Концептуальная модель	Имидж бренда	Капитал бренда (equity)
Фокус	Краткосрочное финансирование	Измерение капитала бренда (measures)
<i>От ограниченного к широкому фокусу</i>		
Продуктово-рыночный диапазон	Отдельные продукты и рынки	Множественность
Структура бренда	Простая	Комплексная архитектура бренда
Количество брендов	Фокус на отдельном бренде	Фокус на категории – множественные бренды (multiple)
Country score	Отдельная страна	Глобальные перспективы
Коммуникативная роль бренд-менеджера	Координация ограниченных инструментов	Лидер команды of multiple communication option
Коммуникативный фокус	Внешний / потребитель	Внутренний, как и внешний
<i>От продажи к brand identity как ведущей стратегии</i>		
Ведущая или ключевая стратегия	Продажи и доля рынка	Идентификация бренда (brand identity)

Расширение торгового портфеля позволяет привлечь новые сегменты потребителей и удовлетворить любителей большого ассортимента, дает компании возможность заинтересовать целевые аудитории с разным уровнем дохода. Появление новинок становится информационным поводом для общения торговых представителей компании с потенциальными клиентами. Однако не всегда идеи новых продуктов оказываются свежими. Маркетинговые ресурсы, выделяемые на каждый отдельный продукт,

сокращаются, а производственные затраты растут. Лояльность к «старым» продуктам уменьшается, возникает опасность внутренней каннибализации продуктов внутри портфеля (табл. 2).

Сравним наиболее часто применяемые модели управления брендами (табл. 3). Данная классическая модель ориентирована на решение тактических задач.

Построим модель лидерства бренда с расширением ее концепции с учетом задач, стоящих перед внутренним маркетингом. Модель управления брендом переходит в модель двух аспектов – видимую потребителем и скрытую от его восприятия. Скрытая часть – олицетворяет собой внутреннюю работу, формирующую стратегическую позицию бренда внутри организации (рис. 5). Внутреннее позиционирование начинается с выделения целевых аудиторий (сотрудники компании и ее партнеры). К целевым аудиториям внутри компании относятся: руководство; различные функциональные подразделения; персонал; акционеры (владельцы). На следующем этапе для каждой из целевых аудиторий формируется адекватное отражение стратегической позиции бренда путем соответствующих коммуникационных инструментов.

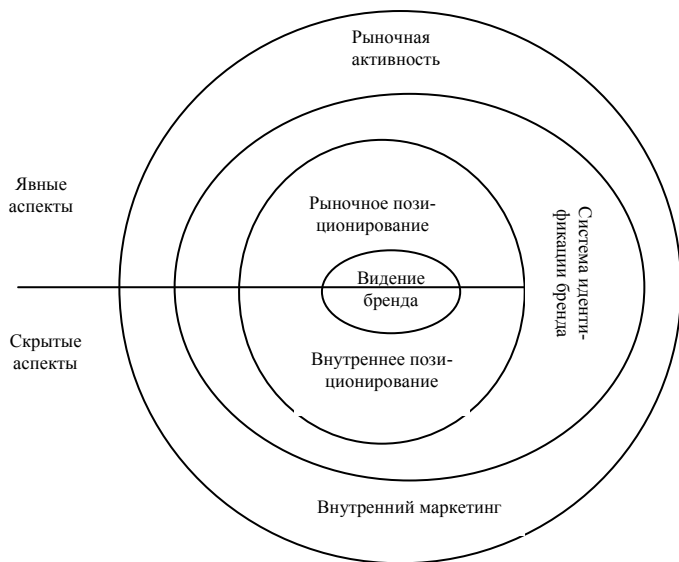

Рис. 5. Концепция управления брендом с учетом модели «стратегические позиции бренда внутри организации»

Можно выделить пять уровней идентификации брендинга (табл. 4) [3, С. 16].

Итак, в мировой практике используется два альтернативных подхода к управлению корпоративным портфелем брендов – западный и азиатский. Азиатская модель бренд-менеджмента предполагает фокусирование маркетинговой деятельности на корпоративном бренде: все продукты и услуги, производимые фирмой, имеют одно наименование, одну индивидуальность, один набор ценностей. Западная модель бренд-менеджмента, напротив, основывается на дифференциации продукта: товар наделяется функциональными или эмоциональными отличительными свойствами. Стратегический бренд-менеджмент направлен на увеличение марочного капитала фирмы. С этой целью оптимизируется структура корпоративного портфеля брендов, в том числе определяются количество брендов в портфеле и степень их дифференциации.

Таблица 4

Уровни идентификации брендинга [2, С. 16]

№ п/п	Класс	Пример
1	2	3
1.	Наивысший уровень идентификации брендинга	
1.1.	Класс глобальных брендов	Coca-Cola, Marlboro, Microsoft, Pirelli, Ford, BMW Group, Samsung Electronics
1.2.	Класс национальных брендов	Finlandia, Tuborg, Toshiba, «А. Коркунов», «Домик в деревне», «Дарья», «Русский стандарт», Apple Macintosh
2.	Высокий уровень идентификации брендинга	
2.1.	Класс корпоративных брендов	«Вимм-Билль-Данн», «Вести»
2.2.	Класс привилегированных брендов	Smirnoff, Tefal, Braun, Beefeater, Remy Martin, Davidoff, Tiffany&Co, Chesterfield, Lali-que
3.	Самодостаточный уровень идентификации брендинга	
3.1.	Класс региональных брендов	«МТУ-Информ», Торговый дом «Перекресток», «Моя семья»
3.2.	Класс локальных брендов	Genius iRu, «Постик'с», Piaget, Moet&Chandon, Agey Tomesh, Baraka
4.	Недостаточный уровень идентификации брендинга	
4.1.	Класс розничных брендов	Marks&Spencer, Cristall
4.2.	Класс немотивированных брендов	«ГУМ-Москва», «Русский стиль», Blend

Корпоративные портфели брендов формируются в результате стратегических расширений – растягиванием основных брендов на новые категории (расширение семейства бренда) и углублением брендов (расширение ассортиментных линий). В ряде случаев компании развивают индивидуальные бренды. Выбор стратегии развития портфеля брендов компании определяется соотношением новизны и ценности брендов.

В результате стратегических расширений формируются сложные многоуровневые структуры брендов, включающие линейные системы суб-

брендов, сложные иерархии зонтичных брендов, индивидуальные бренды, а также их комбинации.

Список литературы:

1. Аакер, Д. Создание сильных брендов / Д. Аакер; пер. с англ. – М., 2003. – 440 с.
2. Головкин, Б. Упругость дифференциации бренда / Б. Головкин // Советник. – 2003. – № 1. – С. 15-17.
3. Гэд, Т. 4D Брэинг / Т. Гэд. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. – 230 с.
4. Длигач, А. Обратная сторона Луны: или тонкости внутреннего позиционирования бренда / А. Длигач, Н. Писаренко // PR в России. – 2005. – № 3. – С. 55-59.
5. Капферер, Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда / Ж.-Н. Капферер; пер. с англ. Е. В. Виноградовой; под общ. ред. В. Н. Домнина. – М.: Вершина, 2007. – 448 с.
6. Макашев, М.О. Бренд: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 207 с.
7. Рожков, И.Я. От брендинга к бренд-билдингу / И.Я. Рожков, В.Г. Кисмерешкин. – М.: Гелла-принт, 2004. – 320 с.
8. Рудая, Е.А. Основы бренд-менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов / Е.А. Рудая. – М.: Аспект-пресс, 2006. – 256 с.
9. Эллууд, А. Основы брэинга: 100 приемов повышения ценности товарной марки: пер. с англ. / А. Эллууд. – М.: ФАИР-ПРЕСС; Изд.-торг. дом «Гранд», 2002. – 336 с.
10. Keller K. L. Strategic Brand Management. New Jersey, 2003.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ЗАТРАТ НА КАЧЕСТВО В СТРОИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

© Салахова Э.К., Салихов С-А. С-М.

Астраханский государственный технический университет,
г. Астрахань

Рассмотрены особенности строительного производства и их влияние на организацию управленческого бухгалтерского учета и контроля. В основной части проанализированы различные подходы к теории учёта классификации и контроля затрат на качество продукта в строительстве. Заключение содержит направления организации управленческого учёта затрат на качество строительного производства – создание резервов на гарантийный ремонт, предупреждение и покрытие потерь от брака, страхование строительных рисков.

Управление современным предприятием невозможно без информации или совокупности сведений о состоянии управляемой системы, управляющих действиях и внешней среде. Значительное внимание при этом уделяется организации управленческого учёта – как области знаний и сфере деятельности, связанной с формированием и использованием экономической информации для управления внутри хозяйствующего субъекта. Целью управленческого учёта, общеизвестно, является оказание помощи управляющим в принятии экономически обоснованных решений [3].

В условиях рыночной экономики значительно усложнился процесс управления строительным предприятием, которому предоставлена полная хозяйственная (выбор организационно-правовой формы, партнёров по бизнесу, в определении рынков реализации своей продукции и т.п.) и финансовая самостоятельность (полное самофинансирование, выработка финансовой стратегии и политики ценообразования) [1].

Строительная отрасль выполняет определяющую роль в экономике, создавая условия для её развития. От уровня качества строительной продукции зависит увеличение национального богатства страны. В то же время, сферу строительства обеспечивают экономическими ресурсами более 70 других отраслей экономики.

Согласно данным статистического исследования в настоящее время строительная отрасль России переживает взлёт деловой активности, сопровождающееся значительным ростом цен на строительные материалы. В Астраханской области за последнее десятилетие число действующих строительных организаций снизилось на 10 %, а объёмы строительных работ, выполненных по договорам подряда,

возросло в 7,3 раза, причём наибольшая часть строительных работ связана с реконструкцией, расширением и техническим перевооружением объектов (90 %). Однако на динамику строительной отрасли влияют серьёзные сдерживающие факторы: высокий уровень налогообложения, низкая платежеспособность заказчиков, значительная величина показателя затрат на 1 рубль товарной продукции. В этой связи, большое внимание в теории и на практике уделяется проблеме оптимизации расходов строительной организации, центральное место в которой отведено управленческому учёту затрат на качество строительного продукта.

Строительное производство имеет свои особенности, которые находят отражение в организации управленческого учёта [4, 5]. К ним можно отнести:

- стационарность и территориальную закреплённость объектов строительства, позволяющих разграничить по прямому признаку результаты их реализации и обеспечить одно из условий внедрения сегментарного учёта – учёт результатов по центрам ответственности и по объектный учёт затрат (участковый учёт затрат);
- подвижность средств производства и трудовых ресурсов, вызывающую необходимость косвенного распределения значительной части затрат на производство (накладных расходов, расходов на содержание и эксплуатацию строительных машин и транспортных средств);
- продолжительный производственный цикл и строгую определённую последовательность выполнения строительно-монтажных работ (СМР), что обуславливает необходимость исчисления себестоимости отдельных работ и себестоимости конечной продукции;
- высокую капиталоемкость и материалоемкость продукции, что отражается на увеличении доли амортизации и транспортно-заготовительных расходов в себестоимости продукта;
- индивидуальность спроса на строительный продукт, ограниченные возможности его стандартизации и унификации.

В то же время в строительной отрасли происходят процессы, которые также оказывают воздействие на управленческий учёт:

- концентрация строительного производства осуществляется в 2-х направлениях – укрупнение строительных организаций и укрупнение объектов строительства, объемов СМР, производимых на одной площадке, создающие преимущества для снижения издержек и эффективного распределения ресурсов;
- расширение специализации – отраслевой (объектной) и технологической, позволяющей обособить отдельные структурные подразделения по изготовлению элементов будущих сооружений, видов ра-

бот и осуществить переход на монтаж готовых конструкций и деталей;

- развитие кооперирования (комбинирования), способствующего совершенствованию технологии, устранению промежуточных операций и сокращению производственного цикла.

Наряду с общеизвестными отличиями управленческого учёта хотелось бы отметить:

- не регламентированность методики его организации со стороны государственных органов и законодательства, что позволяет учесть специфику строительной деятельности хозяйствующих субъектов и осуществить свободный выбор модели управленческого учёта (применение статистических методов накопления, выборки, сравнения, средних и относительных показателей, т.п.);
- выделение в качестве объекта учета результатов и затрат, отклонений от оптимального использования хозяйственных средств, что позволяет широко использовать прогнозные, ожидаемые, расчётные показатели (сметную стоимость объекта, сметы накладных расходов, показатели добавленной и дисконтированной стоимости, маржинальной прибыли, притока и оттока денежных средств, сумм и ставок покрытия и производных от них, т.п.);
- методологическую основу управленческого учёта – теорию принятия решений;
- конфиденциальность данных управленческой отчётности, степень которой должна быть дифференцированной по уровням управления в соответствии с их правами и обязанностями;
- деление управленческого учёта на направления – стратегический учёт для высшего руководства предприятия и текущий учёт для внутреннего менеджмента, сегментарный учёт – учёт по центрам ответственности [1].

Основополагающими принципами управленческого бухгалтерского учёта являются:

- ориентация на удовлетворение информационных потребностей управления, решение задач внутрипроизводственного менеджмента различного уровня прав и ответственности;
- ориентация на группировку затрат и результатов деятельности по внутрипроизводственным структурным подразделениям предприятия;
- мониторинг всей финансово-хозяйственной деятельности предприятия, т.е. отслеживание протекающих процессов в режиме реального времени, оперативный контроль результатов работы, своевременное принятие решений по устранению недостатков, ведущих к

удорожанию себестоимости и снижению рентабельности производства и продаж;

- управление по отклонениям от заранее заданных параметров состояния и поведения объекта.

В качестве предмета управленческого учёта выделяют – планирование, учёт, анализ, контроль и мотивацию деятельности сегментов бизнеса (центров ответственности), направленные на соизмерение доходов с расходами по отдельным сегментам и оптимизацию этого соотношения с целью повышения эффективности функционирования организации в целом. Объектом управленческого учёта признаются – доходы, расходы и результаты сегментов бизнеса (центр ответственности – часть бизнеса, выделенная по соответствующим признакам). Сегментарный учёт позволяет формировать сегментарную отчётность, организовать сегментарный контроль за выполнением принятых решений. Сегмент бизнеса воспринимается в управленческом учёте как микросхема, имеющая свой собственный «вход» (стоимость использованных ресурсов) и «выход» (достигнутый результат) [3]. В качестве результирующих показателей на выходе сегмента можно выделить соответствие произведённых расходов нормативным, величины полученной прибыли – запланированной, показателей достигнутого объёма и уровня качества продукта – запланированным.

Следует отметить, что организационно-методические основы формирования систем управленческого учёта и контроля затрат на качество продукта изучены недостаточно, хотя управленческий учёт затрат на качество имеет конечной целью достижение экономического эффекта и ориентирует на получение прибыли предприятием.

В строительстве проблема качества строительной продукции и затрат на ее обеспечение имеет особую значимость для клиентов и для самих строительных компаний. Качество строительной продукции складывается на двух уровнях: в процессе проектирования объекта строительства и производства СМР. Управление строительными проектами предполагает использование современных технологий строительства, четкой организации производственных процессов, принципов по объектного бюджетирования и оценку рисков. Поэтому проблему управленческого учёта и контроля затрат на качество строительного продукта необходимо рассматривать в комплексе.

В 1986 г. Международной организацией по стандартизации ИСО были сформулированы термины по качеству для всех отраслей бизнеса и промышленности. В 1994 г. терминология была уточнена. Сегодня применяется новое определение, данное в стандарте ИСО версии 2000 г., в котором акцент сделан на взаимодействии продукции с внешним окружением (потребности и ожидания есть не только у потребителей, но и у работников, акционеров и т.п.). В стандарте версии 2000 г. предложено такое определение качества: «Качество – степень, с которой совокупность собст-

венных характеристик выполняет потребности или ожидания, которые установлены, обычно предполагаются или являются обязательными».

Экономическая сущность категории «качество продукта» неразрывно связана с категорией «потребительная стоимость». Потребительная стоимость является более широким понятием, при определении которого и необходимо учитывать двойственный характер этой категории.

В экономике управления качеством потребительная стоимость отождествляется с полезностью. Ведь именно полезность объекта делает его потребительной стоимостью.

Количественная сторона потребительной стоимости как экономической категории – это степень, мера удовлетворения определенной потребности в данном объекте. Таким образом, полезность объекта, это степень предпочтения товаров и услуг потребителем и способность обладать потребительной стоимостью.

Вышесказанное выражает взаимосвязь понятий «качество», «полезность», «потребительная стоимость». При этом качество – это не просто полезность объекта, а степень его полезности. Другими словами, получается цепочка, которой затраты на качество определяют его уровень, а уровень качества определяет степень полезности объекта, непосредственно реализованной в потребительной стоимости (рис. 1).

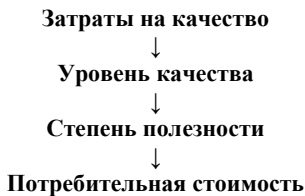

Рис. 1. Взаимосвязь категорий качества и потребительной стоимости

Качество непосредственно связано не только с потребительной, но и с меновой стоимостью, и как следствие – со стоимостью качества. Стоимость качества как эквивалент общественно необходимых затрат труда складывается из затрат на качество продукта (услуги), убытков от дефектов и несоответствий и затрат потребителя на эксплуатацию продукта.

Теоретическая база концепции затрат на качество сформировалась еще в 50-е годы. Начало этому процессу положили отчеты о проведении подобных оценок в некоторых ведущих корпорациях США. Данные, полученные исследовательским отделом «General Systems» показывают, что общие затраты гораздо ниже, а уровень качества выше в компаниях, систематически оценивающих свои затраты на качество и управляющих ими [2].

В нашей стране также проводились исследования, связанные с измерением затрат на качество. В научном плане эти исследования в первую очередь касаются определения понятия «затраты на качество продукции» и подходы к их учету.

На наш взгляд, под затратами на качество следует понимать совокупность затрат, которые вызваны требованием достижения или поддержания оптимального уровня качества на предприятии, т.е. обусловлены плановым контролем качества, мероприятиями по предотвращению и исправлению ошибок внутри и вне фирмы.

Эффективно можно управлять только тем, что можно измерить. Поэтому необходимо, чтобы улучшение качества и уменьшение затрат на его повышение были синхронизированы с методами управления, сфокусированы на конкретных измерениях в областях разработки, реализации, изготовления и распределения.

Современная экономическая стратегия в области качества должна учитывать ухудшающуюся экологическую обстановку, а также влияние на качество внешних для предприятия факторов. Поэтому затраты на качество все в большей мере определяются внешними для предприятия факторами, такими как запросы потребителей, конъюнктура рынка, конкурентная рыночная среда и т.д.

Исследования отечественных и западных ученых—экономистов показывают, что затраты на качество (цена качества) занимают значительный удельный вес в общих затратах на производство. В зарубежных странах величина этих затрат в среднем достигает 25 % общего объема производственных затрат. Причем под влиянием возрастания темпов научно-технического прогресса характерной тенденцией является их неуклонное увеличение.

В рекомендациях Европейской организации по контролю качества отмечалось: что для преуспевания предприятия в конкурентной борьбе ему необходимо расходовать на качество 15-20 % от общих расходов на производство, а в момент становления предприятия – 30-35 % .

В настоящее время многие развитые строительные компании выполняют работы в соответствии с требованиями, предъявляемыми в системе управления качеством ISO 9001-2001. В соответствии с этими требованиями после заключения контракта с заказчиком на основе действующей системы управления качеством составляется программа обеспечения качества работ с учетом специфических требований проекта строительства. В программе управления качеством представлены организационные мероприятия и методы управления качеством для обеспечения надлежащего качества работ по выполнению требований проекта.

Построение системы управленческого учета с точки зрения потребностей менеджмента качества должно осуществляться в любой организации на базе стратегического целевого учета, через механизм анализа рынка.

Принципиальной особенностью управленческого учета в системе обеспечения качества продукции и услуг является необходимость определения затрат на качество не только по предприятию в целом, но и по центрам ответственности и местам формирования внутри организации (центрам ответственности затрат). Если входом процесса, в экономическом смысле, являются затраты на необходимые ресурсы (сырье, материалы, оборудование, документацию и др.), то на выходе мы должны получить определенный результат и соответствующий доход от его реализации. Последний, в свою очередь, приобретает форму затрат для последующего процесса и т.д. добавленная ценность в данном контексте (и только в отношении затрат) имеет форму добавленной стоимости, которая численно равняется разности между полученным доходом от реализации продукции и текущими затратами на привлекаемые ресурсы.

Качество строительства испытывает влияние разнообразных факторов. Анализ этих факторов позволяет улучшить экономическую работу строительных организаций на основе выявления резервов в этой области. Важнейшие обстоятельства, снижающие качество строительства, обычно сводятся к следующим факторам:

- нарушение ритмичности строительного производства;
- отсутствие должной стабильности производственного процесса;
- необеспеченность строительно-монтажных работ необходимыми ресурсами или перебои в их доставке;
- нарушение правил технологии строительства;
- несогласованность действий участников строительства;
- низкая квалификация рабочих;
- неудовлетворительное качество материалов и конструкций.

Производственный ритм нарушается также от условий поставки оборудования и материалов. Кроме неизбежных при этом, отрицательных явлений – спешки и неорганизованности, на качестве работ сказываются условия выполнения большей части работ в зимнее время. Несмотря на то, что индустриализация строительства в значительной степени устранила сезонный характер его работ, тем не менее, их производство в зимнее время менее благоприятно.

В теории различают следующие категории затрат:

- предупредительные затраты – затраты на исследования, предупреждение и снижение риска появления несоответствия или дефекта;
- оценочные затраты – стоимость оценивания достижения требуемого качества, включающая, в частности, стоимость контроля, выполняемого на любой стадии «петли качества»;
- издержки вследствие внутренних отказов – издержки из-за несоответствий или дефектов, обнаруженных внутри организации на лю-

бой стадии «петли качества» (стоимость лома, переделки, повторных испытаний, повторного контроля и повторных конструкторских работ);

- издержки вследствие внешних отказов – издержки из-за несоответствий или дефектов, обнаруженных после поставки заказчику/ потребителю, которые могут включать издержки вследствие рекламаций, стоимость замены и связанные с этим потери, а также цену штрафов;
- затраты, связанные с обнаружением и устранением несоответствий в процессах (затраты несоответствия);
- затраты, связанные с обеспечением соответствия процессов (затраты соответствия). Далее отмечается, что сумма данных затрат составляет полные затраты на процесс.

Специально разработанной классификации затрат на качество в строительных организациях не существует, однако можно выделить три группы:

1. Затраты на оценку качества продукции – это стоимость оценки достижения требуемого качества работ, выполняемых на любой стадии петли качества.

2. Затраты на предупреждение возникновения дефектов – т.е. на исследование, предупреждение и снижение роста несоответствия или дефекта.

3. Затраты, обусловленные внутренними и внешними отказами продукции.

Издержки вследствие внутренних отказов – это издержки из-за несоответствия или дефектов, обнаруженных внутри организации на любой стадии петли качества до передачи изделия от поставщика к покупателю. Издержки вследствие внешних отказов – это издержки из-за несоответствия или дефектов, обнаруженных после поставки заказчику (потребителю).

Современное понятие затрат на качество включает: затраты на оценку качества; затраты на обеспечение качества; затраты на улучшение качества; затраты на управление качеством. Классификация затрат на качество является целевой, в ее основе должен лежать признак центров ответственности (места их возникновения).

Все затраты на качество (если рассматривать их укрупненно) можно разделить на три группы: затраты на улучшение качества, на обеспечение качества и потери от несоответствия. Необходимость разграничения их в учете на группы обуславливается их различной экономической природой, различным значением для оценки результатов деятельности предприятий.

Браком в строительстве считаются строительно-монтажные работы, выполненные с нарушением технических условий, требований СНиПа

или проектного решения, а также повреждение отдельных частей и конструкций зданий и сооружений, допущенные в ходе последующего производства работ. В зависимости от характера дефекта, установленного при проверке качества строительно-монтажных работ, брак делится на исправимый и неисправимый (окончательный). Исправимым браком считаются работы на объекте, переделка которых технически возможна и экономически целесообразна. Окончательным браком считаются работы на объекте, исправление которых технически невозможно или экономически нецелесообразно.

При обнаружении брака должно производиться обследование, результаты которого отражаются в акте, составляемом работниками строительных лабораторий, инженерами по качеству – это предусмотрено условиями договора на строительство. В акте указываются вид брака, место обнаружения (конструктивный элемент, вид работ), сущность и техническая характеристика. Один экземпляр акта должен прилагаться к журналу учета выполненных работ ф. № КС-6, другой передаваться в производственно-технический отдел. На основании акта о браке строительных работ в ПТО должен составляться расчет затрат по его исправлению. Данные расчета подлежат утверждению главным инженером организации. Расчет служит для контроля за работами по исправлению брака, для предъявления счетов к возмещению виновным лицам, а также является основанием для выписки соответствующих расходных документов (требований, нарядов и др.) по отпуску ресурсов на работы по переделке и исправлению некачественно выполненных работ.

Правильный учет брака может быть обеспечен лишь обособленным отражением связанных с ним затрат в дебете счета 28 «Брак в производстве» отдельно по браку в основном производстве (по видам работ и объектам строительства) и браку во вспомогательных производствах. В каждом случае в себестоимость брака предусмотрено относить только прямые затраты (материалы, зарплата производственных рабочих, расходы по эксплуатации машин и механизмов).

По кредиту счета 28 «Брак в производстве» должна отражаться:

- стоимость возвратных материалов, полученных и оприходованных при разборке и ликвидации брака, по цене возможного использования (дебет счета 10 «Материалы»);
- суммы удержаний из заработной платы виновных лиц (дебет счета 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда»);
- суммы признанных претензий, отнесенные за счет поставщиков и подрядчиков (дебет счета 76-2 «Расчеты по претензиям»).

Потери от брака, выявленные на счете 28, должны отражаться в себестоимости работ по прямому признаку (Дт 20 – Кт 28) отдельной статьей. Анализ практики учета потерь от брака на обследованных предприятиях

показал, что затраты по браку в учете не обособляются, потери от брака не выявляются, а по мере осуществления затрат они включаются в соответствующие статьи расходов. Поэтому никакой информации о расходах по браку и потерях от брака на предприятии не создается.

Методика бухгалтерского учета брака в строительстве разработана достаточно, но на практике почти не применяется. Во многом это связано с тем, что для финансового учета (внешней отчетности) это не требуется. Однако организация учета затрат строительного производства предполагает необходимость обособленного учета затрат по браку в производстве. Для этого необходимо обособить первичную документацию о затратах на брак и выделить эти затраты по каждому объекту в регистре по учету затрат на строительные работы (при журнально-ордерной форме – в журнале-ордере № 10-с). Кроме того, в структуре себестоимости строительных объектов (работ) потери от брака необходимо показывать отдельной статьей.

Некоторые дефекты выполненных работ могут быть обнаружены лишь в процессе эксплуатации введенных в действие объектов. Потери от брака, выявленные по объектам, сданным заказчику в прошлые годы, должны покрываться за счет специального резерва или чистой прибыли строительной организации. Эта проблема также требует своего решения.

Действующее законодательство России предусматривает ответственность исполнителя перед заказчиком за качество строительных работ. Учитывая это, представляется необходимым формировать резерв на проведение гарантийных ремонтов и устранение брака.

Резерв на гарантийный ремонт введенных в эксплуатацию объектов (сданных работ) относится к числу резервов на покрытие предвиденных потерь, создаваемых для покрытия предполагаемых затрат, как предусматриваемых, так и не предусматриваемых в договорной цене объектов строительства. Резерв образуется за счет себестоимости основного производства в процентах к стоимости выполненных работ (Дт 26 «Общехозяйственные расходы» – Кт 96 «Резервы предстоящих расходов»).

Начисление резерва может производиться по всем объектам строительства по единому расчету, в этом случае резерв должен быть использован на устранение брака текущего года и прошлых лет в пределах отчетного года, а неиспользованные суммы восстановлены в уменьшение затрат отчетного года (Дт 96 «Резерв предстоящих расходов» – Кт 91 «Прочие доходы и расходы» в соответствии с требованиями п.п. 4, 5 статьи 267 главы 25 НК РФ).

Резерв на гарантийный ремонт и обслуживание может быть образован и по каждому объекту строительства отдельно, исходя из условий договора, сложности выполненных работ и риска возможности допущения брака. В этом случае отчисления в резерв производятся по каждому объекту строительства по отдельному расчету в пределах всего срока строитель-

ва в счет себестоимости данного объекта, резерв числится на балансе строительной организации и может быть использован на цели, предусмотренные при его образовании, в пределах срока гарантии по договору.

В экономической литературе есть предложения, в целях обеспечения подрядчиком обязательств по устранению обнаруженных при эксплуатации объекта недостатков условиями договора строительного подряда может быть предусмотрено, что фиксированная часть стоимости выполняемых работ не оплачивается заказчиком до окончания гарантийного срока эксплуатации объекта. Указанные суммы должны выделяться в справках ф. № КС-3 в виде удержаний из общей стоимости выполненных подрядчиком за отчетный период работ. При этом создание и использование резерва на гарантийный ремонт введенных в эксплуатацию объектов (сданных работ) предлагается отражать следующим образом:

- образование резерва на гарантийный ремонт – Дт счета 26 «Общехозяйственные расходы» – Кт счета 96 «Резерв предстоящих расходов»;
- отражение объема выполненных СМР согласно справке ф. № КС-3 – Дт счета 62.1 «Расчеты с покупателями и заказчиками по СМР» – Кт счета 90 «Продажи»;
- отражение на отдельном субсчете удержанных заказчиком отчислений на гарантийный ремонт в процентах от стоимости СМР
- Дт счета 62.2 «Расчеты с покупателями и заказчиками по резерву на гарантийный ремонт» – Кт счета 62.1 «Расчеты с покупателями и заказчиками по СМР»;
- отражение затрат на ремонт в период гарантийного срока эксплуатации – Дт счета 28 «Брак в производстве» – Кт счетов 10, 69, 70 и др.;
- списание фактических затрат по гарантийному ремонту – Дт счета 96 «Резервы предстоящих расходов» – Кт счета 28 «Брак в производстве»;
- отражение оплаты заказчиком по окончании гарантийного срока эксплуатации объекта суммы задолженности по резерву на гарантийный ремонт – Дт счета 51 «Расчетный счет» – Кт счета 62.2 «Расчеты с покупателями и заказчиками» – по резерву на гарантийный ремонт»;
- присоединение к финансовым результатам отчетного года сумм остатка резерва, не использованного в период гарантийного срока эксплуатации объекта – Дт счета 96 «Резервы предстоящих расходов» – Кт счета 91 «Прочие доходы и расходы».

Наиболее экономически обоснованным является применение механизма страхования профессиональной ответственности строительных организаций и послепусковых гарантийных обязательств.

В общих случаях при добровольном и обязательном страховании строительных рисков на счетах бухгалтерского учета расходы по страхованию отражаются в следующем порядке:

- начисление взносов по страхованию строительных рисков – Дт счета 26 «Общехозяйственные расходы» (25 «Общепроизводственные расходы, при страховании строительных рисков по выполнению СМР на конкретных объектах строительства) – Кт счета 76 субсчет 1 «Расчеты по имущественному и личному страхованию»;
- перечисление суммы страховых взносов – Дт счета 76 субсчет 1 «Расчеты по имущественному и личному страхованию» – Кт счета 51 «Расчетный счет».

Таким образом, организация управленческого учёта и контроля затрат на качество продукции позволит повысить эффективность строительного производства.

Список литературы:

1. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учёт: учеб. Для студентов вузов, обучающихся по экон. Специальностям / М.А. Вахрушина.-6-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – 570 с.
2. Ерофеева В.А. Учёт, информация, управление: прямые и обратные связи. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 264 с.
3. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учёт: Учеб. Для вузов. – М.: Экономистъ, 2003. – 618 с.
4. Либерман И.А. Управление затратами в строительстве. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2005. – 304 с.
5. Семёнов В.М., Набиев Р.А. Финансы строительных организаций: Учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 384 с.

АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ ПО СОСТАВУ ДОМОХОЗЯЙСТВ И ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

© Тропникова Т.А.

Новосибирский государственный университет экономики и
управления – «НИНХ», г. Новосибирск

Методические аспекты определения индикатора социальной сферы – индекса доступности жилья, различны. В статье произведена оценка способности граждан НСО приобретать жилье в собственность за счет своих и заемных средств по составу домохозяйств и видам экономической деятельности, что позволило достаточно точно оценить общие тенденции работы жилищных рынков. Для обеспечения доступности жилья четко прослеживается роль государства.

Решение проблемы обеспечения населения жильем во многом зависит от платежеспособности потребителей на рынке жилья, которая, в свою очередь, определяется отношением и динамикой уровня доходов населения и цен на жилье. Соотношение между ценами на рынке жилья и доходами населения определяет возможности населения приобрести жилье, и, как индикатор социальной сферы, характеризует доступность жилья и может быть определено как показатель *доступности жилья*.

В зарубежной и отечественной экономической теории предлагаются разные подходы к определению его значения: у каждого из них есть свои достоинства и недостатки.

Наиболее используемый и простой способ – это сравнить конкретный уровень дохода, как правило, средний показатель дохода, со стоимостью конкретного вида жилья, как правило, со средней ценой конкретного вида жилья.

Преимущество метода сравнения только двух параметров состоит в том, что всегда есть статистические данные и что сам анализ достаточно прост. Недостатком является то, что такое сравнение не всегда позволяет учесть сложную структуру рынка жилья.

В Программе ООН (Программа Habitat, Резолюция 14/13) по развитию населенных пунктов методика расчета показателя доступности жилья, как одного из 10 ключевых показателей жилищного развития, так же проста, и рассчитывается как отношение медианной стоимости жилья к медианному доходу домохозяйства за год. *Медианная* стоимость жилья – это стои-

мость такого жилья, по отношению к которому 50 % имеющих жилых единиц стоят дешевле, а 50 % – дороже. При этом она определяется на основе понятия «справедливой рыночной цены» (*fair market price*), то есть цены, по которой жильё могло быть продано в течение разумного периода времени продавцом, на которого не оказывается давления. Медианный доход домохозяйства определяется как совокупный денежный доход такого домохозяйства, по отношению к которому половина всех домохозяйств имеют доходы ниже, а половина – выше. В состав доходов включаются доходы из всех источников, в том числе зарплата, доходы от предпринимательской деятельности или неформальной занятости, от инвестиций и другие виды денежных доходов.

Величина такого показателя соответствует числу лет, в течение которых семья может накопить на квартиру при предположении, что все получаемые денежные доходы будут откладываться на её приобретение. При этом при расчёте данного показателя за рубежом обычно используются значения именно медианной рыночной цены жилья и медианного годового дохода домохозяйства. В России в связи с отсутствием данных о медианных доходах и медианных ценах на жильё расчет данного показателя возможен с использованием средней рыночной стоимости жилья и среднего дохода семьи за год.

$$И_{д} = \frac{С}{Д}, \quad (1)$$

где ИД – индекс доступности жилья;

С – средняя рыночная стоимость жилья, усл. ед.;

Д – средний годовой доход домохозяйства, усл. ед.

Экономический смысл индекса доступности жилья состоит в том, что он показывает количество *лет*, необходимых домохозяйству (семье), для того, чтобы приобрести жильё, используя весь свой доход. Следует отметить, что данная методика лежит в основе методики ФЦП «Жилище».

Достоинство данного показателя доступности жилья в том, что он позволяет получить *общую* информацию о работе жилищных рынков и обнаружить их слабые места, которые есть не что иное, как следствие различных недостатков проводимой государством жилищной политики.

Наиболее важным фактором, влияющим на доступность приобретения жилья, являются доходы населения, так как домохозяйства с высокими доходами могут не только быстрее накопить средства для приобретения жилья, но и легче получить кредиты на эти цели. Рост доходов населения увеличивает платёжеспособный спрос на жильё, что в условиях превышения спроса над предложением приводит к росту цен на жилищном рынке. Данные по Новосибирской области подтверждают существование такой

зависимости [6, 10, 17]. Это означает, что изменение доходов населения оказывает заметное влияние на уровень цен на жильё.

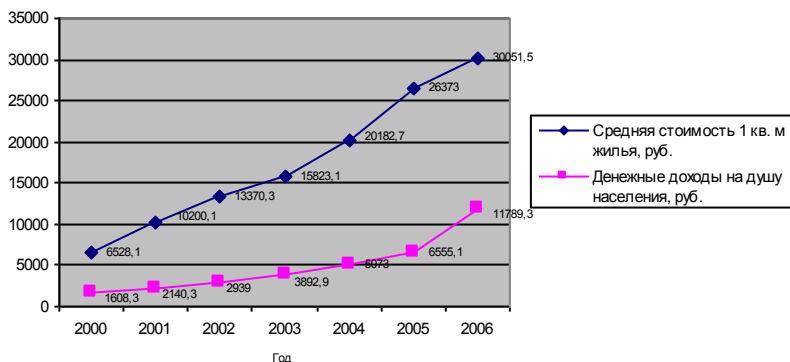

Рис. 1. Средняя стоимость 1 кв. м жилья и денежные доходы населения НСО за 2000-2006 гг.

Используя методику ООН, произведем расчет индекса доступности жилья по составу домохозяйства и видам экономической деятельности жителей НСО с целью определения *общих* тенденций изменения доступности.

Вначале произведем расчет годовых сумм заработной платы, прожиточного минимума, денежного дохода, сальдо вышеназванных показателей [7, 8, 9], а также стоимости квартир с учетом их площади [3].

Используя расчетные данные табл. 1-2, произведем расчет индекса доступности жилья для различного состава домохозяйств населения НСО. Данные табл. 3 свидетельствуют о практической недоступности приобретения жилья. Чем больше состав домохозяйства, тем больше срок. Не смотря на тенденцию снижения индекса доступности жилья, его значения остаются значительными. Так, если в 2001 г. для домохозяйства, состоящего из одного человека, с учетом сальдо годовой зарплаты и прожиточного минимума, для приобретения однокомнатной квартиры понадобилось бы более 22 лет, то и в 2005 г. показатель доступности также имеет значительную величину – более 15 лет. Для домохозяйства из трех человек – аналогичный показатель составил 66 и более 24 лет соответственно, что характеризует недоступность улучшения жилищных условий.

Таблица 1

Расчет годовых сумм заработной платы, прожиточного минимума, денежного дохода, сальдо данных показателей для различного состава домохозяйств населения НСО в динамике за 2001–2005 гг., руб.

Показатель	Состав домохозяйства по количеству работающих	Год				
		2001	2002	2003	2004	2005
Годовая сумма заработной платы	Один	33847,3	46758,4	57198,7	71081,3	87171,6
Годовая сумма прожиточного минимума		19551,0	23610,0	29721,0	32511	36060
Сальдо годовой зарплаты и прожиточного минимума		13796,3	23148,4	27447,7	38570,3	51111,6
Годовая сумма денежного дохода		21045,4	29535,3	42736,7	57829,8	78660
Сальдо годового дохода и прожиточного минимума		1494,4	5925,3	13015,7	25318,8	42600
Годовая сумма заработной платы	Два	66694,6	93516,8	114397,4	142162,6	174343
Годовая сумма прожиточного минимума		39102,0	47220	59442	65022	72120
Сальдо годовой зарплаты и прожиточного минимума		27592,6	46296,8	54955,4	77140,6	102223
Годовая сумма денежного дохода		42090,8	59070,6	85473,4	115659,6	157320
Сальдо годового дохода и прожиточного минимума		2988,8	11850,6	26031,4	50637,6	85200
Годовая сумма заработной платы	Два работающих и один иждивенец	66694,6	93516,8	114397,4	142162,6	174343
Годовая сумма прожиточного минимума		57090,0	68778,0	87069	94707	107772
Сальдо годовой зарплаты и прожиточного минимума		9594,6	24738,8	27328,4	47455,6	66571
Годовая сумма денежного дохода		63136,2	88605,9	128210,1	179489,4	235980
Сальдо годового дохода и прожиточного минимума		6046,2	19827,9	41141,1	84782,4	128208

Таблица 2

Динамика стоимости 1, 2, 3, 4-комнатных квартир в НСО в 2001–2005 гг.

Год	Стоимость квартир, руб.			
	1-комнатная (30 кв. м)	2-комнатная (45 кв. м)	3-комнатная (60 кв. м)	4-комнатная (70 кв. м)
2001	316744,5	475116,75	633489,0	739070,5
2002	401646,3	602469,45	803292,6	937174,7
2003	468974,1	703461,15	937948,2	1094272,9
2004	612681,0	919021,5	1225362,0	1429589,0
2005	791190,0	1186785	1582380	1846110

Таблица 3

Расчет индекса доступности жилья с учетом различных типов квартир
для различного состава домохозяйств НСО за 2001–2005 гг., лет

Год	Исходя из среднегодовой заработной платы						Исходя из среднегодового дохода					
	с учетом сальдо годовой зарплаты и прожиточного минимума			без учета прожиточного минимума			с учетом сальдо годового дохода и прожиточного минимума			без учета прожиточного минимума		
	K=N-1	K=N	K=N+1	K=N-1	K=N	K=N+1	K=N-1	K=N	K=N+1	K=N-1	K=N	K=N+1
<i>Домохозяйство состоит из одного человека</i>												
2001	—	22,9	34,4	—	9,5	14,2	—	221,9	317,9	—	15,0	22,5
2002	—	17,3	26,0	—	8,5	12,8	—	67,7	101,6	—	13,6	20,4
2003	—	17,0	25,6	—	8,2	12,3	—	36,0	54,0	—	10,9	16,4
2004	—	15,8	23,8	—	8,6	12,9	—	24,2	36,0	—	10,5	15,8
2005	—	15,4	23,2	—	9,1	13,6	—	18,6	27,8	—	10,1	15,1
<i>Домохозяйство состоит из двух человек</i>												
2001	11,4	17,2	22,9	4,7	7,1	9,5	105,9	158,9	221,9	7,5	11,3	15,1
2002	8,6	13,0	17,3	4,2	6,4	8,5	33,8	50,8	67,7	6,8	10,2	13,6
2003	8,5	12,8	17,0	4,1	6,1	8,2	18,0	27,0	36,0	5,5	8,2	10,9
2004	7,9	11,9	15,8	4,3	6,5	8,6	12,1	18,5	24,2	5,3	7,9	10,6
2005	7,7	11,6	15,4	4,5	6,8	9,1	9,2	13,9	18,6	5,0	7,5	10,1
<i>Домохозяйство состоит из трех человек</i>												
2001	49,5	66,0	77,0	7,1	9,5	11,1	78,6	104,8	122,2	7,5	10,0	11,7
2002	24,4	32,5	37,9	6,4	8,5	10,0	30,4	40,5	47,3	6,8	9,1	10,5
2003	25,8	34,3	40,0	6,1	8,2	9,5	17,1	22,8	26,6	5,5	7,3	8,5
2004	19,4	25,8	30,1	6,5	8,6	10,1	10,8	14,5	16,9	5,3	6,8	7,9
2005	17,9	23,8	27,7	6,8	9,1	10,6	9,2	12,3	14,4	5,0	6,7	7,8

Далее, для получения общей информации об изменении качества жизни работников различных сфер экономической деятельности, используя статистическую информацию о стоимости различных типов квартир и ежегодной номинальной заработной плате по видам экономической деятельности [2], произведем расчет индекса доступности жилья видам экономической деятельности жителей НСО на первичном и вторичном рынках жилья по 1, 2, 3-х комнатным квартирам.

Таблица 4

Средняя стоимость жилья в НСО на первичном и вторичном рынках
в динамике за 2003–2005 гг., тыс. руб.

Тип квартир	2003 г.		2004 г.		2005 г.	
	первич.	вторич.	первич.	вторич.	первич.	вторич.
Однокомнатная	438,57	498,3	615,12	663,63	743,16	935,22
Двухкомнатная	611,34	694,6	894,72	965,28	1103,48	1388,6
Трехкомнатная	863,85	981,5	1248,88	1347,37	1553,88	1955,46

Интерес представляет то, что на качество жизни в значительной степени влияют условия и среда, в которых осуществляется процесс труда. Повышению уровня и качества жизни способствуют условия, при создании которых происходит рост квалификации работников, самодостаточности и самовыражения, что проявляется в профессиональном и карьерном росте работников.

Таблица 5

Ежегодная номинальная заработная плата по видам экономической деятельности в НСО в динамике за 2003–2005 гг., тыс. руб.

№ п/п	Вид деятельности	2003 г.	2004 г.	2005 г.
1	Руководящее звено (пром.)	300,0	324,0	360,0
2	Рабочие (пром.)	112,2	126,1	151,2
3	Военнослужащие (бюдж.)	55,2	63,8	81,9
4	Работники торговли (коммерч.)	46,8	54,0	72,0
5	Участковый врач (бюдж.)	57,3	65,7	86,7
6	Пенсионеры (бюдж.)	19,2	21,6	21,6
7	Студенты (бюдж.)	5,4	6,6	9,0

Данные табл. 5 свидетельствуют о резкой дифференциации в уровнях оплаты труда руководящего звена промышленности и работников других сфер деятельности, которая составляет от 4,5 до 30 раз. Это соответствующим образом влияет на качество жизни.

Расчет индекса доступности жилья (см. табл. 6) позволил сделать вывод о том, что приобретение жилья для работников различных профессий (рабочих, врачей и т.д.) и сфер деятельности (бюджетной, коммерческой и т.д.) в Новосибирской области недоступно.

Исключение составили работники руководящего звена промышленности, но даже эта высокооплачиваемая категория работников не в состоянии сразу приобрести жилье. Так, для данной категории работников индекс доступности жилья в 2003–2005 гг. по однокомнатным квартирам по первичному рынку имел значение 1,4 года, а по вторичному рынку 1,6 лет соответственно, по трехкомнатным квартирам данный показатель имеет значения от 3 до 6 лет соответственно.

Как показано М.В. Шлыковой соотношение между ценой жилья и годовым доходом домохозяйства не должно превышать 4–6 единиц: $C = 4D$, $C = 6D$, т.е. предельная цена на типовое жилье не должна превышать четырех-шестикратного годового дохода [15].

В НСО предельная цена на типовое жилье не превышает четырех-шестикратного годового дохода только у работников руководящего звена промышленности.

Приведенные расчеты позволили утверждать, что существенного изменения качества жизни работников различных профессий (рабочих, врачей и т.д.) и сфер экономической деятельности (бюджетной, коммерче-

ской и т.д.) и, соответственно, доступности жилья за исследуемый период не произошло.

Таблица 6

Расчет индекса доступности жилья по роду деятельности в НСО
в динамике за 2003–2005 гг., лет

№ п/п	Наименование	Тип квартиры	Индекс доступности жилья					
			2003 г.		2004 г.		2005 г.	
			первич.	вторич.	первич.	вторич.	первич.	вторич.
1	Руководящее звено (пром.)	1 к.	1,4	1,6	1,9	2,0	2,1	2,6
		2 к.	2,0	2,3	2,7	2,9	3,0	3,8
		3 к.	2,8	3,2	3,8	4,1	4,3	5,5
2	Рабочие (пром.)	1 к.	3,9	4,4	4,8	5,4	4,9	6,1
		2 к.	5,0	6,1	7,0	7,9	7,3	9,1
		3 к.	7,7	8,7	9,9	11,0	10,2	12,9
3	Военнослужа- щие (бюдж.)	1 к.	7,9	9,0	9,6	10,3	9,0	11,4
		2 к.	11,0	12,5	14,0	15,1	13,4	16,9
		3 к.	15,6	17,7	19,5	21,0	18,9	23,8
4	Работники торговли (комм.)	1 к.	9,3	10,6	11,3	12,2	10,3	12,9
		2 к.	13,0	14,8	16,5	17,8	15,3	19,2
		3 к.	18,4	20,9	23,1	24,9	21,5	27,1
5	Участковый врач (бюдж.)	1 к.	7,6	8,6	9,3	10,0	8,5	10,7
		2 к.	10,6	15,6	13,6	14,6	12,7	16,0
		3 к.	15,0	17,1	18,9	20,4	17,9	22,5
6	Пенсионеры (бюдж.)	1 к.	22,7	25,8	28,4	30,7	34,3	43,2
		2 к.	31,7	36,0	41,4	44,6	51,0	64,2
		3 к.	44,85	50,9	57,79	62,34	71,9	90,48
7	Студенты (бюдж.)	1 к.	81,22	92,2	93,2	100,55	82,57	103,91
		2 к.	113,21	128,6	135,56	146,25	122,61	154,29
		3 к.	159,97	181,7	189,22	204,15	172,65	217,27

Приведенные расчеты позволили утверждать, что существенного изменения качества жизни работников различных профессий (рабочих, врачей и т.д.) и сфер экономической деятельности (бюджетной, коммерческой и т.д.) и, соответственно, доступности жилья за исследуемый период не произошло.

Повышение доступности возможно за счет использования различных схем приобретения жилья, прежде всего – ипотечного кредита. В этом случае при оценке доступности жилья учитываются требования, предъявляемые кредиторами к ипотечному заемщику.

Метод определения возможности приобретения жилья с помощью ипотечного кредита используется во многих странах мира (например, в США – Национальной ассоциацией риэлтеров). Показатель доступности жилья – это так называемый *индекс доступности жилья HAI*, формула расчета имеет вид [16]:

$$AI = \frac{MI}{I_m} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где AI (affordability index) – индекс доступности;

MI – средний доход домохозяйства, долл.;

I_m – доход, необходимый для получения и обслуживания долгосрочного ипотечного кредита, достаточного для приобретения среднего по стоимости жилья, долл.

Экономический смысл *индекса доступности жилья HAI* – это оценка способности семей со среднестатистическими доходами (или семей, впервые покупающих жилье) получить ипотечный кредит для приобретения жилья по среднестатистической цене. Иными словами, оценивается возможность типичной семьи (В США типичной считается семья с одним работающим членом и доходом, равным среднестатистическому уровню, определяемому Американским бюро статистики) получить ипотечный кредит на приобретение стандартного жилья. Под стандартным жильем понимается готовый многоквартирный дом, продаваемый по среднестатистической, в масштабах страны, цене. Наиболее типичной ставкой по ипотечному кредиту считается ставка по кредитам, предоставляемым на покупку готового жилья Федеральным финансовым советом по жилищному строительству и компанией HSH Associates, Butler, N.J. С помощью этих компонентов и определяется, может ли семья со среднестатистическим доходом получить ипотечный кредит на приобретение типичного жилья.

Значение показателя, равное 100 %, свидетельствует о доступности жилья при условии его приобретения на средства долгосрочного ипотечного кредита, так как средний доход домохозяйства равен доходу, необходимому для получения такого кредита.

Достоинство данной методики в том, что она позволяет оценивать финансовые возможности получения кредита. Недостатком является привязка методики к средним стандартам жилья, отсутствие информации о возможностях приобретения по типам жилья.

Таблица 7

Основные параметры, используемые при расчёте
индекса возможности приобретения жилья с помощью
ипотечного кредита для НСО в 2000-2006 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Срок кредита, лет	10	10	10	15	15	27	30
Процентная ставка, годовая, %	18	18	18	18	15	14	13
LTV – доля заемных средств, %	70	70	70	70	70	70	70
Платёж к доходу, %	30	30	30	30	30	30	30
Средняя площадь жилья, кв.м.	54	54	54	54	54	54	54

Расчет *индекса доступности жилья HAI* для НСО произведен с использованием основных параметров Новосибирского отделения Агентства ипотечного жилищного кредитования (НО АИЖК), стандартных условий для типового заемщика банка и методики ФЦП «Жилище» для домохозяйства, состоящего из трёх человек и доходов, которые необходимо иметь для приобретения стандартного жилья размером 54 кв. м.

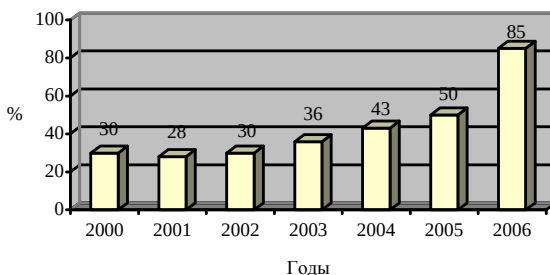

Рис. 2. Индекс доступности жилья *HAI* (возможность приобретения жилья с помощью ипотечного кредита) в НСО в 2000 – 2006 гг., %

Расчет индекса доступности жилья *HAI* для НСО показал, что, несмотря на положительную динамику, возможности у среднестатистического домохозяйства для приобретения стандартного жилья с помощью ипотечного кредита отсутствуют. Так, если в 2000 г. среднестатистическое домохозяйство имело лишь 28 % от необходимого дохода, то и в 2006 г. доходы составляли только 85 % от необходимого для получения долгосрочного кредита.

Вывод таков, что при значении индекса доступности жилья *HAI* меньше 100 % среднестатистическое домохозяйство всё же может увеличить размер жилья или его качество с помощью ипотечного кредита при условии, например, продажи старого жилья.

Таким образом, полученные значения индикатора социальной сферы «доступность жилья», рассчитанные по используемым в международной практике методикам, не смотря на положительную динамику, свидетельствуют о том, что возможности у среднестатистического домохозяйства в НСО крайне ограничены, доступность приобретения жилья низкая, что подавляющая часть населения самостоятельно решить жилищную проблему не может. Выходом из сложившейся ситуации является необходимость использования различных схем приобретения жилья, необходимых государству для регулирования и выравнивания социальной ситуации.

Список литературы:

1. Гладкова Е.. Ипотечное кредитование в Новосибирской области // Недвижимость и ипотека. – № 9 (10). – 2005 сентябрь. – С. 65-66.
2. Доходы населения по роду деятельности. 2005 г.: Стат. сборник. – Федеральное агентство статистики г. Новосибирска. – Новосибирск, 2005.
3. Индексы и цены на потребительском рынке Новосибирской области 2001–2005 гг. Стат. сб. – Новосибирск: Новосибирский областной комитет государственной статистики, 2005. – С. 70.
4. Косарева Н., Туманов А.. Об оценке доступности жилья в России // Вопросы экономики. – 2007. – № 7. – С. 118-135.
5. Методика оценки эффективности федеральной целевой программы «Жилище» на 2002 – 2010 годы. Приложение № 9 к ФЦП «Жилище» на 2002 – 2010 годы. [Электронный ресурс: <http://www.fcp.vpk.ru/>].
6. Российский статистический ежегодник, 2006: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 175.
7. Социально-экономическое положение Новосибирской области: Стат. сб. – Новосибирск: Новосибирский областной комитет государственной статистики. – 2004. – С. 72; 2005. – С. 73, 74, 77, 78.
8. Социально-экономическое положение России. 2004 год: Стат. сб. – Вып. 1–10. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. – С. 396–397, 404–405, 406–407.
9. Социально-экономические показатели. 2006. – Стат. Сб. – М.: Росстат, 2007. – С. 158, 160, 177.
10. Социально-экономическое положение Новосибирской области январь – декабрь 2007. – Стат. Сб. – Новосибирск, январь 2008. – С. 81.
11. Уровень жизни населения Новосибирской области за 1998-2002 годы: Стат. сб./Новосибирск.обл.ком.гос.стат. – Новосибирск, 2003. – С. 13-14.
12. Уровень жизни населения Новосибирской области за 2000-2004 годы: Стат. сб./Новосибирск.обл.ком.гос.стат. – Новосибирск, 2005. – С. 14.
13. Уровень жизни населения Новосибирской области за 2001-2005 годы: Стат.сб./Новосибирск.обл.ком.гос.стат. – Новосибирск, 2006. – С. 14-15.
14. Шарков С.. Новосибирский рынок // Недвижимость и ипотека. – 2005. – № 8 (9). – С. 68-69.
15. Шлыкова М.В. Формирование организационно-экономического механизма жилищного строительства в депрессивном регионе в современных условиях: Автореф. дис. ... канд.экон.наук. – СПб., 2001. – С. 10.
16. The Dictionary of Real Estate Appraisal. – 3rd ed. – Appraisal Institute. – Chicago. – P. 7.
17. <http://www.gks.novosibstat.ru/>

ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА

© Шиндина Ю.А.

Филиал Ульяновского Государственного Университета,
г. Димитровград

В статье представлена ретроспектива развития отечественной плановой науки в условиях административно-командного управления. Проведен анализ эффективности применения методов централизованного директивного планирования при решении макроэкономических задач. Сделаны выводы о достоинствах и ограничениях использования отечественного планового опыта в современных условиях.

Вопросы развития теории и методологии планирования в условиях построения социалистического государства впервые начали широко обсуждаться в середине 20-х годов прошлого века.

В этот период в России были сформированы два основных подхода к планированию: «генетический» – основанный на экстраполяции, и «телеологический» – в своей основе опиравшийся на постановку плановых целей и задач. Создателями «генетического» подхода выступили Н.Д. Кондратьев [21, 22, 23], В.Г. Громан [15], В.А. Базаров [6, 7, 8] и др. Ими была разработана концепция научного планирования, представлявшая собой метод воздействия на экономику в условиях сохранения механизмов рыночного регулирования.

Обозначим суть концепции «генетического» планирования:

- выявлялись основные тенденции развития экономики в настоящий период времени;
- определялась необходимая величина планового периода;
- планирование осуществлялось на основе переноса в будущее (экстраполяции) выявленных тенденций на величину планового периода.

Один из важнейших принципов построения реалистичных планов был определен «генетиками» как *принцип* научно обоснованного экономического *прогнозирования* («научного предвидения»). На нем, в частности, основана Теория конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, его Односекторная модель экономического роста, предназначенная для анализа и прогнозирования долгосрочной динамики макропоказателей [23].

Сторонниками «генетического» направления был сформулирован и *принцип сбалансированности* планов: при их формировании предполага-

лось сохранение рыночного равновесия спроса и предложения при устойчивости денежного обращения. С участием В. Леонтьева был создан первый в мире Межотраслевой баланс развития народного хозяйства за 1923-24 годы [26].

Отметим, что, несмотря на обязательное, по мнению «генетиков», согласование планирования с законами рыночного регулирования, многие из них не отрицали применения «телеологического» подхода. В.А. Базаров, например, предполагал, что в тяжелой промышленности, непосредственно и полностью контролируемой государством, можно «телеологически» построить план. Что же касается сельского хозяйства, государство может лишь косвенно воздействовать на его развитие, поощряя ту или иную стихийно действующую тенденцию [7]. Кондратьев Н.Д. также поддерживал разумное сочетание обоих методов.[19] Несмотря на это, «генетическая» концепция планирования подвергалась критике со стороны сталинского руководства как выступающая за сохранение рыночных условий хозяйствования, и позднее была отвергнута.

Следует отметить, что руководство страны в тот период было заинтересовано в ускоренном повышении темпов роста экономики. За основу для построения системы централизованного планирования была принята «телеологическая» концепция, предусматривающая быстрый переход от рыночного механизма к государственному административному управлению.

Отметим важнейшие, на наш взгляд, особенности «телеологического» подхода к планированию:

- в основе концепции лежала постановка плановых целей;
- планирование базировалось не на учете реального рыночного спроса и предложения, а на использовании балансов производства и потребления народного хозяйства;
- товарный обмен фактически заменялся агрегированием и дезагрегированием продукции;
- принятие всех экономических решений происходило на уровне государственного управления;
- закреплялось полное отсутствие автономии у предприятий и организаций.

Исследователь Р. Нуреев справедливо отмечает, что в этот период функция контроля и учета за общественным производством трансформировалась в функцию организации и планирования системы в целом [36].

Был создан Государственный Плановый Комитет, который разработал первый долгосрочный план экономического развития – план ГОЭЛРО. В нем, помимо электрификации, исследовались перспективы долгосрочного развития практически всех отраслей народного хозяйства. Современные исследователи справедливо отмечают, что план ГОЭЛРО и в настоящее

время считается образцом научного системного подхода в решении экономических проблем [10]. Другая значительная плановая разработка того периода – проект первого пятилетнего плана на 1926/27-1930/31 гг., созданный под руководством С.Г. Струмилина.

Вероятно, можно утверждать, что «генетическая» концепция еще некоторое время оказывала влияние на формирование системы планирования в России. Так, например, план ГОЭЛРО – еще не был директивным и частично опирался на экономическое прогнозирование. Первый пятилетний план также подвергался корректировке под воздействием критики со стороны «генетиков» [15]. В частности, Н.Д. Кондратьев выступал против излишней детализации планов [23], в результате чего был проведен более тщательный анализ исходного уровня хозяйствования, и несколько сокращено количество подробных цифровых расчетов.

Говоря о научном вкладе представителей «телеологического» подхода, выделяют методологию широкого практического использования бюджетных обследований, методологию составления ряда бюджетных индексов, а также методологию составления системы материальных балансов [42].

Заслуживает внимания применение при формировании балансов так называемой *процедуры итераций*. По исследованиям, в теории и практике социалистического планирования была разработана процедура согласования индивидуальных планов «снизу» с общественными потребностями и ресурсами, определяемыми «сверху». Основу пятилетних показателей составляли предложения, подготовленные «снизу» в местных экономических органах, центр выполнял лишь заключительные функции планирования: сведение и агрегирование показателей, составление обобщающих балансов, утверждение плана и доведение директивных показателей до ответственных исполнителей [4]. На наш взгляд, положительным моментом в представленном механизме являлось обращение к плановому опыту отдельного взятого предприятия. При принудительном планировании общественного равновесия спроса и предложения делалась попытка учитывать задачи развития отдельных производств и согласовывать их с глобальными целями развития общества.

Вопрос об эффективности применения директивного планирования в период первых пятилеток до сих пор остается дискуссионным. По данным статистики валовой национальный продукт вырос за период 1928-1932 гг. в 1,86 раз, за 1932-1937 гг. – в 2,12 раз [29]. Некоторые исследователи утверждают, что сбалансированность первых пятилетних планов была достаточно высока, благодаря применению процедуры итераций [4]. Другие, напротив, отмечают, что при планировании основные ресурсы выделялись для развития важнейших отраслей тяжелой промышленности, в ущерб прочим отраслям [24]. Но ученые достаточно единодушны в том, что по инициативе государственного руководства в пятилетние планы включа-

лось большое количество завышенных заданий [4, 36]. Характерно, что эти изменения вносились в планы уже после прохождения процедуры итераций. В результате, расчетные балансы директивных планов многократно нарушались и уже не могли считаться полноценной заменой механизму рыночного регулирования.

Вероятно, причины успешного выполнения первых пятилетних планов следует искать не столько в процедуре их формирования, сколько в применении административно-командных методов при их реализации (всеобщая индустриализация и коллективизация, огосударствление экономики, национализация ресурсов). Чрезвычайная экономическая политика отличалась повсеместным использованием дешевой рабочей силы и игнорированием реальных потребностей населения. Нужно признать, что только в данных условиях централизованное директивное планирование смогло эффективно реализовать себя в 30-е годы.

Плановая наука в годы Великой Отечественной Войны развивалась достаточно интенсивно по причине появления потребности решения крупных экономических задач в экстремальных условиях. Так уже в первые в годы войны возникла необходимость в ускоренном развитии военно-промышленного комплекса и быстром внедрении инноваций. Кроме того, в короткие сроки требовалось осуществить перемещение промышленной базы в восточные регионы страны.

В связи с этим были внесены существенные изменения в организационную структуру системы планового управления экономикой. Прежде всего, усилилась централизация при распределении всех ресурсов. В 1941 году был образован Государственный Комитет Оборона, который объединил в себе экономическое, политическое и военное руководство. Главная его функция состояла в контроле работы наркоматов, которым предоставлялось право самостоятельно распределять и перераспределять материальные ресурсы, производить капиталовложения на восстановление предприятия за счет текущих расходов [10].

В период 45-50 гг. потери в Великой Отечественной Войне поставили экономику перед проблемой нехватки рабочих рук и необходимостью восстановления разрушенной производственной базы и инфраструктуры. Решено было вновь вернуться к пятилетке как основной форме планирования. С этой целью был образован Госкомитет по снабжению народного хозяйства (Госснаб СССР). Госснаб стал работать в контакте с Госпланом, составляя подробную номенклатуру распределения продукции, а министерства, получая соответствующие фонды и ресурсы, осуществляли оперативное снабжение подведомственных предприятий. При этом, как справедливо отмечают многие исследователи, планирование сохраняло мобилизационный директивный характер [25].

Поскольку преодоление хозяйственных трудностей искали в организационной перестройке, интерес для исследователей представлял анализ

проблем методологии и организации действующей системы планирования. Осуществлялись первые попытки применения математических методов при решении задач оптимального планирования. Так в 1939 г. Л.В. Канторович впервые сформулировал задачу оптимального использования ограниченных производственных ресурсов и предложил соответствующий математический метод ее решения [20].

Математический аппарат все более активно использовался в практике разработки и реализации планов экономического и социального развития. С середины 50-х годов в СССР начала применяться математическая оптимизация в виде линейного программирования. В направлении развития экономико-математических методов особую значимость имели работы Л.В. Канторовича [20], В.С. Немчинова [30, 31] и других. В них исследовались разработка методологии общественных оценок в системе плановых расчетов, необходимых для составления народнохозяйственного плана; разработка моделей планового хозяйства, в частности, межотраслевые и межрегиональные балансы производства и распределения продукции и др.

Несмотря на то, что в 50-е годы были достигнуты успехи в области математических методов анализа и прогнозирования, долгосрочное планирование практически не развивалось – после плана ГОЭЛРО в СССР до 60-х годов не создавалось программ, комплексно охватывающих все направления социально-экономического развития страны. Исследователь А.Амосов объясняет приоритет краткосрочных интересов в планировании «стремлением наращивать вал» [4], но, на наш взгляд, более веской причиной, вероятно, следует считать приоритетность задач послевоенного восстановления экономики. Так или иначе, доминирование краткосрочного планирования сохранялась вплоть до 60-х годов – до обострения проблем, связанных с ростом масштабов экономики.

В целом же, оценить эффективность применения централизованного директивного планирования в 40-50х годах достаточно сложно. Многие исследователи дают ему положительную оценку, так как страна в короткие сроки провела конверсию военной промышленности, восстановила объемы производства в гражданских отраслях, осуществила крупные проекты в ядерной промышленности, машиностроении, строительстве [4]. Валовой национальный продукт вырос за период 1938-1945 гг. в 0,95 раз, за 1945-1950 гг. – в 1,98 раз, в 1950-1955 гг. – в 1,7 раз, за 1955-1960 гг. – в 1,59 раз [29]. С другой стороны, как справедливо отмечает экономист Б.Курашвили, нельзя забывать о минимизации требований населения страны к уровню и дифференциации потребления [25]. Таким образом, вероятно, справедливо говорить о том, что успехи применения централизованного директивного планирования были неразрывно связаны с чрез-

вычайными возможностями командно-административных методов управления.

В 60-е годы в СССР снова обратились к долгосрочному планированию. Были разработаны Энергетическая стратегия, Продовольственная программа, Комплексная программа научно-технического прогресса, Программа социально-экономического развития Нечерноземной зоны и другие [4].

Одновременно осуществлялся переход от постановки задач оптимального планирования к выработке концепции оптимального функционирования социалистической экономики (СОФЭ). Эта система явилась обобщением и развитием идей Л.В. Канторовича, В.В. Новожилова, А.Л. Лурье, В.С. Немчинова и др. Инициатором и руководителем данной работы являлся Н.П. Федоренко, книга которого «О разработке системы оптимального функционирования экономики» (1968) стала первым развернутым изложением идей СОФЭ[44]. Отметим важнейшие положения этой концепции:

- рассмотрение экономики как иерархической системы, которая опеределяет итеративные процессы составления плана;
- идея существования целевой функции социалистического производства; максимизация эффективности функционирования экономики и уровня благосостояния населения;
- признание невозможности полностью централизованного планирования экономики, являющейся сложной системой; сочетание централизации и децентрализации в управлении экономическими и социальными процессами.

Предполагалось, что централизованные народно-хозяйственные планы должны служить базой формирования социально-экономической политики и реализоваться в виде программ, инвестиционных проектов и т.п. При этом взаимодействия между экономическими субъектами планировалось осуществлять посредством рыночных отношений в рамках правового законодательства [38].

Теория оптимального планирования применительно к экономике в целом стала предметом острых дискуссий. Сторонников СОФЭ обвиняли в антима르크сизме за развитие «горизонтальных» товарно-денежных (т.е. рыночных) взаимоотношений между предприятиями и за требование стоимостной оценки считавшихся «бесплатными» природных ресурсов.

На наш взгляд, наиболее объективную оценку вклада СОФЭ в развитие планирования сформулировал один из участников разработки данной системы академик Н.Я. Петраков. По его мнению, СОФЭ с самого начала имела естественную несущую конструкцию – принцип рационального использования ограниченных хозяйственных ресурсов и исходное равновесие экономических механизмов «планирования» и «рынка». В работе

был предложен и осуществлен действительно системный подход к описанию экономических процессов и путей выхода всего народнохозяйственного комплекса на оптимальный режим функционирования, обеспечивающей обществу социальную стабильность в сфере удовлетворения материальных потребностей [38].

Можно говорить о том, что в 60-х годах в советской науке была принята серьезная попытка перейти к комплексному многовариантному планированию. Так основные научные школы осуществляли следующие разработки по данному направлению:

- ЦЭМИ АН СССР – Система моделей многоступенчатой оптимизации перспективного плана, включающая модели трех уровней – народного хозяйства, многоотраслевых комплексов, отраслей;
- Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР – Система моделей оптимального размещения производства;
- ИЭиОПП Сибирского отделения АН СССР – Система оптимизационных отраслевых межрайонных моделей.

Часть этих работ была доведена до конкретных рекомендаций и внедрена в плановую практику. Это модели, оптимизирующие планы размещения производства, перевозок, топливно-энергетический баланс и др. Автоматизированные системы плановых расчетов разрабатывались при участии А. Аганбегяна, А. Анчишкина, В. Дадаева, Б. Смехова, Ю. Яковца и др. [1, 5].

Главной причиной активизации работы по совершенствованию плановой системы было снижение ее эффективности. В целом, темпы роста валового национального продукта, начиная с 70-х годов, стали снижаться. Так если за период 1960-1965 гг. ВВП увеличился в 1,22 раз, и за 1965-1970 гг. – в 1,41 раз, то в 1970-1975 гг. ВВП вырос только в 1,28 раз, и за 1975-1980 гг. – в 1,2 раза [29]. По мнению большинства исследователей, действующий плановый механизм, практически не менявшийся с 30-х годов, перестал соответствовать изменившимся условиям хозяйствования. Так, Б. Курашвили справедливо отмечает, что с ростом масштабов производства было все труднее директивному планированию выполнять интегрирующие функции [25].

Инертность централизованного планирования была связана с жестко определенными процедурами составления и выполнения планов. При планировании «от достигнутого» межотраслевой баланс фактически основывался на нормах затрат предыдущих планов. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывался хронически консервативным [36].

Кроме того, действующая плановая система способствовала торможению научно-технического развития в масштабах всей экономики. Реального внутреннего рынка новшеств не существовало, централизованное

внедрение инноваций было слишком медленным. Исследователь Р.Нуреев справедливо замечает, что ускорению научно-технического прогресса препятствовали многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность их согласования с другими министерствами и ведомствами [36].

Научно-техническое развитие, интенсификация труда, многократный рост масштабов производства и значительное увеличение числа планируемых показателей требовали более оперативного регулирования экономики, например, сокращения временных интервалов на подготовку, согласование и принятие плановых решений.

В середине 60-х годов впервые была предпринята попытка изменить существующий механизм путем усиления роли предприятий в разработке и в согласовании годовых планов. Однако реформа требовала изменения форм собственности, которых не произошло. В результате, Хозяйственная реформа 1965 г. не дала положительных результатов, и удовлетворительного решения проблемы реорганизации плановой системы найдено не было.

В 80-х годах актуальность плановых проблем, вызванных интенсификацией и ростом масштабов народного хозяйства, значительно возросла. По данным статистики в начале 80-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось свыше 12 млн. наименований продуктов [35]. Балансы приобретали все более обобщенный характер, увеличивалось рассогласование производства и распределения продукции. Продолжал снижаться темп прироста валового национального продукта, за период 1980-1985 гг. ВВП увеличился в 1,17 раз, и за 1985-1988 гг. – в 1,08 раз [29].

Для преодоления возникших проблем отечественные ученые предлагали два возможных пути преобразования действующей плановой системы. *Консервативный подход* основывался на базе сохранения директивного планирования, но при некотором увеличении плановой самостоятельности предприятий. Она заключалась в частичной независимости при планировании объемов и ассортимента продукции. Например, В. Иванченко [16] отмечал, что на уровне основных субъектов планирования и хозяйствования – предприятий, объединений, организаций – на переходном этапе планы могли бы самостоятельно разрабатываться на основе программ, лимитов, заказов. По мнению В. Павлова и В. Шпрыгина [37], планирование производства должно было осуществляться на основе государственных заказов и предоставления предприятиям больших прав в самостоятельном принятии решений по производству продукции на основе заключенных с потребителем договоров. При этом должно было сохраняться обязательное выполнение госзаказов и централизованное планирование большинства остальных показателей деятельности предприятий.

Радикальный подход предполагал, в той или иной степени, отказ от директивного планирования, и замену его направляющим (регулятивным, индикативным) планированием. Глазьев С., например, говорил о необходимости и важности перехода с балансовой на программно-целевую технологию планирования, которая соответствует рыночной технологии планирования [14].

Уже не отрицалась возможность сочетания плановых и рыночных регуляторов в управлении социалистической экономикой. В большинстве предлагаемых моделей по интеграции плана и рынка государству отводилась роль определять перспективные и проблемные направления технико-экономического развития и избирательно воздействовать на хозяйствующие субъекты. В качестве примера приведем модель Б. Курашвили, предложенную им в 1987 году, суть которой состояла в использовании трех различных режимов государственного централизованного планирования на предприятиях: общим (регулятивным), временном (ограниченно директивным) или особом (директивном). Режимы отличались степенью самостоятельности плановых решений предприятий [25]. На наш взгляд, подобные преобразования плановой системы, основанные на сохранении директивного планирования в ряде отраслей, могли бы достаточно эффективно применяться на практике при переходе к рыночным условиям хозяйствования.

Однако, следует сказать, что модели постепенного перехода к индикативному планированию не нашли поддержки в органах государственного управления. На наш взгляд, причины тому были следующими: концепции интеграции плана и рынка предполагали, с одной стороны, сохранение государственного контроля над монопольными отраслями, с другой – появление негосударственных производств, равноправно конкурирующих на рынке. Вероятно, справедливо предположить, что это препятствовало использованию административной власти в целях личного обогащения, например, для получения льготных государственных кредитов, лицензий на использование природных ресурсов, создания собственных кооперативов при госпредприятиях, и т.п. Так или иначе, к 90-м годам идеи о сочетании планирования и рынка в России были окончательно отвергнуты.

В начале 90-х годов внешнее политическое воздействие на российскую экономику резко возросло. Можно согласиться с исследователем Р. Нуреевым в том, что модели становления рыночной экономики для России, несомненно, создавались под влиянием рекомендаций мирового сообщества [36]. Российское правительство было заинтересовано в привлечении иностранных кредитов, а МВФ и другие международные финансовые организации в качестве основного условия их предоставления называли применение монетаристских методов регулирования экономики. В частности, предлагалась к внедрению неолиберальная модель, которая пред-

писывала минимизировать государственное участие и ориентироваться на экономику, основанную на частной собственности.

Применительно к России была разработана своя модификация неолиберальной доктрины Вашингтонского консенсуса, получившая название «шоковой терапии». Упрощенно она была сведена к трем постулатам: либерализации, приватизации и стабилизации через жесткое формальное планирование денежной массы. В 1992-1996 гг. последовал ряд приватизаций: чековая приватизация, денежно-залоговые аукционы, инвестиционные конкурсы и др. Либерализация цен и заработной платы дала предприятиям возможность увеличивать выручку от реализации продукции и повышать заработную плату за счет роста цен при уменьшении объемов производства, что привело к росту инфляции.

Стремление бывших союзных республик к экономической обособленности привело к потере многими российскими предприятиями поставщиков материалов, комплектующих изделий и потребителей продукции. Либерализация валютного обмена и внешней торговли сделала возможным мощный приток иностранных товаров, что усугубило спад производства.

Неолиберальная концепция предполагала замену плановой системы механизмом рыночного саморегулирования. Фактически директивное планирование было отменено в 1991 году, с ликвидацией Государственного Планового комитета СССР. В работах отечественных реформаторов планирование в любом виде объявлялось несостоятельным и ненужным [13].

Таким образом, на наш взгляд, развалу плановой системы способствовали:

- с одной стороны – негативные последствия «шоковой терапии» – высокая инфляция, разрушение хозяйственных связей, общий спад производства, которые выступали препятствиями для эффективного применения планирования;

- с другой стороны – общая тенденция государственной политики упразднить институт планирования, как несовместимый с рынком.

Но, в дальнейшем, усугубляющийся кризис заставил задуматься о роли планирования в рыночной экономике. Вновь стали подниматься вопросы о необходимости долгосрочного планирования в виде прогнозирования или индикативного (регулятивного) планирования [2, 16].

В 1995 г. был принят Закон о государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации. На его основе предполагалось разработка государственных прогнозов социально-экономического развития на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы. Прогнозы разрабатывались в нескольких вариантах с учетом вероятностного воздействия внутренних и внешних политических, экономических и других факторов. Они включали в себя количественные показатели и качественные характеристики развития

макроэкономической ситуации, экономической структуры, научно-технического развития, внешнеэкономической деятельности, динамики производства и потребления, уровня и качества жизни, экологической обстановки, социальной структуры, а также систем образования, здравоохранения и социального обеспечения населения. Так началось постепенное внедрение индикативного планирования после упразднения директивного.

После августовского кризиса 1998 г. экономическая обстановка в России несколько стабилизировалась. Благодаря проведению денежно-кредитной политики и сдерживанию роста цен и тарифов на продукцию и услуги, снизились темпы инфляции. В 1999-2000 гг. валовой внутренний продукт вырос на 14 %, объем промышленной продукции – на 24 %, объемом инвестиций в основные фонды – на 24 % [40].

В какой-то степени его функции индикативного планирования в настоящее время выполняет Программа Правительства Российской Федерации на 2000-2010 гг. определяющая цели социальной политики и цели модернизации экономики, а также Планы развития государственного и муниципального секторов экономики, вносимые Правительством РФ в Государственную Думу одновременно с проектом федерального бюджета с 2000 г. Так в настоящее время правительством утвержден перспективный финансовый план, составленный на период 2007-2009 годов, который должен стать основой для всей бюджетной политики России на период до 2010 года.

Однако цельной и эффективной плановой системы государственного индикативного планирования пока не существует. К примеру, до сих пор не разработаны процедуры сочетания финансовой самостоятельности дирекции федеральной программы с государственным контролем за целевым использованием бюджетных средств. То есть, переход к полноценному индикативному планированию пока остается нерешенной и весьма актуальной задачей.

Среди современных отечественных экономистов следует отметить А.Ильина [18], В. Царева [45], М. Бухалкова [12], Л. Басовского [9], М.Алексееву [3], А. Петрова [39] и др., в трудах которых можно найти различные подходы к решению задач в системах стратегического, прогнозного и внутрифирменного планирования. Но, несмотря на большую практическую значимость, пока в современной отечественной литературе довольно мало источников, в которых вопросы планирования освещались бы комплексно.

Обобщая представленную выше ретроспективу отечественного планирования, можем выделить несколько основных этапов его эволюции. Ключевые задачи каждого из рассматриваемых этапов, и инструментарий их решения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Эволюция отечественного планирования. Общие тенденции

Основные задачи	Методы планирования	Основные плановые разработки	Эффективность
1	2	3	4
<i>1920-1930-е годы – Этап становления</i>			
Ликвидация отсталости экономики, индустриализация	«Генетический» подход: прогнозирование, сбалансированность «Телеологический» подход: бюджетные обследования, бюджетные индексы, материальные балансы	План ГОЭЛРО Межотраслевой баланс развития народного хозяйства за 1923-24 годы Пятилетние планы развития народного хозяйства	Рост ВВП 1928-32 в 1,86 раз 1932-37 в 2,12 раз [29]
<i>1940-1950-е годы – Этап роста</i>			
Эвакуация и мобилизация промышленности, восстановление народного хозяйства	Централизованное директивное планирование Методологии общественных оценок в системе плановых расчетов Разработка моделей планового хозяйства	Пятилетние планы развития народного хозяйства Межотраслевые и межрегиональные балансы производства и распределения продукции	Рост ВВП 1938-45 в 0,95 раз 1945-50 в 1,98 раз 1950-55 в 1,70 раз 1955-60 в 1,59 раз [29]
<i>1960-1970-е годы – Этап зрелости</i>			
Интенсификация, повышение эффективности производства, достижение экономической сбалансированности	Моделирование многоступенчатой оптимизации перспективного плана Моделирование оптимального размещения производства Оптимизация отраслевых межрайонных моделей	Пятилетние планы развития народного хозяйства Энергетическая стратегия, Продовольственная программа, Комплексная программа научно-технического прогресса, Программа социально-экономического развития Нечерноземной зоны, СОФЭ	Рост ВВП 1960-65 в 1,22 раз 1965-70 в 1,41 раз 1970-75 в 1,28 раз 1975-80 в 1,20 раз [29]
<i>1980-е годы – Этап спада</i>			
Преодоление отставания научно-технического потенциала, разбалансированности экономики	Административные методы по усилению хозрасчетных отношений и одновременно по усилению директивного планирования	Пятилетние планы развития народного хозяйства Консервативные и радикальные программы преобразования планирования	Рост ВВП 1980-85 в 1,17 раз 1985-88 в 1,08 раз [29]
<i>1990-е годы – Этап ликвидации</i>			
Переход от административно - командной экономики к рыночной, преодоление экономического кризиса	Прогнозирование	Государственные прогнозы социально-экономического развития на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы	Рост ВВП 1995-98 в 0,92 раз 1998-99 в 1,06 раз [40]
<i>2000-е годы – Этап нового становления</i>			
Формирование рыночной экономики, повышение благосостояния населения	Прогнозирование, методы индикативного, программно-целевого и стратегического планирования	Государственные программы, перспективные планы социально-экономического развития, финансовые планы и бюджеты	Рост ВВП 1999-2000 в 1,14 раз [40] 2000-2007 в 1,56 раз [41]

В качестве критерия эффективности применения централизованного директивного планирования использован показатель прироста ВВП. Анализируя его динамику, и учитывая степень решения поставленных задач,

можно условно охарактеризовать представленные этапы как становление, рост, зрелость, спад и ликвидацию системы централизованного директивного планирования.

Представленный анализ эффективности применения централизованного директивного планирования позволяет нам сделать несколько важных выводов о достоинствах и ограничениях использования отечественного планового опыта:

1. Несмотря на характерные отрицательные черты (инертность, бюрократия, сложность модернизации, и т.п.), планирование в СССР представляло собой цельную концепцию научного планирования, достаточно долго эффективно выполнявшую свои функции. Опираясь на данные табл. 1, можно видеть, что использование директивных принципов в планировании было результативным приблизительно с 1920-х до середины 1960-х годов. Справедливо отметить, что в рассматриваемый период большинство производственных отраслей отечественной экономики функционировали как отрасли-монополисты, т.е. практически при полном отсутствии конкуренции. При этом потребительские требования к выпускаемой продукции были невысоки, что объяснялось давлением административно-командной системы управления. В дальнейшем, с ростом масштабов производства и, одновременно, с увеличением потребительских требований, государственное управление посредством директивного планирования постепенно перестало обеспечивать эффективный товарно-денежный обмен.

Таким образом, на наш взгляд, справедливо говорить о том, что применение жесткой плановой централизации давало положительные результаты при относительной стабильности характеристик выпускаемой продукции, низких темпах обновления номенклатуры, централизованном распределении ресурсов и относительно небольшом числе планируемых показателей.

В настоящее время условия хозяйственной деятельности экономических субъектов резко изменились. Высокая конкуренция на рынке требует от предприятий и фирм немедленного реагирования на изменения потребительского спроса. Поэтому очевидна потребность в формировании новой системы планирования, которая отвечала бы требованиям рыночных условий и учитывала особенности отечественного хозяйственного механизма.

2. В то же время, следует отметить ряд важнейших научных достижений полученных в процессе формирования советской плановой системы.

Во-первых, это разработка ключевых принципов научного планирования, которые в дальнейшем легли в основу общемировой теории и практики планирования:

Принцип научной обоснованности планов, представляющий собой все-сторонний анализ исходной информации с применением прогнозирования и математических методов при составлении планов.

Принцип целевого планирования, представляющий собой постановку и конкретизацию плановых целей, и определение формализованных критериев оценки их достижения.

Принцип сбалансированности планирования, предполагающий оптимизацию использования имеющихся материальных, трудовых, финансовых и прочих ресурсов, посредством составления плановых балансов.

Принцип непрерывного планирования, заключающийся в увязке текущих задач оперативного планирования с целями среднесрочного и долгосрочного планирования.

Принцип рационального использования ограниченных ресурсов теории СОФЭ, предполагающий оптимальное функционирование экономики как подсистемы, обеспечивающей обществу стабильность в сфере удовлетворения материальных потребностей.

Во-вторых, это научные разработки в области теории и методологии планирования, которые не утратили своего теоретического и прикладного значения и в настоящее время.

Например, актуальным остается использование *программно-целевого планирования* как эффективной системы комплексного решения макро-экономических проблем. В условиях рынка целевое планирование нужно применять в виде стратегических программ, определяющих целевые установки экономического развития в долгосрочной перспективе. В рамках целевого планирования необходима также конкретизация целей и задач отдельных отраслей или регионов в краткосрочном периоде.

Не вызывает сомнений необходимость применения *прогнозирования* в качестве метода для выявления тенденций экономического развития. На современном этапе в России прогнозирование должно проводиться с учетом стратегических целей и служить ориентиром для поиска оптимальных путей по их достижению. Для эффективного использования прогнозирования в современном плановом механизме представляется целесообразным принятие соответствующих нормативных документов.

Использование опыта советского планирования необходимо при решении вопросов об эффективном применении *нормативных методов в планировании*. На наш взгляд актуальна задача о законодательном утверждении новых пересмотренных норм и нормативов, регламентирующих функционирование деятельности хозяйственных субъектов с учетом рыночных условий.

Целесообразной также представляется современная адаптация важнейших методологических разработок в сфере *формирования планов предприятий*. Здесь внимания заслуживают: механизм согласования планов методом итераций на высших и низших уровнях управления; исполь-

зование балансов как инструмента согласования спроса, предложения и ресурсного обеспечения; система формирования оперативных планов предприятия и многое другое.

Список литературы:

1. Аганбегян А.Г. Управление социалистическим предприятием. – М.: Экономика, 1979.
2. Агапцов С.А., Мордвинцев А.И., Фомин П.А., Шаховская Л.С. Индикативное планирование как основа стратегического развития промышленного предприятия. – М.: Высшая школа, 2002.
3. Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 248 с.
4. Амосов А. Эволюция экономического планирования // Промышленные ведомости. 2002. – октябрь, №14-16.
5. Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. – М.: Экономика, 1973.
6. Базаров В. К методам перспективного планирования. – М., 1924.
7. Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. – 1924. – № 6. – С. 10-14.
8. Базаров В. О перспективах хозяйственного и культурного развития. // Экономическое обозрение. – 1928. – № 6. – С. 54-66. и др.
9. Басовский Л.Е. Прогнозирование и планирование в условиях рынка: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 200 с.
10. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. – М.: Мысль, 1987.
11. Бор М.З., Лукина Р.В. Новый метод планирования и управления производством. – М.: Знание, 1964.
12. Бухалков М.И. Внутрифирменное планирование: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 400 с.
13. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – СПб.: Норма, 1997. – 224 с.
14. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владар, 1993.
15. Громан В. Тезисы к пересмотру контрольных цифр на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. – 1926. – № 2. – С. 83-91.
16. Иванченко В. К теории регулирования современной экономики // Экономист. – 1992. – № 1.
17. Иванченко В. Оценка некоторых теоретических подходов к экономике, планологии и управлению // Экономист. – 1998. – № 11.
18. Ильин А.И. Планирование на предприятии: Учебник / А.И. Ильин. – Мн.: Новое знание, 2003., – 635 с.
19. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Статьи и современный комментарий. / Сост.: Э.Б. Корицкий. – Л.: Лениздат, 1989. – 224 с.

20. Канторович Л.В., Гавурин М.К. Применение математических методов в вопросах анализа грузопотоков // Проблемы повышения эффективности работы транспорта. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. – С. 110-138.

21. Кондратьев Н.Д. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Соц. хоз-во. – 1924. – Кн. 2. – С. 349-372. То же: Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – С. 48-90.

22. Кондратьев Н.Д. Проблема предвидения // Вопросы конъюнктуры. – 1926. – Т.2. Вып. 1. – С. 1-42. То же (с сокращениями): // Экономика и мат. методы. – 1988. – Т. 24. Вып. 2. – С. 245-268; Избранные соч. – М., 1993. – С. 116-165.

23. Кондратьев Н.Д. План и предвидение: К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хозяйства. – 1927. – № 2. – С. 3-36. То же: // Проблемы теории и практики управления. – 1988. – № 3. – С. 84-90; Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – С. 91-134.

24. Крицман Л. О едином хозяйственном плане. – М.: Госиздат, 1921. – С. 6.

25. Курашвили Б.П. От старого хозяйственного механизма – к новому // ЭКО. – 1987. – № 10.

26. Леонтьев В. Экономические эссе. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.

27. Лурье А.Л. Методы линейного программирования и их применение в экономике. – М.: Наука, 1964. – 83 с.

28. Львов Д.С. Эффективное управление техническим развитием. – М.: Экономика, 1990. – 255 с.

29. Народное хозяйство СССР. 1922-1982: Юбилейный статистический сборник. – М.: Статистика и финансы, 1982.

30. Немчинов В.С. Избранные произведения. Том 5. – М.: Наука, 1968.

31. Немчинов В.С. Статистика как наука. // Вопросы экономики. – 1952. – № 10.

32. Немчинов В.С. Применение нормативной статистики при изучении производительности труда в сельском хозяйстве. // «Ученые записки по статистике», т. II. Изд-во АН СССР, 1956.

33. Немчинов В.С. Перспективы развития производительных сил Сибири и Урала. // Плановое хозяйство. – 1956. – № 3.

34. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. – М.: Наука, 1972.

35. Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. – 1990. – № 4. – С. 49.

36. Нуреев Р. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. – № 3. – С. 3-66.

37. Павлов В.С., Шпрыгин В.И. Реформа ценообразования: цели, пути реализации. – М.: Экономика, 1991. – 368 с.
38. Петраков Н.Я. Станут ли просчеты в прошлом уроками для будущего // Вестник РАН. 2002. – № 1. – С. 81.
39. Петров А.Н. Стратегическое планирование развития предприятия: Учебное пособие. – СПб.: УЭФ, 1993. – 106 с.
40. Российский статистический ежегодник. – 1995-2003. Статистический сборник Государственный комитет РФ по статистике.
41. Российский статистический ежегодник. – 2007. Статистический сборник. – М., Росстат, 2007. – 825 с.
42. Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. – Л., 1932. – С. 29-142.
43. Струмилин С.Г. Статистика и экономика / Отв. ред. Т.В. Рябушкин: АН СССР. – М.: Наука, 1979. – 490 с.
44. Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. – М., 1968. – 183 с.
45. Царев В.В. Внутрифирменное планирование. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.

Раздел одиннадцатый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИИ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА

© Бикташев Т.М.

Казанский государственный университет, г. Казань

Статья посвящена исследованию правовой категории «информация» в связи с внесением изменений в действующее законодательство изменений и исключением информации из объектов гражданских прав.

Современный период развития характеризуется переходом от индустриального общества к обществу информационному через внедрение информационных технологий во все сферы и направления деятельности человека. Информация становится экономическим ресурсом стоящим наравне, а зачастую и имеющим большее значение, чем продукты материального производства. Роль информации в ведении бизнеса сложно переоценить. Субъект предпринимательской деятельности, обладающей наиболее полной информацией по ряду необходимых вопросов, а также сумевший сохранить в тайне от конкурентов коммерчески ценные сведения неизбежно, за счет большей информированности, имеет преимущество перед конкурентами во всех сферах деятельности. Не менее важное значение имеет информация и для потребителей, приобретающих товары. Обладая необходимыми сведениями, потребитель может и должен найти именно то, что искал, а также получить необходимые, полные и достоверные сведения о приобретаемом продукте. Отсюда важна роль исследований, направленных на изучение феномена информации в рамках гражданских правоотношений. В настоящее время существует целый ряд научных исследований [1-6], так и касающихся правовых проблем отдельных видов и групп информационных объектов [6-13].

Тем не менее, несмотря на определенную разработанность данной тематики, проблемы гражданско-правового регулирования отношений по использованию информации не потеряли актуальности, особенно с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г., а также части 4 ГК РФ и связанных с ней внесения изменений в гражданское законодательство, в частности в Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Кроме того, ряд важных вопросов, касающихся информации в гражданском обороте не получил должного развития.

С принятием части 4 ГК РФ были внесены значительные изменения в гражданское законодательство. В частности, из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) была исключена информация. Что породило неоднозначную ситуацию, так как фактически информация не исчезла и по поводу нее возникают многочисленные правоотношения.

В качестве основополагающего определения «информация» в данном исследовании используется законодательное определение понятия «информация» установленное в ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, а именно: информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Следует обратить внимание, что подобного рода определением (независимо от формы представления) законодатель различает информацию, связанную с материальным носителем, и информацию как нематериальный объект. Можно отметить, что ст. 771 ГК РФ, ст. 11 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», ст. 10 Федерального закона «О государственной тайне» имеют в виду не документированную информацию, а сведения, т.е. то, что составляет ее содержательную сторону [14].

Таким образом, следует согласиться с позицией, представленной Е.В. Блинковой, согласно которой информация относится к числу нематериальных (идеальных) благ, которая может иметь материальное отображение, но не отождествляться с физическими объектами, служащими ее носителями. Правовое значение в качестве объекта гражданских прав, по мнению автора, может иметь любая информация, способная удовлетворять потребности субъектов гражданского права, по поводу которой они могут вступать в гражданские отношения.

Объекты гражданского права, перечисленные в ст. 128 ГК РФ подразделяются на два основных вида. Первым, самым обширным по содержанию видом объектов гражданских прав являются материальные блага. Особую группу объектов гражданских прав составляют нематериальные блага. Под нематериальными благами ГК РФ понимает не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителей блага и свободы, признанные и охраняемые законодательством, в том числе жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места жительства, право на имя и др. Примерный перечень данных объектов определен в ст. 150 ГК РФ. Данная характеристика нематериальных благ также подтверждается рядом научных исследований

Информация по своей сути, бесспорно, является нематериальным благом. Ю.З. Сахапов, исследуя такой вид объектов гражданских прав, как нематериальные блага, отмечает, что «данная группа объектов по своему характеру является собирательной, а поэтому требует своего определен-

ного уточнения». С целью наиболее точной системной характеристики нематериальных благ автор ставит их в зависимость от категории «интерес», разделяя их на три вида: нематериальные блага, связанные с имущественным интересом субъектов гражданского права (средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и т.д.); нематериальные блага, не связанные с имущественным интересом субъектов гражданского права (блага, определяющие физическую неприкосновенность субъекта права и др.); нематериальные блага, связанные с удовлетворением как имущественных, так и неимущественных интересов. К третьей группе нематериальных благ автор относит информацию как объект особого рода, поскольку информация по своему содержанию может быть как связанной с имущественным интересом, так и нет. Информация, таким образом, довольно часто выступает как компонент правовых отношений, имеющий информационное содержание для обозначения тех объектов гражданских прав, источником ценности которых является информация. Такого рода информацию предлагается определить как «информационную составляющую». Информационные права и обязанности в гражданско-правовых договорах следует отнести именно к информационной составляющей правоотношения. Необходимо отметить, что в действующем ГК РФ законодатель оперирует термином «информация» в ряде статей, и это свидетельствует о том, что в любом отношении и договоре можно выделить информационную составляющую. Непосредственно же информационные права и обязанности контрагентов по договору установлены различными статьями, например: ст. 495 которая говорит о том, что продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже; в ст. 726 в которой подрядчик обязан передать заказчику вместе с результатом работы информацию, касающуюся эксплуатации и иного использования предмета договора подряда; ст. 727 устанавливающей, что если сторона благодаря исполнению своего обязательства по договору подряда получила от другой стороны информацию о новых решениях и технических знаниях, в том числе не защищаемую законом, то сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны; ст. 857, ст. 946 которые вводят понятие «банковская тайна», «тайна страхования» и рядом других статей.

Позиция же, при которой информация целиком исключается из объектов гражданских прав представляется ошибочной, так как правоотношения, предметом которых выступает информация, широко распространены на практике и имеют наиважнейшее значение на современном этапе. Подобная позиция фигурирует в трудах многих цивилистов, например, В.И. Синайский считал, что «предмет, относительно которого устанавливаются права и обязанности лиц, и есть объект права» [16]. Информация обладает

признаками объекта права (правоотношения), ибо реально существует независимо от воли и сознания субъекта, обладает в качестве товара потребительной ценностью (стоимостью), способна непосредственно удовлетворять потребности индивидов и служить средством производства материальных благ, может приобретаться на возмездной основе для осуществления предпринимательской деятельности, служить предметом товарно-денежных отношений, удовлетворять имущественные и личные немущественные потребности субъекта правового отношения. В рамках взаимодействия субъектов общественных отношений информация может передаваться на основе сделок, договоров, в порядке универсального правопреемства. Информация без сомнения пригодна служить объектом (предметом) как гражданских, так и публичных прав, а также иных правовых отношений.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также определяет информацию как объект гражданских правовых отношений.

Таким образом, на основании проведенного анализа мы получаем термин «нематериальный объект гражданского права, имеющий информационное содержание».

Благодаря современным технологиям, новым способам фиксации информация, как объект гражданского права, имеющий информационное содержание обнаруживает себя в давно существующих и устоявшихся с точки зрения правового регулирования отношениях. Ее наличие зачастую придает новый вид данным отношениям, возникают их новые разновидности и, соответственно, появляются особенности в правовом регулировании. «Современный высокоразвитый имущественный оборот не отменяет традиционных юридических конструкций и подходов, а лишь при необходимости видоизменяет их, приспособливая к соответствующим потребностям».

Однако, как нематериальный объект гражданских прав информация обладает рядом особенностей, а именно: неисчерпаемостью, независимостью от материального носителя, неистребляемостью, неограниченностью в пространстве. Благодаря этим особенностям информация не может выступать в качестве объекта права собственности и иных вещных прав и нуждается в особой законодательной защите.

Следует обратить внимание, что законодатель ввел в ГК РФ понятие охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а в ст. 11 федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ устанавливается правовой режим права собственности и иных вещных прав на материальные носители документированной информации. Тем самым, по нашему мнению, законодатель растворяет информацию среди объектов гражданских прав, как-то: вещного, прав

интеллектуальной собственности, работ, услуг и т.д., что свидетельствует о том, что законодатель закрепляет конструкции сочетания средств института собственности и авторского права. Также информация может быть защищена и с помощью договорных методов регулирования, не противоречащих требованиям действующего законодательства. Количество императивных норм ГК РФ, устанавливающих информационные права и обязанности контрагентов в различных гражданско-правовых договорах относительно невелико. Однако ГК РФ разрешает контрагентам по договору устанавливать любые условия, не противоречащие действующему законодательству. Следовательно, лицами желающим защитить информацию, передаваемую по гражданско-правовому договору, следует включать в текст договора соответствующие информационные права и обязанности.

Таким образом, по нашему мнению, законодатель, учитывая специфику информации, исключает ее из числа объектов гражданских прав с целью усиления реальной защиты данного нематериального блага различными гражданско-правовыми институтами.

Информацию для целей данной статьи следует определять, как нематериальный объект гражданского права, который представляет собой сведения независимо от формы их представления и выражающийся в правоотношениях, имеющих информационное содержание.

Аналогичной точки зрения также придерживаются ряд авторов, исследующих вопросы, связанные с информацией и ее правовым регулированием [17-19].

Однако следует отметить, что в связи с решением разработчиков закона относительно категории «информация» под сомнением оказались нормы о передаче информации как в ГК РФ (договоры на выполнение проектных и изыскательских работ – § 4 гл. 37; договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ – гл. 38; договоры возмездного оказания услуг – гл. 39), так и в ряде российских законодательных актах, в том числе в ст. 1 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами», ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», ст. ст. 1, 2, 7, 8, 16, 17, 20, 22, 23, 25, 29, 30 Федерального закона от 18 июля 1999 г. «Об экспортном контроле», ст. ст. 14.20 и 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ, ст. ст. 1 и 2 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», ст. ст. 9, 19 и 23 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании».

Таким образом, на основании проведенного анализа представляется целесообразным внести следующие изменения в действующее законодательство:

Представляется допустимым отнести информацию как гражданско-правовую категорию к нематериальным благам, имеющим свой правовой режим и требующим законодательного закрепления.

Предлагается ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага» назвать «Личные нематериальные блага», дополнить гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» ст. 150.1 «Информация» и дать ей определение как объекта гражданского права:

«Информацией признается нематериальное благо, под которым понимаются сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления, и выражающиеся в правоотношениях, имеющих информационное содержание».

Список литературы:

1. Снытников А.А. Информация как объект гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
2. Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. Зельцер М.С. Гражданско-правовой режим информации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
4. Богданов В.М. Информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
5. Башаратьян М.К. Информация как объект права и содержание права на информацию // Современное право. – 2006. – № 12 и др.
6. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование обязательств по передаче информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1980.
7. Шевердяев С.Н. Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
8. Боташева Ф.Н. Коммерческая информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.
9. Павлова О.Г. Правовое регулирование коммерческой тайны как объекта гражданских правоотношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
10. Мелихов Е.И. Субъективные гражданские права обладателей конфиденциальной коммерческой информации и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2005.
11. Рак В.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере использования коммерческой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

12. Карташян А.Г. Коммерческая информация в гражданском праве России // Юрист. – 2006. – № 7 и др.

13. Зверева Е.А. Правовое регулирование информационного обеспечения предпринимательской деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

14. Огородов Д.В. К вопросу о правовой охране информации // Интеллектуальная собственность: современные проблемы: Проблемно-тематический сб. – М., 1998. – С. 81-89.

15. Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности ее гражданско-правовой защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.

16. Синайский В.И. Русское гражданское право. – Киев, 1917. – Вып. 1. Общая часть. Вещное право. Авторское право. – С. 68.

17. Закупень Т.В., Соболев С.Ю. Информация и ее правовое регулирование // Журнал российского права. – 2004. – январь (№ 1). – С. 14-27.

18. Ситдикова Л.Б. Информация, как нематериальное благо // Юрист. – 2007. – № 8.

19. Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда имущественным правам и материальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998. – С. 15.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ **(выпуск 2)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Подписано в печать 08.05.2008. Формат 84×60Х1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 20,7 Печ. л. 21,2 Заказ 051208

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (г. Новосибирск) с целью оказания помощи в опубликовании результатов научно-исследовательских работ профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов и магистрантов готовит к выходу сборники научных трудов «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ» (ВЫПУСК 3) по различным областям знаний:

1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории, методологии и истории социологии, экономической социологии и демографии, социальной структура, социальным институтам и процессам, социологии культуры и духовной жизни, социологии управления и др.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории и истории культуры, музееведению, консервации и реставрации историко-культурных объектов и др.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Принимаются материалы по отечественной истории, всеобщей истории, археологии, этнографии, этнологии и антропологии, историографии, источниковедению и методам исторического исследования, истории науки и техники, истории международных отношений и внешней политики, теории политики, методологии политической науки и др.

4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Принимаются материалы по общей педагогике, истории педагогики и образования, теории и методики обучения и воспитания, коррекционной педагогике, теории и методики дошкольного и профессионально-го образования и др.

5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Принимаются материалы по теории и истории права и государства, предпринимательскому, конституционному, муниципальному, частному, трудовому, гражданскому, административному, уголовному, международному праву, судебной власти и прокурорскому надзору, адвокатуры и организации правоохранительной деятельности и др.

6. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

Принимаются материалы по русской литературе, теории литературы и текстологии, фольклористике, журналистике, русскому, славянскому и языкам народов зарубежья, типологическому и сопоставительному языкознанию, классической филологии, прикладной лингвистике и др.

7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Принимаются материалы по социальной философии, этике, эстетике, религиоведению, философской антропологии, философии культуры, философии науки и техники, онтологии и теории познания и др.

8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

Принимаются материалы по экономической теории, экономике и управлению народным хозяйством, финансам, денежному обращению и кредиту, бухгалтерскому учету, статистике, математическим и инструментальным методам экономики, мировой экономике и др.

9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

Принимаются материалы по теории управления, менеджменту, маркетингу, ценообразованию, управлению инновациями и др.

10. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по агрономии, зоотехнии, лесному хозяйству, экономике в АПК и др.

11. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по машиностроению и машиноведению, обработке конструкционных материалов в машиностроении, энергетическому, металлургическому и химическому машиностроению, транспортному, горному и строительному машиностроению, авиационной и ракетно-космической технике, кораблестроению, электротехнике, приборостроению, метрологии и информационно-измерительным приборам и системам, радиотехнике и связи, инфор-

матике, вычислительной технике и управлению, энергетике, металлургии, химическим технологиям, транспорту, строительству, электронике и др.

12. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по радиобиологии, биофизике, молекулярной биологии, биохимии, ботанике, микробиологии, зоологии, физиологии, экологии, биотехнологии, почвоведению и др.

13. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по всем физическим и химическим наукам.

**ДАТА ОКОНЧАНИЯ ПРИЕМА ЗАЯВОК
НА РАЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ
В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ 30 ИЮНЯ 2008 г.**

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru,**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!